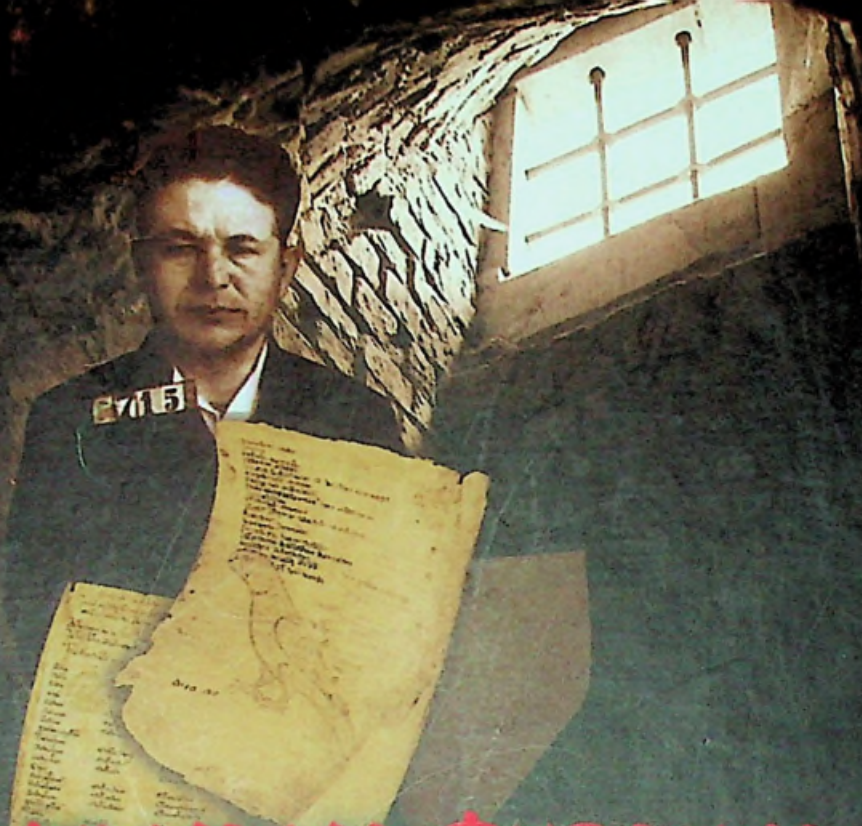

КЪЫЗЫЛ ФУРТУНА

Тимур ПУЛАТОВ

КРАСНЫЙ ШТОРМ

Тимур Пулатов

КЪЫЗЫЛ СЮРТУНА

ЧОБАН-ЗАДЕ:

Тухенин ёмлардан – ыйыгызларзба!

Акъмесджит
2021

ББК 84,4 (Крымтат)
A95

Тимур Пулатов

A95 Къызыл фуртуна – Красный шторм –

Симферополь: ООО «Форма», 2021. – 208 с.

ISBN 978-5-907263-92-5

ББК 84,4 (Крымтат)

Сабыкъ Советлер бирлиги ве ондан тыштаки кениш фезада белли олгъан озьбек ве русиели яызджы Тимур Пулатнынъ янъы эсери эки – рус (асыл) ве къырым (терджимеси) тиллерде дердж олунмакъта.

«Къызыл фуртуна», сталин режими тарафындан кечкен асыр отузынджы сенелерининъ орталарында тешкиль этильген ве залининъ эр бир ичтимаий гурухларыны джелъп эткен, эр бир улькелерине барып еткен кутълевий ве дешетли репрессиялар акъкъында икяе этмекте. Белли олгъаны киби, бу мисильсиз террорнынъ дарбесине пек чокъ зиялылар огърадылар. Хусусан, миллий «кадр»лар.

Биринджилер сырасында бу къанлы вакъиаларнынъ къурбаны бизим улу инсанымыз – буюк алим, шаир ве джемаат эрбабы Бекир Чобан-заде олды. Оны 1937 сенеси 27-январьда якъалагъан олсалар, секиз бучукъ ай Бакуда НКВД тюрьмесинде тутып, къыйнап, кене де шу йылы 12-октябрьде укюм чыкъарып, 13-октябрьде, бир сыра корюмли азербайджан эрбапларынен берабер къуршунгъа тиздилер.

Т.Пулатнынъ романы – Б. Чобан-заде омюрининъ сонъки, фаджиалы девيري акъкъындадыр.

Новое произведение широко известного не только на постсоветском пространстве, но и далеко за его пределами узбекского и российского писателя Тимура Пулатова публикуется на двух языках – русском (оргинал) и крымском (соответственно, перевод).

«Красный шторм» повествует о трагичных событиях середины тридцатых годов прошлого века, когда сталинским режимом СССР были развязаны страшные массовые репрессии против всех слоёв населения во всех регионах страны. Как известно, в жернова этих кровавых событий попало очень много научных и педагогических деятелей, работников культуры. Особенно это коснулось т. н. национальных кадров.

В числе первых жертв жестокого террора оказался выдающийся учёный-лингвист, классик крымской национальной литературы, поэт и общественный деятель Бекир Чобан-заде, арестованный 27 января 1937 года. Многомесячное содержание и пытки в Бакинской тюрьме НКВД завершилось 20-минутным судом «тройки» 12 октября и расстрелом на следующий день после вынесения приговора.

Роман Т. Пулатова – об этом последнем периоде жизни Б. Чобан-заде.

© Тимур Пулатов, 2021

© ООО «Форма», 2021

© Перевод: Всенра Сейдаметова

ISBN 978-5-907263-92-5

Къырым Герай, Вели Ибраим, Амди (Абдул-Афат) Герайбай, Сеит-Джелил Хаттат, Асан-Сабри Айвазов... Бу, такъдирлери фаджиалы – омюр ёлларыны къатиллер кестирген – тарихий къараманларымыз сырасынынъ тек башыдыр. Олар джумлесининъ яшайышы акъкъында китап язмакъ, фильм чыкъармакъ чокъ ляйкъытыр. Джедвельге кирген ве Шамиль Тохтар-Гъазыны анъгъан сатыр 1979 сенеси чевирильди мутемеш икяеге (Ш. Алядин, «Иблисинъ зияфетине давет»).

Беш йыл эвельси, мезкюр шан-шурет мартирологында къайд этильген, фаркълы девирли, бунынънен берабер, энъ парлакъ сымалардан олгъан Номан Челеби-Джихан, Муса Мамут да озъ инсаний эм де ватандашлыкъ буюкликлери иле корюмли ве озъгюн озъбек, русие, бундан сонъ исе эм къырым миллий языджысы Тимур Пулаткъа аджайип эсерлер яратмасына ильхам багъышладылар («Олюмге «Ёкъ!», деп айт», «Бир авдетнинъ тарихы»).

Кечен сененинъ сонъунда Тимур ака бу сырадан даа бир гъает дегерли бизим шахыс – улу алим, шаир, джемаат эрбабы Бекир Чобан-заде омюрининъ сонъки девирини, весикъалы эсасындан чокъ айрылмагъан алда, бедий ифадесини такъдим этти. Заманнынъ къызыл-къанлы тарласында къан-къызыл урлукъ сачкъан къызыл къатиллер нелер чала биле, дерсиз? Къызыл фуртунаны, эбет. О, къутурып, башта ирфан-илери инсанларны, сонъра къызыл «уфюртиджилернинъ» озълерини силип кетеджек...

Къырым Герай, Вели Ибраим, Амди (Абдул-Афат) Герайбай, Сеит-Джелил Хаттат, Асан-Сабри Айвазов... Это первые ряды наших трагической судьбы исторических героев, чей путь был прерван палачами. О жизни каждого из них – без дани пафосной ремарке – надо бы написать книгу, снять фильм. Строка с упоминанием также входящего в данный список Шамиля Тохтар-Гъазы в 1979 году трансформирована в великолепную повесть (Ш. Алядин, «Приглашение на пир к дьяволу»).

Признаваемые в этом мартирологе славы как одни из самых ярких действующих лиц разных эпох, Номан Челеби-Джихан и Муса Мамут, пять лет назад вдохновили виднейшего и оригинального узбекского и российского писателя, которого после этого можно называть и крымским национальным, Тимура Пулатова на создание потрясающих произведений («Скажи смерти: Нет!», «История одного возвращения»).

В конце прошлого года Тимур ака, не отдаляясь от документальной фабулы реставрируемых им событий, представил художественную интерпретацию последнего периода жизни ещё одной чрезвычайно достойной личности – выдающегося учёного, поэта, общественного деятеля Бекира Чобан-заде. Что ещё могли пожинать красные палачи, сеющие красно-кровавые семена на кроваво-красном поле эпохи? Конечно, красную бурю. Бешено взыгравшись, она сметёт сначала цвет нации, а затем и самих красных «сеятелей»...

Бекир Мамут.

Содержание

Къызыл фуртуна

Биринджи кысым	5
Экинджи кысым	29
Учюнджи кысым	59
Икяенинъ сонъу	101

Красный шторм

Часть первая	109
Часть вторая	132
Часть третья	160
Финал истории	201

*Къырымтатар миллий арекетининъ ветераны
Фазыл Аметовнынъ хатырасына*

Биринджи къысым

(Бекир Чобан-заденинъ элягындан сонъ Баку тюрьмесининъ незаретчиси Мемед Айлисли тесадуфен тапкъан онынъ васиетнамеси. «Меним языларым ич бир шей косътермесе де, къырылгъан, чайпалгъан, бельки бугунъ-ярын олюп, ёкъ болуп кетеджек къырымтатарны, онынъ минлерини, дуйгууларыны бек яхшы косътере; бир кунъ келип, тарих Къырымман огърашса, къырымтатар къырымтатарны къыдырса, меним языларым ортагъа чыкъар. Эгер булай ол-маса да, зарары ёкъ. Къырымтатарнынъ бу къадар байрагъы, шаны, топрагъы гъайып болды; барсын, меним де бир къач юкъусыз геджем, думанлы, кедерли кунюм джойтулсын... Магъа бу сатырларны язгъандаки леззет, онъгъанлыкъ джетишир. Татар тили, ич кимсе айтмаса да, кене буюк, кене озъгюн... чюн-ки онда меним джигит халкъымнынъ бинълердже джыллыкъ къайгъылары, къайгъылы джигит сеси бар».)

I

Хабиб Гулям-заде Бухорий шанлы Баку шеэрини зияретнен кетерек, тынчыкъ, къандалай толу трен ичинде, копчеклернинъ тасырдысы ве гъыйчылдысыны динълеп, еди кунъ еди гедже кечирди. Янъы Бухаранынъ сазлы, тузлакъ топракълы Кагъан станциясында башлангъан ёл Ташкентке алып бара, анда исе Москва тренине отурмакъ керек эди. Трен отуз километрлик ёлны кечип, «Ермай къуллеси» деген чатмаёлгъа баргъанда, бухаралы, эвден узакълашкъаныны дуйып, енгилликнен нефес кечирди. Эр бир сеятчы киби, йигирми дёрт яшлы, уютлр иле толу деликъанлы онынъ гонъюни сыкъкъан дургъун аятындан узюлип, сербестликке чыкъкъанына къувана эди.

Лякин сербестлик энъ-эвеля озюни иштаасы ачылгъанынен анъдырды. Трен, «Ермай къуллеси»нде бир дакъкъагъа токътагъан ве, этрафкъа къара тю-тюн чыкъарып, кене тасырдамагъа девам эткенинен Хабиб, четтеки ятакъкъа онъайтлыджа ерлешти. О, анасы Марьям-бонунынъ чебер эллерни тандырда пи-ширген къабакълы самсаларнынъ дадыны бакъмагъа ниетленди.

Чантасындан ёлда ашайджакъларыны чыкъарыркен, эвнинъ къынтавлы, къорчалагъан руху джанланды. Бу эвде, ерли институтта къырымлы профессор Бекир Чобан-заде ёлбашчылыкъ япкъан «Земаневий тильшынаслыкъ» кафе-драсынынъ кучюк хадими, сонъки учъ йыл диссертация язмакънен огърашты.

Чобан-заде, башкъа студентлер имтиан бергенде баягъы зорлангъан тюрк

тильшынаслыгы кибі муреккеп фен боюнджа лекцияларда тирнекли, дерске авесликнен кьатнагъан Хабиб Бухорийни козге алды. Бакугъа кьайтмаздан эвель Хабибни диссертация язмагъа исрар этти, узакътан олса да, бухаралыгъа керек олгъанда ярдым косътереджегини айтты, эм де Каспий ялысында мусафир этеджегини бильдирди.

Чобан-заде иле оладжакъ корюшювден эеджанланып, Хабиб онынъ иле ведалашкъан июнь айынынъ бир акъшамыны хатырлады. Бекир Ваап огълу, Хабибнинъ бабасы Акърам Санд огълунынъ талабы иле «Суфиен» мааллесиндеки эвлеринде мусафир олгъан эди. Бабасы бильгиге авес огълу кимнинъ кьолуна тюшкени, оны Бакугъа давет этмеге ваде берген инсан не дереджеде ишанчлы олгъаныны бильмек истеди.

Чобан-заде, башы тѣлесинде пишкен, салкъымлары бираз бурюшкен, сараяткъан япракъларында исе чевик торгъайчыкълар бир шейлер кьыдыргъан азбардаки юзюм астындаки тѣшемеде онъайтлы ерлешкенинен, бабасы мусафирнинъ ачыкъ, садедиль бетине илишчик назар атып, мусафирченлик адетине рагъмен, субет башламакъны озь бойнуна алды.

– Офарин!¹... йигирми еди яшында олсанъыз да, энди профессор! Браво! Меним якъын достум – Бурхан Бурханович, Файзулла Ходжаевнинъ² исрарлыгъынен, Къызыл профессорлар институты³ ачылгъан йылы Москвагъа ёлланылгъан эди... Эки кере комиссиядан кечмеді... кері кьайтмагъа истемейип, Москвада учь йыл копек суварды. Гизли чалышкъан кьуюмджынынъ тул кьадынында кирада отурды... Ахыр-сонъу кирмеге наиль олды, фельсѣфе болюгинде тасиль алды... ве кьызыл диплом алып, кьабара-кибирлене кьайтты – нефакъагъа тамам чыкъаджакъ йылы... Шимди исе бизим кьызыл профессор, догъру-яландан сакъынмайып, кьадылыкъкъа киреджек ола... Эм кярлы, эм шанлы!

Чобан-заде оны незакетли тебессюм иле динълей... Хабиб оджасына тикленип бакъа, онъа мусафирликте онъайтлы экенми, деп тюшюне эди. Лякин Чобан-заденинъ даима муляйим, ачыкъ, чайлыкъ кьыгъылчымылары иле йылтырагъан ве меракънен дюньягъа бакъкъан козьлери сийрек денъише, умумен торс я да шашкъын олмай тургъан. Не окъув аудиториясында студентлер иле олып кечкен эеджанлы субетлер вакътында, не эски шеэрнинъ азиз ерлерини зиярет эткенде, не де мында, мусафир шерѣфине кьазанда пиляв пишкен ашханенинъ тютюнинден эвельки джанлы парылдысыны джойгъан оймалы кьапу-пенджерелери олгъан эскирген эвнинъ таныш олмагъан шарантинде.

¹ Офс, чин! (озьб.) – аферин, эшк олсун.

² Файзулла Ходжаев (1896 – 1938 сс.) – Бухара халкъ джумхуриети укюметининъ биринджи реиси. Троцкизм, пантюркчилик, четъль девлетлер файдасына джасуслыкъта кьабаатланып, 1938 сенеси март айында атып ольдюрильди.

³ Къызыл профессорлар институты (Москва 1921 с.) мевкурѣджилер, алий окъув юртларда ичтимай ишлер оджалары, кьадылар, савдѣжылар, газет муаррирлерини азырлагъан алий окъув юрту.

Чобан-заде, мусафирине джан сыкъыджы ве джаиль олгъаныны косътерме-ге истемеген эв сабысынынъ девамлы, эпкин муалязаларыны сес чыкъармай, муляйим тебессюм иле динълей эди. Субет далгъасына даа минмеген Чобан-задени Хабиб къуртармагъа тырышты ве бабасыны тынчландырмагъа башлады.

– Бекир Ваапович шаматлы аудиториялардан узакъча, къоранта даиресинде раатланмагъа кельди, – деди.

Акрам Саидович огълуна пиалаларгъа чай тѣкмекни ишмар иле буюрды ве мусафирге татлылыкълар иле табакъны якъынджа итеди. Лякин кене эвельки гъайретнен девам этти:

– Айтсангъыз, Бекир Ваапович... эр шей шунгъа кете ки, ойле олмазмы, заман бизден кутълеге тасиль бермек ичюн сиз киби классик профессорларны дегиль де, Бурхан Бурханович киби атешин къызыл профессорларны талап этер?! Шимди къызыллар оларны къады, тахкъикъатчы хызметине, фиркъа реберлерининъ ве халкъ комиссариатларнынъ меслеатчылары, университет оджалары вазифесине зияде джелъп этелер...

Чайдан бир ютум япып, эпкинлик иле девам этти:

– Бизим тарихымызда энди ойле вакъиа олгъан эди де... бутюн эски профессорларны геми магъазына къапап, къайтмагъа акъ бермейип, мемлекеттен ёлладылар!...

Хабиб субет мевзусындан къанаатленмейип, турмагъа азырлангъаныны корип, бабасы огълунынъ омузына къолуны икътидар¹ (властно) иле къойды.

– Меним суалим бефтаннан дегиль... лаф екяне варисим, несилиминъ девамджысы олгъан огълумнынъ такъдири акъкъында кете... Ойле олмазмы, сизинъ гъайретингъиз ве ярдымынгъыз саесинде... Хабиб, ойле дейик, сиз, сайгъылы оджам, такъдим эткен эски мектепнинъ доцент я да профессор унванынынъ саиби олгъан сонъ... нетиджеде тешик гемиге отурмазмы?! Ойле сойларыны Каспий ялысына, Дербентке баргъанымда сайысыз коръдим. Сизинъ ватанынгъыз Кырымда бу энди башланды, гъалиба... чакъувлар, ифтиралар, къызыл ве, дейик – акъ профессура арасында джыллы ер ичюн куреш? Бу себептен дегильми, сиз даима бизим тозлу ёлларымызда – Ташкенттен Ферганагъа, Самаркъандгъа, андан бизге, Бухарагъа, мындан – Бакугъа... эм талгъын башынгъызны таяндырмагъа ер ёкъ?!

Хабиб исе пешингъизден юре, сиз бир йыл, чокъсу бир бучукъ йыл чалышмагъа етиштирген бир институтны дигерине деньиштире...

Чобан-заде чайдан бир ютум япып, Хабибге тааджипнен бакъты: онынъ Кырымдан кетмеге меджбур эткен себепни бабасына о ачкъан дегильми экен? Лякин Хабиб кескинликнен тиль къайтаргъаныны эшитти:

¹«Фельсеевий», деп белли олгъан геми акъкъында лаф кете. В. Лениннинъ эмири иле 1922 с. 22-сентябрьде чар зиялыларыны онъа миндирип, четэльге чыкъардылар.

²икътидар – властно

– Егер энди, баба... Бекир Вааповични мусафирликке соғъру япмакъ ичюн давет этмедик де!

Чобан-заде эвлерине кельмезден бир кунъ эвель Акрам Саидович ерли ГПУны зиярет эткени ве анда онъа мусафирге бериледжек суаллерни теклиф эткенлери, онынъ тюбю-темелини араштырмагъа тевсие бергенлерини Хабибнинъ акъылы уджуна биле кельмеген эди. Акъикъатта исе, Чобан-заде Озбекистангъа кельген биринджи кунюнден ГПУ онынъ эр бир адымыны козете, ерли студентлер ве оджалардан къырымлы акъкъында малюмат топлай экен.

– Тынчлан, огълум... урьметли мусафир огюнде озюньни дегерли тут, – опыкеледи Хабибни бабасы ве девам этти:

– Баба оларакъ меним табиний истегим – огълумны омюрде муваффақ¹ (успешный), урьметли инсан олгъаныны корьмек... велякин сизинъ сасенъизде чалышкъан диссертациянынъ мевзусы биле шимдики заманда шубели корюне: Абдулла Къадыри²... озбек эдебий тилининъ янъылыкъчысы... гъалиба, ойле, мен догъру анълагъан олсам?!

Мусафир адетине уйып, Чобан-заде эв саибининъ тѣкюмелерини сабырнен динълеп, баш саллай, кимерде ишмарнен шубесини косътере эди. Ялынъыз Хабиб чалышкъан мевзу анъылгъанда, Чобан-заде эппейи муляйим тебессюми иле ачыкълады:

– Не акъкъында язмакъны Хабиб озю сайлап алды... манъа, кафедра башына, бу мевзу меракълы корюнди... чюнки янъы заманлар эр шейде янъылыкъ ярата, шу джумледен озбек эдебий тилинде... бунда ич бир тюрюлю сиясет ъкъ... тиль – янъы ве эскининъ куреш мейданы дегиль... арап уруфатындан латин элифбесине кечюв исе – эписи тюрк халкълары сайлагъан ъл...

... Гонълюнде адджы из къалдыргъан Хабиб Бухорийнинъ хатырлавларыны проводникнинъ кескин сеси больди:

– Тѣшек... Тѣшек ичюн ким тѣлемеди?!

Проводник иле эсаплашкъан сонъ, Хабиб сувсагъаныны дуйып, треннинъ ресторан-вагонынадже нарзан шишеси арап барды.

Ресторан аман-аман бош эди. Тек бир софра башында къаба сакъаллы, кенъ кевдели инсан, къая парчасы киби, отура. О, къарандашнен гуръ къашларыны тюшюнджели къашып, тосат-тосат дудакъларыны кыбырдата, огюнде яткъан къагъытларны зорнен анълагъан киби, окъуй эди.

Официантка, шишенинъ къапачыгъыны чевикликнен ачып, Хабибнинъ огюне къойды. Нарзан фышылдап, бурнуна кескин къокъу урды. Хабиб турды ве шишени озюнен вагонына алып кетеджек олды, амма официантка серт сеснен:

– Ресторандан бирде-бир шей алып чыкъмакъ ясакътыр! – деди.

¹ муваффақъ – успешный

²Земаневий озбек несир эдебиятынынъ эсасчысы. Миллетчиликте къабаатлангъан, 1938 с. идам этильди.

Онынъ сеси пенджере янында отургъан еяне зияретчининъ дикъкъатыны джелъп этти. Кягъыт япрагъыны дестеге тырачлыкънен къайтарып къойып, сагъыр сес иле:

– Янъы къаидеми..? Не къадар юрем – ильк дефа... – ве кетейткъан Хабибге сынайыджы назарнен бакъты, санки эвель оны расткетиргенини бильдирмек истеди.

Онынъ сувукъ бакъышы Хабибни сескендирди. Вагондан чыкъкъанда не ичюнди артка чевирилип бакъты: таныш олмагъан инсан кягъытларны тырачлыкънен чантасына топлагъан сонъ, агъыр-агъыр басып, треннинъ башкъа тарафына догърулды.

Озь вагонына къайткъан сонъ Хабиб юкъары ятакъкъа чевирикленен тырмашты, джемиданыны чекип, ичинден Чобан-заденинъ къыймет кесмесине алып кеткен эльязманы – Абдулла Къадырининъ иджады акъкъында диссертациясыны чыкъарды. Язгъаныны аман-аман эзберден бильсе де, сатырларны козьден кечирип, хатырасыны тазертмек истеди, оджасы сатырларны илишчик бакъышынен окъугъаныны козь огюне кетирди.

Бутюн вакъыт Чобан-заденинъ сымасы онынъ огюнде джанлана, узакъ ёлга чыкъкъан Хабиб бабасынынъ эвини Чобан-заденинъ кабинети иле хаялий йипнен багълай эди. О, профессорны, омузларына памукъ халатыны атып, къолтукъта къынтавлы ерлешип, онынъ ишини саифелегенини тосат-тосат козь огюне кетире тургъан.

Чобан-заде Бакугъа кетмезден оларнынъ эвлеринде мусафир олгъанындан энди аман-аман эки йыл кечти, амма Хабиб тренге отургъанынен шу ведалашув акъшамынынъ сёзлери, ишмарлары биле хатырасына тюшип, бутюн ёл оны ратсызлады. Бабасы – Акрам Саидович ве оджасы Бекир Чобан-заде... ташкъын бу вакъытнынъ далгъасы оларны тап ашагъыдан, факъырлар табакъасындан юкъары котерди... Бабасы, замангъа уйып, озь ыргъат кечмишинден файдаланды ве Наркомпрос – фукъарелернинъ халкъ маарифи саасында баягъы мувафакъиетлерге иришти. Бельки де, шу себептен озюни къызыл профессорлар сырасына къошкъаны ичюн о, мусафир иле ойле эпкинликнен, бироз кибириленип лаф эте, классик шекильде, эскиджесине чалышкъан профессор илимде япкъанларыны шубе астына къоя эди.

Акрам Бухори ве Бекир Чобан-заде... Бирин, чыкъкъан – къулулукъ япкъан ыргъат табакъасыны огге сюрип, янъы заманларда озю ве къорантасы ичюн янъы имтиязларны талап эте... оджасы исе – эфенди, о да авам халкъ арасындан олып, озюни Чобан-заде, яни, чобан неслинден, деп адландырса да, джемиетнинъ энъ ашагъы басамагъында тургъан, къувулгъан инсанларгъа буюк урьмет беслей, санки яшлыгъында озюне ваде берген: эр заман ве эр адымында озь имкянлары ве бильгисине эсасланып, арекет этмек, огге ынтылмакъ...

Бу фикир Хабибнинъ акъылына та о заман, Чобан-заде ведалашып, Бакуда корюшкендже дегендай, къолуны саллагъан куню кельди...

Бабасынен музакере эткенде Хабиб «ыргъат», «кѳул» сѳзлерининѳ манасыны башкъаджа тариф эте, оларны тамам Чобан-заде киби анѳлай эди. Шу себептен институтнынѳ чокънухалы «Кѳызыл укѳувчи» газетине язгъан илкѳ макъалесини, оджасынынѳ джазибеси астында булунып, «Хабиб Гулям-заде», деп им-залагъан ве илериде де озѳ ишлерини бу янѳы ад иле имзаламагъа кѳяраргъа кельген эди.

Хабиб ичюн бу зека оюны дегиль де, садѳкълыкѳ анты киби, оджасынен маневий алякъа эди – бундан сонѳ генч онѳа бутюн омѳюрини багъышлайджакѳ олды.

Институт газетиндеки макъале Чобан-заденинѳ ерли газетте басылгъан ве студентлер эм оджалар арасында чокъ музакерелерге себеп олгъан «Озѳбек эдебий тилининѳ учѳ эсас инкишаф ѳлу»¹ деген макъалесине сесленѳв эди. Даа муими ве меракълысы шу эди ки, Чобан-заденинѳ ишине сесленген ве топлашувларда эм де неширлерде семерели музакерелерге киришкен белли озѳбек язѳджылары – Чулпан, Абдулла Къадыри, Вадуд Махмуд, Фитратнынѳ² дикъкъатыны джелѳп эткен эди.

Ялынѳыз онынѳ сюйрю къалеми³ дегиль де, Чобан-заденинѳ айдын, озѳгюн шахсиети студентлерни онѳа джелѳп эте ве хатырлары ондан бир даа узѳльмей эди.

Аудиториянынѳ босагъасында профессор дакъкъасы дакъкъасына пейда ола тургъан. Селямлашкъан сонѳ лафыны шакъадан башлай, меселя: бойле кунешли куню негедир яныма шемсие алгъаным, потиклернинѳ устѳнден исе калош кийип кельдим, деп, эсасен озю устѳнден куле эди... Эм де, озѳуне юз кере башкъа тютюн ичмемек ваде берген инсан киби, терен кокѳус кечирип, «Казбек» папиросларнынѳ кѳутусыны ача тургъан... Эвельден азырлангъан конспектлер ве я китапларгъа бакъмайып, хатырадан тюрк тиллерининѳ фонетикасындан муреккеп меселелерни саде ве анѳлайышлы тариф эте, минсиз бильген бир сыра тюрк тиллеринден суаллерге джеваплар тапа эди. Эдебияттан чокъ мисаллер кетире, Алишер Навоийни, Низамини ильхам иле, сесине макъам берип, окѳуй, бунен берабер, орта асыр шаирлернинѳ иджады сырларыны огрентени акъкъында икѳе эте тургъан.

Бу вакъытта аудитория ондан козѳлерини алмай, бакъа ве эр сѳзѳни дикъкъатнен динѳлей эди. Эписи субет иле ойле авеслене тургъанлар ки, окѳувгъа айырылгъан вакъыт кечкенини сезмей къала, озѳ дерсине кельген неветтеки оджа исе къапу артында сабырсызлыкѳнен окѳуре, къакъып тура эди.

Озѳуне келип, Чобан-заде сагълыкѳлаша, сабырсыз оджагъа теменна этип, афѳ сораѳ тургъан.

¹ 1929 с. 22-майыстаки «Кизил Узбекистон» газети.

² Инкъяпттан сонѳ «ренессанс» заманынынѳ шаирлери ве язѳджылары.

³ Къалем -- ислям дининде Алла берген къабилиет сайылып.

– Иште, – айта тургъан студентлер, – энциклопедик бильги саиб олып, къо-нушувда озюни саде, шень тутмакъ, озьгюн къырым истиза¹ иле шакъа этмек, аятсевер олмакъ мумкюн экен... Озь фикир олмагъаны киби, экиде бир Ленин, Сталинни, бир сыра пролетар даийлерини сёзлерини текрарлап отургъан къызыл профессорлар сырасындан базы оджаларымыз киби дегиль.

Шимди исе, Чобан-заденинъ Бухарадан кеткенининъ эки йыл кечкенине бакъмадан, онынъ сымасы копчеклернинъ тыкъырдысы ве вагоннынъ тюзгюн салланмасы алтында джанлана эди. Не шамата, не янаша ятакълардаки къомшуларнынъ сеслери Хабибни Бакуда оладжакъ къуванчлы корюшювден чекип олды.

Рязанъге барып етмезден бир кичкене чатмаёл станциясында трен апансыздан чана къойды² (тормозить). Къаршысына кельген паровознынъ девамлы дюдоги янгъырады, артындан исе, вагон пенджереси янындан чапып кечкенде, мундирининъ бель къайышыны чезген милисини кескин сызгыравукънынъ давушы эшитилди...

– Гъалиба, вагондан джемиданны хырсызладылар... бедава айтмагъанлар: Рязанъге якъылаштынъмы, торбанъны тутмасанъ, анъкъавсынъ, – тахмин этти ашагъы ерде отургъан ёлджу ве сийрек тишлери арасындан не ичюндир сызгырды...

Бир кереден о къадар чешит-чешит давушлар къарышмасы насылдыр теляшлы нагъмеге ошап, Хабибнинъ къулагъына кирип, чардаш авасынынъ шеньлик толугъа, чая сесини анъдыртты... бундан Чобан-заденинъ Ташкент университе-тинде чалышкъан йылы тегеректе ойнагъан оюнлары акъкъында хатырлавыны уянтты. Озбек ве европа оюнлары тегереги... Профессорнынъ озю, вакъыт не къадар сыкълет олса да, тегеректеки мешгулиетлерге кельмеге илле чаре тапа тургъан. Башта сакъынып ве анталджа³, амма кельген сайын озюнде эминлик сезерек, оджа огюнде эр бир антал арекети ичюн сыкъылып къалгъан студент къызларнен оюн тешмеге башлады. Андижан полькасындан, фергана фокстротындан яваш-яваш украин гопагына ве маджар чардашына кече тургъанлар... Ойнагъан чифтлер къырым «Тым-тым»ы янгъырагъанда буюк гъайрет косьтере эдилер... ялдамалы⁴ ве хафиф⁵, сувгъа тиер-тимез сюзген акъкъу киби, къызларнынъ къоллар арекетлери...

Оюн залында тизилип, къызлар профессордан козь алмай, оларны не заман не-вбеттеки оюнга давет этеджегини беклеп тура эдилер. Сечильген сою кавалери-не буюк къуванчнен элини узата, оюн нагъмесине уймагъа тырыша тургъан...

Бу хатырлавлар Хабибни апансыздан башкъа бир фикирге алып кельдилер... студент яшайышындан къалгъан хатырлавларны мытлакъа мемуар шекилинде язып къалдырмакъ керек. Чюнки Чобан-заденинъ сымасы, онынъ Къырымдаки достлары ичюн узакъ месафе себебинден бельгисизлик къаранлыгъында олып

¹ Истиза - ирония

² Чана къойды - тормозить

³ Анталджа - неуклюжий

⁴ Ялдамалы - плавный

⁵ Хафиф - воздушный.

Бабасынен музакере эткенде Хабиб «ыргъат», «кбул» сёзлерининь манасыны башкъаджа тариф эте, оларны тамам Чобан-заде киби анълай эди. Шу себептен институтнынъ чокънусхалы «Къызыл укъувчи» газетине язгъан ильк макъалесини, оджасынынъ джазибеси астында булунып, «Хабиб Гулям-заде», деп имзалагъан ве илериде де озь ишлерини бу янъы ад иле имзаламагъа къараргъа кельген эди.

Хабиб ичюн бу зека оюны дегиль де, садъкълыкъ анты киби, оджасынен маневий алякъа эди – бундан сонъ генч онъа бутюн омюрини багъышлайджакъ олды.

Институт газетиндеки макъале Чобан-заденинъ ерли газетте басылгъан ве студентлер эм оджалар арасында чокъ музакерелерге себеп олгъан «Озбек эдебий тилининъ учъ эсас инкишаф ёлу»¹ деген макъалесине сесленюв эди. Даа муими ве меракълысы шу эди ки, Чобан-заденинъ ишине сесленген ве топлашувларда эм де неширлерде семерели музакерелерге киришкен белли озбек язиджылары – Чулпан, Абдулла Къадыри, Вадуд Махмуд, Фитратнынъ² дикъкъатыны джелъп эткен эди.

Ялынъыз онынъ суйрю къалеми³ дегиль де, Чобан-заденинъ айдын, озъгюн шахсиети студентлерни онъа джелъп эте ве хатырлары ондан бир даа узюльмей эди.

Аудиториянынъ босагъасында профессор дакъкъасы дакъкъасына пейда ола тургъан. Селямлашкъан сонъ лафыны шакъадан башлай, меселя: бойле кунешли куню негедир яныма шемсие алгъаным, потиклернинъ устюнден исе калош кийип кельдим, деп, эсасен озю устюнден куле эди... Эм де, озюне юз кере башкъа тютюн ичмемек ваде берген инсан киби, терен кокюс кечирип, «Казбек» папиросларнынъ къутусыны ача тургъан... Эвельден азырлангъан конспектлер ве я китапларгъа бакъмайып, хатырадан тюрк тиллерининъ фонетикасындан муреккеп меселелерни саде ве анълайышлы тариф эте, минсиз бильген бир сыра тюрк тиллеринден суаллерге джеваплар тапа эди. Эдебияттан чокъ мисаллер кетире, Алишер Навоийни, Низамини ильхам иле, сесине макъам берип, окъуй, бунен берабер, орта асыр шаирлернинъ иджады сырларыны огренгени акъкъында икхе эте тургъан.

Бу вакъытта аудитория ондан козьлерини алмай, бакъа ве эр сёзюни дикъкъатнен динълей эди. Эписи субет иле ойле авеслене тургъанлар ки, окъувгъа айырылгъан вакъыт кечкенини сезмей къала, озь дерсине кельген небеттеки оджа исе къапу артында сабырсызлыкънен оксюре, къакъып тура эди.

Озюне келип, Чобан-заде сагълыкълаша, сабырсыз оджагъа теменна этип, афу сорай тургъан.

¹ 1929 с. 22-майыстаки «Кизил Узбекистон» газети.

² Инкъляпттан сонъ «ренессанс» заманынынъ шаирлери ве язиджылары.

³ Къалем – ислям дининде Алла берген къабилиет сайылыр.

– Иште, – айта тургъан студентлер, – энциклопедик билыги саиби олып, къо-нушувда озюни саде, шень тутмакъ, озьгюн къырым истиза¹ иле шакъа этмек, аятсевер олмакъ мумкюн экен... Озь фикири олмагъаны киби, экиде бир Ленин, Сталинни, бир сыра пролетар даийлернинъ сёзлерини текрарлап отургъан къызыл профессорлар сырасындан базы оджаларымыз киби дегиль.

Шимди исе, Чобан-заденинъ Бухарадан кеткенининъ эки йыл кечкенине бакъмадан, онынъ сымасы копчеклернинъ тыктырдысы ве вагоннынъ тюзгюн салланмасы алтында джанлана эди. Не шамата, не янаша ятакълардаки къомшуларнынъ сеслери Хабибни Бакуда оладжакъ къуванчлы корюшювден чекип олды.

Рязаньге барып етмезден бир кичкене чатмаёл станциясында трен апансыздан чана къойды² (тормозить). Къаршысына кельген паровознынъ девамлы дюдоги янгъырады, артындан исе, вагон пенджереси янындан чапып кечкенде, мундирининъ бель къайышыны чезген милисининъ кескин сызгыравукънынъ давушы эшитильди...

– Гъалиба, вагондан джеמידанны хырсызладылар... бедава айтмагъанлар: Рязаньге якъынлаштынымы, торбангны тутмасанъ, анъкъавсынъ, – тахмин этти ашагъы ерде отургъан ёлджу ве сийрек тишлери арасындан не ичюндир сызгырды...

Бир кереден о къадар чешит-чешит давушлар къарышмасы насылдыр теляшлы нагъмеге ошап, Хабибнинъ къулагъына кирип, чардаш авасынынъ шеньлик толугъа, чая сесини анъдыртты... бундан Чобан-заденинъ Ташкент университе-тинде чалышкъан йылы тегеректе ойнагъан оюнлары акъкъында хатырлавыны уянтты. Озьбек ве европа оюнлары тегереги... Профессорнынъ озю, вакъыт не къадар сыкълет олса да, тегеректеки мешгулиетлерге кельмеге илле чаре тапа тургъан. Башта сакъынып ве анталджа³, амма кельген сайын озюнде эминлик сезерек, оджа огюнде эр бир антал арекети ичюн сыкълылып къалгъан студент къызларнен оюн тешмеге башлады. Андижан полькасындан, фергъана фокстротындан яваш-яваш украин гопагына ве маджар чардашына кече тургъанлар... Ойнагъан чифтлер къырым «Тым-тым» янгъырагъанда буюк гъайрет косьтере эдилер... ялдамалы⁴ ве хафиф⁵, сувгъа тиер-тимез сюзген акъкъу киби, къызларнынъ къоллар арекетлери...

Оюн залында тизилип, къызлар профессордан козь алмай, оларны не заман не-вбеттеки оюнгъа давет этеджегини беклеп тура эдилер. Сечильген сою кавалери-не буюк къуванчнен элини узата, оюн нагъмесине уймагъа тырыша тургъан...

Бу хатырлавлар Хабибни апансыздан башкъа бир фикирге алып кельдилер... студент яшайышындан къалгъан хатырлавларны мытлакъа мемуар шекилинде язып къалдырмакъ керек. Чюнки Чобан-заденинъ сымасы, онынъ Къырымдаки достлары ичюн узакъ месафе себебинден бельгисизлик къаранлыгъында олып

¹ Истиза - ирония

² Чана къойды - тормозить

³ Анталджа - неуклюжий

⁴ Ялдамалы - плавный

⁵ Хафиф - воздушный.

да, Ташкентте, Ферганада, Бухарадаки яшайшы ве фаалиети оларгъа эмиш-демишлер, фитне ве ифтиралардан белли олмасын да, булардан мытлакъа билинсин.

Къырымдаки семетдешлеринне опыке киби олсун, чюнки оларнынъ нахош ынтылувларына бола Чобан-заде къувулгъан, сюрдюкли олды. Яман ниетли инсанларнынъ акъылы онынъ деа икметине, бильгисине, хаялына иришип оламады. Озь адий яшайшынен яшагъан семетдешлерининъ акъылындан устюн бир инсан эди.

«Озь Ватанында пейгъамбер олмаз» – бойле янгъыравукъ беянатнен Хабиб профессорнынъ фаалиети акъкъында языларыны битирмек ниетленди. Имзасы: Хабиб Гулям-заде...

«Оджам шимди насыл экен?», тюшюнди Хабиб, пенджеренде вагоннынъ таванына тюшкен, де корюнип, де гъайып олгъан ярыкъ шавлелерине бакъаракъ.

Бакугъа ильк баргъанда, о профессорны гъает болдургъан, къасеветли ве арыкълагъан алда корьген эди. Оны Тифлис вокзалында къаршылагъан Чобан-заденинъ аспиранты Сайид Али Ходжаев шенъ олмагъа тырышып:

– Эмирлерининъ алтын толалары иле джемиданынъны мангъа ишанырсынъмы? – деп шакъа этсе де, Чобан-заденинъ сагълыгъы акъкъында суальге, къыска джевап берди:

– Оджам дарбеге къаршы къатты тура!

Абу Сайид – Бухара форсасы Европа мотына коре кийинген эди – немсе бичимли елеги астында безъ герданлыкъ, оны эр бир айткъан сёзюнден сонъ тегишлей ве дёгмелерини тюзете тургъан; башындаки къырым къалпагъы бунъа кесен-кес тик келе эди.

– Кимнинъ дарбесине? Зенаатдашларынынъ?

– Газетлердеки адий тешвикъат сачмалары... къызыл профессура, чаресини тапса, къылыфындан атылып чыкъаджакъ... бизим профессор пантюркчи эмиш, тильшынаслыкъта янъы акъынтыларгъа къаршы чыкъа... академик Маррны къабул этмей – девам этти озь, шенъ тильбаз эдасыны ташламагъан Ходжаев.

Озь вакъытында Туркистаннынъ Берлиндеки эмигрант шаирлери тегерегинде олгъанлар сырасындан чыккып, Ходжаев олар киби, озь мийини алимнинъ истикъбалине кедер этеджек ич бир джиддий шейге къулакъ асмагъан бир киши эди.

Хабибнен бир яшта олып, Европа, Шаркъ, Къадимий Юнанистан ве Романынъ эписи эдебий жанрларыны къызгъанчнен синъдирип алгъан ве бу бильгилер онгъа Чобан-заде ёлбашчылыкъ япкъан Бакудаки институтнынъ кафедра-сында бошагъан ерни илянсыз ярышта эльде этмекте ярдымджи олгъан эди. Бундан сонъ, Хабибнен самимий мусабакъада енъип, Баку кунеши астындаки ерни алды ве Каспийнинъ ялысында даимий яшай эди.

– Не устюнден козьлерининъ кёрлатасынъ, шанслы ракъип? – Хабиб къармакънен отургъан балыкъчылар толу ялыгъа козь ташлады.

Абу Сайид башындан къалпакъны чыкъарып, энъсесини къашыды:

– Э-э, енгиль иш дегиль, – девамлы кокюс кечирди ве эгилип, къалдырым-нынъ таш толачыкъларыны такъылдатты. – Мелеклер ядымджы олсун... гедже-кунъдюз Махмуд Къашгъарлынынъ «Дивон-и лугъат-и ат-тюрк» эсерининъ азербайджан тилине терджимеси устюнден чалышам... Чобан-заде терджи-меме тевсир язаджакъ олды, бунъа къуванам... Иншалла, кузге екюнлерим... Кафедрада имтианым мувафакъиетли кечсе, бошагъан доцент ерини манъа бер-реджеклер... Иште, бойле... Бильмейим, бильмейим, бир шейлер айтмагъа даа эрте, – ве, яры сёзни болип, янларындан кечкен къызгъа къолуны саллады.

Лаф эте-эте, трамвай дурагъына кельдилер. Хабиб, бакулы пассажирлерден Тифлис вокзалынынъ минарлыкъ мутешемлиги акъкъында эшитип, бакъа-джакъ олса да, о, биринджи Бакугъа келишинде бинаны ичтен ве тыштан – ой-малы къапулары ве орьнекли заллары, аятларыны сейир этип, гранит ве мермер-де ойма ясагъан бухара усталарнынъ ишлеринен тенъештирип оламады.

– Эдинип ишленильген иш олса да, фахрий... Тюрклерге «Лугъатнынъ...» те-рен манасы ве дюльберлингини гъайрыдан ачмакъ, – макътанчакълыкънен айтты Абу Сайид, эшине даа бир кере Бакугъа кельмекни намуслы ярышта энъгенини хатырлатып.

Чобан-заденинъ эвинедже трамвайдан трамвайгъа кечип отургъан вакъытта башкъа бир сёз айтылмады. Лев Толстой сокъагъы ве Нефтяниклер джадде-си бою джаяв кечтилер, не исе Кооперативная сокъагъына чыкътылар. Мында, къырмызы толадан къурулгъан балконларында Каспий елинде къурулгъан чама-шырлы эвде, экинджи къаттаки бешинджи мескенде къарарнен он йыл дева-мында Ругие ханым Абдулина иле тынч-муаббет Бекир Чобан-заде яшай эди.

Мердивенден котерильгенде, квартирадан фортепианода чалынгъан енгиль, чая нагъмени эшиттилер. Эшлер таныш къаверенки къапу огюнде токътады, динълендилер.

– Башындан башлаймыз! Сиз лекцияда дегильсинъиз, ойле зеджансыз сес-нен йырламакъ олмаз да... Шенъ, чаялыкънен, бала хорындаки киби, – эшитти-лер олар Ругие ханымнынъ акъайыны опыкелегенини... Бир кобелек уча-къона багъчаларда кезерди, эрылгъанлар, къарт замбакълар бу мелектен безерди...

– Ругие ханым Номан Челебиджиханнынъ «Кобелек» ширине музыка язып, бала мектебинде чалмакъ ичюн чалыша... Эм де Бекир агъаны онъа зиль ту-тып йырламакъны къач кунъден берли зорлай. – Кедер этмейик... къаршыдаки багъчада отурайыкъ бираз...

Эвден чыкътылар, сокъакъ бою кезиндилер, букинистнинъ тюкянчыгъына кирдилер... Хабибнинъ къолунда джемидан корип, къарт букинист къоллары-нен ишмар этмеге башлады:

– Ёкъ, ёкъ, шимдилик китапларны къабул этмеймиз... тек, эгер тери къабы ве алтын сувлу олса... раритет... он бешинджи асыргъа аит Низами Гянджеви...

Кери, эвге таба кьайтаяткъанда, Абу Сайид:

– Оджамызны Къырым асрети чекишитире... Тюневин бу нагъмеге Асие Акимова зиль тутты... Мында Къырымдан кельген студентлерден... Ругие ханым эви Бакуда окъугъан къырым генчлери иле толу олгъаныны севе... козь огюнде яшара, чокъ шакъа эте, куле... Чобан-заде явашчыкътан озъ кабинетине кете, ишине далмагъа тырыша...

Шимди къапу артында сукюнет эди. Эшлер босагъада даа бираз турдылар. Хабиб Чобан-заднен корюшеджегинден зеджанланып, озкони зорнен тутты, къызаргъан бетинде тер тамчылары пейда олды...

Чанъ къакъылгъанына, халаткъа сарынып, Чобан-заденинъ озю чыккыты. Муляйим кулюмсиреди. Хабиб оджасы оларнынъ Бухарадаки эвинде мусафир олгъанындан берли насыл денгъишкенини бир кереден абайлады: талгъын козьлеринде звельки чая къыгъылчымылары ёкъ, гуръ сачларына чал тюшкен.

– Селям алейкум, оджа, – зорнен айтып олды Хабиб. Онынъ утангъаныны ве джуръатсызлыгъыны корип, эв саибни оны озюне чекти ве къучакълады.

– Ругие ханым, мусафирни къаршыла... Хабиб Гулям-заде кельди... – ярым адым кери чекилип, дикъкъатнен мусафирге бакъты ве макъуллеп, башыны къакъты:

– Эп ойлесинъ... аудиториянынъ биринджи сырасында музакере этмеге азыр олып отура эдинъ... ве апансыздан, студентлерге хитап этмеге алышкъаны киби, «сиз» демеге кечти.

– Сизден хабер алдым... Эбет, эбет, ишинъизни окъурум... Озюнъиз не фикирдесинъиз? Мемнюнсизми?

– Догърусыны айтсам, чокъ мемнюн дегилим, – икърар этти Хабиб: – Абдулла Кадырининъ услюп нагъмесиани анълап оламайым... теренлиги менден къача...

– Я къапуда не тура бересиз? – эшитильди Ругие ханымнынъ сеси, – Икметли субетлер бир фильджан къаве башында алып барыла... – Ве Хабибни къолундан алды, – Ойле япмасам, талевени оджасындан айырып оламам...

Енгиль юрип, квартира ичине озгъарды:

– Ода сизинъ маинетинъизде... Сабадан къаве ве къайгъана... Бекир агъа Бухара пилявыны пек макътады... Лякин бизде, тезссюф ки, – долма... Анджакъ о да иштаа къозгъалта...

– Ругие ханым – йылдыз, – апансыздан къарышты субетке Абу Сайид, – театрде операнынъ етекчи йырджысы... Ромео иле дуэтте Джульеттаны иджра эткенде, бутюн Баку айретте къала... Ве, эв саибсини даа зияде пиязламакъ ичюн, къошты: – Бугунъ сизинъ къатынъызгъа котерильгенде, тесадуфен эшиттик, сизде бестекар къабилиети де бар экен...

Ругие ханым къолуны саллады. Абу Сайиднинъ пиязындан дюльбер чертильген эльмачыкълы бетинде козьлери парылдап башлагъаны корюнсе де:

– Э, ойнамакъ киби, иште... Бекир агъанъызнынъ кейфини котермек ичюн. Сонъки вакъытта пек тюшкюн алда юре... – деди о, зариф арекетлернен сачларыны тюзетип. Къапуны ачты:

– Хош кельдинъыз... Акъайым озъ озъбек талелелери акъкъында чокъ икяе эте тургъан. Илимде тирнекли, бильгиге ынтылгъан, деп... хусусан сиз акъкъынъызда...

Абу Сайид кене сёзге киришти:

– Бекир агъа Озбекистанда илим ве тасиль ичюн япкъаныны айтаджакъ олсакъ... тенъештирмеге ич де къоркъмам, онынъ фаалиети Исмаил бей Гаспринскийнинъкинден эксик дегиль... бизим айдынларымызнынъ фикири бу...

Хабиб бу макътавдан Чобан-заденинъ гуръ къашлары чаткъаныны абайлады:

– Абу-Сайид, джаным, сен билесинъ де, арткъачнен къыймет кесильгенини ве тенъештирмелерни севмейим... Гаспралы тек къырымларгъа дегиль... озъ фикириленини, гъаселерини, языларыны ярымададан баягъы тыш, Туркистандан Тюркиегедеже даркъатып, ирфан кетирди... мен исе? Эгер сиз экинъизнинъ акъылынъызда меним ишлерим къалса, омюримни зая яшамадым, деп саярым... Иште, о къадар хассас¹ (сентиментальный) да олмайыкъ...

Хабибни эски диван, маса ве орме къолтукъ олгъан кичкене кошедеки одада ерлештирдилер. Чобан-заденинъ кабинетинден оданы индже дивар айыра эди. Онынъ ичюн Хабиб адымларыны ве оксургенини, оджа башынен ишке далгъаныны ве та гедженинъ дер маалинде, къадыныны уянтмамакъ ичюн кене шу одада дивангъа ятып юкълагъаныны эшите тургъан. Бираз вакъыттан исе, сабагъа якъын къапусы астындаки арадан Хабибнинъ бурнуна къою пиширилген гузель къаве къокъусу ура эди.

Хабиб хатырлады: Чобан-заде Ташкентте, Бухарада – симитли пите, къаймакъ, алма, йымшакъ армут киби наджиз², сагълам аштан мемнюн, ич де ашкъа къуйпалангъан инсан дегиль эди.

Эвде де Ругие ханым акъайынынъ куръсемейджегини билип, чокъ назландырмай тургъан. Ондан гъайры, Мельпомена хызметчилерининъ чокъсу киби, оджакъ башында вакъыт кечирмеге севмей эди. Онынъ зариф къоллары тек санада сесине уйып, ишмар этмеге яратылгъан киби олып, ашханеде савутлар элинден къопкъанда, оджакъкъа авдарылгъанда, кабинетте китап башында вакъыт кечирген Чобан-задени къырылгъан чанакъ я да фильджан сесинден абдырата тургъан.

– Чолпа, – охшап айта эди акъайы, савут парчаларыны топлагъанда.

Саиплерни зорламамакъ ичюн Абу Сайид къайтмагъа ашыкъты:

– Достум Бакуны коръмеге, ялыдан кезмеге, денъиз авасындан нефес алмагъа истеген эди... «Тандыр» къавесини де зиярет этерик, долманынъ дадыны бакъ-

¹ Хассас - сентиментальный

² Наджиз - скрамный

арыкъ... Сонъ Ичери-шехернинъ¹ сокъачыкъларындан кезерик... Хабиб, институт китапханесинне бир сокъулса, илим ташыны кемирмеге башласа... Ичери-шехерде кезмеге вакъыт тапмаз...

– Кезин де келинъ, – къолтутты онъа Чобан-заде, къорантаны ашханеде невбеттеки парланаджакъ савуттан къуртармакъ чаресини тапкъанына къыймет кесерек, Ругие ханымгъа ифадели бакъты. – Ич бир университетте ойле китапхане ёкъ... Тюрк, арап, фарси тилинде эльязмалар топламы исе мен чалышкъан ич бир китапханеде ёкъ эди. Не Акъмесджитте, не Ташкентте, не де, эмир Тимурнынъ буйругъы иле эписи фатих этильген мемлекетлерден эльязмалар кетирильген Самаркъандда...

II

Бекир оджанынъ узерине Бакугъа ильк келишинде Хабиб эки ай китапханеден чыкъмады десенъ, оладжакъ. Саба эрте келип, китапхане яры гедже маалинде къапатылмагъандже, анда булуна эди. Учъ кениш залда тынчлыкъ ве къынтавлы муит укюм сюре, тек арды-сыра орьнекли таванда ель къувгъан ельпазеден китап яки меджмуанынъ саифеси шытырдагъаны эшитиле тургъан.

Бухарадаки къачкъан эмирнинъ Аркъа сарайыны я да Калян медресесинкине ошагъан керем ешилъ тюсте мермер орьнеклернен яраштырылгъан гянч диварлар да хусусий къынтавлы муитни ярата эдилер... Аюрлы² маса лампасы ярыгъында китап я да меджмуалар тикими устюнден чалышкъан Хабиб кимерде янына яваштан келип токътагъан Чобан-задени бир кереден абайламай эди. Лекциялар арасында, аудиториянынъ шаматасындан болдургъан оджа мында сукюнеттен кейф алмагъа келе тургъан. Онынъ джаны эп тынчлыкъ, тескин³ истей, бу, атта энъ къадимий Баку университети киби «бильги оджагъы»ны озъ алына къалдырмагъан, теляшлы вакъытлар яраткъан кескин къабаатлавлар, топлашувларнынъ гъай-гъуйындан къачмагъа тырыша эди.

Макътавгъа къызгъанч олгъан Бекир агъа Хабибнинъ огюнде тургъан бир десте китапларны козьден кечиререк, юрек бере тургъан:

– Сизинъ тирнеклигинъизни анъламакъ къыйын дегиль, достум... озюм де Будапештте студент олгъанымда ве университет китапханесине къатнамакъ рухсетини алгъанда, башта китап айырмай, не тапсам, оны менимсемеге тырыша эдим... урьметли оджам, шаркъшынас профессор Ньюла Немет незакетнен, фикирини манъа мусаллат этмейип, баш ёлумны косьтермегендже... Ондан сонъ ве чокъ йыллар девамында бу мевзуда чалышмакътам.

Будапешт университети о заман тюрк шаркъшынаслыгъынынъ меркези сайыла эди. Меним, Кырымдан кельген студентнинъ устазлары арасында Дьюла

¹ Бакунынъ эски мааллелеринден бири.

² Аюрлы - ажурный

³ Тескин - умиротворение

Месарош, Игнац Кунош, Армин Вамбери, Лайош Лигети кибилери олды... – Чобан-заденинъ сесинде Хабиб шу, Будапештте кечкен йыллар акъкъында хатырлада теэссюф аэнкини эшите тургъан...

Китапхане къапатылгъан сонъ, Апшероннынъ къаранлыгъы иле толу, фенерлернинъ ярыгъындан зорнен корюнген сокъакълар бою къайткъан бухара мусафири, Кооперативнаядаки эвни ялынъыз озъ сезгирлиги¹ иле (интуиция) тапа эди.

Къулакъларында чынълагъан трамвайнынъ маден гъыйчылдысы, къапудан киргенинен, ятакъханеден эшитилген фортепианоннынъ де назик, де котеринки давушларынен денъише тургъан.

Таныш олмагъан нагъме, амма Хабиб энди биле эди: опера театринде Октябрь инкъилябынынъ невбеттеки, он секизинджи йыллыгъына аджеле суретте музыкасыны Узеир Гаджибеков² язгъан «Лейля ве Меджнун» саналаштырмасыны азырлайлар. Бу актъа эр бир трамвай дурагъында, фенер дирегинде асылгъан ренкли реклама плакатлары бильдире эди...

Ругие ханымгъа Лейлянынъ фаджиалы ролюни ишандылар. О, санагъа ильк чыкъаджакъ киби, пек эеджанлана, озюнден мемнюн олмагъанындан назлана, эвде кергин бир вазие ярата ве оны къайгъыргъан акъайына да кедер эте, эсас ишинден дикъкъатыны чеке эди.

Кимерде Ругие ханымнынъ эеджаны юксек давушнен йырлагъанда пек къозгъай тургъан. О заман фортепианоннынъ къапагъыны тарс этип къапата ве бутюн квартирагъа къычырып, Бекир агъаны ярдымгъа чагъыра эди.

Озюни начар ве имаесиз косътермеге севген дюльбер къадын омюр аркъадашындан къарарнен йигирми йыл яш олып, атта яры геджеде акъайына раатланмагъа бермей, сабырлы динълейиджисине арияны сонъуна къадар динълеттире, кимерде исе онынънен берабер дуэт олып, Меджнун ариясыны йырлата тургъан.

Бекир агъа, къамбурайып, таягъына таянып фортепианоннынъ четинден тура, сеси ярамай олгъаны ве музыкагъа истидатсызлыгъы ичюн озюни акъламагъа тырыша:

– Не айтасыз шу, джаным, менден Меджнун олурмы?! Сес безлеримни зорласам, ярын, биринджи лекциядан сонъ институттан зенааткъа уймагъаным ичюн къуварлар... – Ве, тамагъыны темизлеген киби, оксюрип, къычырыкъкъа ошагъан юксек давуш иле нота чыкъара эди.

Ругие ханым яры шакъа иле:

– Билем, Алла сизге не сес, не де къатгы табиаат берген. Кафедрадан къувсалар... янгъынсёндюрджиджи олып барырсынъыз... Апшеронда ермай къуллелерини сёндюрмеге... Меним пешимден юргенде эвленмезден эвель маджар ордусында хызмет эткенинъиз, немсе бомбасындан контузия олгъанынъыз

¹ Сезгирлик - интуиция

² Белли азербайджан бестекяры, оджа.

акъкъында айта эдинъыз... атта ольдюрильген достунъыз ерине пулемёттан атмакъ меджбур олгъанынъызны... Яш эдим, садедилъ. Сизге инана, акъикый эр киши, деп белледим сизни... акъкъатта исе йымшакъ табиятлы зиялы олып чыкътынъыз, не сесинъыз бар, не музыкагъа къабилиетинъыз...

Бунъа Бекир агъа барыштырыджы сеснен джевап бере тургъан:

– Джаным, опыкелеменъыз: Алла не берген олса, о бар, не зияде – не эксик. Истесенъыз, достум, догъаяткъан йылдыз Рашид Бейбутов¹ иле анълашайым... келир де, сизнен арияны йырлар – эм бир дане дегиль, не къадар истесенъыз, усталыгъынъызны пекиткенинъиздже. Сиз синъирленгенинъизни анълайым – единджи ноябрьде укумет ложасында мындаки бутюн акимлер – Багировдан² башлап... отураджакълар... эм де сизинъ мухлисинъыз генерал Сумбатов³ иле. – Ругие ханымны тынчландырмагъа тырыша тургъан акъайы, къолундан тутып.

Озюни санки Олимп устюнде дуйгъан опера перисининъ фикириндже, опера ве балетке етеджек дигер музыка жанрлары ёкъ эди. Онынъ ичюн сокъакъларда ве базарларда белли олгъан Бейбутовгъа скептик мунасебетте эди. Рашиднинъ мухлислери исе, яшы-къарты гедже-кунъдюз, иште ве окъуш тенеффюслеринде шенъ «Аршин мал алан»⁴нынъ нагъмесини тильден тюшюрмей тургъанлар.

– Ёкъ, – озъ назыны къадынджасына ифаде эте эди Ругие ханым, – Рашид манъа тенъ дегиль... Сиз – чюрюк зиялы, акъылынъызны башынъызгъа топланъыз да, озюнъизни ашкъ атешинде янгъан Меджнун киби ис этинъыз.

– Айды, – разы ола эди Бекир агъа, – Навои ве Низамининъ шириети акъкъында бедава язмагъан экеним... мына керек олды... – Ве юксек нотаны аладжакъ олып... – Екянем... Кунъдюзимни гедже асрети сарды... Козъ яш олып юрегим ириди⁵...

– Янълыш йырлайсыз! – Ругие ханым ачувланып, фортепианонинъ къапагъыны тарс этип къапата ве тура эди...

Лаф-лафтан анълашылмамазлыкъ бири-бирини севген рефикълернинъ оюнына чевириле тургъан.

– Манъа зияде Топегёз ролю келишир эди... онынъ Софоклынъ персонажы Полифем иле бес-бедава къыясламайлар. Разы олунъ, джаным, сизинъ йымшакъ табиятлы зиялынъыз зенаатдашлары арасындан, атта башта манъа оджа деп, сонъ саткъан душманларнынъ сычан къармалавларына къулакъ асмай...

Апай-акъай бираз тынчланмакъ ичюн дивангъа отургъан сонъ Бекир агъада дигер бир гъае пейда олды.

– Джаным, Узеир иле лаф этип бакъынъыз... бельки, онда Деде Къоркъуткъа

¹ Белли эстрада, опера йырджысы.

² Багиров Мир Джафар огълу – о заманда Азербайджан ёлбашчысы.

³ Сумбатов-Топуридзе Ювельян Давидович -- о заманда Азербайджан НКВД башы.

⁴ Белли музыкалы комедия.

⁵ Низами эсеринден Меджнуунинъ монологы.

музыка язмакъ авеси олур... Аджайип къараманий драма! Урузны ойнамагъа ве сизинъ паклигинъизни ве исметлигинъизни яман тиллерден къорчалап, джефа-
кяр олжоннен ольмеге азырым. Мен беллесем, Гаджибеков сизге, о консерватор-
рияда окъуткъан энъ эйи талebesине ред джевабы бермес.

– Хм! – Ругие ханым бундан къанаатленмейип, омузларыны ойнатты, – си-
зинъ бу джефакяр олжум акъкъында сёзлеринъизни ич де бегенмейим, сонъки
вакытта бу акъта чокъ айтмагъа башладынынъыз...

Чобан-заде башыны тебен алды, амма озюне тез келип, апайына гонъюль бе-
риджи кулжумсиреди.

– Эм де, умумен алгъанда, – девам этти Ругие ханым, хошнутсыз мевзудан
иракъ олмагъа истеп, – Гаджибеков Деде Къоркъуттан¹ авесленмес.

– Не ичюн? Бу айретлендириджи бир мевзу да...

– Разы олмаз, якъында театримизге Наркомпростан насылдыр вазифедар ме-
мур кельген эди ве бизим репертуарымыздан къанаатленмегенини айтты. Сана-
да тек шимдики шанлы кунълерден алып кеткен эскилик бар эмиш, мырзалар-
нен кулаklarны косътерип, чешит тюрюлю зиянкярларнен, буржуа миллетчиле-
ринен, ишчи ве кой яшларны ябанджы гъаелернен толдурган эски сыфаттаки
профессорларнен курешини косътермек керек экенмиз... ойле бир ресмий тарз-
да лафлар юрсетти...

– Ан-на-а..., – девамлы созып айтты Бекир агъа, – олар башкъаджа япып ола-
майлар... гъарип, гъарип бизим тилимиз... Янгынсёндюриджиликке авуш-
макъ тамам вакыт кельди, – къошты о истизанен.

Озъ ханесинде чалышкъан Хабибге апай-акъай арасында олган субетнинъ
тек айры ибарелери эшитиле эди. Оджанынъ кабинетине о тек чагырылган
вакытта, буюк мукъайтлыкъ ве сайгынен кире турган. Оджасы тосат-тосат
о, китапханеде насыл ишлер беджергенини билъмек истей эди.

Дикъкъатны алмасын деп, спартан шекильде донатылган кабинетте
арткъач шейлер ёкъ эди. Будапештни анъдырган мемлекетлери маджар
тилинде язылган глобус турган язы масасы. Пенджеренен сол тарафтан
черчиведе бираз къарарган къоранта фоторесими: диванда сербест оту-
рушта чобан къалпакъта Бекир агъанынъ бабасы Ваап агъа. Ондан Бекир
агъа ачыкъ раат бакъышны, кенъ омузларны ве кучъюлю ишчи колларыны
мирас алган. Акъайы янында яшлыгында дюльбер олгъаны корюнген
орта яшлы, наджиз, сагъ къолундан чечекли шал атлаткъан ве фес кийген
къадын – кабинет саибининъ анасы. Ашагъыда фоторесимнинъ черчиве-
синде тырачлыкънен, сулялесине садыкълыкъ анты киби Бекир агъанынъ
къолунен чыкъарылган язы:

«Не мырза бар союмда, не айтувлы бир бай,

¹ Чобан-заде теткъыкъ эткен огузларнынъ къараманий дестаны «Китаби деде
Къоркъут»нынъ къараманлары акъкъында лаф юрсетиле.

Бабам бир чобан¹, анам Зайдабай!»...

Къоранта ресиминден бираз сагъджа кабинетнинъ босагъасындан атлагъанынънен козьге чарпкъан чешит ренкли Кубачи устанынъ буюк табагъы. Устюнде Эльбрус этегинде тургъан атлы. Бу Кавказгъа баргъан экспедициядан хатире эди. Чобан-заде анда дагълыларнынъ тилини теткъикъ эткен, хавфлы ёллардан юрип, аулдан аулгъа кечип, ерли фольклор – Дагъыстан, Чеченистан, Шималий Осетиянынъ тюркчилли къумыкъларнынъ тюркю, эфсанелери, аталар сёзлерини огренген эди...

Истемеден эшиткен апай-акъай арасында олгъан субетлер, чешит маналар тапып олюмни аңгъан акъайына япылгъан опыкелев Хабибде оджасы ичюн теляш догъура тургъан. Эписинден зияде мусафирге эфенди айткъан:

– Гъарип бизим тилимиз... Янгъынсёндюриджиликке авушмакъ тамам вакъты кельди... – сёзлери тесир этти.

Шакъанен айтылгъан сёзлер олса да, эр бир шакъада догъру лаф бар дегенлери киби...

Ичинде алевленген теляштан къуртулмакъ ичюн кабинет саибинен оны, сийрек китаплар топламындан гъайры китапханеде эджанландыргъан меселенен болюшмеге ашыкъты:

– Окъув залында ерли дюльбер студент къызлар о къадар чокъ экен, догърусыны айтсам, кимерде меселем устюнде акъыл топлап отурмакъ зор келе... сиз лекциялардан сонъ Ташкенттеки студент къызларнен оюн тегерегинде ойнагъанынызны хатырладым... бесе-белли, мында да талебелеринъиз, оларны «Джейрани», «Лалэ», «Бяневше»² оюнларына давет эткенинъизде айретленедирлер.

– Бу хаста аягъымнен насыл оюн олсун... акъсасанъ – устюнден кулерлер. – Оджанынъ талгъын козьлеринде шенъ кыгъылчымлар пейда олды... къолу озю масадаки глобускъа узанды... шар негизи этрафында бир, эки айланды. Эм де санки къан тёкюльген, къою кырымызы боянен бельгиленген Кыырым ярымадасы олгъан тарафынен чевирильди.

Буюк бир дикъкъатнен, козьлеринде эджаннен ватанынынъ чевре сызыгъына бакъып къалды. Чобан-заде хаялында сынъырсыз чёльни, озюни кер ат устюнде къойларны сувармагъа кеткенини тасавур этти... Сесинде асретлик иле:

– Меним лялем анда, чёльде, дигер солукъкъан чечеклер арасында джоюлып къалды... басиретли³ Номан Челеби киби бунда инсан фаджиасыны коръди. Джан сыкъыджы фельсефелерсиз.

Апансыздан айткъаныны исбатлап, Челебининъ «Сары тюльпан» шииринден сатырларны окъуды...

¹ Зайдабай – авам халкътан чыкъкъан къадын.

² Джейрани, лалэ, бяневше – азербайджан халкъ оюнлары.

³ Басиретли - дальновидный, провидец.

– Илк баарыни мужделеген сары тюльпан.
Бари бойле солмасайдынъ ич бир заман.
Гузель ёсма гоньджень иле эндамынъны
Эр кунъ север, опер эдим сайгыларман.
Гонълюмизни хошландырдынъ, сары тюльпан.
Мен де сени эльден, ельден къысқанман.
Узакълардан, коктен, ерден чокъ суемен,
Кунешлернинъ йылдызларнынъ козю яман.
Сары тюльпан, багъчамызны шеньлердирдинъ,
Пек аз заман къырыкъ гонълюм эглендирдинъ,
Ярын сен де къырыладжакъ, оледжесинъ,
Оледжесенъ, бу джихангъа ничюн кельдинъ...

Онынъ сесиндеки аэнк Хабибни ойле пек тесирлендирди ки, сукюнет укюм-сюрген сонъ биле бир сёз айтамады, козюне толгъан козыяшлардан богъазыны томарчыкъ тыкъаткъан киби олды.

– Оджам, сиз Челебини биле эдинъизми?

Бекир агъа бир кереден джевап бермеди, масада олгъан насылдыр кягъытларны синъирли саифеледи, кабинет бою адымлады.

– Эбет... – къыскадан деди о, пенджереге бакъып. – Къырымны он секиз сенеси къаплагъан къызыл боранда къабаатсыз эляк олды. – Ве «къызыл боран» мевзусында башкъа лаф этмеге истемейип, отурды.

– Он секиздеми? – тюшюнджеге далып, текрарлады Хабиб, онынъ мийинде апансыздан къыяслав пейда олды... шашыладжакъ шей! Тамам шу он секиз сенеси сиз «Тувгъан тиль» шиирини яздынъыз... Бу шиирни китапханеде олгъан сизинъ шиирлер джыйынтыгъынъызда таптым... О заман сиз Будапештте окъуй эдинъиз...

Чобан-заденинъ козьлери джыллы олды, санки насылдыр агъыр, къальбини сыкъкъан бир шей оны бошаштырды.

– Э, о заман мен йигirmi беш яшында эдим... тамам сенинъ шимдики яшынъ, достум, – деди оджа.

– Йигirmi беште! Гениаль! – Эеджанлы Хабиб не ичюндир къапугъа таба адымлады, амма бираздан, озюне кельген киби олып, маса янына къайтты. – Сизинъ джанынъыз агъырмазмы... «Тувгъан тиль»ден ойле бир тесирлендим ки, башындаки сатырлардан сонъкисинедже... джесаретлендим де... бельки, къаба олды, талебеджесине... терджиме эттим, – эеджанындан сеси токътап-токъатап, анълатмагъа башлады Хабиб. – Изин берсенъиз, терджимесини окъуйым...

– Къана-къана, пек меракълы, – яры шакъанен деди Чобан-заде. – Мен сизге теклиф эткен Шпенглернинъ «Авропанынъ сонъу»¹ ишини огренмек ерине! – Ве, апансыздан къапуны ачып, апайыны чагъырды:

¹Немсе фельсеефеджиси Освальд Шпенглернинъ «Авропанынъ сонъу» иши (1918 с.)

– Ругие ханым, тюневин, сизинъ баскъынъыз иле бизде музыка акъшама олгъан эди, бугунъ исе, аваленъызге – шиириет акъшама...

Ругие ханым, къолларыны ашхане оглюгине ашыкъчанлыкънен сюртип, кабинетнинъ босагъасындан енгиль юрюшнен атлады:

– Авеслендириджи... бу оджакъ башында кулинария акъшамындан меракълыджадыр.

– Эбет, бунда шубе бармы? – Онъа уйып, джевап берди акъайы. – Сизден, бу акъшамнынъ программасы боюнджа, айдын, артистик сыфатта, гъает буюк ифаденен «Тувгъан тиль»нинъ иджрасы талап этиле. Эм шашыртманъыз, муэллифи Шекспир де дегиль, Пушкин де дегиль... муэллифи юкъарыда анъылгъан деалардан баягъы наджиз бир адам. Лютфен... сизден сонъ исе Гулям-заде озъ терджимесини окъуйджакъ...

Ругие ханым, эджан косьтермейип, элесленмеге тырышып, маса четинден турды...

– Хатырланъыз, – юрек берди онъа акъайы. – Сиз музыкагъа чевиреджек шиир олмады я. Башындан огюни алмакъ истесем де...

Ругие ханым къолларыны коксюнде хачлады, акъ джигерлерини авагъа толдурып, яваштан башлады:

– Сени мен Къырымда, Къазанда таптым,
Джюрегим къайнагъан, ташкъанда таптым,

О музыкада киби шиирнинъ давуш аэнкини, везинини сынап бакъы ве, язгъаныны гъайрыдан яшап кельген акъайынынъ назары астында енгиль ве аэнкли девам этти:

– Джат эльде мугъайып, аджынып джургенде,
Умютим, хаялым шай тюшип джургенде,
Мойнынъа сарылдым дертимни айтып.
Бир гузель сёзинъмен озиме къайтып...

Сиирли¹ сес Хабибни сарып алды. Озю бунъа эмиет бермейип, шиирнинъ эр бир сёзюни ялынъыз дудакъларынен текрарлады...

– Бир гузель сёзинъмен озиме къайтып...
Джырларынь болмаса, манень болмаса,
«Джурт» деген сёзинъмен джурек толмаса...

Сеске берилип, санки сиирли сес артындан чеккен киби, Ругие ханым масанынь де бир тарафындан, де дигер тарафындан турып, апансыздан токътады. Санки оны, садедже динълейиджи олмагъа даянмагъан акъайынынъ къарыкъ сеси везинден урды.

– Ах, насыл джурермен гъурбет якъларда, – эджанланып деди оджа ве рефикъасыны шиирий дуэтке давет этип, ишмар япты...

– Танышсыз-билишсиз, ят сокъакъларда.

Бильмиймен, тюркми, татармы адынъ,

¹ Сиирли - чарующий.

Ругие ханым акъайынынъ сесине уйгъанынен экевлешип айттылар:

Бек яман татлысынъ - Танърыдан тадынъ,

Тюркде, татарда сенинъ сёзлеринъ...

Бекир агъа енгильден башыны саллап, талебесини де къошулмагъа давет этти. Оджа утангъан Хабибни омузларындан къучакълады. О, исе даа пишкин олмагъан, огълан бала сесинен къошулып, трио яратты:

– Экиси эки чифт мунълы козлеринъ...

Виана огюнде, къазакъ ичинде,

Барабар джырладыкъ Хинлерде, Чинде...

Анъласын бир, сени душман да сюер.

Бир джаныкъ сёзинъмен джуреги ийер...

Истиймен озинъни эр якъта коръмек...

Эр ерде инджинъден дестанлар орьмек...

Къушларгъа къашкъыргъа уйретсем сени...

Къалбиниң энъ терен теллери къозгъалгъан Хабиб трио дуйдурылмайып дагъылгъаныны сезмеди. Бекир агъанынъ ишмары иле Ругие ханым сусты ве шиирнинъ эр бир сатырыны гъайретнен сёйлеген Хабибнинъ тель киби тартылгъан сеси азнкини динълеп къалды:

– Сен болсанъ оксюзнинъ гонълюнден сюйгени...

Джамиге, михрапкъа сарайгъа кирсенъ,

Денъизлер, чёллернинъ четине ирсенъ...

Сенинъмен душмангъа ярлыкълар язсам,

Къарувлы сёзинъмен гонълюни къазсам...

Къабримде мелеклер соргъу сораса,

Азраиль тилимни бинъ кере тораса.

«Озь тувгъан тилимде айт магъа» – дермен.

Озь тувгъан тилимде джырлап олермен...

Гонълюмни къайгъылар кемирип тургъанда,

Халкъымнынъ тынышсыз йылдызы ургъанда,

ТУВГЪАН ТИЛЬ – башкъасы акълыма кельмий.

Бир буюк сырымсынъ душманлар бильмий...

Хабиб сусты ве тек шу дакъкъасы апай-акъай диванда отурып, онынъ айретли ифадесини дикъкъатнен динълегенлерини анълады. Шашмалап ве утанып:

– Эфенди?! – деди о тааджипнен.

– Офарин! Шаане! Пек темиз тильде айттынъыз, догърумы, ханым?

Ругие ханым джевап ерине эеджанлы ве гурьдели эльчыртты...

– Мен эминим, терджимеси де тамам ойле аджайип... Хайырлайым... Бекир Ваапович, дикъкъат¹...

¹ Хабиб терджиме эткен ве шу акъшам Бекир агъа ве Ругие ханымгъа окъугъан метнини Гулям-заде якъалангъан сонъ, джемиданындан Асие Акимова тапты.

III

Къыт студент стипендиясына, эбет, Ичери-шехернинъ энъ айтувлы турист нокътасы олгъан «Тандыр» къавесинде байрам япылмаз. Бунъа бакъмадан, киногъа бармакътан, дигер эгленджелерден икътисат этселер, Абу Сайид ве Хабиб, узакътан долма къокъусыны алып, «Тандыр»да маса башына кече эдилер.

Таныш аякъчы – мераметли шишман Мехмет оларны муляйим тебессюм иле къаршылай эди.

Абу Сайид, оны достчасына омузындан таптап, эр сефер бир ибарени айта тургъан:

– Нэ вар, нэ йох, Мехметбей.

Бу сефер де Мехмет, чанакъ-чельмекни чевикликнен донатып, зораки кулюм-сиреди.

– Шэраб... Озбек вэ азербайжан халгларыны достлугу саглыгына! – достане чертип алды Абу Сайид Мехметнинъ къолуны. Обири хошнутлыкънен башыны къакъты ве сымарышны эда этмеге ашыкъты. Абу Сайид исе Хабибге анълатты:

– Азерилер джумерт софралар сымарлагъанларны севелер... бизим софрамыз бугунъ берекетли оладжакъ, деп беллесин... Билесинъми, мен Бакугъа ильк кельген йылым Бекир агъамызнен мында сыкъ-сыкъ келе тургъанмыз... Лякин сонъки вакъытта экимлер Бекир агъама ашкъазаны агъыргъаны себебинден диета тутмагъа тевсие этелер, Кисловодск сувларына барып кельмеге... Чобанзадени коръсе, Мехмет бир кереден чапып келе, букюлип, селям бере тургъан: «Селям, эфенди... мусаллат этип, сагълыгъы акъкъында баягъы вакъыт сораштыра, эписи сой-акърабасыны анъа, ойле бир гъайрет эте эди ки, санки эписини шахсен биле: – Къыйметли эшинъизнинъ сагълыгъы насыл, икметли бабанъыз сагъ-селяметми, я иманлы мусульман ананъызнынъ?». Йште...

Хабиб, тепсидеки орынеклерге бакъып, къайгъынен деди:

– Бекир агъанынъ сонъки вакъыттаки кейфи мени раатсызлай... сыкъ-сыкъ гонлю къырыкъ юре... буны Ругие ханым да сезди... Олюм акъкъында айта... Санки мен Ташкентте бильген оптимист, джошкъун, омюрсевер агъамызны деньиштиргенлер. Абу Сайиднинъ мезекли¹ кейфи деньишти, о бир кереден джиддийлешти:

– Бекир агъа ичюн сонъки эки-учъ йыл чешит огъурсызлыкъларнен пек къайгъылы олды... агъыр, пек агъыр... башкъасы олса, чокътан йыкълыыр эди... Дарбе артындан дарбе... эм де эписи дарбелер Къырымдан. Пек хырпалай, юрегинде яра ача... Насылдыр «Енъи дюнья» газетчиги эр бир санда професорны фитнелей... пантюкист, миллетчи, миллифиркъаджы – бакъса, насыл сёз уйдургъанлар! – экен эмиш. Совет акиметине тек тильде садыкъ эмиш, – Абу Сайид, чевре-четке бакъынып, Хабибнинъ къулагъына эгильди. – Ондан сонъ кене шу «Енъи дюнья», замангъа коре, эр шейге «халкъ сеси», деген ад берип,

¹Мезекли - насмешливый.

Керич маден заводы эмекдарларынынъ беянатыны дердж эткен – шунъа бакъ – эмекдар халкъ – эписи ишчилер къырымтатар... Анда тек нелер ёкъ... Миллетчиликте, сиясий экиёоллукъта къабаатлав... Ондан сонъ бу газет сачмалавы чагъырувнен екюнлене, шимди киби, сёзме-сёз акъылымда къалды – «Девлет маден заводынынъ ишчи татарлары совет акимиятининъ аит органларына мураджаатта булунып, Чобан-задени профессор унванындан марум этмекни талап этелер». Дуясынъмы, завод парткомынынъ канцелярия услубини?! Санки яры ач яшагъан ишчилер маден оджакъларынынъ сыджагъындан зияде сиясий экиёоллулардан чыкъкъан миллетчиликнинъ ёкъ этиджи сыджагъыны зияде корелер... Къырым эмекдарларынынъ «Баку ишчиси» газетинде басылгъан даа бир мектюплеринде – профессор унванындан марум этмек ве Баку институтындан, озъ къысметини озю тапсын деп, къувмакъ меселесини къойдылар...

Хабиб, эшиткенинден шашып, ашкъа къулакъ асмай, огте берилип, къатып къалды.

– Бу эмекдарларнынъ зурна сеси киби давушлы хоры, антик фаджиясында киби, айлевий огъурсызлыкъларнен бир кельгени де тесадуфен дегиль... къайдандыр бильмем, чокъ йыллар сусып тургъан эфендининъ биринджи къарысы Диляра Булгакова башыны котерди... О, Хатидже Булгакова алякъалы Кирпаковский князларынен сойлукъта олгъан Исмаил мырзанынъ асыллы сюлялесинден ола экен. Бизим заманымызда, адет узьре, аякъ бити башкъа минди дегиль де, баштан аякъкъа тюшти, десенъ оладжакъ, – адджы кульди Абу Сайид. – Дуясынъмы, профессор унванындан марум этмек, институттан къувмакъ, фитнелемек, ашарламакъ истегенде, эмекдар халкънен князь асыллы задекянар насыл бирлеше экен?.. Иште... – Абу Сайид богъазыны чайкъамакъ ичюн фильджандан шербет ичти, дикъкъатлы Мехмет исе сувугъан долмаларны алып кетип, ашханеден сыджакъ союны кетирди.

– Иште, ана шу къадынчыкъ, яш Ругие ханымгъа кунълеп, бутюн ачувыны Бекир агъанынъ башына ягъдырды... Олян, къартайгъан, ташлангъан апайлар кунъджюликтен пек къоркъунчлы ола экенлер! Буны акълында тут, достум...

– Озьбек къадынлары юваш, – деди Хабиб.

– Ан-на-а, ювашларны атешке де, сувгъа да ёлламакъ мумкюн. Бунынъ ичюн партком бар... Диляра иле алекетлерни, Кооперативнаядаки эвине баргъанымда, мен де корьдим... Бекир агъанен эвиликте оларнынъ Мустафа деген огъуллары олгъан. Диляра иле айырылышкъан сонъ Мустафа бабасыны пек севгенини корип, Бекир агъа оны янына алды... Диляра махкеме вастасынен огълуны озкуне къайтарды... Лякин бундан сонъ энъ ашша ве Бекир агъа ичюн агъыр заман башланды... Диляра Къарасувбазарда къолум-къомшудан юрип, оны фитнелей, къаргъай эди... баласыны не маневий, не малиевий джезттен теминлемей, деп акъаретледди... къавгъаджы институт ректорына, атта Багировгъа мектюплер яза башлады. Онынъ арекетлери нетиджесинде «Баку ишчиси»нде фельетон басылды... Иште, бойле! Бу да етишмегени киби, Бекир агъанынъ сагълыгъына къыз

къардашы Зулейха Чобан-заде иле вакъиа тесир этти. Къырымдаки душманлары Зулейханы агъасына фитне атмагъа, ерли газетлерде алып барылгъан гъарезкяр¹ кампаниягъа къошулмагъа меджбур этеджек олдылар.

Зулейха ханым, акъылымда, бир къач кере агъасына келип кеткен эди... эеджаннен аякътан башкъа минген битке ошагъан къызыл профессорлар, келирли ерлерни алгъан сонъ, нелер япкъанларыны, оджалар арасында ишанчсызларны къыдырып тапып, укумдарларнынъ чанакъяларлары олгъанларыны икяе этти... Бу джедвельге о да тюшкен, Къарасувбазар мектебинден къувгъанлар... Маскъаралыкъ!

Софра янына дуйдурмайып кельген Мехмет «Тандыр»нынъ даимий муштерилери ойле де татмагъан ве энди сувутгъан долманы алып кетип, сыджакъ союны кетирди. Бурунларына нане ве кескин бахарат къокъусы урды. Абу Сайид тепсиге къолуны узатты, амма къолундаки къашыкънен кене къатып къалды.

– Зулейха ханым агъасынен эм корюништен ошайлар. Табиатлары да оларгъа Ваап агъадан кечкен – садедилъ, джесюр ве тирнекли. Къардашы агъасында мусафирликте олгъанда Ругие ханым иле Зулейха ханым бири-бирине урметнен бакъа, муляйим лаф эте эдилер. Лякин табиатлары эм де саалары чешит-чешит олгъанынданмы, араларында насылдыр кергинлик дююлды... Зулейха ханым агъасынынъ апайы оны яхшы бакъмай, деп тюшюнгендир... акъикъый къырым къадыны киби дегиль – вакътында ашатмаз, охшамаз, джанына мельем олмаз. Лякин бу бош шей – апайларнынъ табияты ойле! – саллады къолуны икяеджи ве апансыздан, болдурткъан яман хаберлер ве Бекир агъанынъ хасталыгъандан тыш, бир шенълендириджи шейни хатырлады.

– Достум, къаранлыкъ кунълер арасында кунеш нуру да йылтырады... эфендимизни къыздыргъан ве умют берген бир хабер – Чобан-задени Париж лингвистик джемиетининъ азасы оларакъ сайладылар, дюньяда энъ белли тюркшынаслар Армин Вамбери, Игнац Гольдцингер, Дьюла Немет, Радлов Василий Васильевич кибилер сырасына кечти. Махмуд Къашгъарлынынъ улу ишини азербайджан тилине терджиме этмеге башлагъанымда тамам оларнынъ китапларындан файдаландым... апансыздан, тепсини четке чекип, шапылдады ве къычырды:

– Браво! Машаллах! Буюкбурун Париж биле къазанчларыны таныгъан Бекир Чобан-задеге шан-шуретлер!

Ойле шаматалы къуванчны беклемеген «Тандыр»нынъ даимий муштерилери шашып, оларнынъ софрасына таба чевирилип бакътылар. Хабиб исе семетдешини омузларындан къучакълап, къалпагъыны сыйпады.

Къычракълав ве шапылдыны эшитип, шашмалагъан Мехмет чапып кельди. Онынъ шашкъын козьлери, яры ачыкъ агъызы: «Даа бир шейлер сымарлайджакъсызмы?», – деп сорагъандай эди.

¹ Гъарезкяр - злобный

IV

Семетдешлер «Тандыр»дан чыкъкъанынен, Абу Сайид Хабибининъ къайгылы сымасына бакъып, о бир ерге ашыкъкъаныны аңлады.

– Къайда я огъурлар?

Хабиб индемейип, джебинден дёрт букленген кягъытчыкъны чыкъарып косътерди. Онда онынъ къолунен язы бар эди: «Бугунь, 26-сентябрьге вазифе»¹. Абу Сайид джедвельни козьден кечирди:

– Эбет... Бекир Чобан-заде «Элифбе бирлиги сингармонизм ве фонетика мисаллари», «Къызыл Узбекистон» газети, 1928 сенеси 18-январь саны. Аңладым, институт китапханесине ёл алдынъмы – «китап къурту»...

«Китап къурту», бу профессорнынъ вазифеси дегендай, омузларыны сыкъты ве тылсымлы кельген «сингармонизм, сингармонизм» сёзюни текрарлай берип, трамвай дурагына чапып, кететкъан накълиге секирип минмеге етиштирди, пенджересинден эшине къолуны саллады.

Хабиб биле эди: шу базар акъшамы Чобан-заденинъ эвине семетдешлери – чешит вакъытларда, Бекир агъанынъ пешине тюшип, Бакугъа авушкъан къырым оджалары ве студентлери келеджеклер. Мусафир толу эвде Къырымнынъ такъдири, шенъ шакъалар, кулькю, энъ муими исе ана тилинде субетлер оладжакъ. Бойле вакъытларда эв саиби огде белли олмагъан торс келеджекни мужделеген къарышыкъ куньлерден бираз раатлана эди...

Ругие ханым да ильхамлангъанындан о яш мусафирлер кельмесине къувангъаны дуола эди. Мытлакъа фортепиано чала, бири-бири артындан чевик пармакълары астындан «Той олсун Гунеш» йырынынъ шенъ, «Ильхам» оюнынынъ къыгъылчымылы давушлары чыкъа тургъан... Догъмуш къырым нагъмелеринден рухланып, мусафирлер чифт-чифт тар фезада оюн тёшей, бири-бирининъ аякъларыны баса ве дакъкъа сайын афу сорай эдилер...

Эбет, энъ истенильген кавалер эв саиби эди. Агъыргъан аягына къулакъ асмайып, Бекир агъа, даветни къабул этерек, незакетли баш эге, оюн чифти исе севингенинден къызарып, оюн тёшей. Тамам Ташкент студентлери небетке тизилип, бойле кавалернинъ дикъкъатыны озю ичюн буюк шан, деп сайгъан вакъытларыны аңдыра эди...

«Э, йыллар, йыллар. – Кокюс кечирди Хабиб, диваргъа ясланып ве эки козюни оджасындан алмайып... Онынъ назары ойнагъанлар арасында гурь сачлары шенъ, садедиль чересине ярашкъан коккозъ къызны абайлады. Ойнагъанлардан бири огъа чевирилип:

– Асие, Асие, джошкъунлыджа ол, хафифче...

Асие... Бу дакъкъадан Хабиб оюн тёшеген къыздан козь алмады. Шенъленгенлернинъ сыкъ даиресинде о тек онъа бакъты. Апансыздан Асие янъгъыз тур-

¹ Чобан-заденинъ Озбекистанда язгъан ильмий ишлери филология докторы Баходыр Каримовнынъ «Бакир Чупонзода ва Узбекистон» (2017 с. Ташкент) теткшикъатында топлангъан.

гъан бухаралынен козь чатышты. Ойнагъанлар ортасындан чыккып, утанчакъ Хабиб янына барды ве къолуны узатып, оюнгъа къошулмагъа давет этти.

Хабиб къызны белинден тутып, абдалджа аягына басты, амма Асие буны дуймагъандай озюни алып барды... Олар илк дакъкъалардан бири-бирине мейиль бергенлерини сезип турдылар...

Апансыздан фортепианонунъ къапагы пат этип къапалды. Ругие ханым шакъанен деди:

– Алидженап эфендилернинъ ич бириси мени оюн даиресине давет эткени ёкъ... акъайчыгъым исе, яшларнынъ дикъкъатындан акъылыны алдырып, меним тарафыма бакъмады биле. Асиеге хитап этти:

– Ашханеге! Мусафирлерге къаве пиширмеге...

Ругие ханымнынъ агъызындан чыккъан бу сёзлерни дагъылмакъ вакъты кельди, деп анъламакъ мумкюн эди. Бекир агъа небеттеки агъыр кунни дегерли къаршыламакъ ичюн юкьугъа тоймакъ керек...

Мусафирлер къайда ким ер тапты – килимге, тёшемеге, пенджере тахтасына отурдылар... Хабиб оларнынъ оюн ве къаведен къызаргъан бетлерине бакъып, элемнен тюшюнди: олар иле бу мусафирчен эвде даа не вакъыт корюшмек къысмет оладжакъ экен – бир йылданмы... ёкъсам, эки йылданмы? Асие Акимованен, бири-бирине эгизлер киби ошагъан агъа-къардаш Асан ве Решат Рефатовларнен... эр ерде озюнен къабында кеманесини къамбур киби ташыгъан консерватория студенти Омер Куркчи иле...

Бакуда чалышмакъ ичюн айырылгъан эки ай энди екюнлене эди. Огде догъмуш эви, Бухара беклей...

Хабиб биле эди: Кырымдан, эфендининъ саметдешлери эр сефер кельгенде, кетеджекте озю ичюн бир файдалы фикир эшитмек, сырлы, сонъуна къадар огренильмеген ве анълашылмагъан, лякин гонъюллерине ойле якъын олгъан ватанлары акъкъында билъгилерини арттырмакъ истей эдилер.

Бутунъ иджра этильген оюнларнынъ тылсымлы манасыны ачыкълагъандай, Бекир агъа, энди сувугъан къаведен бир ютум ичип, айтты:

– Эминликнен айта билем, бизим койлерде фольклор нумюнелерини топлагъанымызда... кырымтатар халкъ назмнети, оюнлар – буны Василий Васильевич Радлов да къайд этти – тюрк дюньясында энъ терен, пак ве пишкиндир... Сиз билесиз, чешит тюрк лехджелери арасында пек аз фаркъ бардыр... Бу тюркю кырымтатарларнынъ олгъаныны, къайда чалынса да – Кыашгъарда я да Урумчиде, дюньянынъ обир кошесинде, онынъ ритми, хусусий мелодикасындан атта бала анълар... – Бекир агъа, Асие онынъ сёзлерини язгъаныны абайлап, сусты. Апансыздан козьлеринде чаялыкъ къыгъылчымлары йылтырады. О, Истанбулда – Босфор ялысында кечирген студентлик деврини хатырлады: – Биз ким олсакъ да – озбек, къазах, кырым, къазанлы, сибирь татарлары – чешит байрам ве тантаналы тедбирлерде озь тюркюлеримизни берабер йырлай тургъанмыз, чюнки

олар эпимизге аңғалайышлы ве якъын эдилер. Меним унутылмаз оджам Армин Вамбери озь «Тюрк ыркъы» эсеринде язгъаны киби, шиир къурумында ве везинде бизим тилимиз маджар халкъ музыка иджадына шашыладжакъ киби якъынлыгъы бар.... Бу якъынлыкъ озь тамырларыны тюрк дюньясындан баягъы четке чыкъарып, бизим медениетимизни эм шаркъ, эм де Авропа иле багълай...

Экинджи къысым

I

Бинъ докъуз юз отуз единджи сенесининъ бир аязлы сабасы бизим тикбаш бухаралы кене чагъыргъан Каспийнинъ ялысына ёл алды...

Вагон пенджересинде корюнген манзарадан тарсыктып, янгъызылыкъ ве къорувсызлыкъ дуйгъусыны къозгъагъан къазах чёллерининъ джансызлыгъындан болдурып, Хабиб Гулям-заде Семипалатинсккедже аман-аман бутюн ёлны юкълап кечирди.

Не ашагъыдаки ерде ач сабийнинъ агълавы, не ярысархош картаджыларнынъ сеслери, не къалп ракъы¹ къокъусыны даркъаткъан стаканларнынъ тыныкъ давушы онынъ агъыр, тосат-тосат эсини джойгъан хастанынъ юкъусына ошагъан юкъусыны бозып олды...

Сыкъ-сыкъ токътагъан тренге Оренбургда, Бузулукъта, вагондан вагонгъа кечип, пишкен йымырта, къартоп, тузлу хыяр теклиф эткен станциялардаки шаматалы сатыджылар биле бу юкъуны айындырамай эди...

Рязаньда токътамаздан звель вагон сарсылды. Хабиб уянды, пенджерени ачты. Бурнуна куюк, къырмазылангъандже къабугъы сыдырылгъан акъкъайынларнынъ къуру япракъларынынъ къокъусы урды – кузь сувугъы келеджегининъ беяны...

Перронда Хабиб синъирли-синъирли тютюн ичип, чевре-четке бакъынгъан кишини абайлады. Эм бир кереден шу бельгисиз адамны хатырлап, истемеден эгильди ве пенджереден чекильди. Шубе ёкъ – эр шейн: ишмарлары, омузларыны синъирли сыкъ-сыкъ силькигени о, шу Хабиб Бакугъа ильк баргъанда вагон-ресторанда расткетирген пассажирни аңдыра эди. О келишинде Хабиб чокъ вакъыт бу адамнынъ къысыкъ бакъкъан, ичинъни-багърынъны якъкъан кескин, бездириджи козьлерини унутып оламагъан эди...

«Бесе-белли збедий пассажир, озю де не ерде тюшеджегини, къайда башыны ясландыраджагъыны бильмейдир», – мыскылнен тюшюнди Хабиб, оны теляшландыргъан фикирлерни къуваракъ. Айныкъ тюшюнерек, трен кочеджекте минген бу инсан чиптесиз юргенлерни джоремеге огъраткъан, кимсе дуймасын деп, адий урба кийип юрген тешкериджидир, деген нетиджеге кельди... даа десень... Алла биле ким о... Хабиб ачувнен къолуны къакъты...

¹ Къалп ракъы - подделка, палёная водка.

Иште, Москва дживарындаки ильк эвлер де корюнди. Пассажирлер узакъ ёлда тютюннен паслангъан¹ пенджерелерге япыштылар. Къюю ыстан, бири-бири артындан, этрафтаки бир-эки къатлы эвлерге опыкелеген киби, Кремльнинъ кулялары² корюнге башлангъан сонъ, эр кес, эмир эшиткендай, джемидан ве чанталарына япышты...

Биринджи кересине нисбетен бу кереси Москванынъ манзарасы Хабибни ич эеджанландырмады. Анджакъ Ташкентни кечейткъанда о, озю ичюн къарар алгъан эди: Бакугъа кетеджек тренни Курск вокзалында еди саат беклегендже, пайтахтнынъ тарихий ерлери ве белли шахыслары акъкъында яланнен акъыкъатны къарыштыргъан лафазан къылавуз иле туристик автобускъа минип, айтувлы, корюмли ерлерни бакъып чыкъмалы...

Хабиб, джемиданыны салландырып, адамлар акъынтысындан тез айырылды ве юк ташыйджыларнынъ шаматасына къулакъ асмайып, Къазан вокзалынынъ бинасына якъыплашты. Энди бильген маршрутнен метрода Курск вокзалына барып чыкъты. Яры-ярыгъа къаранлыкъ беклев залыны тапып, Бакугъа-дже тренге отурмакъ мумкюнлигини илян этмегендже, анда кечирди, еринден биле къыбырдамады. Залнынъ ичи тер сасыгъы ве аджеле гъыда ашханесинден кельген борщ къокъусындан гъает тынчыкъ эди.

Хабиб юкбусыз геджелернинъ нетиджеси – эки юз саифели метгни сыгъдыргъан салмакълы джуздан³ яткъан агъач джемиданыны тизлеринен сыкъып отурды. Бутюн ёл, Чобан-заде онынъ Абдулла Къадыри акъкъында ишини екюнленген, деп саяджакъмы, я да оджагъа даа бир кере кельмек керек олгъанына озюни азырламалымы, деген тюшюнджелер оны къыйнады. Бухаралы огюнден джемиданына, онынъ ичиндекилерине къыймет кескен киби, кескин назар ташлап, энди эки кере къатты адымнен миллис хадими кечти...

Радиодан Москва-Баку тренине отурмакъ илян янгъырагъаныны, девамлы беклемектен юкбю серсеми олгъан Хабиб эшитмеди ве зал ярысындан зияде бошагъандан сонъ озюне кельди.

Вагонда купенинъ кенарында ер алып, джемиданыны юкбю ятакъкъа атты ве ястыкънен къапатты. Купеде трен кочьмезден нард оюныны башлагъанларгъа козь ташлады. Тахтагъа ташлар урулгъаны эм де оюнджыларнынъ «ду бир», «шеш беш»⁴ къычыргъанларындан джошкъун Баку нардджылары олгъаныны анълады. Олар бир кереден бухаралыгъа обир сеферки келишинде далгъан муитни хатырлаттылар... о заман да багъчалар ве азбарларда ташлар тыкъырдысы ве «гоша беш» фетхий⁵ давушлар этрафкъа даркъала тургъан... Сонъ исе хатыр-

¹ Паслангъан - закопчённый.

² Куля - итиль.

³ Джуздан - папка

⁴ Нард оюны, ташлар тюшкен ракъамлар тариф этиле. Учъ кере юткъан инсангъа до ойле этип, къыймет кесилер.

⁵ Фетхий - победный.

лавларыны даа девам этип, сыджакъ, эеджанлы дакъкъалар козь огюнде джанланды – Бекир агъа ве Ругие ханымнынъ Кооперативная сокъагындаки о киби яш, чокъсу Къырымдан студентлер толу эви. Асие Акимованы да хатырлады... Шимди къайда экен? Оны насыл къаршылар?

Къаршыда отургъан оюнджыларнынъ апайлары ёллукъ богъчаларыны тизлерине сыкъып, телашлана эдилер. Алла косътермесин, акъайлар шу кумар оюнындан зияде къызышып, къавгъа этмесинлер... пычакъ да чыкъмакъ мумкюн. Лякин, бир оюн ойнагъан сонъ эм юткъан, эм юткъузгъан, къол тутушып, оюныны «Аршин мал алан» тюркюсининъ иджрасынен екюнледилер.

Бойле екюнден тынчланып, Хабиб пенджерени къапатты. Трен кочъмезден эвель бошагъан перронда анавы белли олмагъан эриф кене козюне чалынды. Трен мудири янында туруп, пармагынен кягъытга джедвельни кечире эди. Учюнджи, созулгъан гудок оны энди кочъяткъан треннинъ басамагына, онъа къолуны узаткъан мудирининъ пешине атламагъа меджбур этти.

Онынъ пейда олувынен тааджипленип, пенджеренен чекильди ве акъылына, бу бинъкилометрлик ёлны бельгисиз кишининъ назары астында кечиреджегини тюшюнди: эр бир дакъкъада о, вагон бою огге-арткъа кече биле я да Хабибнинъ артындан вагон-ресторангъа нарзан шишеси алмагъа бара билер... Анълашылмагъан хаялет.

Хабиб юкъарыдаки ятакъкъа минди, телашлы фикирлерни къувмагъа тырышып, козьлерини къапатты. Лякин бу, бельгисиз адам тесиринде пейда олгъан фикирлер анъында Чобан-заденинъ сымасыны яратты. Хабиб, Абу Сайид онъа Бекир агъаны «телефли гуняхлар»¹да дефаларджа къабаатлагъан, онынъ ве Ругие ханымнынъ омюрини къарарткъан душманлар акъкъында икяе эткен «Тандыр»даки акъшамны хатырлады. Биринджи апайы къавгъаджы Дилъра Булгакова, къырым газетлеринде агъасына чиркеф тёккенлерге къолтутмагъан ве Къарасувбазар мектебинден къувулгъан догъмуш къыз къардашы Зулейха Чобан-заде.

Бойлеликнен, ёл бою бири-бирини деньиштирген станциялар – Елец, Борисоглебск, сонъра – Сталинград, Астархан, Махачкала, Сумгаитни кечер экен, Чобан-заденинъ сымасы онынъ козю огюнде ве фикирлеринде эди. Ич бир станцияда вагондан чыкъып, тазе ава алмагъа истеги олмады.

Хабиб пенджеренен дикъкъатнен бакъып, къыдырса да, Тифлис вокзалынынъ перронында къаршылагъанлар арасында Абу Сайид Ходжаев ёкъ эди.

Бухаралы мусафир тренден тюшип, ириген асфальтнынъ сыджакъ къокъусыны ичине чекти. Чевре-четке бакъынды – перрондан кететякъан адамлар арасында шу бельгисиз кишини коръмеди.

Трен оны энди экинджи кереси кетирген Тифлис вокзалы Бакунынъ дигер вокзалларындан тыш корюнишинен, византия услюбинде сутунлар, деньиз

¹Телефли гунях - смертний грех.

боюнда кѳурулган шеэрлер ичюн хас миллий орьнекли ярашыктылы шекиллер иле сюслендирилген залларнынъ дюльберлигинен баягы фаркълана эди...

Лякин къасевет Хабибни вокзалдан тыш тарафкъа кѳувган киби олды. Нефтяниклер джаддесини тез кечип, Губернаторскийге чыкты. Анда бурнуна ермай лекелеринде чюрюген денъиз отларынынъ сасыгы урды... Теляш оны ялы боюна алып барды. Оны чекиштирген суаллер сырасында, не ичюн, Ходжаев онынъ келеджек кунюни билсе де, оны къаршыламагъа кельмегени бар эди.

Ялы бою сокъакътан тотлу демир басамакълар иле сувгъа эниш башланган ерде янгъгыз балыкчы тургъаныны корьди. Къолуны кенъ чекип къармагъыны сув сайы олган ерге ата, лякин даима телине сарылган гурь, къан тюсте кырмазы сув отларыны чыкъара эди. Ялыгъа урулган далгълар санки сувгъа баткан адамларнынъ къанындан даа арылмаган киби, дуйгъу пейда олды...

– Э-э... – эшитти Хабиб атындан созулып айтылган сѳзлерни: – Иште, денъиз де, къартлар биле хатырламаган, кечкен язнынъ сиджагъына къаршы исян къопарды... сув отлары къою кырмазы тюсни алдылар... тек еди балык фуртуна денъизни темизлей биле... кызыл фуртуна...

Хабиб таныган сеске бирден чевирилди. Ялыда сувгъа бакъып, шу «эбедий пассажир» тура, санки денъизнинъ мына-мына къопаджакъ исяныны беклей – энъ теренден котерилип, сайы ерлергеде келеджек ве ялы боюна кызыл, темизлейиджи фуртуна иле дарбе ураджакъ...

– Сарымсакъов аркъадаш! – эски танышына киби, кычырды балыкчы, тельни къармаккъа аджеле сараракъ. – Насыл келип чыктынъыз? Ахун сизни машинада къаршыладымы?!

– Къаршылады, арбийджесине... дакъкъасы дакъкъасына. – А-на, къалдырымнынъ кенарында туруп беклей, – сесленди Сарымсакъов адландырылган адам. Дюрбинни Хабибге къаршы тиклеп бакъты ве, бираз акъсап, машинагъа догърулды.

Хабиб, Сарымсакъов, къалын кевдесини тар къапугъа сокъып, машинагъа отурмагъандже, онынъ артындан бакъты. Машина бир кереден сурьат алып, эвлер арасына синъди. Бу экинджи кере онынъ пешине тюшип, бир афталыкъ ёл кечкен «даимий пассажирге» бизим бухаралынынъ ачувындан къаны къайнады. Хаяллар ичинде яшаган яш йигитнинъ мийинде ве юрегинде топланган къоркъулар аксине чевирилип, оны джесюр, атта теджавузий олмагъа меджбур эткен сынъыр бу эди...

– Бу Сарымсакъов аркъадаш ким олгъаныны айтмазсызми? Шанлы Баку шेरине оны не кетирди? – адым атты Хабиб, ялы боюндан кетейткан огъуры ачылмаган балыкчынынъ ёлуны кесип.

Балыкчы, сескенип, къармагъыны огге алды ве тааджипнен Хабибге бакъты.

– Сиз буны менден яхшы бильмек керексиз... Сиз семетдеш дегильсизми, экинъиз де Бухарадан, – зевкъландырыджи сеснен джевапланды о.

Бойле апансыздан япылгъан итирафтан¹ Хабибнинъ юреги сыкъылды, бир кескенлешкен къулагъына денъизнинъ агъыр хасталардаки киби нефес алувы урды.

– Сиз буны да билесинъиз... мен Бухарадан олгъанымны?

Джевап оларакъ айнеджи бакулы теэссюфнен башыны саллады ве ерли акъайларнынъ энъ сонъки моты олгъан – узун ялпакъ кунешлиги олгъан шапкесини чыкътарды.

Эм де, онъмагъан балыкъчылыгъыны унутмагъа тырышып, фикирлерини сеслендирмеге башлады.

– Нафиле айтмагъанлар, шимдики яшларнынъ хатырасы къыска... Бизни байлардан къуртаргъан большевиклернинъ адларыны ич де акъылларында тутмайлар... душман моллаларнынъ чешит олмайджакъ язылары ерине, мектеп-лерде азербайджан тилинде дерсликлерни де унуттылар...

«Мефкюревий аркъадаш, онынъ иле мукъайт олмакъ керек», тюшюнди Хабиб оны динълеерек.

– «Къара шеэр» къуюсында бомбаджыларны исяннга котерген фитнеджилерни де... о ерде шимди нумюневий тюрьме ерлеше... Мени, Рустемни ойле де хатырламадынынъмы? – айнеджиликнен козьлерини къысты... – Эки йыл эвельси, сиз, яш йигит Бакугъа ильк келишинъизде, денъизни корип, айреттен къычыргъанынынъмы, аркъанъызда ялдап, бутюн балыкъларны ушкюткенинъизде... сизни къувмадым, бу чёллю, дедим, денъиз оларда тек къумлар ичинде уфукъта хаялет, яланджы тасвир, козьни алдаткъан бир левха киби корюне... О заман танышкъан эдик... о йылы ав да гъает берекетли эди... шимдики киби дегиль... Ава да яхшы эди, енгиль ельчик уфюре, денъиз тынчыкъ... аджайип...

– Бельки де, – озю де шубеленмеге башлап, башыны къакъты Хабиб, хатырламагъа тырышып. – Селям алейкум... Янъыдан корюшкенимизден мемнюним. – Ве джаде тарафкъа адымлап, тюшюнди: – Эки йыл эвельси... большевиклер, меньшевиклер, душман моллалар – бойле сёзлер газетаджыларда ве минберге чыкъкъан профессорларда мот... буларны балыкъчыларнынъ, ермайджыларнынъ, адий адамларнынъ башларына да синъдиргенлер... о заваллылар шимдигедже тек аш-сув акъкында тюшюне тургъанлар, сынфий куреш оларнынъ акъылларына биле кельмей эди.

II

Ёлдан баягъы ёрулгъан Хабиб Гулям-заде Кооперативная сокъагъына та уйледе барып чыкъты. Бираз озюне кельмек ве оны къаршылагъанлар огюнде тендюрист, кулюмсиреген алда пейда олмакъ ичюн, башта джемиданыны къызыл дермантин иле орътюльген къапу огюнде къойды. Лякин, къолуны чанъ дёгмесине узаткъанда, оны, насылдыр телаяш сарды. Бу телаяш, шимди бираз ятыш-

¹ Итираф – признание.

кѳан олса да, ичинде семетдеши-бухаралы Сарымсакѳовнен корюшювден сонѳ пейда олды...

Кѳапуны бир кереден ачмадылар, бесе-белли, башта мусафирге козь джамчыгындан бакътылар.

Босагѳада мулайим Ругие ханымны, бельки де, эв саиби – узун енѳли, бухара шекилли дѳгмесиз кѳынтавлы эв халатында Бекир агѳаны корѳмеге азырланды. Онынѳ ичюн кѳапунынѳ кѳаранлыкѳ черчивесинде Асиенинѳ юзюни корѳгенде бираз шашмалады, сонѳ кулумсиреди ве урѳметини косьтерип, башыны кѳакъты.

– Сизмисиз? – садедиль тааджип ве утанчакълыкѳнен сорады Асие ве мусафирге кѳапуны кенѳ ачты. Лякин шу арада ятакѳ одасындан эшитильген Ругие ханымнынѳ сесине джевап берди.

– Ким о, Абу Сайидми?

– Ёкѳ, ханым... Хабиб Гулям-заде кельди. – Ве кѳошты: – Кѳасеветленменѳ... шимди Абу Сайид де апханеден кѳайтыр...

Хабибге фысылдап айтты:

– Бираз хасталанды, – Яры кѳаранлыкѳ аятта токъталды: – Эким кѳоркъуладжакѳ киби ич бир шей тапмады, бесе-белли синѳир зайыфлыгы... кечкен афта тап секиз спектакльде ойнады, – лафазан кѳыз фысылдап лаф эте эди: – Учѳ кере Апшеронгѳа, ермайджылар ве «Кѳара шеэр»нинѳ мабюслери огонде чыкыш япмакѳ ичюн... Бугунѳ Ругие ханымны милислер клубында бекледилер... Сумбатовны орден иле такѳдирлегенлери мунасебетинен... лякин гедже сандыракѳламагѳа башлады, насылдыр кѳокъулардан кѳыйналды, пенджерени ачмагѳа риджа этти... Якында оны алып кетмек ичюн генералнынѳ адъютантларындан бири кельди... бир шей дегиль деди: денѳиштирмиз... Решид Бейбутовгѳа... тантанада...

Асие бир кереден эписи хаберлерни айтаркен, Хабиб иле корюшювге кѳувангѳаныны гизлемеге истеди. Бухаралы Бакудан кетеджек кунюнинѳ арѳесинде берабер оюн тѳшегенлерини хатырлады. Хабиб оны динѳлеп, тосат-тосат болдургѳан аякѳларыны алмаштырып, аятта турмакѳны девам эте эди. Онда пейда олгѳан раатсызлыкѳны та тышкѳа чыкѳкѳан илядж ве апхане ичимликлеринден олгѳан кѳокъугѳа язды.

Башы айлангѳанына ве озюни ярамай дуйгѳанына бакѳмадан, Ругие ханым бу вакъытта кузью огюнде тюзене, ашыкып, оны динѳлемеген кѳолларындан де дудакѳ боясыны, де янакѳ тозуны тюшюре эди...

– Кѳызым, Хабибни онынѳ одасына озгѳар ве ярдым эт. Мен бекленильген мусафир огюне шимдики алымда чыкѳып оламайджам... барып да, мени танымаз, Изергиль кѳартгийге¹ ошатыр... Бекир агѳа бир кере айтмайып кѳалмагѳан эди... мен акъыл-хатырасыны джойгѳан кѳартбабай олгѳан сонѳ, меним ишимни Гулям-заде, Абу Сайид ве сиз, меним гузелим, девам этерсиз, деп...

¹М.Горькийнинѳ масалындан персонаж.

Хабиб, эфенди онынъ акъкъында бойле лафлар айтылганындан гъает мемнюн олып, таныш одагъа ашыкъты. Мында эр шей эвельки ерлеринде, тийильмеген, чекильмеген тура эди. Санки бухаралы мындан тюневин чыкъып, артындан къапуны сыкъ къапаткъан.

Апансыздан босагъада Ругие ханым пейда олды, лякин эвельки киби енгиль ве хафиф дегиль, яваш, агъыр адымларнен кельди.

Хабиб, оны къаршылап, аякъкъа котерильди:

– Селям алейкум, ханым, – шашмалап селямлашты о, къюю макияж сакълап оламагъан хасталыкътан агъаргъан, шишкен бетини корип. – Мына, келип чыкътым, Бекир агъанен анълашкъан эдик, онынъ авалесинен тюзетильген ве къошмалар иле ишимни кетирдим...

– Сиз кеткенинъизден сонъ, къач вакъыт кечти шу? Аллахом, эки йыл, – тааджипнен сесленди Ругие ханым, – бу вакъыт ичинде нелер олды, нелер олмады... лякин Бекир агъа сизинъ мувафакъиетлеринъизге къуваныр... сизинъ къабилиетинъизге даима ишана эди. Мен де эминим, сиз озъ ишинъизнен ильмий шура огюнде аджайип чыкъыш япкъандырсыз... – Апансыздан синъирленип, башыны къолларынен сыкъты: – Бекир агъа институттан башыны котерип кетти, – онынъ нуткъу багъсыз олды, эр айткъаны арасында девамлы сукюнет укъом сюре эди: – Иште, бекленъиз – Кисловодсктан къайтса, эр шейни озю тариф этер... меним сиясеттен хаберим ёкъ... яш чагъымдан эмин эдим – санат менфур¹ сиссетген устюн... Аллахом, санаторийден сагъ-селямет, эвель олгъаны киби къайтса да... Биз акъайымнен къошакъ савутлардайынмыз – о хасталанды, меним сагълыгъым да осаллаша... лякин эр шей яхшы оладжагъына инанам...

Хабиб оны шашмалагъан алда динълей, къорантада олып кечкен вакъиаларнынъ невбетини сонъуна къадар анъламай эди, – Бекир агъанынъ он йылларнен чалышкъан институттан кетмеси, Кисловодскта тедавийленмеге меджбур эткен хасталыкъ... ве ички къудретини джойгъан, санада озюни сербест ифаде этип оламагъан Ругие ханым... Булар эписи онъа янъылыкъ эди. Чюнки о узакъ Бухарада, бир шейден хабери олмайып, гедже-кунъдюз диссертация устюнде чалышты.

Аяттан кельген бираз пельтек сес Гулям-задени барлыкъкъа къайтарды.

– Ханым, кечке къалгъаным ичюн багъышланъыз, – акълай эди озюни эв саибеси огюнде Абу Сайид – Дёрт апханени айланып чыкътым, эким сизге тайинлеген эр шейни кетирдим...

– Сагъ ол... Асие, эвлядым, иляджларны меним ятакъ одама алып кет... Замет олмаса, хардал кягъыты² ичюн джыллы сув азырла...

Къаршысына чыкъкъан Хабибге таба адым атаракъ, Абу Сайид къокъланды ве шакъа иле деди:

¹ Менфур - презренный.

² Хардал кягъыты - горчичник.

– Семетдешимни кьокъусындан таныйым... тек бухаралылар кукнар¹, керван-сарайдаки кьой териси ве Ляби хаузнынъ² дургъун ешилтим сувунен кьокъуйлар.

– Эйи ки, Каспийдеки киби кьан кьырмызы тюстекинен дегиль. – Онынъ шакъасына уйып, джевапланды Хабиб ве эшини кьучакъламакъ ичюн эллерини ачты.

Чобан-заде санаторийге кеткен сонъ эвде уюм сюрген муитнинъ озю фысылдап лаф этмеге, сукюнет сакъламагъа чагъыргъан киби – атта диварлардан ве гыйичылдысыз ачылгъан кьапулар биле музыка, сесли музакерелер давушлары гъайып олгъаны киби келе эди.

– Сонъ, Бекир агъа насыл? Тедавийлевден файда корьдими? – Теляшнен со-рады Хабиб.

– Ругие ханымгъа телефон ачты... гъалиба, андаки шифалы сув, ванналар, парктаки кезинтилер ярдым эте... Бильмейим, мен Кисловодсккъа эфендинни ёкъламагъа барып келир эдим... лякин Ругие ханым хасталанды... бу да етиш-мегени киби, кьырым студентлеринен айын-оюнлар башланды. Чешит маналар тапып, институт, консерваториядан кьувмагъа чаре кьыдыралар. Бакугъа Бекир агъада тасиль алмагъа кельген олсанъыз – онынъ пешине тюшип. Кьырымгъа къайтынъыз, дёрт тарафынъыз кьыбла, дейлер... Бакуда тек Асие къалды. Ругие ханымнен пек якъынлаштылар, онъа эвни бакъмагъа ярдым эте... мен белле-сем, манъа, доцентке де – эписи факультет ве кафедраларны запт эткен кьызыл профессорлар – мен оларны политкурьер-цензорлар, деп адландырам – тиш къайрайлар... – умултиликнен дудакъларыны сыкъып, деди Абу Сайид яныкъ-нен: – Билесинъми, ойле олып чыкъа ки, биз дигер бир барлыкъта яшадыкъ ве окъудыкъ. Янъы, торс сою богъазымызгъа япышаджагъыны дуймай эдик... Кьырымда якъалавлар... мында да «Къара шеэр»де мабюслер ичюн янъы ка-мералар кьуралар, деген ошек эшиттим... Бекир оджадан сонъ институттан кьувуладжакъ меним... эгер эски оджалардан, меселя, Бекир оджа я да о киби, намуслы оджалардан кьалгъан сойларыны кьызыл профессура топлашувында баштан-аякъ чамургъа булгъаласанъ, ифтира атсанъ, къалырсынъ, бельки де, даа юкьары котерилирсинъ... арсланларгъа къаршы сыртланлар, иште...

Эшининъ монологыны динълеркен, Хабиб апансыздан дигер семетдешини – Са-рымсакъовнен корюшювини хатырлады ве эминликнен айтты:

– Мен Кисловодсккъа кетеджем... ярын вокзалгъа билет алмагъа барарым... Ана-бабам ёлгукъ берген парам даа бар... тренлерде икътисат эттим... – Эм, ишанчлыджа корюнмек ичюн джеплерини таптады.

– Яхшы олур эди, бар да кель, – кьолтутты онъа Абу Сайид ве фикирини де-вам этерек, – эфенди кьуваныр.., – деди. – Эгер тренде икътисат эткен паранъ етмесе, «Тандыр»даки даимий муштерилерге мураджаат этерим... ким не къа-

¹ Афьён – наркотическое вещество.

² Эски Бухаранынъ меркезинде къазылгъан суный сув тыйнагъы.

дар берсе, берсин. Я да нард ойнарым... ортагъа юз рубле къойып, учь кере «Шеш-беш»те ютсам... Нард оюнында баягъы уста олдым... – эеджанлы Абу Сайид огге-арткъа юре, санки озю Чобан-заде иле корюшювге бармагъа азырлана эди.

– Нард? Пилявханеде? – деди, озь фикирлерине берильген ве далгъын алда олгъан Хабиб.

– Пиляв дегиль, долма... пилявханеге учь маалле бармаздан эвель айланып кетем... сен дегиль эдинъми ант эткен: Шаркъта энъ яхшы пилявны Бухарада пиширелер... мындакени агъызгъа алма... «Кёр огълу» лагъаплы Джафар Бухарагъа барып огренди, лякин беджерамады – къоллары керек ерден осьмей. Джафар озю баштан аягъынадже ермай къокъуй... Бунуны ичюн девзира¹ бу бакулы къазан башына кечкенини ич де истемеди, гъалиба....

– Башында эр шей къарышты... Аршин мал алан, долма, девзира... Догърусыны айт, сен мени эриштиресинъ, мени Кисловодсккъадже узун ёлгъа азырламакъ ичюн..., – сёзюни битирмейип, Хабиб къолуны къакъты: санки энди автобуста салланып, деньизинъ теляшлы къанлы къырмызы ялысыны айланып кечкени, Бакудан эп узакълашып, Эльбрусныны этегинде ерлешкен сырлы Кисловодсккъа кеткени козь огюне кельди...

III

Кооперативнаядан эки маалле узакъ олгъан автовокзалныны боз къутусына бакъкъанда, козюны ич бир шейге илишмей эди. Беклев залыныны къапулары артынадже ачыкъ, ичине деньизинъ тузлу, дымыкъ авасы кире.

Тынчыкътан байыладжакъ алда олгъан къадындар, мумиялар киби къыбырдамай отура, янларында раатсыз, агълагъан балалар.

Милис хадимининъ сынайджы бакъышына даянып, Хабиб кассагъа олгъан невбетнинъ къуйругъына турды. Тосат-тосат курткасыныны джебиндеки акъча дестесине тийип ала: тренде икътисат этильгенлерге мангъл, пилявханелерде, «Тандыр»да топлангъан хайрие паралары къошулды. Абу Сайид эписини айланып чыкъты ве бу паралар Бекир эфендиге, Кисловодсккъа бармакъ ичюн керек олгъаныны анълатты.

– О-о, эфенди, эфенди, – бу сёз озю адий тюкянджылар ве ашчылар арасында азиз сайыла, оны ерли азизлер ве эвлиялар сырасында анъа тургъанлар...

Даа невбетте отургъанда Хабиб касса пенджереси устюнде асылгъан, Кисловодсккъадже къалын къыйыш сызыкъ иле реклама маршрутына дикъкъат этти. Къырмызы деньиз отларыныны сыкъ къатламлары ичинде богъулаяткъан Каспийнинъ ялысындан... Сонъ: Самур, Куба, Кизляр, Дербент, Махачкала... Грозный, Пятигорск, Минводы, Ессентуки, анда исе Кисловодсккъадже аз къа-

¹ Озбекистанда байрам, той тиявы пиширилген кейфиемги пирнич джынсы.

ла... Эвель бухаралы эшитмеген бу адлар озь тылсымлыгынен айретлендире, дюньянын белли олмагъан кошелери киби чагыра эди. Лякин бу ерлернин чокъсунда, тюрк къабилелеринин лехджелерини, тюркюлерини, дестанларыны язып, Бекир агъа олгъан эди...

Бу сырлы¹ ерлерден, оджасынын изинден кетип, талесине де бармакъ къысметтир. Сырлы маршрутнын тек бир ери таныш корюнди – Ессентуки. Бу ерге бабасы, «интернационал», «рабоче-крестьянская инспекция», «Пролетарии всех стран – соединяйтесь!», «Кто был ничем, тот станет всем!» киби сёз ве ибарелерни адий озьбек халкъына анълашылгъан тильге терджиме этип, большевиклернин янъы сёзлери иле къыска сёзлюк тертип эткени ичюн, Наркомпростан² макъуллев сыфатында ёлланма алып, барып кельген эди.

Бабалары раатлыккъа кеткенини беклеген анасы – Марьям-бону – артындан къапуны къапатаркен, енгилликнен нефес кечирди, юзюм тюбюндеки тапшангъа отуруп, кокке бакъты ве дуа окъугъан киби:

– Аллагъа чокъ шукюр... Эвмизде эки-учь афта тынчлыкъ ве раатлыкъ олур – командир къычырыкълары ве опыкелерисиз...

Анасы омузланыны керди, санки аркъасындан агъыр юкни тюшюрди. Енгиль юрюшнен дюгенелерине мусафирликке, бир эки кере Хабибнен, дженубий тарафта ерлешкен «Шеригон»³ арабакъапусы олгъан яры йыкылгъан кермен дивары янындаки шеэр медениет паркына, безз экраны чинарлар кевделери арасына асылгъан язлыкъ кинотеатрине биле барды.

Лякин тынчлыкъ ве раатлыкъ, бабасына раатланмакъ ичюн берильген дёрт афтагъа дегиль де, учь кунге сюрди. Агъыр адымларнен эвнин босагъасындан атлап, шашкъан анасы огюнде яры-ярыгъа бош джеמידаныны оданын кошесине котерип атты ве:

– Ессентукта яшайыш ёкъ... тынч, сырасынен... мен алышкъан сынфий ку-реш руху дуоюлмай... безз халатлар – саба турмакъ – акъшам ятмакъ – булар мен ичюн дегиль... джаным сыкъылгъанындан олеяздым...

«Бадам айткъан «олюм ери»не бакъмакъ меракълы олур эди», деп тюшюнди Хабиб ве кассаджынен юзме-юзь билет сатылгъан пенджеречик янында олгъаныны абайламай къалды.

Араларында къыска субет:

- Къайда, яш йигит?
- Кисловодсккъа... бугунь.
- Билетлер тек биринджи сентябрьге.
- Ёс вакъыткъа?
- Сабамагъа беджермейсизми?.. Еди куньден сонъ...

¹ Сырлы таинственный.

² Народный комиссариат просвещения -- Халкъ маариф комиссариаты.

³ Арслан авджыларынын арабакъапусы.

Хабиб шашмалагъанындан, артында туруп, энъсесине нефес эткен акъай оны къабаджа небеттен итеп чыкъаргъандже, касса янында тура берди.

Залда бошагъан ерге отурды ве озъ-озюне фысылдап суаль берди: «Энди не япмалы? Ругие ханым даа бир афта сабырсызлыкънен беклевден болдуруп, апансыз адамларнынъ телефон ачкъанларына чапып бараджакъ, Бекир агъаны къасевет этип, бир кошеден дигер кошеге юреджек...».

Янында отургъан эсли, эски мотлы пенсне кийген акъай козюни китаптан алып, нефес кечирди:

– Не япмалы?! Беклемели, яш йигит... манъа мында джойгъан кунълериме янмакъ ери бар, сизинъ исе бутюн омюринъиз огюнъизде... Даа нелер-нелер беклерсинъиз яшайышта – ятакъ сатын алмакъ ичюн талон да агълагъан баланъызны ашатмакъ ичюн сют ашханесине небетни... дантистке къабулны я да пролетарийлерге алякъасыны къайд этип, башына къызыл къыйыкъ багълагъан бездирген апайнынъызнен айырылыкъны...

Зиялынынъ фикир этиовининъ къарама-къаршылыгъына къыймет кесмеген Хабиб озъ меселесини текрарлай эди:

– Манъа бугунъ керек, я да энъ кечи – ярын... Беклейлер, – эм оны теляшландыргъан фикирлер топундан апансыздан бусы айырылды: пролетар фаалининъ къызыл къыйыгъында бездирген апайы... Недендир, бу къызыл къыйыкълы фальнинъ сымасы оны балалыкъкъа, узун кой ёлуна къайтарды. Бу ёлдан къомшу къадынъга джаны агъыргъанындан козъашларыны тутып, бир озю кеткен эди.

Бабасы о заман Гиждувангъа – Бухарадан къыркъ километр авлакътаки бир шеэрчикке мектеплерге мудирлик япмакъ ичюн ёлланылгъан, афталарнен эвге къайтмай эди. Анасы озъ насылдыр ишлеринен онынъ янына, Гиждувангъа бараджакъ олып, Хабибни эсли къомшусы – Гульсумнынъ васийлигине къалдырып кеткен эди.

Джан сыкъысындан азбарда футбол ойнагъан Хабиб, тесадуфен, онъа пенджерен бакъкъан Гульсумнынъ пенджересине топнен урды. Парлангъан джамнынъ шашыртыджы чинъильдисе ве къоркъудан къыйышкъан къан ёлакълары иле Гульсумнынъ юзю огъланчыкъны ойле сескендирди ки. о, анасындан имдат къыдырып, арабакъапугъа атылды. Гиждувангъа джаяв бармагъа къарар алды. Кене яхшы, ёл таныш эди. Чюнки бундан эвель автобуста бабасынен онынъ иш ерине баргъан эди... Бойле этип, ялынаякъ, къаршысына кельген адамларнынъ – къайда кеткени, джоюлмагъан экенми, деген суаллерине джевап бермейип, юре берди.

Аман-аман къыркъ километр ёл юрип, Гиждуваннынъ дживарына якъынлашкъанда кечкен машнадан апансыздан анасынынъ сесини эшитти:

– Хабиб, огълум! Эвден къачтынъмы? Не олды?

Машна бирден токътады. Айдавджы когертени тюшюрип, огъланчыкъны котерди ве баласы ичюн къоркъудан буз-бузлагъан анасынынъ къолуна узатты.

Бухарагдаже бутюн ёл бою оны къучакълап кетти, инат бала кене бир орьнек косътереджегинден къоркъты...

Хабиб озъ омюринде ильк сеяатыны хатырларкен, эски мот пенснедеки пасса-жирге чевирильди ве апансыздан сорады:

– Кисловодсккъадже къач километр, айтмазсызмы?

– Айтырым, – азырлыкънен сесленди къарт, – ве бурнунда пенсени тюзетти. – Эгер бугунъ автобускъа минмеге огърунъыз олгъан олса – секиз юз алтмыш алты километр... бу беш юз отуз инглиз мильге мусавий... Эгер джаяв – тендюрист, акъайджасына юреджек олсанъыз... бир ерге бурулмайып, догъру ёлнен – еди юз километр...

– Сиз Кисловодсккъа джаяв бардынъызмы? – тааджиПЛенди Хабиб, ильк кере онынъ бурюшкли бетине бакъып.

Лафазан субетдеши китапны ачты, санки анда ишанчлы субет ичюн бир шей-лер язылгъан эди. Лякин тез къапатты.

– Мен император хызметчисим, такъдир эмиринен большевиклерге хызметке кечтим... Бутюн Кавказны энине боюна, эм де Каспий этрафындаки топракъларны ермай къыдырып, доланып чыкътым... «Къара шеэр»де биринджи къуюны тешкен эдик... Козълерим энди манзарасыны унутты, аякъларым исе хатырлай, геджелернен сызлайлар... Эбе-ет, беш юз отуз миль, бир дюйм зияде дегиль...

Хабиб сабырсызлангъанындан атылып турды:

– Джаяв барарым... мытлакъа етиштирмек кереким... Манъа еди яшымда, эбет, еди юз километр дегиль, олгъаны-оладжагъы къыркъ километр юрмек къысмет олды, – лякин шу арада, эсаплап, кене отурды: Адий адымнен беш километр дегиль, тез юрюшнен еди километр олсун... гедже раатлыкъкъа бир саат.

– Бир дакъкъачыкъ! – сабыкъ чар мутехассысы яш адамнынъ джесаретлигини бегенди. Онъа ярдым этмек макъсадынен узакъ сефернинъ вакътыны акъылында эсаплады: – Бир кунъде тез адымларнен сиз юз алтмыш километр кечерсиз. Бир саат юкъламакъ ичюн айырсанъыз, Кисловодсккъадже дёрт ярым кунъде барып чыкъарсыз... хасталангъан эфендининъ хатыры ичюн джуръатлы олунъыз, йигит... Талебе ичюн оджа – бабасындан устюн – Сизде шаркъта ойле айталар, гъалиба... Сизде джаяв юрмек теджрибеси де бар экен. Балалыкъта алынгъан теджрибе, къашкъырны сезгирлик юрсеткен киби, хатасыз ола... – Бираз сускъан сонъ, къошты: – Дербентке киргенинъизде, кемер янында – уфакъ къынтавлы къавехане бар. Анда лезетли ашамакъ ве бираз юкъламакъ чаренъиз олур. Сиз озюнъизге айыргъан бир сааткъа тамам олур... Меним яхшы танышым Сафар Мемет огълу... Шишханеде гедже-кунъдюз ола... чагъырсанъыз, Мемет огълу юкъудан козълерини сюртер ве шу арада софраны донатыр... Грозныйнынъ дживарында исе – акъсакъ Ахмад, менден селям айтсанъыз, гедже биле сиз ичюн вайнахларнынъ лезетли ашы жижиг-галнашны къыздырып

берир... тоймасанъыз – фурундан чыкъарып, чепалгаш¹ иле сыйлар... меним адымны айтынъыз – Фатали Гянджеви... чаргъа киби хызмет этер, даа ёлджугъа эндирим де япар...

«Къарт, гъалиба, акълы», – тюшюнди Хабиб – «янъы ерлерни корерим, вайнах ашынынъ дадыны бакъарым... бухара ашларына къошма бир-эки рецепт язып алырым... анам ашкъа уста, пек лезетли пиширир». – Кене китапкъа далгъан Фатали Гянджевиге чевирильди.

– Икметли меслеатынъыз ичюн сагъ олунъ, Фатали агъа... Эвге тез-тез барып келейим, ёлджу урбасыны киерим де, ёлгъа чыкъарым...

– Енгиль, хавфсыз ёлунъыз олсун, – тиледи Фатали Гянджеви ве къолуны саллады. – Узакъ ёлнен хастагъа баргъан инсан къальбинде дева кетире. – Ве къошты: – Тек чы-тырманлы дагъ чалыларына далманъыз... агъа-къардаш урушы къызылларнынъ гъале-бесинен биткенинден хабери олмагъан акъ субайларгъа расткельмек хавфы бар...

IV

Бекир агъа иле корюшмек ичюн Кисловодсккъа джаяв кетмек къарары биз бухаралыны ойле бир эджанландырды ки, Кооперативная сокъагъына тез адымлагъан вакътында о, озюни энди янъгъыз ёлджу олып, сюлялеси имам Шамильден башлангъан акъ гвардияджы авар субайлары сакъланып юрген тикенли дагъ ёлчукларындан кеткенини козь огюнде джанландырды...

Эвге киреджекте, нефесини тынчландырмакъ ичюн, адымларыны явашлатты. Асие, Абу Сайид аман да айретленирлер, деп тюшюнди. Ругие ханым исе талебесининъ Бекир агъагъа садыкълыгъына къыймет кесер...

Лякин квартиранынъ къапусыны ачкъанынен, белли олмагъан адамларнынъ серт эмир берген сеслерини эшитип, тааджиplenди ве шашмалады. Давушлар шаматасындан къадын агълавы айры эшитиле эди...

Хабиб къапуны бирден ачты ве босагъада, даа эки саат эвель денъизни тап тюбюнден тёпесинедже темизлейджек къызыл фуртунаны беклеп дюрбинге бакъкъан адамнен юзьме-юзь къаршылашты... «Сарымсакъов аркъадаш» – санки юзюни атеш якъкъан киби олды.

– А-на-на, меним семетдешим Хабиб Гулям-заде, янълышмасам, – деди Сарымсакъов, Хабибни баштан-аякъ сюзерек, санки о урбасы астында бир шей сакълай. – Кисловодсккъа бармагъа истединъизми... энъ олмагъанда – джаяв... ашыкъманъыз... эгер, машинанен кетмек джаяв юрмектен хавфсыз олгъаны къарарына кельсек, шу куню сизге билет алырмыз... девлет эсабындан.

Онынъ эмир этиджи сесини эшитип, ятакъ одасындан къолларыны эджан иле къапкъачлагъан эм башына сылакъ явлукъ саргъан Ругие ханым чапып чыкты ве яйгъаралы сеснен къычырды:

¹ Вайнахларнынъ миллий ашлары.

– Аллахым, Хабиб! Бизде тинтюв... не ичюн? Неге? Бекир Чобан-задени неде шеклегенлерини айтмайлар! Бу кышкыртма!¹ Бойле кѳанунсызлыкѳ юзѳ бергенини Парижде, Берлинде, Будапештте, Москвада, Ташкентте, эм де мында, Бакуда бильселер, онынѳ зенаатдашлары, талелелери не тюшюнѳр?!

Давушына ятакѳ одасындан ашыкѳмайып, агѳызында тютеген папироснен кесментик, таз баш, салпыкѳулакѳ адам чыкѳты:

– Тынчланынѳ, бизим севимли артистимиз... хасталанырсыз, кѳоркѳам, тѳшек хастасы олурсынѳыз... Сиз – халкѳ серветисиз², сийрек истидат, озюнѳизге мукѳайт олмайсыз, – айнеджилик этип, пиязламагѳа тырышты о.

– Генерал Сумбатов?! Бу спектакльни неге косѳтересиз? Бутюн эвни аякѳтан башкѳа кѳойдынѳыз, уста Джованни Понтининѳ он единджи асыргѳа аит фортепианонынѳ кѳапагѳыны тырнадынѳыз... клавишаларыны батырдынѳыз, санки сизинѳ команда бу клавишаларда «казачок» чалды... Акѳайым йылларнен устюнден чалышкѳан кѳыймети буюк олгѳан эльязмаларны аякѳ тюбуне атып, кирли чызмаларнен басып кечтинѳыз...

– «Казачок»! – шакѳылдап кульдѳи Сумбатов, сары, тютюнден сараргѳан тишлерини косѳтерип. О, мундирининѳ юкѳары дѳгмелерини ашыкѳып чезгенде исе, бойнунынѳ дамарлары кѳабаргѳаны корюнди. – Не ичюн «Джанги»³ дегиль?!

Оны динѳлемезден, Ругие ханым аякѳ тиремеге девам этти:

– Атта мусафиримизнинѳ джемиданыны тинттинѳыз, – Хабибге чевирилип, козьлерини акѳайтты. – Не кѳыдырдынѳыз, бир чифт чорапмы? Тюб урбасынымы? Айып олсун! Гѳарип аспирант... Бутюн шейлерини кѳарыштырып кѳойдынѳыз, учѳ йылыны сарф эткен ишининѳ саифелерини дагѳыттынѳыз... Онынѳ оджасы – йигирми дѳрт яшында профессор унваныны кѳазангѳан Бекир Ваап огѳлуны тюркшынасларнынѳ бутюн топлашувларында дюнѳяджа белли олгѳан алимлер янына алып, президиумларгѳа давет эте эдилѳр... онынѳ бутюн, эминим ки, келеджекте музейлернинѳ дегѳери оладжакѳ китапларыны, эльязмаларыны, языларыны кирли солдафон чызмаларынен бербат эттинѳыз, – токѳтамакѳ бильмеди Ругие ханым. Онынѳ сесинде агѳламсырав нефрет иле денѳишип турды.

– Олды! Олды! – котерди кѳолларыны Сумбатов. – Джаным, тынчланынѳ... профилактика, огѳюни алмакѳ макѳсадынен... Сизинѳ акѳайынѳыз киби истидатлы адамлар бала киби садедиль олалар... яман бир алгѳа тюшмесин деп, кѳоруймыз... эр ерде тузакѳлар кѳоюлгѳан... инкѳиляп душманлары юкѳламай... – Ве кѳычырды: – Команда – пешимѳ тюш!

Ругие ханым чагѳырылмагѳан мусафирлерни озгѳараракѳ:

¹ Кѳышкыртма - провокация.

² Сервет - достояние.

³ Джанги – азербайджан аскерлерининѳ дѳженкѳавер оюны.

– Ёкъ! Башкъа чагъырманъыз мени... сизинъ милислеринъиз огюнде йырламакътан ред этем...

Энди къапуда тургъанда Сумбатов даа бир тынчландырыджы арекет япаджак олды:

– Сизге уста Керим Бедайбейлини чагъыртырым... фортепианоны сазласын¹ деп... яхшы къалынъыз... Бекир Вааповичке селямлар сёйленъ...

– Аллах къорусын! – айтмагъа етиштирди Ругие ханым: – Сизинъ Бедайбейли саздан гъайры къолуна бир шей алмагъан... Джованни Понтининъ фортепиано-сыны сазламакъ къолундан келеджекми...

V

Пенджерде танъ аткъаны белли олгъанынен, Хабиб агъыр, раатсыз юкъудан уянды ве кийинмеге ашыкъты. Онынъ къальбинде, бельки, биревлер Кисловодск-къа бармакътан ред этер ве билетини кассагъа къайтарыр, деген умют бар эди. Тюневинки къалабалыкътан сонъ, Чобан-заде иле корюшмекни даа зияде сабыр-сызлык иле бекледи, оны къучакъламакъ, сагълыгъыны сорамакъ истеди...

Хабибининъ одасында давушлар пейда олгъанынен, алсызлыкътан зорнен аякъ устюнде тургъан Ругие ханым да аякъа чыкъты. Кергин синъирленювден бутюн гедже онынъ козюне юкъу кирмеди, чюнки Сумбатов командасы иле я гедженинъ дер маалинде, я да танъда, умумен, эр аньде къайтып, тинтювни девам этеджегинден къоркъты.

Сиясеттен ич алып береджеги олмагъан, севген ишине бутюнлей берильген Ругие ханым апансыздан театре олып кечкен сонъки топлашувлардан бирини хатырлады. Шу топлашувда директор эмир сыфатында репертуарны гъайрыдан бакъып чыкъылмасы акъыкында сёйлеген эди. Цензурадан Юсуф Везир, Али Назим, Мюшфык, Мухтанлы, Талыблы² кечмедилер. Спектакльде бу муэллиф-лернинъ шири я да къыска бир репризасы янгъырагъан олса, электен кечир-мек эмир берильди...

Къадынынынъ пек тесирленген табиятыны билип, Чобан-заде онынъ иле сиясет акъкында лафлардан къачына тургъан – къорантада теляшландыргъан, «халкъ душманлары» адландырылгъан кимселер иле сонъсуз курешке джелъп этильген къызыл профессуранынъ заман эмиринен денъишкен, къарышыкъ къуйпалыгъынен³ вздорность багълы мевзулар ясакъ астында эдилер.

Кисловодсккъа кетмезден, Чобан-заде тесадуфен айткъаны киби, о, ве даа он-гъа якъын оджанен берабер институттан ректорлары Симург Тагишабазыны⁴ кетмеге меджбур эттилер.

Хабиб одасындан чыкваркен, шашмалагъан Ругие ханым иле къаршылашты.

¹ Сазламакъ – настроить.

² О заман Къара шеэрде анисте булунгъан белли азербайджан язиджылары.

³ Къуйпалыкъ – вздорность.

⁴ Къара шеэрде идам этильген мешур риязятчы алим.

– Хабиб, сизмисиз? – ичи энгиллешкен киби, нефес кечирди кьадын. – Мен, тюневинки чагъырылмагъан мусафирлер кене кьапумызны тырмалай, деп белледим... Анджакъ, мен неден кьоркьа экеним?! Айтылар да, муфсит¹ ич бир шей тапмадылар... Сумбатов да незакетли эди, фортепианоны сазламагъа ишандырды, – кьадын токътап-токътап, фикирлерини кьарыштырып ифаде эте эди. – Анджакъ ким биле оларны – агъызларындан бал тамлар, джеплеринде исе окъ толу наган... Тюневин олгъан шейлер акъкъында Бекир агъаньызгъа сёз кьачырманъ. Айтынъыз: седемиз, беклеймиз... эм Кисловодскта чокъ кьалманъыз. Сиз эр вакъыт озюньизни тута бильген, сабырлы адамсыз... тюневин де дже-сюрлик косьтердинъыз... Бутюн гедже юкъламадым, мийимни чешит фикирлер ёрды... театр репертуарындан силип ташлангъан азыджыларнынъ адлары... эм апансыздан, булар арасында билесиз нени тюшюндим?.. Кьадынларнынъ сезгирлиги алдатмаз – сиз ве Асие бири-биринъызге пек келишесиз, бир бахт йылдызы астында догъгъан киби, – деп кьошты.

Башына явлукъ багълагъан, китапларны тоздан сюрткен Асие, озь адыны эшитип, Бекир агъанынъ кабинетинден юзюни косьтерди.

Хабиб онъа достане баш кьакъты ве Ругие ханым узаткъан зарны алды.

– Бекирге эки сёз яздым: беклейим... седем. Тюневинки акътар-тёнтер акъкында бир сёз ёкъ... Огъурлы ёллар олсун, яхшы хаберлернен кьайтмакъ насип олсун.

Хабиб мектюпни курткасынынъ джебинде терендже сакъламакъ макъсадынен, оны тантимнен кьатлагъанда Асие чыккы:

– Ханым, Бекир агъанынъ кабинетинде кене темиз ве кьынтавлы...

– Ёкъ, мазунлыкъ² иле сесленди эв саибеси, – бизим ювамызда энди ич бир вакъыт кьынтавлы ве тынч олмайджакъ... Мен буны билем, сезем...

Бугунъ, бельки, такъдир онъа кулер, деген уютнен, Хабиб чыккышкъа догърулды, лякин азбар кьапуны ачмаздан, апансыздан ичинде шубе догъды: онынъ эр бир адымыны незарет эткенлер бардыр. Ойле олмаса, Сарымсакъов онынъ автобус станциясына тюневин баргъаныны кьайдан бильди..? Керчектен де, оны аязлы сабанынъ кескин кьокъусынен кьаршылагъан сокъакънынъ кошесинде, трамвай дурагъынынъ кунешлиги тюбюнде, кьалдырымгъа япышып, брезентнен ортыюли машина тура эди. Бир кереден айдавджынынъ еринде балыкъ кьармагъыны дюменге денъиштирген Рустем козьге чарпты. Артта исе – Чобан-заденинъ эвинде тюнтюв вакътында онынъ джемиданыны акътаргъан сержант Ахундов отура эди.

Хабиб, машинаны корьмезден олып ве такъиптен кьачаракъ, кьатты адымларнен автостанциядан терс тарафкъа ёл алды, лякин оны чагъырдылар:

– Эй, деликъанлы, джаяв юрменъиз... ёл узакъ – сизни машина беклей.

¹ *Муфсит* - крамоольный.

² *Мазун* - печальный.

Биринджи фикир чипмакъ, машина кечип оламагъан янаша тар сокъакъкъа бурулмакъ ве Ичери-шехернинъ битмез-тюкенмез лабиринтлеринде гъайып олмакъ эди... Лякин, озю-озюнден беклемезден, антиквар тюкянчыгъы янында токъталды ве ичеки сагълам фикирлерине динълэнди: Токъта! Акъай ол!

Сержант Ахундов, пыштав къыны асылгъан къайышыны чекерек, пешинден кельди ве Хабибнинъ тирсегинден тутуп, сыкъты.

– Къайда я огъурлар? Автовокзал терс тарафта да. Сизни алып барарыкъ, Кисловдсккъа билет алмагъа ярдым этерик, – енгиль истизанен деди такъипчи. – Лякин бир къач зарарсыз суальге джевап бергенинъизден сонъ...

– Сиз кимсинъиз?! Мени неге эсасланып якъалайсыз?! – Хабиб къолуны серт чекип алды ве кери адым атты: – Машинагъа отурмайджам... Джаяв севем...

Ахундов оны омузындан къапкъачлады:

– Сиз акъыллы адамгъа ошайсыз... милис нарядыны чагъыргъанымны истемезсиз... Тюшонъ пешиме, баштакълыкъ япманъыз...

Машина къапусы янында Ахундов Хабибнинъ куртказы джеплерини акътарды, Рутие ханымнынъ мектюбини къармалап чыкъарды, бухаралыны машинанынъ арт отургъычына итеп отуртты. Озю шаматанен айдавджынынъ кабинасына минди.

Машина еринден бирден кочкенде, къаранлыкъта Хабиб янында отургъан Сарымсакъовнынъ бетини абайлады. Терс-терс юзюне къаршы къычырды:

– Сиз кимсинъиз...? Сучум неде?!

– Шимди даа бир шейде дегиль, – эшитти о сагъыр сесни – Сиз бизни шаат оларакъ меракъландырасыз, яш достум – джадид¹. Пек истер эдим, сиз, илериде де, ватанынъызгъа, къадим заманларнынъ шаирлери мубарек, деп адландыргъан Бухарагъа аман-эсен къайткъанынъызгъадже, тамам шу статуста къалгъанынъызны. – Сарымсакъов «джадид» деп мыскыллагъаннынъ тизине къолуны къойды. – Къабаатлангъанлар бойле онъайтлы юрмейлер... оларны пармакълыгъы олгъан «воронок»ларгъа къапайлар... Тынчланынъ... Раат олмакъ – кучюлю олмакъ... сиз тасавуф суфизм иле авесленесиз, гъалиба... тамам софу киби вакъыт ирадесине ве сабыргъа берилинъиз... ве манъа, семетдешинъизге, ишанынъыз. Сизинъ устазынъыз ве достунъыз олурым, – пиязлап, айта-айта, анълата берди капитан.

– Меним устазым – Бекир эфенди Чобан-заде..., – эшитти субетдеш терс джевапны. – Мен ондан ич бир вакъыт инкъар этмем, якъалав телюкеси олса биле...

– Хм, – кулюмсиреди Сарымсакъов. – Заманлар денъише, устазлар да... къайда шимди бухаралыларгъа устазлыкъ, атта акимлик япкъан – джадид айдут такъымы – Файзулла Ходжаев, Фитрат, Абдукъадыр Мухиддинов, Муса Сайфитдинов ве дигер затлар?! Олар Бухарада омюрге ве тасильге пантюрк къа-

¹Усули-джадид – янгы усул – адлы ариф-сес окъутув усулынынъ тарафдарлары. Уллумен эписи яш, илери зиятылар. Юкъарыда аныългъан азербайджан языджылары о заман Къара шеэрде булуна я да энди идам этильген эдилер.

нунларыны кирсеткенде нелер япкъаныны бабанъыздан соранъыз!.. Ёкъ, бизим догъру ёлдан кетмедилер... Ве джезасыны корьдилер...

Ахундов, джебени къармалады ве бирден Сарымсакъовга чевирильди:

– Афу этерсиз, капитан аркъадаш... Тинтиов вакътында гражданин Гуляям-задеде мектюп таптым, – ве зарны онъа узатты.

Сарымсакъов къычырып окъуды:

– Севем... беклейим... Йырджы – къыскадан, нотадан окъугъан киби, бир арткъач сёз ёкъ...

– Ох, шу йырджы къадынчыкълар, – сесленди Рустем, – Акъайына, севем, деп хабер ёллар, озю исе ойнашынен тешекке ятар... ха! ха!

Айтылгъан сёзлер Хабиб ичюн шамар киби сезильди. О, бирден турмагъа ынтылып:

– Биревлернинъ мектюплерини ачмакъны алчакълыкъ саям! Ойле айтмагъа акъкъынъыз ёкъ, арамзаде! Рутие ханым вели¹ къадындыр!

Сарымсакъов Хабибге тааджипнен бакъты ве, иште, не япайым, хызмет, демеге истегендай, омузларыны сыкъты...

Чорлангъан Хабиб даа бир шейлер айтаджакъ олды, лякин сонъ, оларгъа не дейджесинъ, мундирлер кийген арсызлар, эписи бир анъламазлар, деген киби, къолуны къакъты. Олар ичюн азиз бир шей бармы экен...

Бойле этип, сукюнетте Приморский бульварны аштылар, Графский джаддесини кечип кеттилер, Шамахан арабакъапуларына² бурулдылар. Бу ерде машина ич бир шейнен айырылмагъан «Нефтяник» мусафирханесининъ бинасы янында бирден токътады...

VI

Сарымсакъов ве онынъле кельгенлер босагдадан атлагъанынен, къабул масасы башында отургъан мухафирханенинъ идареджиси ашыкъып турды. Оны чокътан бильген къадын, ялтакъланып, анахтарларны узатты ве мердивенден тёпеге котерильгенлерни кергин бакъышнен озгърды.

Мусафирханеде яшагъанларнынъ дикъкъатыны мына санъа джелъп этмейип, экинджи къаттаки кошеле олгъан одагъа котерильдилер. Къапусы, тышкъа бир сес биле эшитильмесин деп, къалын дермантин иле тарттырылгъан эди.

Йымшакъ диванлар, макъатлар, чечек бардакълары ве диварларда манзаралы ресимлер иле эки ода: буларны Хабиб бир бакъышта корип, козю пенджереле токъталды. Къапуны ичтен килитлегенлерини эшиткенинен, акъылына фикир кельди: пенджерени къырып, къачмакъ мумкюн олур экенми...?

Пенджере артында Ичери-шехердеки Къыз къуллесининъ къаралтысы корюнип тура... къачаджакъ олса, къуртарыджы фарос (маяк) киби...

¹ Вели - святой.

² Ичери-шехердеки Шамахан арабакъапуларына азербайджанлар «Гоша-гана-гали» дейлер.

Сарымсақов онынъ фикирден кести:

– Чай ичеджексинъ, семетдеш, я папиросмы? – деди о, «Казбек» язысы олгъан къутунынъ къапагыны ачып.

– Мен тютюн ичмейим...

– Ана-бабанъа машалла... дегерли тербие бергенлер. – Ве ичине папирос тютюнини терен чекип, къошты: – Айса, арткъач сёзсюз ишке киришейик... Лейтенант Шорохов – ишмарнен, къурбан арагъан мутаасипнинъки¹ киби янгъан козьлери олгъан, сырыкъ киби арыкъ акъайгъа ерини корьсетти – сизинъ еринъиз маса башында.

Обири чантадан гонъ джюзданны чыкъарды, ачты. Биринджи саифеде Хабиб: ««Къызыл фуртуна» иши» деген языны корип къалды. «Кятип» язмагъа азырланды, лякин Сарымсақов ишмарнен онынъ авеслигини сёндюрди:

– Бираз токътайыкъ, лейтенант, соргъу стенограммасыз... эки семетдеш арасында ишанчлы субет олсун, – деп, диванда аякъларыны сыкъып отургъан Хабибге чевирильди.

– Эгер, итираз бильдирмесенъиз, сизден дегиль де, сиз эфенди деп адландыргъан кишиден башлайыкъ... Кимсе ичюн бу сыр дегиль эди: Ташкентте чалышкъан йыллары раатлыкъ куньлерде Чобан-заде студентлерни ойнамакъ, шиир окъумаъ, атта раатланмакъ ичюн табияткъа алып чыкъа тургъан... Гъает дюльбер ерлерге – Дурменге... шенълеше, шакъалаша, чардаш, озьбеклернинъ «Ёр-ёр»ини ойнай эдилер... яваш-яваш бири-бирине ишанмагъа башлай эдилер. Нетиджеде, насылдыр топлум яратылды, берабер Чулпан, Бехбудининъ миллетчи шиирлери окъулды, сиз исе гъайретнен – Абдулла Къадырининъ несир эсерлеринден парчалар... онынъ романы акъкъында зевкъ иле язылгъан сесленювни Чобан-заденинъ эвинде тинтюв отъкерильгенде, шейлеринъиз арасындан таптылар. О йыллары, кунь-куньден табиятта, мусаллат козь ве къулакълардан четте олмакъ авес олгъанлар, текрарлайым, насылдыр яшлар тешкилятына бирлештилер, Чобан-заде уйдургъан низамнамеде, Къуранда емин эткен киби, ант эттилер...

Хабиб, къыйын суаллерге къандырыджы джевап бергенде, янълышмамакъ ичюн, башындан дикъкъатнен динълемеге азырланса да, чорлангъаныны сакълап оламады.

Сарымсақов буны онынъ, чыбалгъан сачларыны сыйпагъанда, къалтырагъан къолларындан анълады.

Дикъкъатыны джелъп этмеге истеп, Сарымсақов текрарлады:

– Булар эписи догърумы? Яшларнынъ миллетчи топлумы?

Хабиб уянгъан киби олды, озюни керчек яшайыштан тыш олгъаны киби дуйды – онынъ яш, назик, бу къадар къабартылгъан яланы къабул этмеген гонъю, Чобан-заденинъ, о, таттинъ йыктылсын, къарышып къалсын, деп, аякълары

¹ Мутаасип – фанатик.

астында кишен¹ төшөлгени себебинден кыальби сызламагъа башлады...

– Мында тек эфенди балалыктан севген «Тым-тым», «Чобан оюны» ве дигер оюнларны огренгенимиз догъру... Кыалганы – ялан. Бундан башкыа кыошмагъа шейим ёкъ!

– Бакъ мангъа, акъикъатсевер! – апансыздан кыошулды субетке, шимдигедже тарсыкып отургъан Шорохов. – Мында тек бир акъикъат бар – бизимки, башкыасы олмай! О – бизим монополиямыз... сен насыл бургъаланмасанъ да...

Сарымсакъов тынчландырыджы ишмар япып, девам этти:

– Мында музакере этиледжек шей ёкъ... Адий суаль: насыл этип сиз, Гулямзаде, Абдулла Кыадырининъ иджадыны сечтинъиз? Онынъ иджады иле огърашмакыны эфендинъиз талап эттимиз?!

– Худжур суаль. – Хабиб, фикирлерини топламакъ ичюн диваннынъ дигер кошесине чекилип отурды. Сарымсакъов агъызындан чыкъармагъан папироснынъ тютюнине богъулып, оксюрге башлады. – Абдулла Кыадырини даа мектеп чагъымда бегенген эдим. Чобанзаде иле таныш олмагъанымдан эвель...

– Кыартананънынъ масалларындан эвельми? – Кулюмсиреди Сарымсакъов, джеп саатыны чыкъарып: – Уйлелик вакъты кельди... Ахундов кыаеге чапачапа барып кель... мусафиримизни де долманен сыйлармыз... Бутюн вакъыт кыапу янында кыаравуллыкъта тургъан Ахундов анаhtarны айландырып, башыны аяткыа чыкъарып бакъты.

«Бу, соргъу япылгъанларнынъ не бир сеси, не кыычырмасы, не зар чекюви эшитилген тена одада олар эм ашайлар, эм оларнынъ акъикъаткыа монополиясынен разы олмагъанларнынъ кыан чыкъкандже кемиклерини кыаралар», – апансыздан козю ачылгъандай, фикир чертип алды генчни. О, турды:

– Сагъ олунъыз... долманъыздан емледим... Азат ола билирми? Вакътынъызны зая сарф этесиз... эгер Чобанзадеге ифтира атаджагъымны беллесенъиз...

Лейтенант Шорохов кыоркъуздажакъ олып, масагъа юругъынен урды.

– Отур!

Сарымсакъов сабырсыз хызметдешини кене тенбиеледи:

– Кыоркъузмакъ керекмей... Бухаралыларны Шаркынынъ Париж сакинлери, деп адландыралар... Назик, тез тесирленген гонъюллери бар... – Хабибге чевирильди. – Бизнен уйлелик ашамайджагъынъызгъа языкъ... бу энди шаркы аныанесине уймагъан бир шей... биз сизни мындан чыкъармамыздан эвель сонъки суаль: Чобанзадеден сонъ институттан чыкъарылгъан... сизинъ эшинъиз доцент Абу Сайид Ходжаев шимди кыайда булуна?

– Бильмейим, – Хабиб омузларыны сыкып, башыны төбен алды...

Ве Сарымсакъовнынъ даа бир лафыны эшитти:

– Худжур бир яш... Заваллы даа тюневин Ругие Гиреевнагъа илядж алмакъ ичюн апханеге чапып кетти ве Каспий сувуна далгъан киби, исиз гъайып олды...

¹ Кишен – путь.

Сарымсакъов турды, мундирини тюзетти, Хабибден къысылган козылерини алмай, тюшюнип бакъты: – Тамам. Бугунъ азатсынъыз... Лякин токътаган эвден бир якъкъа кетменъыз, сизге янъы суалим ола биле... бельки де, башкъа сизни раатсызламамыз. Ким билсин? – Ве, сагълыкълашаракъ, Хабибге къолуны узатты. О исе агъырмакълыкъ этип¹, чыкышкъа адым атты ве токътап, терли къолны сыкъты.

Къапу янында олганда Сарымсакъовнынъ насыатыны эшитти:

– Эм де билинъиз. Эндиден сонъ сиз, башкъалары – сизге таныш яки таныш олмагъанлар сырасында... арындырыджы «Къызыл фуртуна»гъа къошулган... даа бир дане, кичик далгъасыз...

Ахундов къапугъа анахтарны кирсеткен заман Хабиб озъ ичинден кулюмсиреди: «Не керек акъикъаткъа монополияны аллегория ве тапмаджалар иле думанлаштырмагъа...? Ойле тактикамы...?»

VII

Хабиб басамакълар иле ашагъы чапаркен, азатлыккъа олган дуйгъусындан, мердивен онъа пек узун корюнди... Идареджининъ тикилип бакъкъан назары астында мусафирханеден чыкып, не ичюнدير, тюшюнмеден Шамахан арабакъапусы тарафкъа бурулды ве Ичери-шехернинъ сокъакъларына далды. Невбеттеки такъиптен сакъынып, онынъ тар лабиринтлеринде излерини джойдурмакъ истеди.

Яшап кечирген эеджандан онынъ юреги булана эди. Бираз нефес алмакъ ве «Нефтяник»нинъ тена одасында олып кечкенлерни яхшы анъламакъ, Сарымсакъов онъа берген суаллерни хатырламакъ ичюн биринджи расткельген скемлеге аман-аман йыкылып къалды. Лякин не акъкында тюшюнсе де, фикирлери Чобан-задеге, эфенди хавф астында олгъанына къайта берди... Бельки де, бунынъ фаркъына барып, Бекир агъа вакътынджа Бакудан узакъча – Кисловодсккъа кетмеге къарар алгъандыр?!

Къарышыкъ ве чешит яштаки туристлер топлумы къылавуз – эсли, тобан шляпа ве тобугъынадже къырмызы антердеки къадыннынъ ишмарынен Хабибнинъ артында токъталдылар. Чекишкен, ана-мына яйгъара къопараджакъ киби сеснен боразангъа²: «Инкъыляп иштиракчилери ве ветеранлар, етекчи ермайджыларгъа, мектепкедже чагъындаки балаларгъа элли файызлыкъ эндиirim...», – къычырды о. Сонъ, къызыл байрачыкъны саллап, ачыкъагъызлар топлумыны Шамахан арабакъапулары бою юргюзип, «Баку ханларынынъ сарайы»на таба алып барды. О ерде «Ширваншахлар амамы»деген косътергич бар эди....

Дюльбер, къадимий задекянлыкъ корюниши олган Ханлар сарайы артында онъа кесен-кес терс кельген торс, къурум³ излери олган таш бина тура эди.

¹ Агъырмакълыкъ этмек - медлить.

² Боразан - рупор.

³ Къурум - сажа.

Сарайнынъ ренкли, зенгин боялы къапламасына лякъайд козь ташлап, туристлернинъ бири шу таш къуруджылыккъа авесли дикъкъатыны токътатты ве къылавуздан:

– Бу ис баскъан бинада не бар? Балыкъ цехининъ исханесими?

Къылавуз, топаллагъан москвалы, таягъыны котерип косьтерген тарафкъа козь биле атмайып, лаф гизли объект акъкъында кеткени киби, къыскадан:

– Тахкъикъат тюрьмеси, – деди. – Авам халкъ арасында: Къара шеэр...

– О насыл шеэр олгъан экен?! – хымылдады таякълы адам, – адий исхане, – тирельди о озь фикиринде: – Бельки, исханенинъ озь тюкяны бар, анда да, бизим Тамбовдаки киби, чабакъ балыгъы иле бира саталар...

Къылавуз, бу дуюла эди, ахмакъ топлумдан болдурмагъа башлады ве, базыда пельтекленип, озь хызмет вазифесини беджеререк, анылатмагъа тырышты: – Къара шеэр тургъан ерде асыр башында къую бар эди. Капиталистлер ондан, ермай битмегендже, юзсюздже файдаландылар... Ишчи халкъ, отъемкесиз къалып, исьян къопарды... Оларны залымджасына бастырдылар, эписи исьянджыларны атып ольдюрдилер... Иште, къыскадан Къара шеэрнинъ тарихы, – ве, къызыл байрачыккы саллап, ачыкъагъызларны ашыкътыра-ашыкътыра, Ичери-шехернинъ лабиринтлерине давет этти. – Энъ меракълысы илериде оладжакъ... он бешинджи асырдан къалгъан Бухара базиргянларынынъ кервансарайы...

Догъмуш шеэри анылгъаныны эшитип, Хабибнинъ юреги сыкъылды.

«Абу Сайидге хабер этмели, – чевре-четке бакъты: – Бельки, хавф астында олгъаныны бильмейип, мында Ичери-шехернинъ шиш кебаб емекханесинде кейф чатадыр?» – Лякин шу арада бу фикирден ред этти. – Эски шеэрнинъ энъ паалы ашханелеринде кейфленмек ичюн ишсиз доцентте акъча къайда?..

Абу Сайид къайда олмасы мумкюнлигини тюшюнип, Шамахан арабакъапуларындан чыккып кетмеге ашыкъты. Арткъа бакъмай, «Нефтяник» мусафирханеси янындан кечти. Къомшу аралыкъкъа бурулгъан сонъ, ярым саат огюне, андан сагъ чыкъарып экенлерми, деген фикирден чекишкен къапалы кошедеки оданынъ экинджи къаттаки пенджересине бакъып, нефес кечирди... Пенджереде насылдыр инсаннынъ кольгеси корюнди, сонъ экинджисинки. Санки ачыкъ авалыкътан кельген тазе аванен невбет иле нефес ала эдилер...

Эгер Хабиб шимди шу, оны соргъу япкъан одагъа къайтып олгъан олса, маса башындаки декорация денъишкенини корер эди – Шорохов ве Ахундов ерине анда Шор ве Григорянц лейтенантлары отура эдилер...

«Оларнынъ къурбаны ким экен?» – кельди акъылына ве теляшлангъан Хабиб ялы боюндаки бульваргъа таба адымларыны тезлештирди. О ерде севги толуга Абу Сайид... баштан тобугъынадже къара урбаларгъа сарынгъан, озюне бир километр якъын къоймагъан семетдеш озбек къызларындан фаркъ эткен... европа бичимли мот урба кийген яш, эркин Баку къадынларынен танышмакъ ниетинен сыкъ-сыкъ кезе тургъан...

VIII

Эгер Хабиб Гулям-заде, мусафирханеден чапып чыккыян сонъ къомшу берберханенинъ кузъгюсинде чыбалгъан сачларыны тюзетмек ичюн токътагъан олса, пенджересиз, брезент тѣпеси олгъан таныш машнаны, ичинден исе милислер Абу Сайид Ходжаевни чыккарып, мусафирханенинъ къапусына итегенлерини мытлакка корер эди.

Хабиб киби, бу алышылмагъан ве телашлы шараитке тюшкен ишсиз доцент озюни эшине коре, къарама-къаршы алып барды.

Эгер Хабиб, биз корьгенимиз киби, синъирлене ве телюке вазиятинде къорчалама инстинкти оны, Сарымсакъовнынъ суаллерине тиль къайтармагъа меджбур эткен олса, Абу Сайид бойле алларда озюни садедиль, ондан не истегенлерини аныламагъан инсан киби алып бара эди. Дивангъа отургъаны ве сербест, вуджудыны джайратып ерлешкенинен, меракъланды: бу, бельки, хатадыр, бельки, оны башкъасынен, айны о киби муэндислик институтынынъ доценти олгъан кимсенен адаштыргъандырлар?! Чюнки НКВД хадимлерининъ бойле де иши чокъ, эр кесни тешкерип, козетип етиштирамазсынъ... Бакуда эмиш-демишлер юре де: къуюмджы Самвел Акопян ерине кене шу эвде яшагъан онынъ сойаддашы аяккъапчыны якъалагъанлар...

Лякин эр шей Абу Сайид хаялына кельген сценарий боюнджа кетмеди. О, садедиль, масум бир черенен къапалы оданы козьден кечиргенде, къомшу ханеден начар, акъсагъан адам чыккып, эмир берди:

– Манъа бакъ! Кыбырданма! – ве Ходжаевге фотоаппаратны тикледи.

Обири юзюни къапатмакъ ичюн къолунен къорчалайджы ишмар этти.

– Олды!

– Тарих ичюнми? – ынтылды шакъагъа чевирмеге даа джесаретини джоймагъан Абу Сайид. Анджакъ о биле эди: соргъуларда фотоны «Мабюсининъ анкета»сына япыштырмакъ ичюн япалар.

Лейтенант Григорьянц къансыз индже дудакъларыны тебессюмде созды, сесинде энгиль акцент иле, истизанен анылатты:

– Фотограф профессор Чобан-заденинъ истидатлы талебесини хатире оларакъ къалдырмакъ истеди... Йигирми эки яшында оджасынынъ гъайретинен Бакунынъ энъ яхшы алий окъув журтунынъ кафедрасында доцент ерини алгъан... Демек, Абу Сайид Ходжаев, сизге бир къач суаль бермек истеймиз, виджданлы, самимий джевап береджегинъизге умют этемиз.

Абу Сайид козь къыйгыгъындан лейтенант Шор¹, азмагъа азырланып, «Къызыл фуртуна» иши» язысы олгъан джюзданны ачкъаныны корьди.

Абу Сайид бир аягыны дигер аягына нумайышлы къойды ве озконе эмин-

¹ Абу Сайидни къыйнап, соргъу якъан тахкыкыатчынынъ сойады Б. Чобан-заденинъ тахкыкыат ишинден алынган.

лик бермек ичюн маил¹ омузларыны догъурлады:

– Меним джевапларым, мен ким оларакъ: шаат я да шекленген олгъаныма багълы оладжакъ...

– Бу сизинъ самимий икърар этменъизге², бизге ярдым этмек истегинъизге багълы, – къайд этти Григорьянц ве не ичюндир Ходжаевнинъ бурну огюнде пармакъларыны шакълады. Бираз арткъа берилип, Абу Сайид омузларыны сыкъты:

– Самимий олмагъа тырышырым, анджакъ, эгер сиз абайлагъан олсанъыз, мен эеджанлангъанда бираз пельтекленем... бундан интонациямны къанаатлендириджи деп саймазсыз, бельки... – эвельки садедиллик иле джевап берди согъу япылгъан.

Онынъ яры шакъа давуш аэнки, къаршыларында отургъан адам, къапалы одада бир озю олып, къоркъудан тилини юткъанына, я да эсини джояткъан алда олгъанына алышкъан тахкъикъатчыларны энъ башындан асабийлендире башлады...

Институттаки сабыкъ зенаатдашларындан онынъ йымшакъ табияты, шенъ, мазунлыкъ бильмеген къую³ ве танышмакъ ичюн бакулы къызларны сайламагъаныны билип, тахкъикъатчылар Абу Сайид ильк суальден башлап, Бекир Чобан-задеге къаршы оларгъа керекли шаатлыкъ береджегини бекледилер... джевап оларакъ исе кульмек, шакъа этмек...

– Доцент унванына сиз, профессор Чобан-заде сизге теклиф эткен Махмуд Къашгъарлынынъ «Дивон-и лугъат-и ат-тюрк» эсерини азербайджан тилине терджиме эткенинъиз ичюн наиль олдынъыз. Ойлеми? – берди суалини Григорьянц, ода бою юрип.

– Догъру... бакулыларгъа мусафирченликлери ве гъарип студентке къолтуткъанлары ичюн меним тешекюрлерим оларакъ, – джевап берди Ходжаев, озю исе тюшюнди: «Бильмирли инсанлар, бедава айтмагъанлар: энкавэдэде «къызыл пофессорлар» сырасындан энъ тасилли чекистлер чалыша...

Григорьянц, кескин демленген чай къокъусы кельген къомшу одагъа, биревни соргъуда иштирак этмеге чагъырып, бакъты ве бирден чевирильди:

– Я сизинъ акъылынынъызгъа кельмедими, совет бакулыларгъа: ермайджыларгъа, сувгъа далыджыларгъа, денъизджилерге узакъ къуллукъ заманыдан къалгъан «Дивон» неге керек олгъаныны тюшюндинъизми?.. О оларгъа насыл бильги бере биледжек?!

«Ама да янълышкъаным, – тюшюнди Абу Сайид онынъ бетине бакъып, – бир дакъкъа эвельси чекистлерни укъукъюруйджылар арасында энъ окъумыш сандым... мында исе не эшитем... ресмий, эскиджесине, шиарлар тили. Эбет, адджы козь къайтув»⁴ ...

¹ Маил - покатый.

² Икърар этмек - признаваться.

³ Къуй - нрав.

⁴ Козь къайтмакъ - разочароваться.

– Къашгъарлынынъ мешур «Дивон»ны хызметим талабынен алимлер шурасы изини иле терджиме эттим... бунынъ ичюн кафедрада бошагъан доцент ерине кирдим. Эгер къыска айтаджакъ олсакъ...

– Айды, ойле олсун... – Тахкъикъатчы озъ агъыр кевдесинен соргъугъа огърагъаннынъ янына, дивангъа ойле ялашты ки, тап зембелеклер¹ гыйчылдады... – Айса, чокъ икметли алимлер шурасы сизинъ ишинъизде ачыкътан-ачыкъ зайыф, миллетчи фикирлерни не ичюн корьмегенини насыл аныламакъ мумкюн?! – Бирден турып, Григорьянц къапында ««Къызыл фуртуна» иши» деген джюздан яткъан маса янына барып, пармагъынен онгъа тирельди – Бельки, оларнынъ козьлерине Бекир Чобан-заденинъ шуретинден перде тюшти... сёз сырасы, гъает шубели шурет, дер эдим... иште, Чобан-заденинъ тезкереси бар, онда ильмий шурагъа, сизге тюрк филологиясы кафедрасынынъ доцент унваныны бермек риджасы язылгъан. Бу кафедрагъа исе о озю ёлбашчылыкъ япа эди...

– Эбет, риджа этти, чюнки Чобан-заде о заман меним ильмий реберим эди – тааджипнен бакъты тахкъикъатчыгъа Абу Сайид, – профессор Латыф-заде язма шекильде къолтутты...

Григорьянц, козьлерини къысып, соргъугъа огъратылгъангъа девамлы бакъты, санки доцент унваны иле вакиада даа зияде къандыраджакъ делиллер къыдырды.

– Сиз сабыкъ зенаатдаш доцентлер Мемет Энвер-огълу, профессор Ахмат Кълыч-огълунынъ адларыны билесизми..?

Абу Сайид, эбет, белли, дегендай, тааджипнен омузларыны сыкъкъан вакъытта тахкъикъатчы масадан «Къызыл фуртуна» иши» деп адландырылгъан джюзданны котерип, оны авада снылкиди:

– Мында бакъ. Бу эки иззетли оджа сизинъ «Дивон»гъа язгъан изаатларынынъызгъа къандырыджы бир сесленме яздылар... бу намуслы алимлернинъ фикириндже – Къашгъарлы тариф эткен тюрклер тили, оларнынъ адетлери, риваетлери акъкъында сиз язгъанларынынъыз – сахте илим. Сизинъ, къадимий тюрк къабилелерине бакъкъанда, славянлар къабилелери – земаневий рус, украин, акърусларнынъ илерилев дереджеси он къат ашагъы эди – язма тили олмагъан, цивиль адалетли къанунлар олмагъан... къыскасы айдутлар... , деп тасдиkläгъанынынъыз да тенденциоздыр... Эм сиз насыл этип анылатырсыз ки, Чобан-заде киби ойле бир басиретли алим сизинъ язынынъызда усталыкънен сакълы сувасты ташларны, земаневийджесине айткъанда – джебинъизде учпармакълы ишаретни корьмедим? Бельки, сизинъ эфенди бу къатмер миллетчиликке махсус козьлерини юмды? Анджакъ, неге шашмакъ мумкюн² мында!? Адджы алма тюбюнде адджы алма... сиз де зенаатдашларынынъ козюнде адджы алма ол-

¹ Зембелек - пружина.

² Чобан-заденинъ озьбек матбуаты ичюн язылгъан ишлерини теткъыкъ эткен озьбекистанлы профессор Б. Каримов А. Ходжаев акъыкъатен профессорнынъ аспиранты олгъаныны тасдиkläды.

дынъыз, эм олар сизни ве меслекдешинъизни институттан къувдылар... – Айнеджиликнен козьлерини къысып, иш иле джюзданны тосат-тосат саифелеген зенаатдашы Шоргъа бакъты ве Абу Сайидге чевирилъди.

Яшнынъ юзюнде тааджип ве шашкъынлыкъ дуола, санки о, тахкъыкътчы ойле тафсилятлы, давушында махсус азнкнен айткъан сёзлерни анъламай эди.

– Сёз сырасы, Бекир Ваапович Чобан-заде шимди не ерде олгъаныны бильмейсизми? Бакуда я да Къарасувбазарда?

Абу Сайид суальни эшитмегендай олды, онъа ве Чобан-задеге чакъув язгъан – профессор Ахмат Кълыч-огълу ве доцент Энвер-огълуны хатырламагъа тырышты. Оларнен танышлыгъы чокъ якъын дегиль эди, шимди исе ишсиз къалгъан вакъытта оларны хатырасындан умумен чыкъаргъан. Эписи бир бу чакъув онынъ зытына басты...

– Ильмий фезада Къашгъарлынынъ «Дивон» иши этрафында, адет узъре, эки я да учь давалы фикир пейда ола... Шу себептен иззетли «къызыл профессорлар»нынъ сесленмеси... не эди шу адлары... огълу... огълу?, – эки йыл омюрини сарф эткен эмеги нетиджесини яманлагъанларнынъ адларыны хатырламагъа тырышып, манълайыны бурюштирди о, – мен тек Чобан-заденинъ дегиль, Самед Агамалининъ¹ фикирини де козь огъуне алдым.

– Сиз шимди не акъкъында айтасыз? – асабийленип айтты, Чобан-заденинъ булунгъан ери акъкъында суальге джевап беклеген Григорьянц.

– Ильмий алемдеки мунакъашалар акъкъында... – садедилликнен джевап берди Абу Сайид.

Соргъунынъ базы ерлерини язып алгъан зенаатдашы Шор, бесе-белли, джан сыкъыджы иштен безди. Асабийленип, къарандашнен масагъа такъылдамагъа башлады:

– Озь окъумышлыгъынъызны нумайыш этмекни токътатынъыз! Тахкъыкът сизге нисбетен энди екаяне нетидже чыкъарды!

Масагъа такъырдыны этишип, Сарымсакъов къомшу оданынъ къапусыны атчы ве, ягълы къолларыны сюртерек, босагъадан атлады. Артындан, чевре-четке сакъынып бакъкъан хызметчи къадын аш къалымтыларыны алып чыкъты.

– Кунъ хайырлы олсун, Абу Сайид Ходжаев, – бир къарар достане, бир къарар япма сыфатта селямлашты Сарымсакъов.

Абу Сайид семетдешининъ таныш лехджесини эшитип, бекленильмеген бу вазиятте тап турмагъа ынтылды.

– ТааджиПЛЕНДИНЪИЗМИ?! Мен де хызмет ишлеримнен мында, Ташкенттен бинълер километр узакъкъа келип, эки семетдешим – Хабиб Гулям-заде ве сиз иле танышаджагъымны беклемедим...

Хабиб энди мында олгъан, – кельди Абу Сайиднинъ акълына.

¹Чобан-заде иле Истанбулда берабер окъугъан досту.

– Тютюн ичесизми? Буюрынъ... – капитан папирос къутусыны ачып, онынъ тарафына узатты.

– Ичем... – шашмалап, деди соргъутъа огъратылган. О але даа «Хабиб де мында олгъан... Шимди къайда экен? Бельки, шу, Сарымсакъов лезетли ашкъа тойгъан корюнишнен чыкъкъан къомшу одададыр», деген мусаллат фикирден къуртуламай эди. Лякин:

– Лютфен, буюрынъ... – сёзлерини эшитип, апансыздан: – Ёкъ, түтюн ичмей-им, сагъ олунъыз... Мен, иште, янълыш айттым – балалыгъымдаки чаялыгъымны хатырладым...

– Машалла, меним балалыкъ чаялыгъым, ана-бабамдан сакъланып ичкеним, мени теджрибелли түтюн ичиджи япты...

Сёзлерини тасдикълагъан киби, Сарымсакъов токътамайып түтюн иче, тосат-тосат погонларындан, башлары тёпелеринде дауш чыкъарып чалышкъан ельпазенинъ япракълары бутюн одагъа дагъыткъан кульни къакъып тура эди. Бир къач вакъыт тахкъыкътчы Шор отургъан маса устюнден эгилип, «Къызыл фуртуна» иши» джюзданыны саифеледи...

Онынъ таныш корюнген бетине бакъып, Абу Сайид апансыздан, институт китапханесининъ сакълы долапларында яткъан «Чар гизли полисининъ усуллары» деген китапны хатырлады. Онда бири-бирини «даирели соргъуларда» раатлыкъ бермейип, токътамайып, Григорьянцкъа ошагъан «серт» тахкъыкътчыны «муляйим», тамам шимди озюни ойле косътермеге тырышкъан, Абу Сайидге түтюн теклиф эткен, Григорьянцкъа аш кетирген акъсакъ хызметчиге исе, соргъу соралгъангъа буфеттен бир шише «нарзан» кетирмеге авале эткен Сарымсакъов киби сою. Бу токътамагъан, мыргъаны чыкъаргъан даиреге тюшкен инсан, «серт» сою оны акъаретлеп, устюне кычырып, урмакънен къоркъузып, «муляйим» союна теслим эткен сонъ, ондан имдат къыдырып, озю ве башкъалары акъкында, «муляйим» сою не талап этсе, айта тургъан...

Лякин «муляйим» сою да чаресини тапмаса, озюне джелъп этип оламаса, ве соргъу апылгъан адам не озюне, не де башкъаларына ифтира ташламакътан возгечсе, онынъ ерине кене «серт» сою келе. Бусы таякънен агъыргъан ерлерге урмакъ... япышкъакъ орюмчек къолларынен, соргъу соралгъан эсини джоймагъандже, богъмакъ уста...

«Мен олар ичюн ойле... язылмакъ (разминка) ичюним... олар Чобан-задеге якъынлашмакъ ниетинделер» – бу айныкъ фикир Абу Сайиднинъ мийинде олгъан къалабалыкъ ичинден тепип чыкъты.

– Ичери-шехерни бегенесизми? – башлады бекленильмеген суальден Сарымсакъов, ве, джевапны эшитмек ичюн токътамадан, девам этти: – Бакугъа кельгенимининъ ильк куню таныш бир бакулы иле Ичери-шехерге бардым.

Онынъ сеси узакътан кельген киби эди. Чобан-заде акъкында фикирлернен мешгъуль Абу Сайид, эфенди этрафында башлангъан бу хавфлы оюнда эмиет-

сиз бир адам олгъаныны къандырды. Къулагъы уджунда эшитти:

– Энь-эвеля бакулы мени Бухарадан кельген базиргянлар токътагъан керван-сарай янына алып барды... самимиетле, манъа бизим сизнен умумий ватанымызны анъдыргъан кошечикни коръмектен мемнюн оладжагъымны бекледим... Мен исе окюндим, чюнки мында озю акъкъында тек бизим киргин туджджарларымыз хатыра къалдыргъан. Алишер Навон, Бобур, Ибн-Сина киби улу семетдешлеримиз дегиль... – ве тюшонджели алда токътап, капитан тавангъа тютюн булутчыгъы чыкъарып, папирос тюпчигини масада тургъан куллюкке басты.

Абу Сайид бираз бошашты¹ (расслабился) ве дивангъа онъайтлыджа ерлешти.

– Эписи бир Навоининъ руху мында авелей. Бекир Чобан-заде озь ишинде бизим белли семетдешимизининъ шириетини теткъикъ этти... онынъ ичюн...

– Эбет, меракълы... демек, Озбекистаннынъ авасы, манзарасы, ярыкъ кунеши профессорны ильхамландырдылар... бизим улькемизни бир сефер, эки сефер дегиль, чокъ зиярет эткен, озь бильигиси иле бизим анъкъав генч тюрклернинъ дюнья бакъышларыны кенишлеткен Исмаил Гаспринскийни киби... – Ве апансыздан мевзудан чекилип, сорады: – Сиз, мен беллесем, Бакуны Истанбулгъа коре, зияде бегенесиз... Мында сиз ильмий мувафакъиетке ириштинъиз... бу мувафакъиетнинъ эсасы даа Туркиеде къоюлса да... мен сизинъ «Бозкъурт»лардаки² иштирагинъизни козьде тутам.

– Бу янълыш. – Абу Сайид окюнчен дудакъларыны сыкъты, – бир ерде, ич бир тюрлю Истанбул тешкиятларында аза олмадым... университетте окъудым, шиирлер яздым... Эвимни сагъыным яздым, иште.

– Я сиз Самед Агамали иле насыл таныштынъыз? Насыл авесликлеринъиз сизни фикирдеш япты?

– Доктор Агамали иле бизде насыл умумий авесликлер ола биле, о менден чокъ яш буюк, гъает мувафакъ, дюньябакъышлары къавий инсан... бизни Бакуда Чобан-заде таныштырды... – джевап берди соргъу япылгъан сакин сеснен, санки Истанбулдаки окъув йылларыны хатырлап.

– Самед Агамали шимди къайда? Сиз билесиз...

– Ёкъ, тек шуны билем ки... профессор Чобан-заде иле Агамали институттан къувулдылар... Мен де олар иле берабер къувулгъанлар компаниясына кирдим...

– Компаниясынамы?! – Сиз шимди шашырып айттынъыз я да анълы суретте?

– Сарымсакъов къомшу ханенинъ къапусына чевирилди, андан токъ уйлеликтен козьлери ягълангъан тахкъикъатчы Шор чыкъты...

– Я сиз, тюрклернинъкине ошагъан тешкият – «Туркистан бозкъуртлары»нда³ берабер аза олгъан Ташкенттеки студентлер компаниясы акъкъында не айта би-

¹ Бошаишмакъ - расслабиться.

² Туркиеде миллетчи генчлерининъ сиясий тешкиляты. 1960 сс.-дже шекилленди.

³ НКВД тарафындан уйдурылгъан тешкият.

лесиз? Чобан-заде масум¹ раатлыкъ ве оюнлар шекилини берип, сизни табиятка чыкъаргъаны... профессор тюрклернинъ миллий дегери акъкъында девамлы субетлер алып баргъаны... Туркистан совет Русиеге къошулгъан сонъ улкенинъ халкълары тек мустакъиллигини дегиль де, миллий анъыны джойгъаны акъкъында... оларны руслашмагъа меджбур эткенлерини... ве даа чокъ олмайджакъ шейлер айткъаныны...

Абу Сайид тааджипнен Сарымсакъовга бакъты ве сонъ козюни четке алды:

– Булар эписи ялан... Чобан-заде ойле лафлар юрсетмеди! Бекир Ваапович аудиториядан тыш да болдурмакъ бильмей эди... лекцияларда анълатмагъа етиштирмегенини айта тургъан... болдургъан сонъ, ойнап кучъ ала эдик... «Къувалама»ны огрене я да «Батты балыкъ»² ойнай тургъанмыз.

Апансыздан, сааткъа бакъып, субетке тахкъыкатчы Шор киришти:

– Бу яланчыкълар неге керек асыл?! Капитан аркъадаш, хатырасыны бираз тазертмек ичюн, Ходжаевни белли бир вакъыткъа бираз къынтавлыджа шараитке къоймакъ ляйыкъча олмазмы?..

– Ойле олса керек, – керди къолларыны Сарымсакъов ве тамам обире киби сабырсызлыкънен сааткъа бакъты. Бесе-белли зияде муим ве башкъа вакъыткъа къалдырылмайджакъ иши бар эди.

– Машнаны чагъыртынъыз...

– Бизнен кетеджень! – Шор Абу Сайидни къапугъа итеди. О исе чевирилди ве чокъ отургъанындан уюшкъан аякъларында салланды: – Сагъ олунъ, джаяв да юре билирим... – Джамы буланчыкъ ёлакъларнен орънеклengen пенджереге бакъты. – Ягъмур ягъгъанда мийинъе яхшы фикирлер келе...

Григорьянц къапуны бираз ачты:

– Бизнен кетеджень, акъыл торбасы, – деп, босагъадан атлады. Ве Абу Сайид яры ачыкъ къапугъа башыны чыкъаргъанынен, тахкъыкатчы оны тез къапатып, яшнынъ пармакъларыны къысты.

Абу Сайид даянмагъа чареси олмагъан агърыдан къычырды. Григорьянц, кескин сестен кейфленип, къапуны даа бираз къапалы тутуп турды:

– Даа зияде агъыраджакъ, чокъ зияде... эгер ялан айтмакны токътатмасанъ...

IX

Сумбатов ве компания Чобан-заденинъ эвине тинтюв япмагъа кельген кунюнден бир вакъытлары къынтавлы мескеннинъ къою авасындан къасевет руху ве янъы мусибетлер беклеви ойле де аваланып чыкъмады. Бу вазиет Ругие ханым ичюн пек агъыр келе ве о, озюни кунъден кунъге эп начар ве хастаджан сезе эди. Ноталарны четке чекти, фортепиано энди янгъырамай эди... Бекир агъа иле бахтлы эвлиликте кечкен йыллары бу эвде ич бир вакъыт ойле

¹ Масум - невинный.

² Къырымтатар бала оюмлары.

мелюль¹ ве агъыр сукюнет олмагъан эди. Асие иле субетлернинъ мевзусы да чокъусу акъайы эди... Бекир иле бир шей олса, даянамаз, якъаланувы исе яшат-магъан алгъа кетирир...

Тосат-тосат о, санки эссиз алгъа тюше эди... Атта мусафирликке апансыздан яш, мизаджлы², музыкада буюк мувафакъиетке иришеджек Кара Караевнинъ³ кельмеси биле Ругие ханымда аяткъа меракъ къайтармады.

Караев сорамадан фортепианонынъ башына кечип, тикине тургъан сачларыны сыйпады ве Ругие ханым санада баш роллерден бирини иджра этмеге тайинленген «Еди гузель»ден бир къач аккорд чалмагъа ниетленди.

– Оны саналаштырмагъа изин бергендже мен энди къартайып кетерим, – чекти нетиджени Ругие ханым, бекленильмеген мусафирни эвден тездже аткъармагъа ве озъ теляшлы фикирлери иле къалмагъа истеп.

Кара кеткен сонъ шашмалагъан, къайгъы-къасеветге къалгъан Хабиб къайтты. Асие онынъ одасына ашыкъты: сабадан апханеге илядж алмагъа чыкъкъан Абу Сайид акъкъында бир шейлер бильмеген экенми? Хабибнинъ къаршысында, болдургъан къолларыны тизлерине къойып, сусып отурды. Бири-бирини бегенген яшлар арткъач сёзсюз бири-бирининъ алыны анълай эдилер...

Асие ве Хабиб бири-бирине меиль бергенлерини корьген Ругие ханым, шакъа этипми, джиддий айтыпмы, Гулям-задеге меслеат берди: къызгъа онъа акъайгъа чыкъмагъа теклиф этмек ве Бухарагъа алып кетип, Къырымдан келиннинъ анабабасыны чагъырып, той япмакъ...

Бири-бирине меильни ве багъылыкъны берабер операгъа баргъанлары да къызыштыра эди. Театрге кириште билетсиз яшларны Ругие ханым къаршылай ве галёркагъа озгара тургъан. Спектакльден сонъ, тескин алда ялы боюнда кезе, Хабиб Асиеге, Баку пахыллайджакъ дереджеде, Бухаранынъ дюльберликлери акъкъында эеджанлы икяе эте эди.

Ятакъ одасындан инъильти эшитип, Асие Ругие ханым янына ашыкъты, Хабиб исе багълы киби къатып къалды. Онынъ къаршыкъ фикирлери Абу Сайид иле къавеханеге баргъан Ичери-шехернинъ сокъакълары, аралыкълары, лабиринтлеринде эди... Ойле де реаль бир шейге шекилленмейип, теляшлы фикирлер апансыздан къопа, санки Чобан-заденинъ эвинде тинтюв олгъан он бир февраль кунюне барып тиреле ве онынъ къою, къаранлыкъ барлыгъында батып кете эдилер.

Эв ичинде вазиятни даа бетер кергинлештирмемек ичюн Хабиб Ругие ханымгъа ве Асиеге «Нефтяник» мусафирханесиндеки соргъу, Абу Сайидни шеър бою къыдырып юргени акъкъында ич бир шей айтмады. Ялынъыз Ругие ханым дегили, Асие де кескин къадын дуйгъусы иле сезе эди – куньден куньге, челик

¹ Мелюль - удручающий

² Мизаджлы - темпераментный.

³ Азербайджан бестежары.

сармал¹ киби, бу эвде, эм де Бакуда саф юрегинен къабул эткен, севген адамлар устюнде дешетли бир шей сарыла. Ятакъ одасындан чапып чыкъкъан Асиенинъ сесли давушы Хабибни озюне кетирди:

– Хабиб, къач! Сакълан! Подъездге къара «воронок» келип токътaды.

Кескин давуштан Хабиб сескенди, къапалы азбарчыкъкъа чыкъкъан пенджерере якъынлашты. Илък фикири: кучьлю кевдеси иле пенджерере тирелип, первазыны аттырмакъ ве онынъ устюнде ерге барып къонмакъ... Секирге энди азырлангъан сонъ, дешеттен шашмалагъан Асиени коръди ве токътaды.

– Ёкъ, къачмакъ акъайджасына дегиль... Чобан-заде ве Абу Сайид телюке астында булунгъанда... – ве къызынынъ тирсегини сыкъып, сокъакъкъа чыкъкъан къапугъа догърулды.

Къапалы, пенжересинде пармакълыкъ олгъан демир «воронок» ичиндеки думанда тек кабинада отургъан милислернинъ аркъалары корюне эди.

Хабиб, сувукъ тар отургъычта мумкюни къадар къолайлыджа отуруп, дуйгъу уджунда Абу Сайиднинъ омузыны сезді, онъа сыйыкъты, эшини омузларындан къучакълады... ве ушюген къолуна джыллылыкъ къайткъаныны дуйды.

Учюнджи къысым

I

Эмшире Галина Христофоровна, энди эсли яшта олса да, Бекир Чобан-задеден бираз огде чалт юрип, топаллагъан профессор огюнде палатагъа кирсеткен къапуны ачты.

Тынч, яхшы ава денъишкени, ель котерильгени себебинен, къадын озъ ичинден «къыйметли пациент» деп, адландыргъан адамнынъ башы айлана, коксюнде агърылар пейда олды. Танъгъа якъын, палатанынъ пенджерелерине ель бурчакънен ургъанда, Чобан-задеде, эвельки геджедеки киби, нефес тарлыгъы башланды. Онынъ ичюн тедавийлеген экими – Зураб Константинович Жбаниянынъ тевсиесинен сабалыктан эвель япыладжакъ тедавийлев процедураларны уйледен сонъки «тихий час»къа кечирдилер.

«Шарко душ»ы ве нарзан ваннадан сонъ озюни тендюристче дуйып, Чобан-заде, палатадаки къомшусына сантырач ойнамагъа ишандырса да, «тихий час»та бир чырым алмагъа истеди.

Эмшире онынъ къан басымыны ольчеп кетеджекте палатагъа Зураб Константинович кирди ве босагъадан атлар-атламаз, сесинде енгиль гурджи азнкинен соады:

– Сонъ, бугунъ насыл, Галина?!

– Арткъач – юз эллиге юз, набызы сыкъ, – джевап берди Галина Христофоровна бираз къабаатлы давушнен, тонометрининъ осал косътергичлери ичюн къаба-

¹ Сармал - спираль.

атны озь бойнуна алгъандай.

– Аньлашылды, – эким, Чобан-задеге бакъып, манълайыны бурюштирди, тюшюнджеге далды, къыркъ беш яштаки эр киши ичюн – чокъчаракъ... Анджакъ мийнен чалышмакъ, йигирми дёрт яшында профессор олмакъ... Эм къайдадыр дюньянынъ бир тешигинде дегиль, атта меним догъмуш Кутансимде дегиль де... Будапештте – ильмий Авропанынъ меркезинде десенъ, оладжакъ, – айтты Зураб Константинович хатыр сайып ве пациентнинъ сагъ кьолундаки пармакъларыны сыйпакълап. – Эм чокъ акъыл керекмей... аят бугунъ исьян кьопарды... яшына бакъмай, эр кесни хасталыкълар йыкъа. – безъ шапкечигини таз башындан чыкъарып, кокюс кечирди. – Манъа да етиштирмек керек, – апансыздан болюшти эким шахсий меселенен, – къыркъ докъуздам, сыфырсыз элли, диссертация язмагъа исе даа отурып оламайым... Мевзусы да семерели – совет ишчилерни санаторийлерде тедавийлевнинъ илери усуллары... Етиштирир экенми? – ве, Чобан-заденинъ элини сыйпай берип, къарар алды: – Вуджуткъа баскъыны бираз эксильтейик... бир кунъде эписи беш процедураны дегиль де... Бир кунъ шарко, эртеси куню – нарзан... Галина, озюнъизде къайд этинъиз...

Эким Чобан-заденинъ хасталыкъ тарихы иле джюзданны ачты: – Иште, бугунъ бизде,.. – кягъыттан айткъаны киби лаф эткен темпераментли эким джеп саатыны чыкъарды, джамыны сюртти: – бугунъ сабадан бинъ докъуз юз отуз еди сенеси, йигирми секизинджи январь... Сиз бизде даа эки афта мусафиримиз оладжакъсыз... профессор озюни йигирми яштаки йигит киби дуймасына вакъыт етерли... маден ишчисининъ кучю ве сагълыгъы иле... Бизде, экимлерде, ойле шиар бар: «В санатории «Горняк» – выкорчевываем у больного весь сорняк», – ве шакъылдап кульди. – Раатланынъыз, курортнынъ паркында кезининъ, торренкур – тедавийлейиджи юрюш иле авесленинъ ве кок наратлар оськен аллеялардан юрюнъ, анда ава – ах! Яйладаки киби... Эгер де кезинтиге чыкъкъанынъызда янынъызгъа гузель бир къадынчыкъ алсанъыз – къан басымынъыз бирден тюшер, меним бу саада теджрибем бар, инанынъыз, – ха! ха! – къадын иле Нарзан галереясынадже кезинип барынъ, чокъракътан шифалы сувчыкътан ичинъиз, сонъ Кузьгю тыйнакны сейир этинъиз. – Джошкъунылыкънен девам этти эким: – Энъ яхшы терапия, – ве, турып, Чобан-задеге мемнюниет иле элини саллады: – Раатланынъыз. Керек олса, даима ихтиярынъыздам!¹... бугунъ мен санаторий бою геджедеки невбетчи оладжам.

Акъшамгъадже Чобан-заде башы айлангъаны себебинден, онъайтлуджа ерлешмек ичюн бир тарафындан дигер тарафына айланып ятты. Теляшлы тюшюнджелери онъа Хабиб Гулям-заде акъкында да хатырлатгылар... Сонъки мектюбинде бухаралы эфендиге ёлгъа чыкъмакъ ниетленгенини ве бу сефер оджасы онынъ Абдулла Къадырининъ тиль янъылыгъы акъкында ишини макъуллеждегине аруз эткенини язды... онъа пек серт кыймет кесмемеге ялварды.

¹ Ихтиярынъызда - к вашим услугам.

Муддетке коре, Хабиб энди Бакуда олмакъ керек ве Ругие ханым иле Асиенен узун къыш акъшамларыны субетте кечиредир...

Эвинде тинтюв олгъаны акъкъында, Чобан-заде, табийи ки, бильмей эди. Чюнки апайы о, санаторийде тедавийлевни ташлап къайтаджагъыны билип, онъа хабер этмеді. Санаторийге исе оны буюк къыйынлыкъларнен, азатлыкъта къалгъан бир къач достунынъ ярдымынен ерлештирген эдилер.

Ругие ханымны генерал Сумбатов тинтюв вакътында ич бир зарарлы шей тапылмагъаны акъкъында сёзлери тынчландырды.

... Палата эки адамлыкъ эди. Ортасында къар астында сакълангъан Эльбрус корюнген пенджере. Ава етишмегенинден богъулмагъа башлагъан Чобан-заде тёшеги ичинде отуруп, дагънынъ маил сыртына бакъаракъ, манзараны Къырымкинен къыяслады. Къаранлыкъта саллана-саллана, пенджере янына барды. Къомшу ятакъта юкълагъан адам уянып, башыны котерди:

– Не олды профессор? Невбетчи экимни чагъырайыммы?

– Авалыкъны ачсам, сизни ель урмазмы?

– Ёкъ, биз, маден ишчилери, сувукъкъа даяныкълымыз... тек ярыкъны якъманъ... юкълап оламам, – онынъ сесинде Чобан-заде гизленген джан агъырувны дуйды, чюнки акъшам онынъ иле сентырач ойнамадылар.

Горловкадан кельген маден ишчиси пек эеджанлы инсан олып, ойнагъан вакътында ракъибини болдурта эди. Юткъузгъанда исе, озюни акъламакъ ичюн:

– Эбет, профессор математикада кучъю, эм сёзлерни, эм ракъамларны «семычка» ашагъандай черте, – дей тургъан. Чобан-заде исе онъа: – Меним зенаатым башта арифлернинъ дадыны бакъмакъ, сонъ олардан сёз ве джумлелер тизмек, анджакъ бу керчектен де математика къаиделерине ошагъан бир шей.

Маден ишчиси шеригининъ¹ анълашылмагъан сёзлери устюнде тюшюнерек, сусып отура эди. Лякин Чобан-заде де юткъузгъан вакъытлар ола тура эди. Бу вакъытта палатадаки къомшусы: – Шах ве мат, профессор! – деп джекире, онынъ къычыргъанындан пенджерере джамлар биле чынгылдай эди. – Пролетариат мында да озъ шиарына садыкъ къала: беджерикликте къызыл профессурадан бир адым артта къалма...

Иште, къомшусы худжур бир адам эди...

... Ачыкъ авалыкътан, дагъларнынъ маил къарлы джапларындан йылышып кельген сабанынъ тазе авасы кирди. Чобан-заде ичине аваны чекерек, апансыздан тюшюнди:

– Мында Къарадагънынъ чечеклери ве отларынынъ кескин къокъусы ёкъ. Оны коксюнъни керип нефес аласынъ ве тендюристлик, шифа дуясынъ...

Эльбрукъа бакъаракъ, Чобан-заде фикирлеринен Къырымгъа... денъизге... Къарасувбазаргъа къайта, хатырасында догъмушлар – анасы, бабасы, Зулейха къардашынынъ эм де, насылдыр худжурлыгъы я ибареси иле акъылда къалгъан

¹ Шериг - приятель.

таныш к̑арасувбазарлыларнынъ юзьлери козю огюнде джанлана эди. Назарыны азбардаки липилдеген, устюни энди таньдаки кызыл нурлар ярыкълаткъан фенерге кечиргенде, Чобан-заде кене Хабиб Гулям-заде акъкъында тюшюнди... профессор институттан къувулъан сонъ, Кырымгъа къайтмакъ меджбур олгъан студентлерни киби, оны да бу такъдир беклейдир.

Ватанына – Кезлевге, Акъмесджитке, Судакъкъа, К̑арасувбазаргъа къайткъанларнынъ мектюплеринде – сатырлар арасы «эзоп тили» иле якъаланувлар акъкъында хабер пек теляшландыра эди.

Анъылгъан адлар арасында Чобан-заде иле андаки педагогика институтында чалышмакъ кысмет эткен, Миллий Фиркъада¹, 1921-1923 сенелерининъ ачлыгъында фукъарелерге ашайт, пара топлава, гизленген мырзалар ве зенгинлернинъ малыны чекип алува ишбирлик якъкъан²... топлашувларда онынъле джами ве медреселернинъ мулкюни тутып алмагъа чагъыргъанларны... Сонъра, эбет, инкъиялпнынъ акъымына тюшюмезден берильгенине, озюнкилерни ве ябанджыларны айырмагъанына пек яныкълангъан эди...

Бу, яшлыгъынынъ хаталары акъкъында къааръли хатырлавларны коридордаки давушлы адымлар узьди.

– Профессор Бскир Ваапович Чобан-заде мында, он дёртюнджи палатада, – эшитильди Зураб Константиновичнинъ шашмалагъан сеси.

Бирден, диваргъа урулып, палатынынъ къапусы артынадже ачылды. Къаранлыкъта безаз халаты иле айырылгъан Зураб Константинович авизедеки ярыкъларны якъты. Чобан-заде ярыкълан козюни къапатып отурды. Къомшусы сомурданды:

– Ким шу анда?!

Козьлери ярыкълар алышкъанынен, киргенлерден биринджи абайлангъан ве бир кереден олмаса да, таныгъан адамлардан к̑арасувбазарлы Сервер Файтонджы эди. Киргенлер арасында чокъ корюнмеге истемегени себебинден о, Чобан-задеге бир кере бакъты ве генерал Сумбатовнынъ аркъасы артына кечип, сакъланды.

Къапуда бираз шашмалагъан тахкъикъатчы Григорьянц Зураб Константиновични серт арекетнен четке итеди ве Чобан-задеге кыгъытны узатты.

– Гражданин Бекир Ваапович Чобан-заде, савджы³ аркъадашнынъ сизинъ якъаланувынъыз акъкъында эмири, имзаланъыз!

Файтонджы, Сумбатовнынъ омузы артындан башыны чыкъарып, Чобан-заде ашыкъмайып, пенджере янына баргъаныны козетти. Палатадаки къомшусы исе, озюни юкълангъан киби алып барып, ашыкъчанлыкъле ёргъанынен башыны къапатты.

¹ 1917 с. Номан Челебиджисхан, Джаффер Сейдамет ве дигер миллий эрбапарымыз тесис эткен фиркъа. 1918 с. Сонъра, пантюркчи, миллетчи деп ясакъ этильди, гизли чалышты.

² Кырымда 1920 сс. башындаки суллий ачылыкъта эр ай 10-15 бинг адам вефат эте эди

³ Савджы - прокурор.

Пенджеренинъ ярыгъында повестканы окъуды, якъаламакъ эмирини бергенинъ сояадына дикъкъат этти: Теймур Кулиев¹, сонъ кягъытны терсине чевирди, санки онынъ акъикъый олгъанында шубеленди.

Киргенлер тургъан ерлеринде таптанып, сабырсызлыкънен беклей эдилер.

Файтонджы Чобан-заденинъ арекетлерине: яваштан долапны ачкъаныны, аскъычтан къаверенки пальтосыны башта чыкъарып, сонъ кене аскъаныны, биджагъыны кийгенини, тынч ве эеджансыз тавырнен джсплерини тешкергенини, косътекли саатыны къулагъына къойып, юре экенлерми, деп динлегенини, козюни алмай, бакъып турды.

Онынъ сабырлы, тизгинли арекетлерини козетерек, Файтонджы тюшюнди: «Шашмалады, гонъюлю къырылды, талийини чокътан беклеген киби, амма шимди штанына къайышны кечиргенде, вакъыт соза, олып кечкен вакъиадан шашкъан тедавийлейиджи экимининъ къоркъувдан къарылгъан сесине динълене».

– Тедавийлев битмесине даа он дёрт кунъ... он дёрт... энди тюзельмеге башлады... – фысылдай эди эким, якъаланувны санаторийдеки тедавийлев битмегендже, хастаны къалдырмагъа ялваргъандай.

Сабырлы тизгинли арекетлер палатада апис акъкъында хабер кетирген гъает корюмли делегациянынъ кельмесинден пейда олгъан кергинликтен юзь берди. Эписинден зияде исе оны, Къырымда ат ойнаткъан къанунсызлыкъны омюрге кечирген Сервер Файтонджынынъ мевджудиети² эзе эди. Эгер эвель Чобан-задеге онынъ студентлери «эзоп тили»нде язгъан мектюплерде тек узакътан хабер берген олсалар... шимди мына о, хаялет киби къапуда тура – джанаварджасына джинаетлернинъ етишип кельген муджесемленюви ... о, якъында якъалангъанлар сырасында Чобан-заденинъ досту – Асан Сабри Айвазов³ да бар.

– Мен азырым! – джурятлы алып барды озюни Чобан-заде ве шашмалагъан Зураб Константиновичке чевирилип, самимийликле онынъ къалтырагъан къолуны тутты. – Сагъ олунъ, Зураб Константинович... Къалгъан он дёрт кунъ – эбеднетке бакъкъанда бир шей дегилъ...

Григорьянц хымылдады ве якъалангъаннынъ огюнде къапуны ачты. Чобан-заде босагъадан атлар-атламаз, коридорда беклеген эки милисининъ къолуна тюшти. Кениш азбардан енгиль аяз уфюрди. Чобан-заде, шарфыны тюзетмек ичюн токътады. Аланчыкъта идманларыны башлагъан эсли маден ишчилери чапкъалай эдилер. Ич бири адымыны биле тутмады, токътамады, чыккышкъа, демир къапуларгъа ашыккъан погонлы адамлар юрюшине къулакъ асмады.

«Бесе-белли, сабагъа якъын сыджакъ тешектен чыкъарылгъан мен екяне дегилимъ», – деп тюшюнди Чобан-заде, ильк дакъкъаларнынъ шашмалавындан къуртулып. Озюни начар косътермемек ичюн акъсамайып адымламагъа тырышты.

¹ Сумбатов-Толидзе ве Джахангир Ахун-заде Азербайджан НКВД «тройка»сына кире эдилер.

² Мевджудие - присутствие.

³ Белли аыздыжы, драматург, джемаат эрбабы. 1938 с. апрельде атып ольдюрильди.

Санаторийнинъ араба къапусы артында, ёл кенарында – автозак, онынъ огюнде – «эмка».

Чобан-задени къапалы автозак ичине итедилер. Артындан котерильген милис айдавджыгъа:

– Къара шеэрге эмир берильген! – деди.

Сумбатов ве Файтонджы отургъан «эмка» вызнен суръат алды.

– Генерал аркъадаш, авымыз пек яхшы, – чевирди Сумбатовгъа мемнюн бетини къырым векили. – Агъымызгъа ири къатран балыгъы тюшти...

– Эбет, айтасыз, – Сумбатов Файтонджынынъ омузына достане яндырды. «Къызыл фуртуна» да ав онъ олсун, деп, агъны Каспийден сизинъ Къара денъизинъизгедже яйдыкъ, эм де даа узакъ – Аралгъадже создыкъ... зекый, садыкъ капитан Сарымсакъовнен...

Бутюн авны агъгъа тюшюрсек, озыбекни мукафаткъа такъдим этермиз. Ташкентте миллетчилик маразынынъ ювасыны – Абдулла Къадыри, Чулпан, Фитрат – даа сарсытмадыкъ. Бойледже, Сарымсакъовнынъ огде иши чокъ... – Агъызына папиросны алып, дудакъларынен анда-мында чекти. Янында отургъан Файтонджы, ишмарны анълап, серник якъып, папироскъа узатты. Сумбатов тютюнни ичине дадлы ве терен чекти, шапылдады, ве сесине ишанчлы аэнк берип, Файтонджыгъа мураджаат этти:

– Сиз арбий дегильсиз де... «къызыл профессор»? Мен беллесем, семет-дешинъизнен тездже анълашырсынъыз. Биз бильгенимизге коре – якъалангъаннынъ табияты къаттыджа – инат, къоркъу бильмез, Парижде итирам¹ этильгенлер эписи киби, кибир²... Чобан-заде иле чалышкъанынъызда сизинъ миллий зихннетинъизге³ зияде эмиет беринъ – къырымлар кучлю олгъан ерде оларнынъ зайыфлыгъы сакълана... ана шу зайыфлыгъына басынъыз. Анджакъ, эбет, эр шей шахснетке багълы... Сизинъ устюнлигинъиз даа шунда ки, сиз онынъле бир тильде лакъырды эте билесиз... биз япамагъанымызны япынъ... онынъ джаныны ичтен тышкъа чевиринъ... ондан эписи къырымтатар эрбапларына, достларына ве зенаатдашларына – азыджыларгъа, шаирлерге, алимлерге, Миллий Фиркъанынъ махв этиджи⁴ гъаелери кенарындан тийген... даа башкъа ишлерде лекеленген кимселерге къызыл зынджыр созулыр...

«Акъыллы адам, оджа», – урметнен тюшюнди Сумбатов акъкъында Файтонджы ве эминликнен:

– Не керек олса, япарым, Бакуда девлет парасыны бедава ашамам, – деди о. Ибаренинъ сонъки сёзлерини ойле бир садыкъ аэнкнен айтты ки, генерал онъа ишанч дуйды.

¹ Итира́м - почести

² Киби́р - гордый, с гоно́ром.

³ Зи́хннет - ментали́тет.

⁴ Махв э́тиджи - уни́чтожающий, плетворный.

II

Чобан-задени тахкыкътачы одасына итеген незаретчи чыккып, артындан гыйчылдынен къапуны къапатты.

Шу гыйчылдыны эшиткен, маса башында раат отурышта ерлешкен сарышын лейтенант Омелия Карпонос башыны котерди. Бу къадынның кабинетинден кечкен Къара шеэрнинъ мабюслери оны «къызыл явуз» деп адландыргъанлар. Чобан-задеге бир козь ташлап, ишмарнен къаршысына отурмагъа эмир этти ве огюне кяггыт япрагъыны къойды.

– «Мабюсиниң анкетасы» аңлайышлы язынен, къыскъа ве энъ эсас малюматлар иле толдурыла... – къара лак иле боялангъан тырнакъларына кузьгю кетирип, оларгъа бакъмагъа девам этти...

«Даа къадын сыфатыны джоймагъан», – кельди якъалангъанның акълына ве о, анкетаның козенеклерини тюзгюн язынен толдурмагъа башлады.

Шу вакъытта «къызыл явуз» телефон чанъларына джевап бере, оданың къапусыны ачыкъ къалдырып, къыскъа вакъыткъа чыккып, къайта эди.

Невбеттеки чыккышында Чобан-заде артындан истемезден бакъты ве о, коридордан юрип, бекленильмеген ерде, куфлю диварлары серс къокъугъан ве корюнмеген моторнынъ токътамагъан давушы эшитильген тар аралыкълар лабиринтине бурулгъаныны абайлады.

Бойле къыскъа бир раатлыкъ муддетлернинъ биринде Чобан-заде пенджереге ынтылды: юксек, арасыз къора иле кениш азбар, демир арабакъапу, кенарында – къаравул эвчиги ве копек ювасы. Серслик, ириген къар иле къаплангъан азбардан дегиль де, Къара шеэрнинъ теренлигинден келе эди. Чюнки бу дёрт къатлы, торс бина – янъы вакъытнынъ талапларына уйдурылгъан, бир вакъытлары исе сюргюнлер ичюн чар тюрьмеси, топрагъында ермай ирмачыкълары ве ерасты сувлары якъын олгъан ерде къурулгъан.

Чобан-заде ве онынъ незаретчиси яры къаранлыкъта, тайгъакъ демир басамакълардан энип ве ертоле коридорларда пенджереве къапуларгъа ошатылып ясалгъан къыя терассалар бою, не исе тахкыкътачынынъ къапусына келип тирельгендже баягъы долангъан эдилер.

«Мабюсиниң анкетасы»нда Чобан-задениң къыскъадан омюр басамакълары къайд этильген эди. Энъ сонъунда, яшагъан ерини косьтемек керек олгъан козенекте мабюс токътады, коксюнде сыккынты дуйды...

Кисловодсккъа бармаздан, сонъки кунълери перделери къапалы кабинетиниң тынчлыгъында къальбини меланхолия сара тургъан. Бойле вакъытлары аяткъа, ишке меракъ дуймайсынъ... Атта Ругие ханымнынъ ятакъ одасындан эшитильген фортепиано давушы акъайынынъ къальбиндеки аджджыны къалдырмай эди.

Эв сабининиң къулакълары эшитмеге истеген екаяне давуш – энди сийрек мусафир олгъан – кабинетнинъ босагъасындан адым аткъанда хырылтылы нефес

тарлыгындан чекишкен Осман Акчокрыаклы¹ таягынын агыр тыпырдысы эди.

Чобан-заде киби, бир вакытлары Акмесджит педагогика институтындан кувулган ве Кырымдан кетмеге меджбур этильген Акчокрыаклы Бакуда, кярдашы Хатидженин эвинде ерлешти. Бу эв Роза Люксембург сокыагында ве Кооперативнаядан олса-олса элли адым авлакыта эди.

Бир кунь, аман-аман эр кунь киби, агырган аякларыны язмакыта истеп, Чобан-задеге бир аяк кирди. Субетни башламакыч ичюн аягынын агырысыны алган, Хатидже ханым кырым шифалы отлардан озю ясаган шифалы балзамны макытады, коклерге котерди...

– Санъа да тевсие этем, Бекир, файдасыны корерсинъ... – эм бир кереден, янъ эсине тюшкен киби, незакетлик иле сорады: – Мен санъа кедер этмедим?

Чобан-заде, Бакуда кыалган достларындан екяне кыалган Осман агыасы кельгенине пек куванганыны онъа айта-айта, ишандырган сонъ, Акчокрыаклы гурь кыашларыны окюнч иле котерип, оны чекиштирген суальни берген эди:

– Бекир, догъру да шу? Чар заманларында, Исмаил Гаспралы иджат эткенде... рус чары йыктырылганнын ильк йылларында да... алимлер, «Терджиман»нын газетчилери макыалелеринде шимди эр кесни кыоркыузган «пантюркизм», «сол мейиль», «сагъ кыатмер миллетчилик» киби сёзлер ёкь эди де... Не дерсинъ? Догъру айтам да мен – бойле яман ниетли, сахте кыабатлавлар, олса-олса он йыл эвель кыырым институтындаки мен, сен киби оджаларнын китаплары, дюнья бакышларына кыймет кесмек акъкыны озюне алган «кызыл профессор»ларнын тюшюнип тапкыаны да... – девам этти о, агырган тизини окылап: – Гаспралы акъкында меним ишим, зайыф хатырам мени алдатмаса, бинъ докыуз юз он сенеси дердж этильди... яш, Гаспралыны самимий севип... Энди оны, Гаспралынын зарарлы апологетикасы, деп адландырып, озюни де шахыс оларакъ, маарифчи оларакъ махв этип, китапханелерден ёкь эттилер... – ве, невбеттеки, оны эеджанландырган суали устюнден тюшюнип, Осман агыа тюзсюз козылерини тавангыа котерди, ельпазенин кыанатлары айланганыны козетти.

Акчокрыаклы, анъаневий суальге озю джевап тапмаганындан, китап долабы янына барды, яхшы корьмеген козылеринен девамлы бакыты, бир китапны чыкырып, саифеледи ве:

– Я мына бу китапны², Бекир, институтнын огретюв прогаммасындан чыкыардылар да?! Не гуных ичюн?

Чобан-заде, диваннын кюлтугына кюлунен таянып, отурды, башыны тёбен алды.

¹ Белли языджы, тюркчинос, тарихчы, этнограф, археолог. Миллетчилик ве джасуслыкыта кыабатланып, 1938 с. апрельде атып ольдюрильди.

² Чобан-заденинъ «Кыырымтатар эдебиятынын сонъ деври» (Акмесджит, 1928 с.) китабы козьде тутула.

– Сен халкъымызынъ акыкый шаирлерининъ адларыны – Номан Челебиджиханнынъ... Амди Гирайбайнынъ¹ аныгъанынъ, шимдики акиметке хызмет эткен, къараманларыны яны тертипке уйгунлаштыргъанларны дегиль! – Ве апансыздан, къарт, дирильдевик сеснен айтты:

– Къол котерип татар, татар, дегенде,
Татар къаны сынъырларгъа кельгенде,
Мен дюньягъа бир джумурдыкъ урарман,
Душманымнынъ таджын, тахтын къыарман.
Татар ичюн дерьяларны тыарман,
Бир иненинъ тешигине сыарман...

Чобан-заде мусафирининъ алына кирип, онынъ сеси аэнкине уйып, онынъ иле экевлешип:

– Татар ичюн инджерермен, азарман,
Татар сѣзин башташыма язарман².

Заманнынъ чезильмез меселелери юкюнден кедерленген Акъчокъракълы кеткен сонъ Чобан-задени кене лякъайдсызлыкъ сарды – оны омюрнинъ сыджакъ къучагында туткъан эр шей кечмишке дѣнди, огде – къою думанда – бельгисизлик беклей эди...

Онынъ бу алындан теляшлангъан Ругие ханым, онъа омюрге меракны къайтармакъ макъсадынен, парккъа, деньиз ялысына, театрге темашалы спектаклере чагыра эди. Итибарлы танышларындан акъайы ичюн санаторийге ёлланма алып олды, о тедавийленип, тендюрист ве сагъламлашып къайтыр белледи...

Акъайыны Кисловодсккъа кеткен автобускъа отуртып, акъшам, спектакльге бармаздан Хатиджеге кирип чыкъты ве дешетли хаберни эшитти: агъасы Османнны якъалагъанлар ве ич бир тюрлю анылатувлар бермейип, кери, Кырымгъа алып кеткенлер...

III

Биревнинъ телефон чангына кабинеттен мемнюн чырайынен кеткен Карпонос, сытыкъ чырайынен, бир шейден къасеветленип къайтты.

– Отурынъ! Битирдинъизми? – огюне «Анкета»нынъ толдурылгъан япрагыны чекип алды. – Бир шейни гизлемединъизми? – языларны козьден кечиргенде, мутехассыс бакъышы иле къайд этти: «язысы тюзгюн, синъирли дегиль, озюни къолда тутмагъа беджере – къавий ирадели демек... Кырарыкъ»...

– Демек, «Анкета» толдурылгъан кунъ: Бинъ докъуз юз отуз секизинджи сени экинджи февраль... догъулгъан ери Кырасувбазар, Аргъын кою, Яшы:

¹Шаир, тарихчы, Миллий фиркъа азасы. Миллетчисликте, джасуслукъта къабаатлангъан, 1930 с. 13-сентябрьде Бутырка (Москва) тюрьместинде атып ольдюрильди.

²А. Гирайбайнынъ «Татар ичюн» иширинден парча.

кырк дёртте, кырымтатар, эвли, – окъуй эди тахкыкыатчы сесини юксельтмейип, санки Чобан-заденинъ омюрини агъыр ювак¹нен тегизлеп кечти. – Мусульман хайрие джемааты тарафындан Истанбулга окъумагъа ёлланды. – Онынъ сеси тюзгюн ве джан сыкъыджы эди. – Бинъ докъуз юз он дёрт сенеси тюрк лицейини ве бунен берабер Истанбул университети янындаки арап ве френк тиллерини огреткен учъ йыллыкъ курсларны, бу тиллерни мектеплерде ве лицейлерде дерс бермек акъкынен ёкюнледи...

Башыны котерип, папирокъа серник кетиргенде, мабюске козь ташлады, тюнни ичине терен чекип, хырылдап оксюрге башлады...

Бутюн бу вакъыт Чобан-заде козюни алмай, онынъ эр бир сёзю, эр бир ишмарины козетип турды ве лехджесинден, дёнъишмелер ели оны Бакугъа къайсы бир улькеден – Тамбов я да Воронежнинъ коюнден кетиргенини бельгилемеге тырышты...

– Демек, бинъ докъуз юз он дёрт сенесининъ сонъу... Бизде не бар? – Тахкыкыатчы сусып отурды, тюшонджеге далды ве «Анкета»да бир шейни къайд этти: – Бекир Ваапович Чобан-заде бундан сонъ ненен мешгъуль олды? Будапешт университетининъ тарихий-филология факультетинде окъуй... Дёрт йылдан сонъ оны битире... – Тахкыкыатчы «Анкета»да небеттеки къайдны япты, бир шейден шубеленип, тюшонджеге далды:

– Йигирми сенеси кене шу университетте диссертация къорчалады, – токътады ве эджалап окъумагъа башлады: – «Кодекс Куманикус»²та сингармоник уйгунсызлыкъ киби корюнген аллар ве тюрк тиллеринде артикуляция базасы меселелери... тюркшынаслыкъ боюнджа филология докторы унваны, ильмий ребери академик Игнац Гольдцигер... – кученип окъугъанындан къызаргъан козлерини метнден алды ве хошнутсыз сеснен:

– Бу тарифлемелер де неге керек?! Игнац ве башкъа шейлер... анълайым, филолог ве шаир оларакъ чокъ сёзлер къуланмагъа арекет этесиз. Сизге юзь берсенъ – кечмиш ве Къара шеэрде кечеджек яшайышынъыз акъкында дестан язарсынъыз. – Кулюмсиреди ве «Къызыл фуртуна» иши» адлы джюзданны ачып, ичинде къарандашнен нелердир къайд этти: – Тюрк тилини Будапештнинъ Шаркъ Академиясында окъуттынъыз, бойле, Академия киби эмиегъиш шейни къайд эттинъиз, лякин, не ичюндир, джан дженкинде австриялы маджарларнынъ тарафында олгъанынъызны гизлединъиз, – ве серт сеснен, Чобан-задени тахкыкыат ичюн муим бир делиль гизлегенинде туткъандай: – Дженкте иштирак эткенинъизни язып кирсетинъ. Ондан сонъ – насыл тиллерни билесиз? Козенегинде окъуймыз: немсе, тюрк, маджар, френк, арап, рус... Совет Шаркънынъ эсас тиллери – озьбек, къазах, туркмен... эрмени тилини огренем, – Карпонос козлерини «Анкета»дан бир аныге алды, Чобан-задеге ифадели бакъты:

¹Ювак – каток

²Къырымда яратылгъан ве 1303 сенеси иле бельгиленген латин-къуман-фарс-немсе тили сёзлюги. Тюркий тиллер ядикырлыгъы.

эрмени тили де даа неге керек? Эндиден сонъ етиштиреджек экенми? дегендай, кулюмсиреди. – Бугуньки куньге зенаат боюнджа ильмий ишлернинъ умумий микъдары эки юзге якъын... Олар арасында «Кодекс Куманикус»та сингармоник уйгъунсызлыкъ киби корюнген аллар», Будапешт, бинъ докъуз юз йигирми, «Къырымтатар тилининъ ильмий сарфы деневии», Акъмесджит, бинъ докъуз юз йигирми дёрт, «Тюрк тили ве эдебияты усулиети», эки томда, Баку, бинъ докъуз юз йигирми еддинжи... – Ве муреккеп серлевалардан болдуруп, окъувыны сессиз, тосат-тосат тек айры арифлерни айтаракъ: бу-бу, эбет-эбет, мына-мына, я? – окъумакъны девам этти, сонъ кене сесли окъумагъа башлады: – Рус, тюрк, озъбек, къырымтатар, маджар тиллеринде дердж этильген...

Мабюс акъкъында бу къадар чокъ малюматны алдырамайып, Карпонос апансыздан башыны къолларынен къапкъачлады, «Анкета» устунден къыбырдамайып, эгилип отурды. Бакъмайып, масада «Казбек» къутусыны къолунен тапты, якъмайып, пармакълары арасында папиросны эгеледи.

Тахкъикъатчы вазифесинде секиз йыл чалышып, онъа чешит мабюслер расткельген эди – биревлер зарар кетиргенлеринде къабаатлангъан, дигерлер джинает акъкъында чакъмагъанлары ве дигер гуняхлар ичюн... Джинаий кодексге «сиясий» маддесине уйгъан тек бир дане бар эди. О, геджелернен къораларда ве газет тюкянларынынъ джамларында чешит сыфатта гуръ мыйыкъларны сыза тургъан – сытыкъ чырай, ири бурун, инже дудакълар улени¹ сыкып тура ве тютонден сараргъан мыйыкълар... Карпоноснынъ хызметдешлери чыкъарылгъан фотоларны чешит шекиллерде Иосиф Виссарионовичнинъ суретлерине къойып бакътылар – эм гедже, небеттеки ресим сызылгъанда, авескар рессамны тутып, якъаладылар.

Чобан-задеге кельгенде исе, ильк сефер тахкъикъатчынынъ мийи китаплар ве умумий микъдары юз он докъуз том олгъан ишлернинъ джедвелини, мабюс бильген тиллернинъ чокълугъы иле Бабилон къуллесини² йыкъмакъ чареси олгъаныны, четэль адлар ве шеэрлернинъ алышылмагъан номайлыгъыны къабул эталмай эди... Апансыздан болдуруп сыкып кельген башы патлайджакъ киби олды. Къоллары эски баш агърысындан липильдеп ургъан чекелерине озю узанды, башында исе санки мийнинъ эки ярысы айырылгъандай дуйгъу бар эди. Тамам Карпонос чекислтер мектебинде имтианлардан эвель огренген «кипит наш разум возмущенный» тюркюсине ошады.

Къолу «Анкета»ны озю тапып, козю огюне кетирди. Тахкъикъатчы устуне «Тройка»гъа Литер-А, деп язды...

– Бугуньге – етер! – кирген незаретчиге къагъытны узаты: – Имза къоюнъыз – мен тапшырдым, сиз – къабул эттинъиз... къолдан къолгъа...

¹Улен - трубка.

²Адамлар кокке чыкъмакъ ичюн къурмагъа башлагъан, лякин тиллери къарышкъаны себебинден битирилъмеген къулде. *Тевратта* икяе этильген вакъиа.

IV

Сычан тюсте мундир кийген алчакъбойлу, тыгъыз незаретчи чызмаларынен такъырдап, Чобан-задени алып кеткен бургъучлы мердивен Къара шеэрнинъ дёрт къатындан сармал шекилинде сарып ала. Бир вакъытлары ермай къулле-си котерильген ерден къавий туттурылгъан пармакълыкълы арабакъапудан тар кечит бар эди.

Мабюслернинъ камераларындаки демир кемерлер чокълугъындан Чобан-заденинъ козьлери джырыкълана¹ оны козь иле озгъарып, нараларда яткъанлар-нынъ тек къаралтыларыны² коре эди.

Незаретчи баягъы вакъыт, эринген киби, багъламдаки анахтарларны сайлады, сонъ демир къапугъа басты – яры къаранлыкълы пармакълыкълы пенджереге тирельген тар аралар иле эки къатлы наралар манзарасы ачылды. Незаретчи джедвельге бакъты:

– Мабюс Чобан-заде – он дёртюджи ер...

Он дёртюджи – ашагъыдаки нараларда – къатты, тер ве тютюн сасыгъан миндер.

Козьлери зайыф ярыкъкъа алышкъанынен Чобан-заде оданынъ манзарысына талгъын бакъты – маса, сув иле чапчачыкъ, кенефни айыргъан фанер дивар.

Юкъарыдаки къатта отургъан къомшусы янғы кельгенни къыркълылгъан башындан аягъынадже козетти, агъаргъан тюрьме урбасындаки 715 номерасына дикъкъат этти ве тасдикълады:

– Литер А...

Чобан-заде бирден башыны къакъты, бу худжур сёзлерни о тахкъикъатчы-нынъ кабинетинде, о биревнен телефондан лаф эткенде эшиткен эди.

– Сиясий мабюс, – саде, эр кимге белли шей киби, ачты тахкъикъатчынынъ сырыны къомшусы. – Бизде мында литер А хусусий къорчалав астында... Анджакъ паханлар ерине соргъуларда тахкъикъатчылар гъайрет иле чалыша... керекли къабаат танылмасына иришмек ичюн ичеклерни къарыш-къарыш созып чыкъарырлар... Ана шай... Мен олар иле къонушмакъта буюк теджрибе саиби олам. – Ве апансыздан фысылдамагъа башлады: – Мени башта литера А боюнджа къабаатлайджакъ олдылар, санки мен Мангъышлакътаки ермай къазмаларында диверсия япаджакъ экеним... Эр кунъ обир дюньягъа кетмеге азырладылар... Мен де пенджеренен бакъып, озюмни анда, энъсемде окъ иле яткъанымны тасавур эте башладым... Лякин, насыл билъмем, араларына Москвадан кельген якъарлыкълы къарышмалар боюнджа мутехассыс тюшкен... меним ишимни бакъкъанда, янгъын олгъан ерден фотоны, ресимлерни дикъкъатнен огренип, мени къуртарыджы мелегим нетидже чыкъаргъан: къулледе янгъын заводнынъ къайракъ къусурындан башлангъан... Ишимни литера Б-ге денъиштирдилер –

¹ Джырыкъланмакъ - ряхить.

² Къаралты - силуэт.

он экиден он бешкедже. Мен исе бу куньлерде – аначыгъым! – алтмышны толдураджам. – хымылдады: – Нефакъагъа чыкъмакъ вакъты кельди...

Чобан-заде, келишкен ятышны тапамай, бир янындан дигер янына чевириле берип, оны яхшы эшитмей, къомшу нараларда яткъанларнынъ шамата ве шытырдысындан сеси узакътан кельген киби эди. Биревлери, пирени басмакъ ичюн, миндерини шамарлай, кимдир анылашылмагъан бир шейлер сомурда-на, къарыкъ давушнен окюре эди. Тёпедечи къаттан къомшусы исе бойнуны ашагъы созып, Чобан-задеден лаф арай, бесе-белли онъа ишанч дуя, я да къальбинде олгъан къасеветлерден, оны къыйнагъан тахминлерден къуртулмакъ ичюн лаф эте берди:

– Пенджере янында турсанъ, сыкъ-сыкъ азбардан кельген атыш давушларыны эшитмек мумкюн. Бизни бу къатта къапагъанлары ичюн – бизге алий джеза чыкъарылмаз... ойле олур: тройка, тахкъикъат ишинен таныш олгъан сонъ, меним ишим киби, сизинъ ишинъиз де къарарнен он беш йылгъа чеккени акъкъында нетидже чыкъарыр... анджакъ, бу аныкъ дегиль...

Чобан-заде оны аман-аман эшитмей эди, онынъ дикъкъаты зайыфлашты, о, озъ адетине уйып, миндерге сагъ янагъынен басылды, чеккен къарсанбалардан къызышкъан къальбинден сыджакъ вуджудына авушты, эр бир уджейресини, эр синъирини бошаштырды... Эм эр заман олгъаны киби, юкъутгъа кеткенде талгъын мийи шу куню яшагъан теэссуратлардан чешит худжур, фантастик левхалар яратмагъа башлады.

Къалабалыкъ левхалар-тюшлер арасында, кескинлешкен насылдыр единджи дуйгъу иле Чобан-заде камера ичинде наралар арасында, о якъалангъан танъда, санаторий палатасынынъ къапусы ачылгъанда, апансыздан пейда олгъан анавы къаралты олгъаныны сезді. Зорнен танылгъан сымасындан, къалпакълы башынынъ колеткеси, къаранлыкъта йылтырагъан бакъыштан...

«Эбет, бу одыр... насыл эди? Насыл эди шу? Файтонджы Сервер...» – хатырламады, сезді о.

Чобан-заде козьлерини ачты ве телашлы юрек урувы тюшни къувгъаныны дуйды, отурды, топракъ тёшемеге табанларынен тийди.

Юкъарыда яткъан къомшусы, юкъусызлыкътан чекишип, мындаки Къара шеэр, адлие акъкъында, кене озъ къарыкъ сесинен тариф этмеге девам эте эди. Анылатувларына кунъ джедвелини къошты: мабюслерни чалышмагъа меджбур этмейлер, кезинмеге чыкъармайлар, ашаладжакъ боткъаны наралар янында ерлештирилген масачыкъларгъа кетирип бошаталар...

Машиналь тарзда, керек олмаса да, Чобан-заде къолунен агъач таянгъычларны къыдырып, ятакънынъ къайсы тарафындан шу ачылгъан аш масачыгъы ерлештирилгенини аныламагъа тырышты... апансыздан, ич бир алякъасыз, Севиль деген адны хатырлады... Севиль ве Сервер... Сонъ фикери болюнди...

V

Ачылган кѡпунынъ демир гъыйчылдысында Чобан-задеге юкѡ серсеминден окоп устюнден учкѡн топнынъ гурюльтиси эшитильди... онынъ бедени окопнынъ кенарлары эшилип, оны топракъ иле кѡплагъаны киби дуйгѡ пейда олды... Анда, маджар джебесинде санитар олган студентнинъ кѡлуны тесадуфий окъ якъып алган эди. Шимди исе, чокъ йыллар кечкен сонъ бу яра, Чобан-заде эгилип, аякъларыны ерге тийдиргенде, кескин агърынен омузыны сыкъып хатырлатты.

– Еди юз он бешинджи – Чыкышкъа! – незаретчининъ янгъыравукъ даушы, апиште илкъ геджеси пейда олган дуйгѡулар кѡалабалыгъында апансыздан хатырасына тюшкен окоп иле левханы кѡувды.

Агъач наралар гъыйчылдады, санки бир ятакътан дигер ятакъкъа, сафкъа тизильгенлернинъ адланмасыны анъдырып, хошнутсыз юкѡудан серсемлеген сеслерни тыгъырлатты...

Чобан-заде агъыр юкѡудан айынып оламай, кок леке киби корюнген пендже-реге таба чевирильгенини корип, юкѡарыдаки кѡмшусы онынъ омузына токъунды:

– Бу сизни, профессор, соргъугъа... – Ве онынъ сѣзлерине уйган киби, незаретчи сабырсызлыкънен анахтарлар багъламыны шатырдатты, ашыкъынъыз, демене истеди.

Чобан-заде, бу сефер озюни Карпонос иле насыл алып бараджагъыны тюшюнип, ашыкъмайып, тюрьме урбасыны кийди ве кѡпудан чыкъты.

Кене шу, оны шей киби кѡлдан кѡлгъа Карпонос теслим эткен, тавшандудакъ незаретчи Чобан-задени бургъулы мердивенден тепеге, тахкыкъат ода-сына дегиль де, тар коридор бою тюрьме азбарына чыккъѡн кѡпугъа алып барды.

Ачыкъ демир кѡпудан якъыджы сувукъ урып, Чобан-заденинъ бетини тазертти ве юкѡусыны тамамиле айындырды.

Чобан-заде зорланып бакъты ве азбарнынъ ичинде онъа тараф, агъызындаки тютеген папироснынъ атешчиги иле озгъарылган, кыскъа пальтогъа сарылган кѡалпакълы кѡралты якъынлашкъаныны коръди.

«Файтонджы»¹ – ич де тааджиplenмеди Чобан-заде, санки Къырымдан кельген иле корюшеджегини эвельден биле, бу корюшювге азырлана эди.

– Селям алейкум, кърдаш, – эшитти о янына кельгеннинъ агъызындан. Адам ушюген кѡлларыны пальтосы джеплеринден чыкъарып, Чобан-задени кѡучакъламагъа истеди.

¹ Базы малюматларгъа коре, Къырым «тройка»сына НКВД наркомы К. Павлов, савдъжы К. Монатов ве фиркъа кятиби С. Трунчу кире эдилер. С. Трунчунинъ сойады тарихчыларда шубе догъура. Янгъын агъламасынлар деп, муэллиф бу джедвельдеки адамгъа Файтонджы сойадыны такъты.

Чобан-заде истемеден бир адым кери чекильди, бу сеснинъ аэнки оны хатыр-лавлар далгъасынен къаплады, Къарасувбазарнынъ дженюбине таба ачылгъан чёлнинъ къокъусы иле якъты.

– Бекир... халкъымызда айталар: «Акъшам къаранлыгъы тюшкен сонъ, шейтанлар пенджеренъден бакъмасын деп, перделерни къапатмакъ керек» – деди Сервер, азбаргъа чыкъкан пенджерелерге дикъкъатнен бакъып.

«Борюни анъсанъ, таягъынъны азыр тут», – тюшонди Чобан-заде, Файтонджынънъ бетинден козылерини алмайып. Саба ярыгъы ашагъы, азбарнынъ энъ къаранлыкъ кошелерине эп эне, муляйим кулумсиреген Сервернинъ юзюни ярыкълата эди.

– ТааджиПЛендинъми? Хызмет ишлерим мени Бакугъа кетирди... Сен къайда олгъанынъны эшиткенимден сонъ Къара шеэрге ашыкътым... – тырышты лаф ачмагъа Файтонджы. – Севиль санъа селям айтты... Эбет, бойле ерде бу акъта айтмакъ ерли дегиль...

Ве, субетдешининъ тирсегине токъунып, Файтонджы азбар бою айланып чыкъмагъа теклиф этти.

Лякин Чобан-заде инатлыкъле еринде туруп, кескин сувукътан къорчаланмакъ истегендай, къолларыны къапкъачлады.

– Бу урба – сабадаки кезинтилер ичюн дегиль... – Файтонджы онынъ тарафына къолуны узатты: – Отге, арекет къыздыра... Э-ээ, яшлыкъ, – апансыздан денъиштирди о мевзуны. – Бизге рушдиедеки къызлар иле бираз шакъалашмагъа рухсет берильгенде... акъылымда, меним Севилим ве Къыпчакълар задекан сулялесинден олгъан Диляра, дуйдурмаздан, озъара сенинъ дикъкъатынъ ичюн куреше эдилер... Такъдирнинъ эмиринен, эр шей къарышты – Севиль меним омюр аркъдашым олды, Диляра исе, мен бильгениме коре...

Апансыздан, инатлыкъ косьтерип, бир ерде къыбырдамайып тургъан Чобан-заденинъ акъылына фикир кельди: Файтонджы дегильми экен, Осман Акъчокъ-ракълыны якъалап, эллерини къырчмалап¹, Къырымгъа, «тройка»нынъ махкемесине алып кеткен? Энди исе оны, Чобан-задени алмагъа кельдими?..

Чобан-заденинъ ильк дакъкъаларындан туткъан торс сускъунлыгъыны Файтонджы мабюсининъ шашкъынлыгъы ве рухий тюшкюнлиги оларакъ къабул этти. Эм де Чобан-заде онъа махсус, араларында дагъларнен ташлар олгъаныны косьтермек ичюн, «сиз», деп лаф этмеге башлагъанда, баягъы юрекленди:

– Бу сизинъ Бакугъа экинджи келишинъизми? – субетдешининъ юзюне дикъкъатнен бакъып, сорады Чобан-заде.

– Ёкъ, ёкъ! Биринджиси. Инанасынъмы, Къара шеэр насыл сокъакъта ерлешкенини биле сорамадым. Бир якъкъа чыкъмайып, чалышам, атта раатланмагъа ве юкъламагъа тахкъикъат одасында керек ола, – ашыкъты озюни акъламагъа Сервер, – ашыкъчанлыкънен папирос къутусыны ачты ве субетдешине узатты:

¹ Къырчмаламакъ – надевать наручники.

– Буюр, профессор... халкымыз бедава айтмагъан: генчлик достлары чѣльде атеш якъкъанда, бутюн неджис¹ янып кете... Бизим тюрьмени якъмакъ ниетимиз ёкъ, онынъ ичюн тютюн иле эгленейик.

– Ичмейим, – деди Чобан-заде ушюген дудакъларыны зорнен ачып ве бутюн бу сонъки афта бою Зураб Константиновичнинъ тевсиеси иле тютюн ичмектен вазгечип, чекишкенини хатырлады. Лякин бираздан къолу озю ачыкъ къутугъа узанды.

Файтонджы серникни чертти, атешчикни элинен къапатты, ве, бинанынъ пенджерелерине теляшнен бакъып, сыртыны чевирди. Чобан-заде папиросны якъкъанда озю ичине тютюнни терен чекти. Субетдешинден ярым баш алчакъ олгъан Сервер бойнуны узатып, Чобан-заденинъ къулагъына:

– Шаир айткъандай: «Ватан тютюни бизчюн татлы ве хоштыр...»², – деди достане тавырнен. – Сен, Бекир, Кырымдан кетмеге меджбур этильгенинъден берли, сенинъ шириетте, ильмий фаалиетинъдеки мувафакъиетлеринъни козетип турдым ве джан-юректен ташкъын тенджористлигинъ, кавказ аулларына сыкъ-сыкъ зияретлеринъе, ильмий алемдеки шубесиз итибарынъа къувана эдим... Эбет, башкъаджа олур эдими?! Балалыкъ достум, мен киби чѣллю чобан, берабер Кырасувбазар рушдиесинде окъудыкъ... озь эмегинъ ве акъылынънен, аркъанъ олмайып, дюньяджа белли севиеге чыкътынъ, – Сервер, айретини ифаде этмек ичюн, сесини де юксельте, де фысылдагъандже сакинлештире эди: – Эр шейни хатырлайым... О! О кунни хатырламакъ эм къуванч багъышлай, эм агъыр ола, отуз йыл эвельси... О заман чѣльде, къойларны отлаткъанда, йигитлигимни косътереджек олып, кийик, даа эгерге алыштырылмагъан айгъыргъа мингеним... О! Аргъымакъ³ мени ташларгъа йыкътырды, туягынен башымны ярды... Омюрлик унутмам: Кырасувбазардаки хастаханенинъ экими: Аллагъа шукюр этинъ... Эки кунъ сизни аркъасына алып кетирген эшинъиз – Бекир олмагъан олса,... къан къокъусы къашкъырлар сюрюсини джелъп этер эди. Эбет! – Агъыр-агъыр кокюс кечирди Файтонджы, семиз, шишкен бетинде агъры акс эттирмеге тырышып. Бу арекеттен онынъ дудакълары боручыкъ киби узандылар. Апансыздан серт ве джиддий сѣз къатты: – Энди исе, вакъыт джоймайып, ишинъе кечейик. Бу сонъки кунълери, гедже-кунъдюз ишинъни огренип отурдым. – Керекли сѣзлерни араштырып, бир саниге сусты, сонъ азбарнынъ япышкъакъ сазындан ашыкъып адымлады.

Чобан-заде сескенди. Оджалары институттан къувулгъандан сонъ, Кырымгъа къайтмагъа меджбур олгъан студентлер бири-биринден теляшлы хаберлер иле эеджанландыра тургъанлар: ерли НКВД «тройка»сында озь

¹ Неджис - нечистъ

² Г. Державиннинъ шишинден сатыр.

³ Аргъымакъ - скакул.

якъалангъан ватандашларына даир энъ залым мунасебетте фиркъа кятиби олып янъы тайинленген «къызыл профессор» дипломы иле Москвадан къайткъан ве карьерасында юкъары котерильмеге пек истеген Сервер Файтонджы...

Субетдешининъ талапчан: – Мен айткъанларым арамизда къалыр, деген умяоттем, – сёзлери Чобан-заденинъ фикирлерини больди. – Ич олмадым, азатлыккъа чыкъкъан кунюньедже, – къошты Сервер: – Эм тааджиplenме, инан, сенде шанс бар, биз берабер Къырымгъа къайтып, догъмуш Къарасувбазарымызда адлиенинъ адалетлиги шерефине зияфет берирмиз... Лякин Къара шеэрнинъ торс зинданларындан бу бахтлы азатланув саатынадже арамизда, яшлыгъымыздаки киби ишанч олмалы, тахкъикъатчы – мабюс багъламында эки тарафлама гъайрет керек, эбет, «багълам» сёзю, бельки де, джеллят ве къурбан арасындаки мунасебетлер ичюн келишмей... эгер институтта¹ менимсельген рома укъукъына эсасланаджакъ олсакъ... Лякин мен мында бу рольни ойнамакъ ичюн кельмедим... Ёкъ! Ёкъ! – нуткъуны уйгъун ве къандырыджы башлап, Файтонджы апансыздан къарышып къалды, санки онынъ тили акъикъатны аландан айырып оламай эди...

– Ана шу даа, – деди Чобан-заде, анджакъ Сервер о, не мана ойле айтканыны анъламады. О, джеп саатына, корюшювге айырылгъан вакъытны бельгилеген киби, бакъты: – Вакъытны джоймайып, сенинъ тахкъикъат ишинъе якъынджа... Мен Къырымдан Акъмесджитте бакъылгъан ишлернен Бакугъа чагъырылдым, оларны учтен: НКВД – мындаки, бакулы, озбек ве къырымдакини бир екяне ««Къызыл фуртуна» иши» ады берильген екяне ишке къошмакъ ичюн... бизим «тройка»ларгъа бойле ишлемек енгильдже олур, чюнки айны шахыслар: троцкист олсун, партюркист олсун, миллифиркъаджы олсун, душман тарафына джелъп этильген джасус-диверсант олсун – эписи бир тахкъикъаттан дигерине кечелер... Огюмде бунынъ джанлы ибрети тура – сен, Бекир... сенинъ, джинаий кодекснинъ мадделерине уйгъан арекетлеринъни, деерли, ватанда, Къырымда, я да Озбекистанда чалышкъан йылларыньны, я да мында, Бакудакилерни, эм де даа кениш алсакъ – Тюркиде, Будапештте окъугъан вакътынъ... дейджегим, бугуьнки сенинъ окюнчли такъдиринъ сени тахкъикъат астында булунгъан чокъ такъдирлер иле багълады. Мисаль, эки озбек-аспирант... не эди шу – Гулям-заде ве Абу Сайид Ходжаев... мантыкълымы? Мантыкълы! – озь-озю иле разы олып, къырым векили девам этти: – Ишан манъа, мен, кабинетте къапанып, бир къач кунъ ве гедже, юкъламайып, сенинъ ишинъ олгъан джюзданны огренгенимде, сенинъки иле бир сырада, ишинъе къошулгъан дигер ишлерни саифелер экеним... козюм огюнде апансыздан бизим чёлюмиз джанланды: къой

¹ Къызыл профессорлар институты козьде тутула.

сюрюлери, рушдие – тамам Номан Челебининъ «Къарылгъачлар дуасы» икя-есинде тарифленгени киби. Акъылыма: «Ёкъ, Бекир Чобан-заденинъ душманлары гъалевени эрте къайд этелер, бу сен акъкъынъда дегиль ки: Дженазе намазы вакътында джемааттан рахметлининъ ал-и хаяты ве кемал-ы сиххаты...», – деген фикир кельди... Эрте, пек эрте, халкъымызнынъ дегери адландырылгъан инсаннынъ дженазесини къылмакъ, дедим... Чокъсу къарасувбазарлылар буны даа аңламасалар да... Бекир Чобан-заденинъ ады якъын келеджекте Исмаил Гаспралы, Номан Челебиджихан янында олып, бу учъ киши бутюн дюньягъа белли оладжакъ... Анджакъ бугунъде бизим талевелеримизге – Гаспралы ве Челеби джеалетперест¹ ве иблисининъ хызметчилери, деген фикир синъдириле...

Серс азбар бою айланып юргенинден Чобан-заденинъ аягъы агъырмагъа башлады ве онынъ акъылына истиза кирди: «Аджеба, Файтонджы мени арыкъ ат екильген файтонда² бу азбар ичинде юргюзген олса, къач кере оны айланып чыкъар эдик?»

Файтонджы яваш ве ишанчлы нуткъуны девам этип, баракларнынъ пенджерелерине тосат-тосат бакъа, оларда бири-бири артындан ярыкъ илиштириле эди.

– Гедже явашчыкътан сенинъ он еди томлыкъ ишинъ олгъан сейфни ача тургъаным. Сенинъ акъкъынъда, яш чагъынъдан башлап, февральде апис этильгенинъе къадар эр шей тантиминен язылгъаныны, юрегим сызлагъандже, козьлерим яшлангъандже окъуй эдим. Эр санфеси козюм огюнде джанланды – сен йигирми йыл эвель омюримден гъайып олдынъ да – бойле этип, Алла ойле аджайип назм истидаты ве ойле ираде берген семетдешимнинъ, сенинъ такъдирининъ умумий корюниши пейда олды...

Чобан-заде, гедже аязыны топлагъан, кунешнинъ зайыф шавлелери иле ярыкъландырылмагъан азбарнынъ таш къутусы ичинде ушюгенини сезерек, Сервернинъ къальп тѣкюнмелерине дикъкъат айырмады. Апансыздан эшиткенлерини шакъагъа чевирди:

– Къулакъларым чынълай, мени бири анъа...

Файтонджы Чобан-заде айткъаныны эшитмегендай, исрарлыкънен девам этти:

– Ишинънинъ он еди томында – тек нелер ёкъ, эр шей – яланлар, сени кунълеген зенаатдашларынънынъ чакъувлары... сени джелляткъа бермек ичюн... эр шей бир обагъа сюрюльген... атта сенинъ сабыкъ къарынъ, задекян Къыпчакълар къорантасындан олгъан Диляранынъ шикъетлери... Тек ташлангъан къадын яш союны – Ругие Абдулинаны кунълеп, бу къадар кир тѣке билир... – Сервер апансыздан хымылдады, – бундан мен де кечтим, Севиль иле айырылышкъанда... коресинъми, бизим романтик генчлик севгимизни маишет бозды... – сонъ къошты: – озъ къоранта фаджиямны санъа башкъа шараит олгъанда икяе эте-

¹ *Джалетперест* - мракобес.

² *Чобан-заде тахъикъатчынынъ сойадыны козьде тутып, истиза этмекте.*

рим... – ве, Чобан-заденинъ он еди томында окъугъаны акъкъында фикирлерини девам этти: – Дилъра сен насыл барбар олгъанынъны, озюньни гуманист-шаир косътерип, Къырымда ачлыкъ ат ойнаткъан девирде Мустафа огълунъны ташлагъанынъны тасвирлей... ташлангъан апайнынъ бутюн бу сафсаталары иш томларында «Енъи дюнья», «Яш къувет» газетлериндеки, «Большевик ёлу» междмуасындаки ве мындаки, ерли «Баку ишчиси» газеттеки фитнелер иле къарыштырылгъан – миллетчиликте, пантюркизмде къабаатлавлар сачма шекильни алалар, сен атта Лев Троцкий¹ иле ишбирлик япкъан экенсинъ...

– Эбет, сачма, – сыкъты омузларыны Чобан-заде, насылдыр джевап бермек ниетинен. Файтонджы ашыкъчанлыкънен сааткъа бакъты:

– Ярым сааттан, тамам секизде тахкъикъат одасында олмакъ кереким. Кунни «тройка» авалелерден башлай: Къара шеърден кимни махкемеге чагъырмакъ ве джезасыны илян этмек... бу акълы махкеме ярым сааттан зияде девам этмей... эм кимни – Сумбатовнынъ тилинде – ярын къуршунгъа тизмек... – ачылгъан къапу гыйчылдысыны эшитип, апансыздан сусты.

Чобан-задени сувукъ азбаргъа чыкъаргъан тавшан дудакълы незаретчи башыны маналы къакъты.

– Олды! Мемед бизге корюшюв ичюн айыргъан вакъыт бите, – ве, даа эки дакъкъа дегендай, незаретчиге эки пармагъыны косътерди.

– Ифтира акъымы иле протоколларны окъугъанымда козюм огюнде сен иле дост олгъан вакътымыз джанланды, сен о заман къавий ирадели, сарсылмаз, акъикъат ве адалет ичюн сонъунадже турмагъа азыр инсан эдинъ... атта «Баку ишчиси» газетинде сенинъ тевбе мектюбинъни окъур экеним, Файтонджы джебинден экиге букюльген газетни чыкъарды. – Бинъ докъуз юз йигирми докъуз сенеси он сентябрьдеки саны... «Къызыл къырым» газетинде, сени буржуа миллетчиси, деп акъаретлеген Ружнынъ ифтирасына джевап... сен онда яшайышынънынъ белли бир вакътында къырымтатар буржуазиясы ве миллетчи зиялыларынынъ тесирине тюшкенинъни биле таныйсынъ... Мен бу ачыкъла-маларынъа ич де инанмадым. Къабаатны озюнь устюнге алып, Бекир миллий фиркъадаки озь достларындан беляны аткъармакъ истей, деп тюшюндим...

Чобан-заде бирден адымларыны явашлатты, ильк сефер чевирлип, Файтонджы иле юзьме-юзь турып, козылерине кескинликле бакъты.

– Шу сенеси сиз Къырымгъа къызыл профессор дипломы иле энди къайткъан эдинъиз ве Миллий фиркъанынъ ёлбашчысы эм де Къурултай башы олгъан саф юрекли инсан – Сеит-Джелил Хаттатовнынъ² башына не къадар ифтира ягъдырылгъаныны билъмек борджлу эдинъиз... Онынъ гъайретинен бизим халкъ

¹ Инкыляпчы, Къызыл Ордунынъ баш команданы, ханлиликте къабаатлангъан, мем лекеттен къуулды. Сталиннинъ эмири иле 1940 сенеси ольдюрилъди.

² 1910 с. сонъунда, ёлбашчылыкъкъа Б. Чобан-заде кечмезден эвель, Миллий фиркъанынъ етекчиси.

Къырымда ачлыкътан бутюнлей къырымасындан къуртулды. – Чобан-задени оксюрик тутты, санки о гъадабындан богъулмагъа башлады. – Я аджайип шаир, ялынъыз Къарасувбазарнынъ дегиль, бутюн окъугъан Къырымнынъ гъуруры олгъан, шириетнинъ устасы ве янъылыкъчысы¹ – Амди Гирайбайнынъ олюминие кетирген ашша ифтиралар... – Ве окюнч иле башыны саллап, яваш айтты: – Эбет, меним бойле истегим бар эди – садедиль, пишкинлешмеген – олар ве дигер бизим ватанперверлер этрафында котерильген шаматаны озю устуме чевирик...

– Догъмуш Аргъындаки чобан баласыны танийым – романтик, адалет рыцари.

Чобан-заде субетдешининъ сесинде енгиль истиза эшитерек, девам этти:

– Киббарлыкъ япып: меним Авропада, Москвада, Асиеде олгъан итибарым бир тевбе мектюбинден зарар корьмез, деп белледим... илимэтраф даиреде бир аз ошек къайнатыр да, унутырлар...

Демир къапунынъ жанъгъырдысы эшитилип, артындан незаретчининъ кейфсиз юзю корюнгенде, Файтонджы онъа таба чевирильди ве ашыкъып, сагълыкълашмакъ ерине:

– Сёз сырасы, Сеит-Джелил Хаттатов шимди Къырымда тахкъикъат астында булуна... Тазе авада кезинтимизни исе эки куньден сонъ девам этерик... незаретчи Мемед Айлислининъ невбетчилиги куню...

VI

Хаста аягъыны айланчыкъ мердивенге незаретчиден бираз эвель басып, Чобан-заде агъыр, нефеси-нефесине етмей, бир къач къаткъа котерильди.

«Мемед Айлисли... Файтонджы башлагъан оюнда о насыл роль ойнай экен? Эр бир ара-тешикте бинъ дикъкъатлы козь ве къулакъ олгъан Къара шеэрде незаретчи тахкъикъатчы иле анълаша, онынъ ишмарынен азбаргъа къапуны ача эм анда мабюс ве тахкъикъатчыдан гъайры кимсе ёкъ... юкъары нарадан къомшусы айткъанына инансанъ, анда тек биревни атмакъ ичюн чыкъаралар...», тюшюнди о ёл бою.

Камерагъа къапуны ачмаздан эвель незаретчи Мемед ильк кере Чобан-задеге девамлы бакъты, санки онъа – нуфузлы, азбарда кезинмек акъкъындан файданлангъан мабюске не дереджеде ишанмакъ мумкюнлигини сынамакъ истеди.

Анаhtar жынъгъырдысы иле озгъарылгъан Чобан-заде камерагъа кирди ве наралар арасындаки сырадан ерине барды. Камерада отургъанлардан онынъ къайткъанына кимсе къулакъ асмады. Тек къомшусы, Чобан-заде къыйналып, аягъыны котермеге ынтылгъаныны корип, ярдымгъа къолуны узатты.

715 номералы мабюс сес чыкъармай ятаркен, тобан толу миндери ушюген аркъасыны къыздырмагъа башлагъаныны сезді. Башында, Файтонджы иле ке-

¹ Янъылыкъчы – новатор

зинтиден пейда олгъан къарышыкъ фикирлерден онъа хитап этильгенини бир кереден эшитмеди.

– Сонъ, бугунъ насыл? Эль-аякълар сагълармы?

– Эр шей еринде, – Чобан-заде, юкъарыдан кельген мырылдыны аз да олса, эшитмек ичюн, башыны бираз котерди.

– Энь эсасы бу... джесюр баш исе къолларгъа озю къошулып, профессор, яшамакъ ве беклемек ичюн – сонъуны.

Къомшусы сускъанынен Чобан-заденинъ мийини досту ве устазы Сент-Джелл Хаттатовнынъ якъаланмасы акъкында фикир ярды: «Сент-Джеллининъ апис этильмеси акъкында хабернен къальбимде яра ачмакъ ерине... бареме, къолларыма ургъай эди Файтонджы».

Чобан-заде сувукъ къолларынен козылерини къапатты ве эр даим, юкъугъа кеткенде олгъаны киби – тюрьме азбары левхасыны эвининъ манзарасы денъиштирди – кабинет, ятакъ одасы... ве андан, Къара шеэрнинъ казематларындан кечип, эшитмек галлюцинациясы киби, пьесанынъ музллифи Асан Рефатов¹ ве Рутие фортепианода дёрт къол олып чалгъан ве эки сеснен йырлагъан «Арзы къыз»нынъ чая макъам давушлары кельди...

Лякин бир кереден бу давушларны, дигер достлары киби Къырымгъа къайткъан Асаннынъ такъдири акъкында телашлы фикир къувды.

Бираз сукюнеттен сонъ давушлар къайтты, лякин бу энди трампете тапырдысы ве боразан чагъырувы эди. Олар мындаки тюрьме азбарына узакъта къалгъан маджар окопларындан эшитильген киби олды. Чобан-заде сескенди, отурды ве юкъарыдаки къомшусы тарафындан кягъытта язгъан къарандаш шыгъырдысыны эшитти. Къомшусы, къарандашны агъызында сылатып, нараларда ятаракъ, бир шейлер яза эди.

Чобан-заде, боразан давушына сесленген киби, пенджере янына барды. Къар иле къарышкъан бурчакъ данелери пенджереге сонъки аккорд иле тапылдатып, четке чекильди ве булутларнынъ кенарыны ярыкъландыргъан кунеш нурларына ер бердилер. Чобан-заде къолларынен пенджере тюбюне тирелип, табиатнынъ къуйпа оюныны сейир этти: къар иле бурчакъны кунеш денъиштирил, онынъ шавлеси яваш-яваш уфукъкъа таба догърулгъан булутны ичтен ярыкълата эди.

Юрегини асрет сарды, мийинде, Будапештте кечкен узакъ студентлик чагъында пейда олгъан ве шимди

«Булутлар, булутлар,

Къаерден келесиз?

Коюмден, анамдан

¹ Белли бестекяр, фольклорджы (1902-1938сс.), «Чора батыр» ылыкъ къырымтатар операсы ве дигер, миллий медениетимизде из къалдыргъан эсерлерининъ музллифи. Азербайджан бестекярлар бирлигининъ елбашчысы. Икяе этильген заманда НКВД тахкъыкъаты астында булуна эди.

Не хабер билесиз?

Айтынъыз, барабар, туйдурмай джылайыкъ,

Ёлларгъа тюшийнк, сарарып солайыкъ

Булутлар, булутлар,

Яйлагъа кетинъиз,

Эсманны корьсенъиз,

Селямлар этинъиз.

Йыкъанъыз анамнынъ яшлы козьлерин.

Къолларын опюнъиз, унутсын кедерин»

сатырларгъа чевирильген фикирлер, хатырлавлар айланып турдылар.

Къальби аджыныкъ агъырлыгындан бираз бошашып, Чобан-заде даа текаран пенджере янында турды, санки муджизе бекледи. Сонъ яваштан озъ ятагъына къайтты ве къомшусы къаршысында турып сорады:

– Эвге хабер язасынъызмы?

– Э! – шу арада джевапланды юкъарыдаки къомшусы. – Учъ сёз: сагъ-селяметим, седем. – Марфа Петровна... – ве анылатты Марфа меним апайым. Къара шеэрде эвдекилернен язышмакъ ясакъ этильген... мында не олаяткъаныны сычан биле бильмесин, деп... Язмагъа яздым ама, бир мераметли незаретчи тапсанъ да, ёлласанъ... казематнынъ арабакъапусындан чыкъкъан сонъ пошта къутусына ташласын... Ана къайда меселе! Истейсизми? – юкъарыдан къарандаш ве талебе дефтеринден къопарып алынган къагъытны узатты. – Иште, профессор, энъ саде, амма терен маналы: сагъ-селяметим, седем сёзлери иле гоньлюнъизни раатлатынъ...

– Сагъ олунъ, тырышырым, – разы олды Чобан-заде. Апис этильгенининъ ильк кунюнден о, зенаатдашлары арасында язма сёзнинъ устасы сайылып, чешит къабиле ве халкъларнынъ миллионнен сёзлерининъ дадыны бакъкъан ве иште къулланган олса да, шимди чекише, апайы, эви акъкъында хабер насыл этип алмалы... ве кери мензильни – Ичери-шехер Къара шеэр олгъаныны насыл косьтермели, деген фикирден азап чеке эди... Сонъ къарар алды – ёкъ, Рутие бойле мутхиш дарбеге даянамаз. Къагъытны тизинде тегизлер экен, озъ дуйгъуларыны, къасеветлерини шиир вастасынен ифаделемек истеди, лякин къальби ильхамлы сатырлар иле сесленмеди, аз да олса, арынмакъ, тазермек истемеди.

Къоллары озю-озюнден Алла берген ильхамындан марум къалган мабюсининъ тюшонгенлерини, дуйгъанларыны серт несир сатырлар иле ифаделедилер:

«Меним языларым ич бир шей косьтермесе де, къырылган, чайпалган, бельки бугунъ-ярын олип, ёкъ болуп кетеджек къырымтатарны, онынъ минлерини, дуйгъуларыны бек яхшы косьтере; бир кунъ келип, тарих Къырымман огърашса, къырымтатар къырымтатарны къыдырса, меним языларым ортагъа чыкъар. Эгер булай олмаса да, зарары ёкъ...».

VII

– Еди юз он бешинджи – чыккышкъа!

Мемеднинъ пешинден бургъулы мердивенден энерек, Чобан-заденинъ аретсизликтен къатып къалган аякълары эр бир адымдан агъырта, коксюнде исе нефес тарлыгъы пейда ола эди.

Файтонджы оны эски ерде, азбаргъа чыккышта эллерини кенъ ачып, къучакъламагъа истеп къаршылады. Лякин Чобан-заденинъ торс, сувукъ бакъышыны корип, бир кезинтини къачыргъаны ичюн озюни акъламагъа башлады:

– Мемеднинъ бир невбетчилигини кечирмек керек олды... Иш богъурдакътан. Генерал Сумбатов Къырымдакилернинъ къабаатыны косътерген эп янъы делиллерни талап эте... Аджеде этип, санъа да къысмен аит олган тахкъикъат иши иле Къырымгъа барып кельмек керек олды.

Чобан-заде Мемеднинъ невбетчилиги акъкында сёзлерни тек шимди анълады...

Иылышкъан вакъытнынъ думанында о, айтылган эки кунъ ерине дёрт кунъ къапалы тюрьме азбарынынъ авасындан нефес алмагъаныны абайламай къалды.

– Санъа къырым достларынъ селям сёйледі, – девам этти сабырнен Файтонджы. Сени сорадылар, Бакуда озъ институтынъда илим саасында мувафакъиетлеринъ иле меракъландылар... Олар даа крават (галстук) иле цивиль френк костюмининъ тюрьме урбасына деньиштиргенинъни бильмейлер... – Чобан-задеге козь атты, онынъ айтылган сёзлерге мунасебетини кореджек олды, лякин тек азбар бою доланган лякъайд назарыны коръди. Козълери къум ве чакъыл иле толдурылган ерге тюшти – бу ерде Абу Сайид ве Хабиб бузлы топракъта озьлерине къабир къаздылар. Мында атып ольдюрмек левхасы ойналгъаныны тек таш диварда барот къалдырган къара орьнеклер анъдыра эди...

Чобан-заденинъ бираз гонъюни котермек ичюн сесинде рухланув иле Файтонджы:

– Не де олса, айтылгъаны киби, бизим Къарасувбазардаки сокъагъымызда да байрам олур, эбет, шеэримизге къайткъанынъдан сонъ... Лякин сен меним самимий эйи мерамларымны къабул этмелисинъ... – деди. – Анджакъ, мен анълайым, иджадий, сен киби интеллектуал адамларда мен киби – погонлы, пальтосы тюбюнде белиндеки къынында наган сакъланган адамларгъа инамсызлыкъ пейда олды, – ве озюнинъ джеплерине ифадели урды. Санки пыштав къыныны хызмет борджу иле сакълагъаныны косътермеге истеди.

Бу итирафлары янында лякъайд чере иле адымлагъан Чобан-задени авеслендирмегини корип, сорады:

– Сагълыгъынъ зайыфлашты гъалиба? Биз меним кабинетимде къапалып, ачыкътан-ачыкъ субетимизни бирер фильджан къаве башында девам этер эдик, лякин мында, авада, хавфсызджа. Козъ ве къулактардан узакъча...

– Ёкъ, эр шей еринде, – сесленди Чобан-заде. – Динълейим...

Субедешининъ мерагыны къозгъалтмакъ ичюн Файтонджы кене итираф этти:

Меним Къырымгъа барып кельмем Асан Рефатовнынъ иши иле багълы. Рефатовнынъ адыны анъмасы Чобан-заденинъ юрегинде агъры иле сесленди ве тахкъыкътчыны сонъуна къадар динълемейип, о: »Мен буны сездим де...», деп тюзюнди.

Файтонджы джиддий сесини бир кереден ишанчлыгъа денъиштирип: – Сен Асанны лек яхшы билесинъ де, къоранталарынъыз иле барды-кельдинъыз бар эди. Алай-акъай сизинъ эвинъизде гедже-кунъдюз ола эдилер... Асаннынъ ич бир эсери, «Лейли ве Меджнун» драмасы олсун, «Чора батыр» яки «Той девам эте» олсун, сенинъ ве Ругие ханымнынъ рагъбетлендириджи сёзлери олмагъандже, дюнья юзю кормей тургъан. Мен буны Рефатовнынъ ишинден билем...

Къырым акъкъында лафлар апансыздан Чобан-заденинъ къальбиндеки бузларны иритти, о денъиз авасындан нефес алгъан киби олды:

– Биз алайымнен Асан иле достлугъымыздан гъурурлана эдик... саф юрекли адам.

– Не исе, агъызынъдан бир лаф алдым, – йымшады Файтонджы. О, Абу Сайид иле берабер Хабиб къазгъан чукъурларгъа бармаздан, чевирильди ве кери къайтты: – Эбет, инсан оларакъ мен сенинъ Асан иле достлугъынъны анълайым – экинъиз де ватандан къувулдынъыз. Лякин сиз ичюн ябанджы Бакуда да, эр биринъиз озъ саанъызда, аджайип мувафакъиетлерге ириштинъиз. Атта, Баку драмтеатрининъ баш дирижёры оларакъ, Асан истидатлы Кара Караевни эслеп олгъаны ве оны котергенини козь огюне кетирсенъ, бунынъ иле Рефатов азербайджан музыкасында из къалдырды, деменге эсас бере...

Чобан-заде сабанынъ сувугъы онынъ арекетлерини агъырлаштыргъаныны дуйуп, бинагъа киришке якъын токътады:

– Бу сизинъ Асан Рефатов, Осман Акъчокъракълы акъкъында тахкъыкътчынынъ юрек тёкюмелери манъа неге керек? Къальбиме къоркъу кирсетеджек оласызмы?

Файтонджы оксюрикке ошагъан кулькю ичинде богъулаязды:

– Сен джесюрсинъ... узакъ кечмиштеки достлугъымыздан билем... инан манъа, озъ тахкъыкът ишлерим акъкъында, сенинъ адынъ иле сунъий багълы олгъан криминаль адамларнынъ къусур даиресинден чыкъармакъ ичюн айтам. Сонъ исе Сумбатов ве «тройка»ны сенинъ гунахсызлыгъынъда ишандырмакъ ичюн... делиллер, тек делиллер ве тешкерильген хуласалар иле... Бу меселе, догърусыны айтам, енгиль дегиль, анджакъ енъишли... Ялынъыз Асан Рефатов дегиль, «Къырым иши» боюнджа Кефенинъ аписханесинде озъ такъдирини даа йигирми мабюс беклемекте... Оларнынъ эписини сен билесинъ, шимди оларнынъ адларыны ве унванларыны айтмагъа истемейим... Амма инан манъа, Оларнынъ эписининъ ишлеринде сенинъ адынъ анъылла... Бираз сонъ мен санъа бу, «Къырым тройка»сыннынъ серт агъызындан къарарны беклеген, оларнынъ

такъдири исе, инан манъа, пахылланаджакъ киби дегиль, йигирми адамнынъ адларыны айтырым... – Файтонджы сусты, огге адымлады, онынъ чызмалары топракнынъ бузлу къабутъына урулып, сесли давуш чыкъарды.

Топракътан чыкъкъан давуш Чобан-заденинъ къулакъларыны чынълатты ве о, гъайры ихтиярий шааты олгъан, талелелери устюнден экзекуцияны хатырлады.

– Бу азбарда атып ольдюрмекнен къоркъузып, адамларны япмагъан шейлерини танымагъа меджбур эткенлернинъ истемезден шааты олдым... Эминим, сиз бегенген бойле усулны Рефаткъа нисбетен де къулланырлар... ве сиз гизли-гизли анъгъан «йигирми»ге де...

Файтонджы бир шейлер хатырлагъан киби боз козылерини кокке котерди:

– А! Сен ана шу эки аспирант озъбек акъкъында айтасынъ... Оларнынъ ишлерини капитан Сарымсакъов бакъа. Бакугъа командировкасы бите ята... генерал Сумбатов оны иш этмегенинде, бедава отъмек ашагъанында опыкелей. Атта гъадапланып, айтты: эгер оларнынъ къальплерини терсине чыкъармагъа чаре тапып оламасанъ, мундирингъни маскъара этме – озъ-озюнгъни атып ольдюр! Иште, шай! Сумбатовгъа, ««Къызыл фуртуна» иши»не бирлештирилген бутюн учъ «тройка»нынъ башы олмакъ авале этильген. Генерал ишининъ масштабыны ве къаплагъан фезаны – Каспийден, Къара денъизден – Арал денъизинедже... учъ денъиз иши..., деп айры къайд этмеге севе.

– Оларнынъ къальплерини терсине чыкъармакъ неге керек... эгер сиз оларны энди къангъа булгъаладынгъыз?!

Файтонджы онынъ сёзлерини, илимде даа кереги киби котерильмеге етиштирмейип, къанатлары къырылгъан талелелери ичюн джан агъыртув киби анълады ве озюни акъламагъа истеп, Сумбатов ве Сарымсакъов киби НКВД хадимлерининъ ве озюнинъ ишинде фаркъны анълатмагъа башлады.

– Капитан Сарымсакъов ве бизим генерал даа граждан дженкинде иштирак эткен эски гвардиядан. Чапайлар, махнолар киби иш тутмагъа алышкъанлар, къанун ве къаидеге риает этмейлер, еяне делили – къылыч агъызы ве наган окъу, – ишни беджермек ве Москвагъа эсабат бермек: «Бельгилентген вакъыткъа ольдюрип джезаламагъа авале этильген микъдарны намус иле беджердик...». Бу биз, къызыл профессура дженк заманынынъ низамнамелерине коре огретильмедик де, Вышинскийнинъ¹, Плевако² киби прогрессив инкъильяптан эвельки адлиеджилернинъ ишлерини огрендик. Бизни тильшынаслыкъ саасындаки Марр³ аркъадашнынъ энъ янъы ишлеринен таныш эттилер. Сёз сырасы, – апансыздан денъиштирди о субет мевзусыны, – тахкъикъат ишинъде сенинъ институтынъдаки профессор Макъсуд Рустам-заденинъ сесленюви козюме илинди. О, сени

¹ А. Вышинский (1883-1954сс.) – ияке этильген заманда ССДЖБ баш савджысы.

² Инкъильяптан эвель чалышкъан адлиеджи, мешур абукъат.

³ Совет тильшынасы, тиллернинъ асыл олумасы сынфий тюрс ташыгъаны акъкъында акисильмий назаренинъ муэллифи.

озь ишлерингде Маррнынъ янъы теткъикътларына ич де таянмагъанында, анъмагъанында къабаатлай... ве санъа нисбетен сиясий уджум япа, сен тюркшынаслыкъта сынфий янашманы танымайсынъ, деп... мен беллесем, сенинъ адынъ Марргъа багъланмасы къанаатлендирмей...

Сааткъа бакъып, Файтонджы апансыздан сорады:

– Бекир, сен сокъакътан юргенде козетильгенинъни сезмей эдинъми? Я да сининъ эвинъизни козеткенлерини? Бойле догърудан-догъру берильген суальден Чобан-заде бираз шашмалады. Тюшюнип бакъты:

– Гъалиба, ёкъ, сезмедим... апайым да, эвимизге кельген достларымыз да... анджакъ, ким бильсин... шимдики заманларда...

Файтонджы субетдешине, юзюни огренген киби, бакъты ве манълайына тюше берген, тазыны ачкъан къалпагъыны тюзетти. Гуръ сачлы Чобан-заде янында тахкъикъатчы озюни алчакъ бойлу киби ис эте эди.

– Сени эр кунъ козете эдилер, бу, та бинъ докъуз юз йигирми секиз сенесинден башлап, докъуз йыл девамында япылды... Кене де ялварам санъа, Бекир, арамызда олгъан лаф бу ерде къалсын... бильселер, меним де бойнум уруладжакъ...

Чобан-заде адымларыны сакинлештирди, Файтонджынынъ юзюне бакъып, онынъ не дереджеде самимий олгъаныны коръмек истеди.

– Сенинъ тахкъикъат ишинъден апансыздан нарком Сумбадзенинъ Москвадан соравгъа джевап оларакъ рапорты да чыкъты. – Ве, фысылдап девам этти, бекленильмеген янъылыкъны хабер этти: – Олгъаны киби айтам: «Чобан-заде тарафындан ич бир тюрлю акиссовет арекетлер олмады, сабыкъ миллифиркъаджылар ве дигер контринкъилияпчылар иле алякъасы белли этильмедиле»...

Чобан-заде, эшиткенини сонъунъа къадар анъламагъан киби, тааджипнен омузларыны сыкъты:

– Козетильгеним мен ичюн янъылыкъ олды. О къадар вакъыт мени такъип эткенсиз... докъуз йыл...

Файтонджы Чобан-заденинъ козьлеринде къоркъу я да къорчаланув арекетни беклеп, буларны коръмеген сонъ, асабийленип джевапланды:

– Мында анълашылмагъан не бар?! Мен ичюн генералнынъ рапорты – тахкъикъатчы Карпонос бирлештирген иште къусурлар, анълашылмамазлыкълар, чектирип багълангъан ерлерни тапмакъ ичюн илериде де оны огренмек ичюн... даа бир кучълё делиль. О къадын ашыкъа, мына ким озюни атып ольдюрмек керек! – Бирден токътады: – Шимди исе олды... келеджек корюшовимизгедже... Мемед энди къапудан бакъа...

Чобан-заде тюшюнджеге далып, ачыкъ къапугъа догърулды. Апансыздан Файтонджы онынъ аркъасына айткъанларыны эшитти:

– Сёз сырасы, сен санаторийде якъалангъан куню Кооперативныйдеки эвинъе генерал Сумбатов озь командасынен келип, тингюв кечирди... Лякин бу сефер

де, рапорткъа коре, сени ве Ругие ханымны акъаретлеген ич бир шей тапылмады...

VIII

Эвинде олып кечкен тинтвов Чобан-заденинъ кейфини о къадар бозды ки, ашагъыдаки къатта озъ ятагъыны къармалагъанда, бездириджи къомшусынынъ суалини биле эшитмеди:

– Элинъыз-аягъынынъ кырмадылармы?

Чобан-задени, онынъ ишине ич бир зарар кетириджи шей къошмагъан тинтвовнынъ озю дегиль де, «тез тесирленген апайы бесе-белли шашмалагъандыр», деген фикирден эеджанланды, хаста юреги де агъры иле сесленди.

Онынъ козю огюнде ябанджылар тарафындан рефикъасы эвленгенлерининъ ильк йыллары яраткъан къынтавлы шараитни бозгъанлары, ятакъханеде, ашханеде тертипни бозып, Чобан-заде, иште болдуруп къайткъанда тынчлыкъ, тескин тапкъан бу джыллы эвнинъ муитини ёкъ эткенлери джанланды...

Сумбатов ве компаниясы эвни асть-усть эткенинден Ругие ханым озъ хатагъа ёл бермеген къадын сезгирлиги иле акъайы Кисловодскта олмагъаныны – санаторий тедавийлевининъ он дёрт куню энди чокътан кечти – о энди Бакуда, Къара шеэрнинъ зинданында азап чеккенини анълагъандыр, деген фикир Чобан-задени зияде азаплады. Бу кунълери, акъайы ичюн къасеветтен олеязгъан къадын чапып-чапкъалап, генерал Сумбатовнынъ, я да Бакуда энъ итибарлы адам сайылгъан – Багировнынъ кабинетни къапъусына сокъулып, акъайы иле корюшмеге изин бермелери ичюн ялварадыр... Ругие ханымны эписинден зияде яралагъан – даа якъында онынъ санадаки чыккышларына эльчырпкъанларнынъ лякъайд сусмасы оладжакъ... бойле этип, бир анъ ичинде дургъун корюнген омюри бутюнлей денъишти, онынъ шерефи, унванлары, мукафатлары бир капик фиятындадалар...

Къомшусы башыны эгильтип, Чобан-заденинъ кейфсиз алда урбасына де сарылгъаны, де шишкен тизини сыйпагъаныны козетти. Онъа, тёпеден бакъкъангъа, профессор бу сефер, тахкъикъатчы Карпоноснынъ соргъусында инатлыкъ япып сускъаны ичюн незаретчиден сопа ашагъаны киби корюнди.

Чобан-заде исе, къомшусы онъа бакъкъаныны абайлап, апансыздан онъа сёз къатты. Онынъ адыны бильмесе де, урбасында язылгъан номерасыны эм де Мемед Айлисли: «Он единджи, чыккышкъа!», деп къычыргъаныны хатырлады.

– Айтсанъыз, муэндис, Къара шеэрде сой-акърабанен корюшмеге изин берилеми?

– Изин бериле, лякин тек мен киби, ана-мына, лагерьде отурмакъ ичюн узакъ ёлгъа азырлангъан частлы адамларгъа... Къара шеэрнинъ дженубий арабакъа-пусындан чыккышта бир-эки сёз къатмагъа имкъан берелер... Сизни теляшландырмагъа истемейим, лякин Литер А киби бельгиленгенлерининъ сой-сопундан атта олар комюльген ерни гизлейлер. Сахте мензилни бильдире ве «Олюм акъ-

кында шеадетнаме»де биле догъру вакъытны косътермейлер... джезалангъан куню, йылы башкъа ола... Меселя, феянча адам, дейик, бинь докъуз юз отуз докъуз сенеси он экинджи июльде вефат этти, Азербайджан Эс-Эс-Джнинъ Хачма¹ коюнде дефин этильген... я да Къырымда Коккозь коюнде... сонъ тап, бакъайым. Сой-сопундан комюльген ери гизленильген адамларны террорист я да джасуслар сырасына къошалар ве мезарында не православ хачы, не мусульман айыны къоймагъа изин берелер.

Иште, кедерли, лякин акъикъат ойле... Бедавадан бу ерге Къара шеър демегенлер. – Ве башыны эгильтип, Чобан-заденинъ къулагъына фысылдады: – Анъла, бакъайым: не ичюн биз, къанымыз къайнап, диване киби къызыл байракъны беязлар байрагъына къаршы саллап юрдик... агъа къардашыны танымады, огъул бабасыны... Миллионлар эляк олды...

Чобан-задени эфкар сарды, о, богъазында айтылмагъан сёзлер тыкъалып къалгъаныны дуйды.

– Олар къальбимни къырдылар, – апансыздан айтты о хырылдап.

– Олар умют яшагъан къальплерни къырлар. – Сесленди къомшусы ве юкъламагъа истегенини косътереджек олып, козылерини къолларынен къапатты. Бир янындан дигер янына айланды, дуа киби бир шейлер фысылдады ве апансыздан айтты:

– Профессор, меним апайым Марфа мен иле чыкъышта манасы олмагъан – чыдамлы ол, акъайчыгъым киби олмайджакъ къадын лафлары айткъаныны истемейим... мени кунешли Бакудан терс, сувукъ Нарьян-Маргъа йибергенлеринде... Меним азгъан, хорлангъан, гъарип алымны корип, бу энди яшамайджакъ, деген хуляса чыкъарыр ве лабораторияда ермайнынъ ачыкъ союны къою тюстекинден айырмакъ устюнде чалышкъан Сары Володькагъа акъайгъа барыр... бойле олгъаныны истемейим! Сарыгъа акъайгъа чыкъа берсин, амма манъа дуйдурмасын, онынъ арсыз козылерине бакъып, онынъ гизли фикирлерини дуймагъа вакътым ёкъ, – ве Чобан-задеге ичип битирмеген, тютюни чыкъкъан папиросны узатты.

Чобан-заде тютюнни бирден ичине терен чекти ве коксюнде пейда олгъан джыллылыкъ юрегининъ сызламасыны ятыштыргъаныны дуйды.

IX

Незаретчи Мемед Айлисли, Чобан-заде ве Файтонджы арасында къаиделерден тыш корюшювлерини гизлейджек олса да, эписи хавфларны козь огюне кетирип оламады. Шу джумледен, ашагъы къатларда отургъан ве профессорны

¹Чобан-заденинъ олюм акъкъында шеадетнамесинде 1939 с. 12-июльде вефат этти, деген малюмат бар. Акъикъатта мешур алим 1937 с. 13-октябрьде атып ольдюрилди. Бу, Алий махкеменинъ коллегиясы идам этильгенлернинъ олюм вакъты ве ери акъкъында янълыш малюмат бергенини тасдикълай.

таныгъан мабюслерден бириси пенджерен оны насылдыр белли олмагъан инсан иле азбарда кезингенини корип, эндамындан таныйджагъыны тюшюнмеди.

Ойле ачыкъкозъ инсан исе тапылды ве бу, незаретчи камеранынъ къапусындан башыны сокъып чагъыргъанда, 54 сангъа сесленген Хабиб Гулям-заде эди. Хабиб якъында олгъан Абу Сайид иле берабер корьгезмели атып ольдюрмек вакъиасындан даа озюне келялмай эди.

Шу, кирли, къар иримеге башлагъан тюрьме азбарында анда-мында къалгъан куню уйле маалинде сакъчылар оларнынъ башларыны зораки ерге эгилтип: «Къабир къазыңыз!» – деген эдилер. Абу Сайид топракъкъа ургъан сайын къызгъын къальби сыкъылгъаныны – яни, бойле вакъытта «юреги къан къусты» дегенлерине ошагъан шейлер дуйса да, курекни тенджюристлик иле ерге саплалды. Къоллары курек тутмагъан Хабиб исе апансыздан къартбабасы – Сайфуллохаджини Бухаранынъ Хазрат-и-Имом мезарлыгъында комьгенлерини хатырлады. Бу онынъ омюринде догъмуш инсаннынъ озгъармакъ боюнджа ильк пек тесирли ве кедерли теджрибеси олгъан эди. Лякин къальбине олюмнинъ аджджысы дегил де, сагълыкълашув аныаненинъ озю сапланып къалды: мевтагъа багъышлангъан дуа – дженазе намазы, вуджудыны ювмакъ, без кифинге сарып, къадынларнынъ яйгъарасы иле чыкъармакъ эснасы ве Алладан, къычырып, рахмет сорагъан, табутны ашыкъчанлыкъле алып кеткен адамлар...

– Тездже! Тездже! – Хабиб аркъасы артында тургъан сакъчынынъ давушындан сескенди.

Ипрангъан потиклери, чамурда батып, аякъларындан тюше эдилер...

Бекленильмеген сонъу ашыкъып япылгъан ве къыска олды... Къоллары аркъасы артында багълангъан. Атыш давушы – биринджиси, экинджиси... Сукюнет. Къомшу къабирден, чамургъа бетинен сокъулгъан Хабибге бакъкъан, тааджитпен къыйышкъан Абу Сайиднинъ юзю...

– Фу, гъалиба, баллар яхшы козьлеп оламадылар...

«Тур!» эмири яшларны яваштан, къоркъунч тюш корьгенинден сонъ киби, аныларына кетирди: «Сагъмыз!».

Бу вакъианынъ тесадуфий шааты, камерасынынъ пенджересинден бакъкъан Чобан-заде олды. Файтонджы иле корюшкенде исе талелелери чеккен азап себебинден къыска ве ифадели айтып ташлады:

– Мабюслернинъ къальплерини терсине чыкъармакъ неге керек... эгер сиз оларны энди къангъа булгъаладыңыз?!

Кене камерада къапалы Хабибнинъ, яшап кечирген шоктан дуйгъулары кескин агъры иле къайтмагъа башлады. Бу вакъиа еди кунъ ве гедже апиште кечирген эм де Къара шеэрде къоркъу иле яшамагъа альпшягъан мабюснинъ тертибини бутюнлей бозды.

Оны даима пенджереге бармакъ истеги къыйнай эди. О, саналаштырма атып ольдюрювнинъ излерини гизлемек ичюн топракъны агъыр чызмаларнен таптагъанларыны корьди. Ильк эки кунъ ве гедже Хабиб пенджерен сийрек че-

киле, кыргызланган ай озь кыя шавлелери иле Асиенинъ юзюни джанлан-дырганыны корьди. Бирден озюни арткя алды, Асие оны шашкын ве гъарип алда кореджегинден кьоркты.

Пенджере янында яткан ве юктусызлыкьтан чекишкен кьомшусынынъ аклы-на чая фикир кельди: бельки Хабибни 54-джи дегиль де, «Лунатик», деп чагъыр-малы – Лунатик... Эй, Лунатик, къайнаган сув ич... Лунатик – чыккышкя!

Хабиб зайыф тебессюм иле сеслене турган. О, йигирми дёрт йыл яшаган омюри шавлесиз бир къаранлыккя баткяныны, тек пенджере черчивесинде ярыкь кългяныны тасавур эте эди.

Шу саба кыш кунешининъ акъ нурлары пенджеренинъ черчивесини корюм-ли бир левхагъаже кенишлеттилер. Онъа бакъып, Хабиб аз кълды, кычы-разды. Чюнки тюрьме азбары бою алкъалап, яваштан кезинген эки эндамдан биринде Чобан-задени таныды.

Ильк фикир: оджасыны да ашалайдыжы, залым мыскыл олган саналаш-тырылган атып ольдюрмекке огъратаджакълар. Анъыны агъыртып санчыган фикир догъды: тырышып, бар кучюнен пенджере первазыны сыккып чыкъар-макь ве онынъ иле берабер азбаргя атылып чыкмакь. Пенджере первазы гъыйчылдады, амма биринджи ынтылувы нетидже бермеди. Даа бир кере бас-ты, амма бу сефер оны айныкь фикир токъатты. Эндамлар, алкъаны кесип, яктынлаштылар. Оларнынъ сакин адымлаганларына бакъып, экиси де бир шейлер акъкында субетлешкени анълашылды. Бильмеген адамнынъ башында кълпакъны абайлап, Хабиб анълады, о Кырымдан кельген... Узакътан насыл хабер кетирген экен – оджасынынъ кедерли такъдирини енгиллештирген я да умют берген союумы? Не акъкында субетлеше экенлер?

... Чобан-заде иле Файтонджы исе энди кечкен гизли корюшювлеринде башлан-ган субетни девам эте эдилер. Шу джумледен, «кызыл профессура» сырасындан олган тахкыкьатчынынъ тирнекли назары профессорнынъ ишинде бир джинайй вакъианынъ дигер вакъианен зайыф багланмасыны тапкяны акъкында...

– Билесинъми, Бекир... гизлиден геджелернен ««Кызыл фуртуна» иши»не эп даларкен, сенинъ алынъны енгиллештирмеге ярдым этеджек делиллерни кыдыраркен... башымдаки сачымдан чокъ ишим бар, – къайд этти о истизанен ве эрте тазланган башына има этерек, кълпагыны тюзетти.

Чобан-заде, онынъ кыркь дереден сув кетирип лаф эткенлерини динълерек, базыда о бефтан умютлер беслегенинде озюни опыкелей турган. Чюнки олар ялан, иллюзия олып чыкя биледжеги анълашылып тура эди. Шимди де, субет-дешининъ оюнына уйган киби, Файтонджыгя:

– Меним бабам исе: «Бабасынынъ башындан бир сачыны тюшюртмез», деме-ге севе турган..., – деди.

Файтонджы, онынъ гурь, къарышып кълган сачларына тек самайларында чал тюшкеннини абайлап, кулюмсиреди.

– Йыллар санга тесир этмей. Сенин сачын, тамам рушдиеле къызлар бакъып къалган, яшлар исе пахыллаган замандаки киби... – ве, бугун бир саат тапып, аязда бузлап, эсас макъсадындан четленгенине, комплиментке вакъыт джойганына элесленди¹.

– Велякин, ишке кечейик, Бекир! Сантиментлерни сонъуна, Къырымга къайтаджакъ заманларга къалдырайыкъ... Сумбатовнын сенин артындан незаретлери ве эвиндеки тинтюв акъкъында Москвага эсабаты ишинъе криминаль ич бир шей къошмадылар. Буны билип, сенин этрафындаки дубараны эки къат гъайретнен чезмеге къарар эттим. Тек мутехассыс оларакъ дегиль де, зиядесинен инсаниетлик, сенин такъдиринъе достане мунесебетим ичюн. Негиджеде, менден багълы эр шейни япып, Сумбатов ве «тройка»ны сенин къабаатсыз олганынга кетирмек ичюн...

Анълайым, бу агъыр, гъает агъыр, сенин тахкъикъат ишинин ойле бир къуветнен юмрукъка сыкъмакъ керек ки, къагъыт тозу киби сепилип кетсин... Геджелернен, санга япылган чакъувлар, къабаатлавлар иле къагъыт обалардан, аз олса да, раатланмакъ ичюн талган козлеримни сюртрек ве папиросны думанлатаракъ... хаялымда, сени Къара шеэринин зинданларындан чыкъарып ве бу юкни къамбурыма юклеп, Каспий ялысындан тар ёлчукларнен сени, Бекир, сербест адамны, образлы айткъанда, озь омузларында Къара денъизимизнин ялысына алып кеткенимни тасавур этем... Сен, Бекир, кичкене чобан баласы, мени, олеязган алымда Дешт-и-Къыпчакънын къумларындан алып кеткенин киби – эйилигин ичюн эйилик... Догърусыны айт, мени чокъ йыллар кечтикче чобан баласы дегиль де, Бакуга сенин къарышыкъ ишин иле ёлланган Къырым «тройка»сынын тахкъикъатчысыны расткетиргенинъе пешман этмейсинми?

Файтонджынын девамлы нуткъунин манасыны сонъуна къадар анъламагъан Чобан-заде тюшюнджели алда сесленди:

– Чобан балалары... биз пак ве садедилъ эдик... Лякин шимди бизим ишлеримиз, насыл олсалар да – догъру я да хаталы, Алланын махкъумине берильген... онын ичюн бир шейден пешман этмейим, бу яшайышта, не къадар хаталы олсалар да, ич бир адымымдан ред эттем...

Файтонджы Чобан-заденин сёзлеринден бираз шашмалады, лякин озюни тез элине алды:

– Белоусов – ОГПУ коменданты, камерада дуа эткенлерни коръсе, къылынмагъа севе: «Аллага умют эт де, озюн де агъызын ачып отурма...», – дей. Сабыкъ чар хорунжийлерден... казак...

Къаравулхане янында сув чыбырганыны эшитип, экиси де токътадылар. Сакъчы, оларнын тарафына биле бакъмайып, къопкъадан кирли сувны азбарга септи ве арабакъапу артында сакъланды. Файтонджы, саатына бакъып, адымларыны тезлештирди:

¹ Элесленмек - спохватиться.

– Эбет, кечкен яшлыкъны хатырлап, асрет чекмек яхшы... Алланынъ рахмети-не инанып... Лякин бугуныкы куннинъ серт барлыгына кыйтайыкъ... Сенинъ ишинъдеки эписи уймагъан ерлерине коре, сучсызлыгъынъны исбатламакъ ичюн энъ реалъ корюнгени шу ки, эгер Бекир Ваап огълу Чобан-задеге такъдим этилген кыатты къабаатлав айры бакъылса, юзлернен бакулылар, кырымтатарлар, озъбеклернинъ ишлеринен багъламайып. Сен ве олар иле багълы «Къызыл фуртуна»дан айры... Догърусыны айтсам, сенинъ яптыкъларынъ ве сен иле багълангъан адамлар иле алякъанъны кыдыргъанда, базыда мен акълымны алдыраздым. Шу адамлар иле сен Миллий фиркъада, Мусаватта¹, Социалистик Туркестан фиркъасында, Тюркологик съездлернинъ ишинде, мында Бакуда, Самаркъандда ишлегенсинъ... Сонъ бу насыл олды я?! – театрдеки киби джайды къолларыны Файтонджы. – Сумбатовнынъ Москвагъа япкъан рапортында сенинъ артындан чокъыйллыкъ незарет, буны кыйд этем – чокъыйллыкъ! – сенинъ фиркъада аза олгъанында, Тюркологик съездлерде, сен язгъан китапларда, назмиетинде – санъа къабаат киби къошулгъан акиссовет арекетлер тапылмады. Мен бильгениме коре, Сумбатов пек тирнекли генерал, Москвагъа рапорт бермектен эвель эр бир сёзни, эр бир виргульни учъ кере тешкерир... Шереф къулу² бир ерде хата япкъандже, озъ-озюни атар. – Аджджы-адджджы кулюмси-редди: – Бизни, тахкъикъатчыларны да, эгер бир шейни бегенмесе, айындыра: «Резиль олма – озюньни ат!»... Иште, Чобан-заде ишини пек эдинип огренген сонъ, тек бир нетидже чыкъардым: «Къызыл фуртуна» уюримине³ (водоворот) сен тесадуфен тюштинъ, ич бир къабаатсыз ерде эки бакулы фиркъа къабиленсининъ – Джафар Багиров ве маариф наркомы Рухулла Али Ахундов⁴ арасында явуз дёгюшининъ къурбаны олдынъ. Образлы айткъанда, демирджининъ апрачлыгына бола чёкюч ве орьсю⁵ арасына тюшкен демир ёнгъа киби.

Бу эки къабиленинъ курешинде чёкюч ургъан дёгюджи оларакъ де Багиров ола, де, онынъ къолундан тюшкен чёкючни Ахундов ала эди. Тесадуфен араларына тюшкен демир ёнгълар исе, агъаргъандже кызып, эзильди. Курешнинъ сонъунда сонъки уджюм ве дарбени шанслы, аллякъ, эм де Москванынъ ярды-

¹ 1911 с. Бакуда «Мусават мусульман демократик фиркъасы» яратылды, онынъ векиллери сербест Азербайджан ичюн куреше эдилер, мефкуреси эсасына тюркчилик, Ислям дини ве демократия къоюлгъаны байракънынъ – мавы, ешилъ, кыырмызы тюрслери иле темсилленген. Октябрь инкылябындан сонъ, Азербайджан демократик джумхуриети тиздилер, кызыллар совет акимieti къургъан сонъ, гизли тешиклият оларакъ 1927 сенесине къадар чалыштылар. Мусават фиркъасынынъ ёлбашчылары атып ольдюрильди. 1980 сенелери бу фиркъаны гъайрыдан тикледилер)

² Шереф къулу – человек чести.

³ Уюрим – водоворот.

⁴ Рухулла Ахундов (1897-1938 сс.) – тюркшынас, публицист, терджиман. Б. Чобан-задеге даима ярдым этмеге тырышкъан. Азербайджан ССДж маариф наркомы, 1938 с. апрельде Москва дживарындаки Колмунарка атыш мейданында атып ольдюрильди.

⁵ Орьсю – наковальня.

мы иле – Багиров япты... Мына санъа, достум, сенинъ къалеминъе ляйыкъ олгъан кадрлар демирджиханесининъ левхасы...

«Онынъ демирджилер цехиндеки тутушув акъкъында сѣзлеринде акъикъят бар», – тюшюнди Чобан-заде, оны демир ёнгъанен тенъештиргенлери ичюн джаны агъырткъаныны бастырып, Багиров ве Ахундов арасында куреш олаяткъаны акъкъында Чобан-заде тахмин эте эди. Рухулла Ахундовнен олар дост эдилер. Чобан-заде ичюн агъыр, ишсизлик кунълери Ахундов достуна, профессоргъа къоранта бакъмагъа бир эки капик тюшсин деп, Баку газетлеринде макъалелерини нешир этмеге ярдым эте тургъан.

– Ошлу, – хымылдады Файтонджы. – Ахундов иле сенинъ чокъыйлыкъ – иш иле, я да достане алякъанъ незарет астында кечти. Сенинъ ишинъде атта тырач арифметика мевджут – Рухулла иле сиз бири-биринъизге къач кере мусафирликке бардынъыз, джыллы, къоранта даиресинде умумий ишлеринъизни музакере этмек ичюн байрамлар ве догъгъан кунълерде къач кере корюштинъиз... сонъки, бу сененинъ январъ айынен бельгиленген эсабатта Ругие ханым Рухулла санъа санаторийге ёлланма иле ярдым этмесине ялварды.

– Эбет, Рухулла дост... ярдым этти, – далгъынлыкъле айтты Чобан-заде, эшиткени устюнден тюшюнерек, башы думанлы олгъаны ичюн эр шейни тантиминен хатырлап оламаса да.

– Сѣз сырасы, сени якъалагъан сонъ бир къач кунъден Ахундовны да мындаки зинданларнынъ биринде къападылар... озъ имаеджинъни коридорлар сыкъышлыгъында я да тахкъикъятчыда тесадуфен корерсинъ бельки. Рухулла-ны якъын арада конвойнен Москвагъа ёллайджакълар. Андаки «тройка» онынъ ве рефикъасы – Фрида Наумовна Шлемованынъ¹ такъдирини бельгилейджек: ойле къаиде бар – эгер акъайлары «халкъ душманы» эбедий лекесини къазанса, къадынларыны да лагерьлерге он эки тире он беш йылгъа ёллайлар...

Чобан-заде апансыздан, козюне перде тюшкени себебинден огюнде бир шей коръмеген киби, токътады. Ругие акъкъында тюшюндже онынъ мийини кескин фикир оларакъ чертип алды. Далгъынлыкъ иле текрарлады:

– Он экиден он бешкедже..?

– Эбет! Сен, Бекир, Фрида Наумовнаны хатырламакъ керексинъ... Ругие ханым иле дюгене эдилер, эвинъизге бир фильджан къавеге, я да партноменклатура тюкянында алынгъан мот шляпачыкъ, чантачыкъ иле макътанмагъа кире тургъан... Бу шейлер биле сен ве Ахундовнынъ тахкъикъят ишлеринъизде къайд этильген... иште, шляпачыкъ мот... онынъле театрге бармакъ хош келе. – Файтонджы, авучыны агъыр ченгесине тиреп, бираз вакъыт тюшюнди:

– Багъышла, Бекир, эки дев – Багиров ве Ахундов арасындаки тутушувда санъа демир ёнгъа ролюни берип, ойле образлы къыяслав япкъаным ичюн...

¹ Тарихта олгъан бир шахыс.

Багъышла, мен авеслигиме берильдим... эгер хатырласанъ, мен яшлыгъымда масал токъуй эдим... Биз, кырымтатарлар ичюн сен, эвельдеки киби, шайр, алим, антик кыйметиндеки фельсефеджи кяласынъ... юнанлар ичюн Сократ киби... Тылсымлы сёзлер дюньясына далгъан, оларнынъ гизли маналарыны аджайип назмиетте ачмагъа тырышкъан... Эркин, терс, базада исе мукъайт-сыз олгъанында, сенинъ аркъанъ артында мемуларгъа чевирилген сабыкъ инкыляпчылар олюм-къалым куреши алып баргъанлары акъылынга келип ола эдими? Озь укюмдарлыкъ ичюн курешинде, бильдирмеден, сени озь дубарасы боранына джелъп этип. Даа зиядесини айтайым: Ахундов – Чобан-заде тахкъикъат ишинден филис киби мустакъиль ишлер айырылып чыкты. Меселя, озьбеклер Абу Сайид Ходжаев ве Хабиб Гулям-заде – сенинъ аспирантларынкы... Оларнынъ такъдири, мен бильгениме коре, энди чезильди, Ахундов ве Фрида Наумовнанынкы киби... Капитан Сарымсакъов Ходжаевнинъ ишини алий джезагъа, Гулям-заденинкыни колонияда он алты йылгъа кетирди...

Чобан-заде аякълары кялтырагъаныны дуйуп, токътады, теренден кокюс кечирди, Файтонджы онынъ агърыдан кыйышкъан юзюни абайламасын, деп, башыны тебен алып, бираз турды. Файтонджы ичтен ярыкъландырылгъан пенджерелерге бакъы, лафыны девам эткенини узакътан киби эшите эди:

– Генерал Сумбатов ««Къызыл фуртуна» иши»ни алып баргъан группаны бири-бирине уйгъун чалышмагъа чагъыра – делильге делиль, шубе олса – даа бир кере тешкермек – гъарезкъяр джинаетте шекленген кимсенинъ эписи исбатларынынъ эсасы бармы... Эбет, Сарымсакъов иле арамызда зихний фаркълар бар – Асиенинъ узакъ дженюбинден кельген озьбек, эр дженюбий инсан киби чаман¹ (меланхоличный, вялый), ишине бутюнлей берильмей, анджакъ амбициялары бар, озюни котермеге севе... Озь ишлерини битирсе де, Бакуда энди эки афтадан берли отура... ватанында оны рутбедже котерилюв, орден ве янъы «Къызыл-къумларда самум» иши беклей. Бу иште – Абдулла Къадыри, Чулпан ве даа эки данеси, оларнынъ сойадлары хатырамда кяалмады – олар да биз, кырымлар киби, сюляле сырасы тизильмеси ичюн тюркештирилген Алишер Темир огълу я да Севиль Нариман къызы киби адларны кочюрип алмагъа тырышалар – ерли миллетчилерге къаршы къабаатлавлар топлангъан... – Сааткъа ифадели бакъып, сагълыкълашмагъа вакъты кельгенини косътерди: – Олды, Мемед къапуны кырмалай... сангъа ишинъ ве азатлыкъкъа чыкъмангъанынъ толукъюнишини такъдим этмем ичюн даа бир-эки кунъ сабыр этмелисинъ... Алла сабыр берсин.

X

Чобан-заде ве таныш олмагъан адамнынъ бу, дёртюнджи ве сонъки, азбарны адым-адым, екюнленмеген тегерек бою кезинтисини де Хабибге корьмек

¹Чаман - меланхоличный, вялый.

къысмет олды. Теляшлы юкѳудан зорнен айынып, бирден пенджереге япышты. Азбарнынъ корюниши але даа эеджанландыра эди: ким экен о кесментик, юргенде къолларыны гъайретнен саллагъан беллисиз адам? Сааткъа сыкъ-сыкъ бакъа. Бесе-белли сувукъ азбарда юкъарыдан биревлери изин берген вакъыттан арткъач къалмагъа истемей. Тизинедже къара пальтосы, къулакъларынадже бастырылган къалпакъ. Къырымдан ёлланылгъанмы? Не кетирди? Чобан-заде онынъле тюрьме азбарында тынч кезине. Башкъаларына исе, тазе авада кезинмек четте турсын, камералардан чыкъмакъ ясакъ. Бири-биринден анълашылмагъан суаллер бухаралыны шашырта, якъаланувдан олгъан шоккъа даа зияде айрет къоша эдилер...

Миндерде созулып яткъанда исе козю огюнде Асиенинъ сымасы джанлана тургъан... Онъа чокъ шейлер ишандырды, энди булар эписи ич бир заман омюрге кечмейджек киби корюне... Бакудаки экинджи татилинден сонъ къызны Бухарагъа алып бармакъ. Оны догъмушларынен таныштырмакъ ве оларнынъ разылыгъыны алмакъ. Эр Алланынъ куню догъмуш шеэрининъ сокъакъларындан кок козлю, ачыкъ тебессюмли, тюзгюн эндамлы, Хабибден ярым баш юксек къырым къызынен кезмек ве къаршыларына кельген огълан ве къызларнынъ мерагъыны сезмек...

...Чобан-заде Мемеднинъ чагъырувына бир кереден сесленмеди. Козетиджи белине илиштирилген къырчмаларны жанъгъырдатып, къапуда тургъан вакъытта, саллана-саллана, босагъадан атлады ве коридоргъа чыккты. Мабюс аякъларыны зорнен алмаштыргъаныны корьген Мемед, тосат-тосат оны тирсегинден тутып кетти.

Файтонджы папиросны агъызына алып, энди азбар бою юре эди. Ачылгъан къапунынъ гъыйчылдысына айланып, Чобан-заденинъ чырайы къачкъаныны корьди: бети агъаргъан, козь къапакълары шишкен, мердивеннинъ пармакълыгъына тирельген къолу къалтырай.

Чобан-заде Ругиени къасевет этип, гедже юкъламады. Онынъ мийинде Файтонджынынъ «халкъ душманларынынъ апайлары» акъкында сёзлери мыхланып къалды. Оларнынъ ич бир къабааты олмаса да, акъайлары япкъанлары ичюн чокъ йылларгъа лагерьерге ёлланылгъаныны тюшюнди.

Танъ алды къаранлыкъны кесип, Чобан-заденинъ юзюне ургъан къаравулхане устюндеки прожекторнынъ ярыгъындан мабюс айынды. Файтонджыгъа ильк сёзлери исе талап киби янъгъырады:

– Сервер манъа абулкъат керек!

Файтонджынынъ козьлеринде мемнюнлик къыгъылчымылары йылтырады, санки айтаджакъ олдылар: не исе, сен манъа ишандынъ. Чобан-заде онынъ тебессюмини корьмесин деп, къалпагъыны манъалайына бастырды. Мабюске папирослар иле къутуны узатаракъ, хымылдады:

– Абулкъат?! «Тройка» махкемесинден кечкен камерадашларынъ санъа айт-

мадылар ёкса: махкеме сурьатлы кече... йигирми-отуз дакъка... Адынъ-сой-адынъ... ве махкюм... абулкьаткъа натыкъа¹ косьтермек вакьыт бармы?

Чобан-заде къутугъа элинен узанды. Файтонджы азырлыкьнен юзюне янган серникни якьынлаштырды.

– Бизим узун субетлеримизден аныламадынъмы: сенинъ тахкьикьат ишинъни дикькъатлы окьугъанда, мен буны, яшлыкьта сеннен къан къардаш олган инсан оларакъ меракьланганым ичюн япмадым. Къырымгъа къайткъан сонъ исе... къарасувбазарлыларгъа сен Къара шеэрнинъ зинданында озюньни насыл дуйгъанынъны, андан исе сийрек адам сагъ чыкъта, икяе этмек ичюнми? Сен сонъуна къадар джесюране тургъанынъны! Эльбет де, ёкъ! Мен санъа бу тюрьме азбарында анылаткъан шейлерге инанмадынъмы? Меним азиз макьсадым – Къырымгъа бир озюм дегиль де, сен иле къайтмакъ... Эджатларынь, ананъ-бабанънынъ къабирлерине теменна этмеге, къардашынь Зулейханы къучакьламагъа, сен къундакътан бакькъан, янъы догъган къозуны киби къолунъда ташыгъан огьлунъ Мустафанынь къуванчлы тебессюмини корьгенинъни истедим.

Чобан-заде сувукъ белькемигини бузлатмагъа башлагъаныны дуйып, сорады:

– Айса, Сиз махкемеде чыкьыш япаджакъсынъызмы? Мен къабаатсыз олгъанымны исбатлайджакъсынъызмы? Чокьоч ве орьсю арасына тесадуфен тюшкен демир ёнгъа киби? Сизинъ образлы къыясламанъызны махкеме бегенир. Сумбатов сизинъ агъызынъызны къапатмаз ве махкеме тез ве адалетли олгъаныны хатырлатып, къапу артына къувмаз!

– Кх! – чыкъарды сес субетдеши, тюшонджеге далып. – Сен меним амелимде энъ къыйын вазифе бердинъ. Енгиль джевапны беклеме... Бу суальге мусбет джевап екяне адам – генерал Сумбатов – бир шахыста баш къабаатлайыджы ве абулкьаът... Анджакъ, сонъки вакьытлары генерал, не ичюнدير, мени севмей къалды, меним делиллеримни динълемей... атта, меним делиллерим онынъ, Сумбатовнынъ, Къырымгъа айт о я да бу иш боюнджа делиллерине кесен-кес олмагъанда. – Синъирленип, ичине тютюн чекти ве къошты: – Булар эписи капитан Сарымсакьовнынъ кучукъ фитнелери, айттым да – зихниетимиз, тасиль севиемиз фаркълы... Сарымсакьовда «Къызыл фуртуна»да олгъаны эки иш – озьбеклернинъ – сенинъ аспирантларынынъ... Дубараджы Сарымсакьов генералны, мен Бакугъа кетирген «Къырым йигирмиси»нинъ ишинде къабааты бутюнлей тасдикъланмагъан адамларнынъ сойадлары расткельгенинде, Къырым «тройка»сы оларгъа ишлерни Москвагъа план арткъачынен беджерильгени акъкъында рапорт ёлламакъ ичюн ачкъанында къандырды. Гогольдеки киби «Ольген джанлар»... Сёз сырасы, бугуньки кунъге мабюслернинъ микъдары йигирми дегиль де, он секиз... эки данеси Москва джедвелине кечти – Рефат Рефатов, сен билген Асан Рефатовнынъ агъасы... ве актёр Джелял Меинов...

¹ Натыкъа - красноречие.

Сенинъ ишинъ иле мураджаат этмеге чарем олгъан екаяне инсан – Сумбатов... Эбет, эгер тахкъикъатчы Карпонос иле ишбирликте олсанъ. Баштаки соргъуда бутюн къабаатларны инкар эткен эдинъ... Разы олсанъ, генерал сенинъ ишинъни янъыдан бакъылмасына ёллайджакъ – Сумбатов иле бойле анълашкъан эдик. Сен екаяне дегильсинъ – бойле этип, сенинъ институтынъдан бир къач профессор озъ ве якъынларынынъ омюриленини къуртардылар... Тек ойле сен озюньки ве Ругие ханымнынъ омюрини къуртарысынъ... Бунен берабер исе, ачыкъ айтам, меним – Сервер Файтонджы, Къырымда энъ яхшы тахкъикъатчынынъ ад-саныны. Бойле де Сумбатовнынъ маньяк сесини даима эшитип турам: «Исбатлап оламасанъ – озюньни ат!» Апансыздан пальтосынынъ ян джебиден экиге букюльген къыгъытларны чыкъарды. – Вакъыт тапып, таныш олурсынъ... Джедвельнинъ сонъунда сен Сумбатовгъа айтаджакъ бир къач сёз бар... Иште, бутюн бу къырым мабюслерини билем... эр бирине къаршы шаатлыкъ япмагъа азырым. Бирисинен чалыштым, дигеринен дост олдым, учюнджисинен Миллий фиркъада аза олдым... Дёртюнджисининъ миллетчи назмнети акъкъында макътав къасидеси яздым... ве иляхре... Мемед ишмар этти – ве ашыкъмагъа башлады. – Тез арада корюшкендже...

XI

Камерагъа къайткъан сонъ Чобан-заде чокъ вакъыт озюне келип оламады. Топаллап, озъ тёшегини тапмагъан киби, сыкъ наралар арасындан къасеветли чырайынен юрди.

Къомшусы башыны котерип, 715-нджи мабюс де омузларындан тюшеяткъан робасынынъ якъасыны синъирли тюзеткенени, де Мемеднинъ чагъыргъанындан сонъ элинде кетирген экиге букюльген къыгъытны ачкъаныны козетти. Къыгъытны тегизлемек истегени, лякин пармакъларыны идаре этип оламагъаныны... Не исе, Чобан-заде озъ тёшегини тапты. Лякин онда бир кереден, аркъасынен миндерге басылып, созулып ятмады. Эгилип отурды, чевре-четке, биревни къыдыргъандай, бакъты.

Файтонджы иле субет ильк кере онынъ къальбини къозгъалтты ве ойле тесир этти ки, мийи къарышмагъа башлады. Абулкъат, баш къабаатлайыджы Сумбатов, ярым саатан зияде девам этмеген махкеме акъкъында фикирлер къарышып къалдылар ве ярыгъы корюнмеген бир чыкъылмаз вазиятке тюшкени дуйгъусы оны синъирлендире эди. Файтонджы онъа берген такъдири белли олгъанларнынъ джедвели эллерини якъкъан киби олды.

Къыгъытны ачмагъа джесаретленди. Джедвельде басма машинкасында тырачлыкънен сутунгъа тизилген Кефе тюрьмесинде озъ такъдирини беклегенлернинъ адлары ве сойадлары бар эди. Элифбе боюнджа къююлгъан адлар къаршысында тантиминен оларнынъ якъаланувдан эвель ким олып чалышкъанлары, ненен огърашкъаны... къоранта азалары язылгъан: Аблямит Якъуб – кимияджы,

Къырым кой ходжалыгы институтынынъ оджасы... Азизов Якъуб – фельсфе-феджи, Къырым педагогика институтынынъ доценти... Айвазов Асан Сабри – языджи, тильшынас ве этнограф, 1917-1918 сенелери Къурултай реиси... Акъчокъракълы Осман – языджи, терджиман, улькешынас, археолог, этнограф, фольклорджи, Къырым педагогика институтынынъ оджасы...

Чобан-заде козю ярамай корьгени ичюн пенджере ярыгына якъынджа адым-лады... Осман Акъчокъракълы... Къырымдаки достларындан Кисловодсккъа кетмезден эвель корюшкен сонъкиси... онынъ ады «он секизлер» джедвелинде ойле такъдим этильген ки, санки о, Чобан-задеден сонъ Къырымдан къувулмады да, бугунъге къадар педагогика институтында чалыша...

Анъы Османнынъ кечмиши ве бугунъки куню арасында вакъыт йипини узат-тип оламады. Анджакъ, козю огюнде сойадлары олгъан къалгъанларнынъ да: Александрович Рамазан – оджа, Къырым АССР-де 1934-1937 сенелери Маариф наркомы... Боданинский Усеин – рессам, санатшынас, Багъчасарай сарай-музейининъ директоры... Тархан Ильяс – языджи, Къырым АССР Меркезий Комитетининъ реиси... Недим Мамут ... Хаттатов Сеит-Джелил – 1917-1918 сенелери Къурултай укуметининъ азасы, Миллий Фиркъанынъ етекчиси...

Кефе тюрьмесининъ мабюслери джедвелини окъуркен, Чобан-заде онынъ фикирлерини ве аркетлерини сыкъ бугъумлагъан ве сонъки куньлерде, айларда омузларында яткъан агъыр юк тюшкенини сезди... ве о бильген, дост олгъан оларнынъ назмие, театр, илимлер – археология, химия, этнография сааларында къазангъан мувафакъиетлерине самимий къувангъан адамларнынъ такъдирине хатырасынен узанды... къырым халкъы озъ улулыгы, истидатлары, тарихы, озъ топрагы, эджатлар топрагы акъкъында толусынен бильген ренессанснынъ о ярыкъ, эджанландыргъан йылларына хаялынен далды... Канцелярия тилинен ифаде этильген тюзсюз «Файтонджы джедвели»ндеки инсанларнынъ такъдири Чобан-заденинъ къальбинде къыгъылчымы якъып кечти, рухуны, анъыны фикир къаглады: эбет, эгер яшайышта бойле истидатлы семетдеш-ватанперверлернен расткельмек сыра кельген олса, бу яшайыш бефтан кечмеди...

Чобан-заде миндери тюбюнде телебе дефтеринден япракны къармалап чыкъарды ве къомшусына мураджаат этти:

– Лютфен, къарандашны бираз вакъыткъа берип оламазсызмы...

Юкъарыда къатты юкъугъа далгъан къомшусы бир кереден сесленмеди.

– Апайынъызгъа мектюпке даа бир шейлер къошмагъа истейсизми? Ишинъизде бир шейлер денъиштиме? Энди алий джеза дегиль де, белли бир муддет ола билеми? Сизни Къара шеэрден аякъларынъыз иле огге чыкъармазлар да, аязлы Сибирьге ёлланылгъан гъариплер сафында чыкъмагъа умют этесизми? Алла берсин, Алла берсин, – ве устуне хач къойды¹...

Чобан-заде тизлерине энди яры-ярыгъа язы толдурылгъан дефтер япрагы-

¹ *Хач къоймакъ - перекреститься.*

ны къойды. Къолу озю, ильхамлы яшлыгъында шиирлер озю-озюнден, ильхамнынъ тылсымлы ярыгъынынъ шавлелеринде сепилъген киби, енгильден сёзге сёз, сатыргъа сатыр тизмеге башлады...

«Меним языларым ич бир шей къостермесе де, къырылгъан, чайпалгъан, бельки бугунъ-ярын олкуп, ёкъ болуп кетеджек къырымтатарны, онынъ минлерини, дуйгъуларыны бек яхшы къостере; бир кунъ келип, тарих Къырымман огърашса, къырымтатар къырымтатарны къыдырса, меним языларым ортагъа чыкъар. Эгер булай олмаса да, зарары ёкъ. Къырымтатарнынъ бу къадар байрагъы, шаны, топрагъы гъайып болды; барсын, меним де бир къач юкъусыз геджем, думанлы, кедерли кунюм джойтулсын... Магъа бу сатырларны язгъандаки леззет, онгъанлыкъ джетишир. Татар тили, ич кимсе айтмаса да, кене буюк, кене озгюн... чюнки онда меним джигит халкъымнынъ бинълердже джыллыкъ къайгъылары, къайгъылы джигит сеси бар».

XII

Камеранынъ къапусында анаhtar гъыйчылдысы, Мемеднинъ сеси де, эр сеферки киби, янгъыравукъ ве эмир бериджи дегиль:

– Еди юз он бешинджи...

Коридорнынъ яры къаранлыгъында, Мемед белинден къырчмаларны чезгенини эшитип, Чобан-заде онъа эки элини де узатты. Мемед шашмалады: бу кунълер ве афталар девамында, Чобан-задени чагъырыр экен, мабюснинъ бети агъаргъан олса да, о телашсыз, озюни догъру туткъаныны, санки, бутюн юкъусыз геджелерини тамамлап, не де исе, юкъусына тойгъаны киби олгъаныны коръди.

Мемед къырчмаларны кийдиргенде, Чобан-заденинъ къолундан къагъыт япрагъы тюшип кетти. Козетиджи эгильди, къагъытны къаталакълады ве мабюснинъ пармакълары арасына сокъты. Даа бир кере Чобан-заденинъ бетине бакъты. Онынъ серт, къысыкъ козьлеринде шеффат киби бир шей дуюлды, анджакъ, озь къурбанларыны камералардан чыкъаргъанда ве олар озь нараларына энди къайтмайджагъыны, оларнынъ ерине, токътамагъан олукъ конвейерине тюшкен, башкъалары ерлешеджегини билъген джеллятлар насыл дуйгъулар яшагъаныны, не тюшюнгенини ким билсин...

Незаретчи Чобан-задени тёпеге, таныш маршрутнен азбаргъа дегиль де, ашагъы, тайгъакъ демирден адымлагъан сайын мердивен къаранлыкъкъа кеткен тарафкъа алып кетти. Апансыздан оглеринде зайыф ярыкъ ачылды.

Мында къырчмалы мабюслер неветининъ сонъу эди. Олар, бесе-белли махкеме бельгиленген вакътыны беклеп, бири-бирине таянып, сусып тура эдилер.

Мемед Айлисли, невет Чобан-задеге кечмеге берсин, деп, оларны сопанен мердивеннинъ пармакълыгъына итеди.

Апансыздан Чобан-заде неветте, огдеки мабюсни омузындан сыкъып туткъан Абу Сайидни коръди. О, арыкълагъан, атта эвельки гъурурлы эндамыны

джойып, бою алчакъча корюнди. Чобан-заде адымларыны явашлатты ве онынъ къолуны сыкъты. Абу Сайид абдырады, къоркъусындан бираз чёкти ве оджасына диване козылернен бакъып, текрарламагъа башлады:

– Оджам, агърыдан къоркъмайым... къоркъмайым...

Мемед сабырсызлыкънен юмругъына оксюрди.

– Бу яхшы, акъайджасына, – етиштирди айтмагъа тынчландырыджы сеснен Чобан-заде: – Агъры такъатсызларны ашалай... амма сен ойле бир къуветке кирдинъ ки, санки сен севген Махмуд Къашгъарлынынъ озю... санъа учъ кере зияде кучълю севгинен къайтарды... бунен сен озбеклерге ве азербайджанлыларгъа тюрклернинъ шанлы заманларыны ачыкъладыгъ... Бу оларгъа къувет ве мердлик берир...

Абу Сайид, огюнде тургъан таныш олмагъан адамнынъ аркъасына бетинен комюлип, бала киби, аджджы-аджджы агълады.

Мемед, оджа ве талебе бири-бирине сонъки сагълыкълашув сёзлери айткъанда, адымларыны явашлатты. Апансыздан онынъ, тюрьме эмирлери, къаиделери, бугъавлар¹ ве къырчмалар жанъгъырдысы толу джаиль башында зайыф бир къыгъылчым липильдеди:

«Мен де тюркюм... тюркюм...» – амма, оны нумюнели козетиджи япкъан идманлар ве огретювнинъ сагъыр юкю зеинининъ теренлигинедже – о да инсан сюлялесине менсюп олгъаныны хатырлатаджакъ киби, дуйдураджакъ киби олмады...

Аягъынен мердивеннинъ неветтеки басамагъыны мукъайтлыкънен тийип бакъып, незаретчи къапунынъ босагъасында токътады. Мемед, Чобан-задеге къапу артында махкеме олгъаныны анылатаджакъ олып, къырчманынъ зынджырыны бираз тартты.

Къырчманынъ жанъгъырдысыны эшитип, алчакъ бойлу, альбинос юзюлю махкеме кятиби чыкъты. Чобан-задеге бош ерге киби бакъып, тюсюз козылерини джедвельге тикти:

Неветтеки! Чобан-заде Бекир Ваапович, – ве, маса башында озъ ерине отурмакъ ичюн, чевикликнен ачыкъ къапугъа кирип кетти.

Мемед Айлисли апансыздан Чобан-задеге узанды, тез-тез оны къучакълды ве:

– Профессор... меним огълум Рустем сизинъ китапларынъыздан окъуды ве мектепте оджа олды., – деди ве биринджи олып босагъадан атлады.

Эки пенджереси олгъан ярыкъ оада Чобан-заденинъ козю огюнде манзара ачылды: узун маса башында ортадан – къадылар «тройка»сы – генерал Сумбатов, генералдан сагъда ве солда – капитан Сарымсаков ве къырымлы «къызыл профессор» – Сервер Файтонджы...

Буны беклемегенинден Чобан-заде къолундан он секиз къырым мабюси адла-

¹ Бугъавлар – кандалы

ры олган кяталакъланган кягъытны тюшюрди. Мемед кене мукъайтлыкънен оны котерди ве Чобан-заденинъ къатып кялган пармакълары арасына сокъты.

Мабюснинъ кырчмалар иле сыкъылган кьолларына таныш кягъытчыкыны сокъмагъа тырышкан незаретчининъ арекетлерини кергинликнен сейир эткен Файтонджы, отургъычнынъ аркъасына таянып, енгилликнен нефес чекти. Бир шейден мемнюн олып, Сумбатовгъа эгильди ве бир шейлер фысылдады.

Кятип язмагъа азырланды:

– Адынъыз, сойадынъыз, миллетинъыз...

– Кырымтатарым... Чобан-заде... – эшитильди сагъыр сес.

Эвельден анылашкъанлары киби, «тройка» сусып отурды...

Файтонджы Чобан-задени юреклендирип, баш къакъты ве Сумбатовгъа кене бир шейлер фысылдап айтты... Файтонджынынъ рухландырыджы ишаретини джесаретленмек киби анылаган Чобан-заде кяталакъланган кягъытны пармакълары арасында фырландырды ве къатты, сакин сеснен айтмагъа башлады:

– Генерал Сумбатов... сизден солда отургъан кырым тахкыкъатчысы Сервер Файтонджы манъа азатлыкъны ишандырды... эгер мен махкеме иле келишме япсам ве берген шаатлыгъымда Кефе тюрьмесинде отургъан он секиз мабюснинъ къабаатлавларыны тасдикъласам...

Файтонджы кене онъа юрек берип, баш къакъкъаныны корип, Чобан-заде сувукъ ве дуйгъусыз олды... – эбет, мен буларнынъ эр биринен чокъ йыл шахсен таныш эдим... акъыкъат ве тек акъыкъатны айтып олурым... Олар эписи – кырымтатарларнынъ энъ парлакъ инсанлары, гъуруры, халкъымызнынъ чокъ асырлыкъ, фаджиалы ёлунда мания олган къаранлыкътан чыкъараджакъ озгъарыджылар...

Файтонджы, онынъ «он секиз»ни къабаатлав сценарийси бозулгъаныны корип, башыны тебен алды, кьолларынен янакъларыны тутып, махкъюм этильген киби, айкъырды:

– Мабюс хаста... рухий... мен буны бир кереден, бизим ильк субетимизде аныладым...

Сумбатов кятипке ишмар этти. Обири Чобан-задеге якъынлашып, онынъ пармакъларындан «он секиз»нинъ джеделини чекип алды.

Сумбатов кягъытны ачты:

– Аблямитов Якъуб... Байрашевский Яхья... Недим Мамут...

Чобан-заде, оны токътадажакъларындан кьоркъып, девам этти, ве онынъ сеси де серт, де джошкъун эди: – кырымтатарларнынъ не байрагъы, не шурети, не топрагъы кълды... Мустемлекеджилер заманы кельген сонъ, чар олсун, большевиклер олсун – халкъны ашаламагъа, чайпамагъа, онынъ ирадесини букмеге тырышалар, онынъ аджайип тилини сессизлик ве сускъунлыкъ кырдапында¹ иритмек, истейлер.

¹ Кырдап - омут.

– Тархан Ильяс, – девам этти торс козьлерини джедвельден алмагъан Сумбатов. О, Чобан-задени эшитмеген киби косьтереджек олды. – Чагъар Билял... Абибулла Бакъкъал¹...

Кятип шашкъынлыкънен де генералгъа, де Чобан-задеге бакъа, стенограмманы алып бармакъ керекми-ёкъмы, бильмей эди.

– Гузель, сербестлик заманларында биз, кырымтатарлар миллионларнен Къырымда яшадыкъ, оларны ябанджылар чызмалары эмегендже, озь тогърамыз ве байрагъымызнен гурурландыкъ... Къалгъанларны – беш юз бинь меним семетдешимни – етекчисиз къалдырмагъа истеп, сиз озь чокътан акълыңызгъа алгъан хайырсыз мерамыңызны ерине кетиресиз... бир дане къалдырмай, бизни ватандан къувмакъ, дюньягъа тары киби сепмек... озь етекчилеримиз – язиджылар, алимлер, оджаларсыз... миллетнинь айдынлары олмайып, къувулгъан халкъ къаранлыкъта быралкъылансын, кери, озь оджакъларына, эджатларынынъ къабирлерине... мутешем тарлалары, дагълары, озь денъизине ёлуны тапмасын... – Ве юзю агъаргъан, шашмалагъан Файтонджыгъа бакъаракъ, онынъ бетине тюкюргендай, айтты: – Шейтаннынъ къулу. Эгер акъай олсань – озюнъни ат!

Сумбатов къаба арекетнен Файтонджынынъ огюне джедвельни быракъты, козьлерини котерди, Чобан-задеге басиретли бакъты:

– Етер! Сиз мында нелер айткъан олсанъыз, ич бирининъ бугуньки махкемеге алякъасы ёкъ, сиз – къабаатлайджы дегильсиз, агъыр джинаетлерде къабаатландырылгъан инсансыз.

Кятип енгилликнен кокюс кечирди, къарандашнен къулагъыны къашып, язмагъа азырланды.

– Чобан-заде Бекир Ваапович, – девам этти Сумбатов, наразылыкъкъа чыдамагъан сеснен: – Сизге къаршы топлангъан исбатлар, чокътан-чокъ шаатларнынъ айткъанларына эсасланаракъ, сиз махкъом этильген Рухулла Ахундов иле берабер... омюр аркъадашынынъ – Баку опера театрининъ сабыкъ артисткасы Рутие Гиреевна Абдулинанынъ изини ве макъуллеви иле (онъа нисбетен такъикъат ишлери даа алып барылмакъта), азербайджан институтунда акиссовет миллетчи тешкилат тизип, онъа студентлер ве аспирантларны джелъп эткенинъ изде къабаатланасыз... Чокътан-чокъ шаатлыкълар ве тинтюв вакътында сизде тапылгъан весикълалар боюнджа, сиз, Бухара, Ташкент, Фергъана алий окъув юртларында чалышкъанынынъызда студент яшлардан, тюрк бозкъуртларыны нумюне оларакъ алып, «Туркестан бозкъуртлары» акиссовет, террористик тешки-

¹ Якъуб Аблямит, Якъуб Азизов, Асан Сабри Айвазов, Осман Акъчокъракълъы, Рамазан Александрович, Али Асанов, Яхъя Байрашевский, Усеин Боданинский, Джафер Гъафар, Керим Джемалединов, Якъуб Мусаниф, Февзи Мусаниф, Мамут Недим, Ильяс Тархан, Сервер Трунчу, Сеит-Джелал Хантатов, Билял Чагъар 1938 с. 17-апрельде къурулгъа тизильдилер (вазифелери рус тили иекилинде косьтерильген).

Абибулла Баккал лагерьерде 15 йылгъа, Умер Инчи 12 йылгъа махкъом этильдилер.

лят тизгенсиз... Тюркиеде окъугъанда британия хафиеси¹ тарафындан джелъп этильдинъиз, чокъ йыл Тюркие, Маджаристан, Френкистан, Британия файдасына джасуслыкъ яптынъыз.

Сумбатов, ич бир дуйгъу косътермейип, окъугъан шеэрлер, мемлекетлериниң адлары ялынъыз топракъларнынъ кениш джогърафиясынен дегиль де, акъылгъа сыгъмагъан, фитнели къайдлар, фикирэтювлер, тасдиқланувлар сагъанагъы иле шашыртты, амма Чобан-заденинъ къулагъына бутюн бу къабаатлавлар узакътан, фысылдав киби эшитильди.

Ругие... къабаатлав ичинден къулагъына илишкен омюр аркъадашынынъ ады Чобан-заденинъ юрегини ойле бир сыкъты ки, о, йыкылаязды. Тек Мемед туткъан къырчмалар оны аякъта къалдырды.

Сумбатовнынъ кучлю даушы къыскъа бир вакъыткъа Чобан-задени махкеме барлыгъына къайтарды:

– Чобан-заде Бекир Ваапович, агъыр джинаетлер япкъанынъызда озъ къабаатынъызны таныйсызмы?

– Ёкъ, танымайым, – зорнен ачты япышкъан, къансыз дудакъларыны Чобан-заде. – Кефе зинданында отургъан он секизиниң къабаатыны да танымайым...

Сонъ исе, кене думанда киби, сёзлер узакътан, санки Файтонджы иле кезген тюрьме азбарынынъ диварлары артындан эшитильди.

– «Тройка»² махкеме коллегиясы къарар чыкъарды: анъылгъан джинаетлер къошулып, махкъом этильген Чобан-заде Бекир Ваапович Азербайджан Эс-Эс-Дж Джинаний кодексининъ алтмыш учюнджи, алтмыш дёртюнжи ве етмиш дёртюнджи мадделери боюнджа алий – атып ольдюрильмек джезасына махкъом этиле... Укъом деръал эда этильмели...

Чыкышкъа чевирилгенде Мемед босагъадан атлагъанда къыйыш басты ве къырчмаларны баштакине коре кучлюдже тартты. Махкъом этильгенни тюрьме азбарына таба алып кетеркен, шашмалагъан алда эп текрарлады:

– Мен де тюркюм, профессор, тюркюм... – Ве, махкеме кятиби: – Невбеттеки Абу Сайид Ходжаев³, – деп къычыргъанда, агъызыны къапатты.

Икяенинъ сонъу

(алты йыл кечкен сонъ)

Асие, къаверенки картон джемидан онынъ джансыз эллеринде тюшеятджакъ сайын, адымларыны де тезлештирип, де сакинлештирип, тозлу кой ёлу бою талгъын-талгъын кете эди. Эвельки, Бакуда окъугъан, Асие Акимованы билъ-

¹Хафие - разведка.

²ССДж Бирлигининъ Алий махкемесининъ арбий коллегиясы, 1957 с. 25-июнь иле бельгиленген малюматнаменинъ метни рус тилги шекилинде кетириле.

³1957 с. 25-июньде къабул этильген Алий махкеме коллегиясынынъ къарарынен Абу Сайид Ходжаев алюминден сонъ акъланды.

генлер, онъа бакъып, о замандаки нарин, юксек бойлу, Бекир Чобан-заденинъ Кооперативная сокъагындаки эвинде бекленильген мусафир олгъан дюльбер къызны зорнен таныр эдилер.

Гъурбет коку тюбюнде дженюпнинъ ич бир вакъыт сёнюкмеген кунеши ве сыджакъ еллер онынъ вуджудыны къуруткъан, бетинден табанынадже къарарткъанлар. Мавы козьлерининъ къыгъылчымлы бакъышы, дудакъларындан тюшмеген ве Хабиб Гулям-задени иситкен тебессюми кетип, онынъ, къоранта-сынынъ ве саметдешлерининъ башына тюшкен фаджиа бетинде солгъун янакъларындан сакъалынадже узангъан эрте бурюшиклер иле акс олунгъан.

Бу, эки ай незарет астында булунып, комендатура сынтырындан ильк чыкышы эди. Кузь башынынъ уйле кунеши онынъ эр бир адымыны излеген киби, къыя кольгеси де сагъдан, де солдан пейда олып, сюрگونлилерни баракларда ерлешкен оба-тёпели Ромитаннынъ дживарындаки Сардор къышлагындан озгъарып кельди.

Уфукъкъадже баргъан памукъ тарлаларыны больген кой ёлунынъ кенарларында, эр бир бурулышта ёл косътергичлери туруп, апансыздан «Ромитан – Бухара. 19 км» деген косътергич пейда олды. Япракълары сувсузлыкътан бурулгъан дут тереклерининъ талдасында Асие тосат-тосат адымларыны сакинлештире, кимерде токътай ве будюрли¹ кевделерине таянып, нефес ала эди. Козьлери талгъандже памукъ тарлаларынынъ узакъларына бакъа. Сийрек корюнген адам эндамлары, сыкъ толдурылгъан чуваллар иле чалыдан чалыгъа кече, оларнынъ къолайсыз арекетлеринден Асие, анда, узакъта онынъ саметдешлери янъы ве агъыр памукъчы зенаатыны менимсегенлерини анълай эди.

Бу эсирликте кечкен эки ай девамында о да эр кунъ памукъ тарлаларына чыкып чалышты ве тек бутунъ, комендантнынъ изининен, Бухарагъа алып баргъан тозлу ёлгъа ялынаякъ басты. Чокъ олмаса да, бир къач сааткъа, озюни эсаретте олмагъаныны дуйып, кесильген терекнинъ кутюгинде раатланмагъа отурды. Чевик къушчыкъ – къыз къушу, башы тёпесинден учып, чалылар арасына синъип кетти ве апансыздан богъаз сеснен отъмеге башлады. Къомшу чалыларда сакъланып, къуш чивильдис башлагъаныны беклеген киби, къыз къушуна девамлы сызгъырманен сыгъырчыкъ сесленди, ансамблде давушларнынъ диссонансыны ятыштырып, оларгъа баштанкъара къошулды...

Ерли къушларнынъ бири-бирине сесленмеси Асиенинъ хаялыны узакъ къалгъан Бакугъа алып барды. Бу сеслерге уйгъан киби, онынъ пармакълары тизлери арасына къыстырылгъан джемиданнынъ къапагында ойнап башлады. Санки къушларнынъ чивильдис яваштан фортепианоннынъ ойнакъ давушларына чевирильди. Хатырасы оны, Асан Рефатовнынъ дирижёр таячыгъы ишаретлерине бойсунып, Ругие ханым иле экевлешип, «Арзы къыз» пьесасындан парча-ны огренген заманларгъа къайтарды...

¹ Будюрли - шершавый.

Чѣль къушларынынъ музыка аккорды, озюне аш къыдыргъан къырмавы къанатлы¹ чайлакънынъ² чалылар тѣлесинде учушы себебинден, апансыздан кесильди. Торс сукюнетте Асиенинъ хаялында кене Ругие ханым джанланды, «джан авджысы» Сумбатов оны якъаламагъа кельген куню Асиенен сагълыкъ-лашкъанда, къучакълап агълагъаныны хатырлады.

Ёлуны девам этмек ичюн энди турайым деген Асие, кене отурып къалды – агълап йиберди. Чюнки эр сефер гъурбетте Ругие ханым акъкъында тюшюнгенде, онынъ козю огюнде къырчмалар кийдирип, квартирада тинтюв кечиререк, эр шейни асть-усть этип, кеткенде, эписи къапуларны муурълегенлерини хатырлай тургъан. Къальби исе Чобан-заденинъ эши такъдири иле багълы асреттен сыкъыла эди.

Ругие ханым, милислернинъ къычырыкълары алтында коридордан кечейткъанда, Асиеге чевирилип бакъты, санки, къызын ве онынъ къорантасыны да ватанындан къувулгъанда айны такъдир беклегенини билъди.

Ягъланмагъан копчеклерини гыйчылдатып кеткен араба токътады. Асие чечек орьнекли явлутгынынъ кенарынен козъ яшларыны сюрткенини корьген арабаджы тельбевлерни ойле бир тартты ки, эки копчекли арабагъа екильген эшек итаат этип, башыны ерге таба басып, агъыр-агъыр ичине ёл тозуны чекти.

– Къызым, Бухарагъа кетесинъми? Отур, алып барайым... Экевлешип кетмек зевкълыджадыр, – къычырды Асиеге сагъыр сес иле арабаджы, къолундаки джемидангъа къыймет кесип.

Асие башыны котерди: къарт бир кереден онъа ишанчлы корюнди.

Айдавджы джемидангъа къуру къолуны узатты, юкни согъан толу чуваллар устюне къойды. Асиеге минмеге ярдым этип, тельбевини тартып, инат эшекке эмир бермезден эвель къойнундан торбачыкъны чыкъарып, тантаналы тарзда авучына ешилъ насвай топузчыкъаларыны тѣкти, эзди ве тили тюбюне атты.

– Мындаки дегильсинъ... Къырым? – сорады о агъызы насвай толу олгъанындан фысылдап. Асие джуръатсызлыкъ иле башыны къакъты. Чюнки, узун ёлдан джанлары сыкъылгъан айдавджылар, адет узьре якъанлары киби, агъызындан ешилъ эзмени тюкюрген сонъ, сюргюнлилернинъ яшайышы акъкъында сораштырмагъа башлайджагъындан къоркъты. Лякин къарт апансыздан: «Къоркъма, сиз, къувулгъанлар мында, биз, ерлилер киби, рахман ве рахим Алланынъ козю алтындасыз...», деген сонъ, тынчланды. Арабаджы исе кирза чызмасынен тенбель эшекни тепип, копчеклер гыйчылдысы везинине уяракъ яваштан йырламагъа башлады:

– Айналай, севгулим, айналай... севгулим айналай... айналай...

Асие, онынъ чая тюркюсинден озюни тынч дуяракъ, болдургъан вуджудыны бошаштырды ве башыны чувалгъа къойды. Онынъ бурнуна кескин согъан

¹ Къырмавы къанатлы – сизокрылый.

² Чайлакъ – коришун.

кьокъусы урды ве Кезлевдеки эвини, анасы, базарда сатмакъ ичюн, ашханеде пиширген аджайип чибереклерни хатырлатты... Чиберек кьокъусы артындан, узакъ балалыгъындан анасынынъ тынчландырыджы сеси, о, къызынынъ бешигине эгилли:

– Айды, балам, айды... шинанай-най, шинанай-най... Эсма, балам, эс, алайым санъа фес... , – деп йырлагъаны эшитилди.

Татлы юкъусырав ичинде булунгъан Асие апансыздан арабаджынынъ сесини эшитти:

– Калян... Калян минареси... уфукъта парылдагъан тадж киби корюне...

Асие котерилди, онынъ юреги дукюльдеп башлады. Кунеш сагъынына¹ сарылгъан минаре эп юкселе берди... Бакуда акъшамки кезинтилер вакътында минарени, бутюн гузелликлери ве инджеликлери иле, эеджанланып, Хабиб Гулям-заде тариф эте тургъан. Эм бу ифаделер бир-эки кере дегиль, чокъ ве тесирли олып, Асие шимди Калянынъ онынъ севинч толу козылеринен корьген киби корьди.

Къачып кеткен Бухара эмирининъ сарайы огюндеки мейданны айланып, араба юксек пахса диварлары янында токътады.

– Кельдик! – деди арабаджы, бельбагъыны чезип ве онен манълайындаки терни сюртип. Онынъ кельгенини беклеген киби, арабагъа эки акъай чапып кельди ве Асиеге къулакъ асмай, омузларына чувалларны юклеп, базарнынъ ешилъ арабакъапуларына ашыкътылар.

Алыш-веришке далгъан арабаджы, гъалиба, Асие онъа миннетдарлыкъ бильдирип, сагълыкълашкъаныны биле эшитмеди.

Асие чинарлар оськен буюк сквер янындан кечкенде, олар артында сагъдан мермер сутунлар арасында эки оймалы къапусы олгъан театр бинасыны корьди. Мындан, афишаларгъа бакъа-бакъа, Чобан-заденинъ лекцияларына, институткъа Хабиб ашыкъып кече тургъан.

Акъшам кезинтилердеки Хабибнинъ ифадели икяелерини хатырлап, Асие хаялында онынъ эвине тар аралыкътан кечкен ёлны сызды. Къыз арабакъапу огюнде токътады, эеджанлангъанындан ичине аваны терен чекти. Эбет, бу тамам шу оймалы, сом², къанатларында агъыр бакъыр алкъалары олгъан арабакъапу...

«Алкъаларны бири-бирине урмакъ керек» – Хабибнинъ къаранесини³ эшиткен киби олды о.

Джурьятсыз такъылдыгъа арабакъапу агъыр, гъыйчылдап ачылды. Чал сачлары чыбалып чыкъкъан къара явлукъта Марьям-бону – Хабибнинъ анасы мусafirге тааджиппен бакъты, лякин шу арада:

– Асие? – деп сорады. – Сизинъ берабер чыкъкъан фоторесиминъизни Бакудан огълум йиберген эди. – Ве Асиенинъ къолунда, огълу Бакугъа алып кеткен джемиданны корип, чар-чар⁴ сес этти:

¹ Сагъып - марево.

² Сом - массивный, цельный.

³ Къаране - подсказка.

⁴ Чар-чар - надрывно.

– Онъа не олды?! Сонъки мектюби Соликамск лагеринден эки йыл эвельси кельди... кунълерни саям... хабер-тебер ёкъ... – ве джемидангъа узанды. Санки онда огълунынъ девамлы сесленмегенининъ сыры бар эди. – Лютфен, киринъиз...

– Кимнен лаф этесинъ анда?! – Азбар ичинден талапкъар акъай сеси эшитилди.
– Бабасы, бизим мусафиримиз Асие, – сесленди Марьям-бону, Асиенинъ огюнде джемидан иле адымларакъ.

Акбар Саидович апайынынъ аркъасы артындан узанып бакъкъан мусафирге тааджипнен бакъты, бир шейни хатырлап, козылерини кысты.

Бу энди бам-башкъа, Чобан-задени Бакугъа къайтмаздан эвель Хабибнинъ эвинде мусафир оларакъ къабул эткен адам дегиль эди. Къамбурайгъан, юргенде, огге хаста аягъыны чеккен ве таякъкъа таянгъан...

– Асие... Къырымдан Асие Акимова, – тез-тез текрарлай эди о, мусафирни, къаршыдаки оданынъ сыджакъ диварларындан къорчалагъан юзюм тюбюндеки тёшемеге давет этерек.

Асие килимге къынтавлыджа ерлешти ве Акбар Саидович, огюни алып, къыз бираз раатлыджа отурсын деп, онынъ аякълары тюбюне курсьючикни чекти. Сонъ апайынынъ къолундан ашыкъчанлыкъле джемиданны тутып алды. Онынъ къолайсыз арекетинден шалтакъ килит шакълады ве картон дёрткоше ичинден ерге салмакълы джюздан айланып тюшти. Устюнде къара боянен «Хабиб Гулям-заде. Абдулла Къадырининъ земаневий озъбек тилинде янъылыкъчы ара-малары. Бухара - Баку. Февраль, 1937 сенеси» язысы бар эди.

Анасы, джемидандан чыкъкъан огълу урбасынынъ таныш къокъусыны сезип, кольмегини чыкъарды ве оны юзюне басып, яваштан агъламагъа башлады.

Акбар Саидович апайыны омузларындан къучакълады, тынчландырып, одагъа алып кетти. Оларгъа бакъып, Асие: «Бабасы, Хабиб тариф эткени киби, серт, итираз этмелерине даянмагъан дегиль экен», деп тюшюнди. Бесе-белли йыллар тек онынъ тыш къыяфетини дегиль де, къуюны да денъиштирген, йымшаткъанлар.

О хатырлады: шимди отургъан еринде, Хабиб айткъанына коре, дигер мусафир – Чобан-заде раатлангъан эди. Бу фикир онынъ синъирлерини ятыштырды, санки оджасы онъа озъ оптимизмининъ бир парчасыны синъдирди...

Апай-акъай азбаргъа къайттылар – экиси де кевшеген¹, тынчлангъан. Акбар Саидович апансыздан суаль берди:

– Асие, бу насыл олды?

Суальни сонъунадже анъламагъан Асие, Чобан-заде эляк олгъанындан эрте-си куню онынъ апайыны – Ругие ханымны якъалагъанларыны, эвини муурьле-генлерини ве о Кезлевге къайтмагъа меджбур олгъаныны икяе этмеге башлады. Айткъан сайын, икяеси фаджиалы азнкке бояланды. Къырымда оджалыкъкъа окъувыны девам этмеге истегени, лякин Чобан-заденинъ талекесини институт-

¹Кевшеген - расслабленный.

къа алмагъанларыны...

О, айткъан вакъытта Акбар Сандович джюзданны ачып, сесли окъуды:

– Диссертация юксек профессиональ ве ильмий севиеде язылгъан. Музъллиф Баку педагогика институтынынъ тильшынаслыкъ къафедрасында бошагъан доцент ерини алмагъа лайыкътыр. Профессор Бекир Чобан-заде... – ве озь тефсирини къошты. – Меним балам акъыллы... Эгер техник саасына кеткен олса, памукъ джыйгъанларнынъ эмегини енгиллештирген машина тюшюнип тапар эди... Лякин оладжакъ шей олды... Асие, онынъ сонъки сёзлери насыл эди?! Къанаатлендирджими?

Асие бу сефер де суалининъ манасыны анъламады, гъайрыдан сорамакъ истеди, амма ярдымгъа, акъайыны яры сёзден анълагъан Марьям-бону кельди:

– Бабасы, огълунынъ сен иле ведалашкъанда не дегенини сорады, балам.

Асие пек чекинди:

– Хабибни дигерлери иле, машналаргъа миндирмек ичюн Къара шеэрнинъ арабакъапусындан чыкъаргъанда, о менден: «Сен мени беклерсинъми? Бекле, ялварам...», деди, – ве козьаш толу козьлерини тёбен алды:

– Сёз бердим... Онъа лагерьге, бизимкилери энди Къырымда олмагъанларыны яздым...

Акбар Сандович, озь фикирлерине далъыш, онъа баягъы тикилип отурды, апансыздан:

– Пек яхшы... сёз бергенинъ яхшы яптынъ... огълума эсирлик агъырлыкъларына даянмакъ енгильдже олур... Той япарыкъ... карнай ве сурнайлар бутюн Бухарагъа янъгырар. Сиз яшсынъыз... вакъыт тез кечер... Меним эки догъмуш агъам Абдулло-Махсум элли докъуз яшында эвлэнди... эки баласы, дёрт торну бар... – деди ве тёшеменинъ кенарына агъыр энип, субет мевзусыны деньиштирди:

– Кене шу йылы Абдулла Къадырининъ де башына беля тюшти... учь такъдир озъара багъланды – меним огълум, Чобан-заде ве Къадыри... бойле бакъсанъ, чешит-чешит адамлар, лякин не ичюн Алла оларны багълалды? Бедавадан дегиль, эбет, бедавадан дегиль... – Ве апансыздан апайыны омузындан самимиетле къучакълалды: – Икмет саиплери айталар: талебе ичюн оджасы бабадан устюн... Хабибнинъ исе эки оджасы бар – Чобан-заде ве Абдулла Къадыри... оларнынъ бильгиси, икмети ичюн устуне азапларны алды... – Ве эдасыны¹ деньиштирип, ашыкъмагъа башлады. – Я биз, зынджыргъа багълангъан киби, не отурамыз... Келинге дастарханны донат... пиалаларнен чайникни кетир... Шимди хусайни юзюминден бир-эки салкъым кесерим... Асие бегенир...

Асие сескенди, эсини топлагъандай, сытыкъ кокке бакъты:

– Багъышланъыз... саат едигедже Ромитангъа къайтмакъ ве комендантта корюнемек кереким... – Ве джурьятланып, турды. – Багъышланъыз...

Марьям-бону Асиени эпкин къучакълалды, коксюне басты ве козьаш иле:

– Биль, сен биз ичюн ябанджы дегильсинъ... сени эвимизде къабул этмегешад олурмыз, бизим екяне огълумызнынъ апайыны севеджекмиз...

Асие шашмалап, арабакъапу тарафына телашлы бакъкъан вакъытта, талгъын

¹ Эда - тон.

аякъларынен къыска-къыска басып, одагъа догърулды.

Марьям-бону къолунда ренкли-чечекли антерлернен къайтты, тѣшемеде яйып къойды, къолунен йипекни сыйпады.

– Устюнъдеки урбалар ипрангъан... ал, озюнъе ве якъынларыньа келишти-рип, антерлер ве шалварлар уйдур. Алла тѣпемде бар, бир кере биле киймедим... огълумызнен сизинъ тоюнъызда киерим, деп сакъладым...

– Ал, ал... меним кампириме сизинъ тоюнъызгъа янъы антерлер алмагъа етиштиримиз, – къолтутты апайына Акбар Саидович.

Асие, бойле дикъкъаттан пек утанды, Марьям-бону янъы шейлерни огълунынъ джеמידанына тырачлыкънен дестелеп къойгъанда, не айтаджагъыны бильмейип, сусып турды.

– Бу санъа Хабибден, деп сай...

Гъалиба, тек шимди бабанынь къулагъына «комендант» сѣзю илинди.

– Коменданткъа вакътында къайтмакъ керексинъми?! Билем мен о, сенинь бабанъ ве мен киби барот къокъламагъан пезевенк комендантларны! Джаныньны агъырттырса, орденлерим иле кителимни киерим ве сизинъ Ромитан къаравулынъызгъа барырым. Эгер гедже-кунъдюз эсли башлылар, къартлар ве яш балаларны – эсирлерни незарет этмеге къоюлгъан олса, не тюрю акъай олгъан о, не тюрю субай? – Ве мевзуны денъиштирди: истейсинъми, къызым, мындаки тикиш фабриканынъ директорынен лаф этейим, тикиджи-мотористликке огренирсинъ... Бизни, къартларны сыкъча ёкълап олурсинъ...

Хабибининъ эвинде оны ойле керимане¹ къабул эткенлеринден тесирленип, Асие:

– Сагъ олунъ... Ромитанда – хаста анам, эки кичкене огълан къардашым бар... Бабам даа джебеден къайтмады... Бутюн акъай ишлери меним бойнумда... – деди.

– Анавы даа! – котерди ишарет пармагъыны Акбар Саидович: – Джебеден даа къайтмады! Бу бизим джаиль, пропаганда иле толдурылгъан адамлар сен, сенинь хаста ананъ, энъ ошлусы – атта сенинь кичкене огълан къардашларынъ немселерге хызмет эткенине инана! Мен де къыркъ бир сенесинден къыркъ дѣрт сенесине къадар сиясий ребер олып... Алдгъа! Ватан ичюн! Сталин ичюн! Эм биринджи уджумге ким чапты – бизим озбеклер, къырымлар, гурджилер, къалмыкъ балалар...

Асие турып, джемидангъа узанды... Марьям-бону оны къучакъламагъа ашыкъты:

– Ромитангъа сизни ёкълап барармыз... сен де ятсырама, бизим эвде даима бекленильген мусафирсинъ...

Акбар Саидович онынъ пешинден арабакъапугъадже барды. Асие кеткенине бакъып, артындан къолуны саллады.

– Комендант исе... бир шей олса, барырым ве бетине бакъып, эр шейни айтырым!

Асие «Суфиен» мааллесининъ тар сокъагъындан, къаршысына кельгенлерден козьяштан шишкен юзюни сакълап, кечти...

¹ Керимане - щедрый.

Тимур Пулатов

КРАСНЫЙ ИТОРМ

ЧОБАН-ЗАДЕ:

Через тернии — к звёздам

*Памяти Фазыл-агъа Аметова —
ветерана крымскотатарского национального движения — посвящается*

Вместо Пролога

Из завещания Бекира Чобана-заде, случайно обнаруженного после его гибели надзирателем бакинской тюрьмы «Чёрный город» Мемедом Айлисли:

«Если даже сейчас написанное мною никому не интересно, тем не менее, оно отражает судьбу исчезающего, надломленного и ограбленного крымскотатарского народа, у которого не осталось ни флага, ни славы, ни земли... И если даже не останется никого, кто говорил бы на крымскотатарском языке, на котором я пишу, язык наш, всё равно, велик и самобытен, потому что в нём звучит тысячелетняя печаль моего народа, его печальный голос... Но если случится так, что судьба обратится лицом к Крыму, и крымский татарин будет искать брата своего, крымского татарина, вот тогда мои произведения увидят свет и будут востребованы. Но если так не случится и те несколько моих последних туманных, печальных дней и бессонных ночей забудутся, мне хватит того, что

сейчас я пишу эти строки...».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Хабиб Гулям-заде Бухорий совершал паломничество в славный город Баку в душном, пахнущем клопами вагоне поезда, скрипом и стуком колес отсчитывающим дорогу длиною в семь суток. Беря начало в Новой Бухаре, на станции Каган, окружённой болотистой, солончаковой местностью, дорога вела в Ташкент, где Хабибу предстояла пересадка на поезд до Москвы.

Едва поезд проехал по тридцатикилометровому пути к разъезду «Нефтяная вышка», бухарец, удаляясь от дома, облегченно вздохнув, почувствовал полной грудью свободу, как всякий путешественник, на время разрывающий связи с устоявшейся жизнью, тяготившей полного надежд и устремлений молодого человека двадцати четырёх лет от роду.

Но прежде всего свобода напомнила о себе тем, что стала сосать под ложечкой.

И едва поезд, обдав округу чёрным дымом, застучал дальше, лишь на минуту задержавшись у «Нефтяной вышки», Хабиб, устроившись поудобнее на полке сбоку, уже предвкушал вкус печёных в тандыре пирожков с тыквенной начинкой, состряпанных заботливой рукой матери – Марьям-бону.

Едва он вынул дорожную провизию из сумки, как запахло уютом дома, защищённостью её стен, где в одной из трёх комнат два прошедших года колдовал над диссертацией сей младший сотрудник кафедры «Современное языкознание»: в местном институте ею заведовал профессор Бекир Чобан-заде – родом из Крыма.

Профессор Чобан-заде ещё на первых лекциях по такому сложному предмету, как тюркская лингвистика, где многие студенты «плавали» на экзаменах, обратил внимание на усердного, увлечённого предметом Хабиба Бухорий. И с началом летних каникул, собираясь возвращаться в Баку, настоял на том, чтобы Хабиб продолжил работу над диссертацией, обещая, что из далекого Баку он будет помогать бухарцу советами, в случае же необходимости, ждёт его в гости к берегам Каспия.

Взволнованный предстоящей встречей с Чобаном-заде, Хабиб вспомнил день прощания с ним в один из июньских вечеров, когда Бекир Ваапович, по настоянию отца Хабиба-Акрама Саидовича, был гостем дома в махалле «Суфиен». Отец желал знать, в чьи руки попал в жажде знаний сын, насколько надёжен человек, обещавший пригласить его в Баку.

Едва Чобан-заде устроился в удобной позе на настиле под виноградником во дворе, где над его головой свисали зрелые, чуть сморщенные гроздья плодов, а в желтеющих листьях рылись проворные воробьи, отец устремил цепкий взгляд

на открытое, добродушное лицо гостя и, вопреки этикету гостеприимства, взяв инициативу беседы в свои руки.

– Офарин! ... В двадцать семь лет профессор! Браво! Мой близкий друг, Бурхан Бурханович, по настоянию самого Файзуллы Ходжаева² был отправлен в Москву в год открытия Института красной профессуры³ ... Дважды не прошёл отбор комиссии... Не желая вернуться назад, в Москве прошлялся три года, квартируя у некой Марфы Петровны – вдовы подпольного ювелира. В конце концов, добился приёма, проучился на философском отделении и с помпой вернулся с красным дипломом, перед самым выходом на пенсию... И сейчас наш красный профессор, всякими правдами и неправдами, метит в судьи... Прибыльно и почётно!

Чобан-заде слушал, деликатно улыбаясь... Хабиб, не отрываясь, смотрел на учителя, пытаясь понять, нравится ли ему в гостях. Но всегдашний приветливый, открытый взгляд Чобана-заде с озорными искорками любопытства почти никогда не менялся на угрюмый или растерянный. Ни в учебной аудитории во время эмоциональных бесед со студентами, ни в прогулках по заветным местам старого города, или здесь, в незнакомой обстановке обветшавшего дома с резными дверями и окнами, потерявшими живой блеск от дыма кухни, где в честь гостя в казане тушился плов.

Чобан-заде молча внимал пространным, напористым высказываниям хозяина дома, не желавшего показаться гостю скучным и малообразованным.

С доброжелательной улыбкой слушал его, ещё не настроившись на волну разговора, пока Хабиб не попытался утихомирить отца:

– Бекир Ваапович решил отдохнуть в семейном кругу вдали от шумных аудиторий.

Акрам Саидович жестом велел сыну разливать чай по пиалам, пододвигая к гостю поднос со сладостями. Продолжил с тем же рвением:

– Скажите, Бекир Ваапович, не идёт ли всё к тому, что само неумолимое время потребует для просвещения масс вместо классической профессуры, к славной когорте которой вы относитесь, таких страстных красных профессоров, как Бурхан Бурханович?! Сейчас красные всё больше привлекаются к службе – судьями, следователями, советниками партийных руководителей и народных комиссариатов, преподавателей университетов...

¹Офарин! – возглас одобрения.

²Файзулла Ходжаев (1896-1938 гг.) – пантюкист, основатель партии «младобухарцев», первый председатель правительства Бухарской народной Республики. Обвинён в троцкизме, шпионаже в пользу иностранных держав. Расстрелян в марте 1938 г.

³Институт Красной профессуры основан в 1921 г. в Москве – Высшее учебное заведение ЦК ВКП(б) для подготовки идеологических кадров партии, преподавателей общественных наук в вузах, судей, прокуроров, редакторов газет.

Сделав глоток чая, продолжил с прежним напористым тоном:

– Ведь в недавней нашей истории был случай... Всю старую профессуру заперли в трюмы корабля и выслали из страны без права возвращения⁴...

Видя, что Хабиб недоволен темой разговора, подался телом вперёд, чтобы встать, но отец властно положил руку на его плечо.

– Вопрос мой не праздный: речь о будущей судьбе моего единственного сына-наследника, продолжателя рода... Не получится ли так: благодаря вашим стараниям и помощи, Хабиб, также, условно выражаясь, получив звание доцента или профессора старой школы, которую вы представляете, дорогой учитель... не отправится, в итоге, по волнам на дырявом корабле, коих во множестве видел во время поездки в Дербент, на берега Каспия?! Ведь на вашей родине, в Крыму, уже началось: доносы, клевета, борьба за тёплое место между красной и, будем её так называть, «белой» профессурой?

Не от этого ли вы, как дервиш, всё время в пыльных наших дорогах – из Ташкента в Фергану, Самарканд, к нам, в Бухару... отсюда – в Баку... И нигде не прислоните усталую голову?! Хабиб же всюду следует за вами, меняя один институт на другой, где успели вы проработать год, от силы полтора, не более...

Чобан-заде, сделав глоток чая, удивленно глянул на Хабиба: не он ли рассказал отцу о причинах его отъезда из Крыма? Но услышал, как Хабиб резко возразил:

– Довольно, отец – не для допроса пригласили Бекира Вааповича в гости!

Хабиб и подумать не мог, что за день до прихода в их дом Чобана-заде, Акрам Саидович посетил местное ГПУ, где ему посоветовали, какие вопросы задавать гостю и, вообще, прощупать всю его подноготную. Ведь с самого первого дня приезда Чобана-заде в Узбекистан ГПУ неотступно следовало за каждым его шагом, интересуясь заодно и мнением о кримале местных студентов и преподавателей.

– Спокойно, сынок... Держи себя в руках перед уважаемым гостем, – упрекнул Хабиба отец и продолжил:

– Мое естественное отцовское желание видеть сына успешным в жизни, уважаемый человеком... А ведь сама тема диссертации, над которой он трудится под вашей опекой, кажется неблагодарной в нынешнее время: творчество Абдуллы Кадыри⁵ – писателя-новатора узбекского литературного языка... Так, кажется, если я верно понял?!

Как и следует гостю, Чобан-заде терпеливо слушал душеизлияния хозяина

⁴ Речь об истории с кораблем, прозванным «Философским», по приказу В. Ленина вывезшему за рубеж 22 сентября 1922 г. старую царскую интеллигенцию.

⁵ Основоположник современной узбекской прозы. Обвинён в национализме, был казнён НКВД в 1938 г.

дома, лишь отвечая ему кивком, иногда и жестом, выражая сомнение. И лишь когда речь коснулась того, над чем трудится Хабиб, Чобан-заде пояснил всё с той же доброжелательной улыбкой:

– О чём писать, выбрал сам Хабиб... Мне, главе кафедры, она показалась интересной – ведь новые времена рожают новое во всём, и в узбекском литературном языке. В этом нет никакой политики... Язык – не предмет борьбы старого и нового, и переход с арабского алфавита на латиницу – неизбежный путь всех тюркских народов...

...Воспоминания Хабиба Бухорий, оставившие в его душе горький осадок, были прерваны окриком проводника:

– За постель... Кто не платил за постель?!

Расплатившись с проводником, Хабиб, мучимый жаждой, с хвоста вагона прошёлся к вагону-ресторану за бутылкой нарзана.

Ресторан был почти пуст. Лишь за столиком у окна возвышалась фигура атлетического вида мужчины с грубым подбородком. Почесывая в раздумье карандашом густые брови, он время от времени перелистывал какие-то бумаги, шевеля при этом губами, будто заново вчитываясь в написанное и плохо вникая в смысл.

Официантка поставила перед Хабибом бутылку, ловко откупорив крышку. Нарзан зашипел, ударив в нос едким газом. Хабиб хотел было встать, чтобы унести с собой воду в вагон, но официантка строго предупредила:

– Запрещено что-либо уносить из ресторана!

Её голос привлек внимание того единственного посетителя у окна. Аккуратно положив лист на стопку бумаг, откликнулся глуховатый голосом:

– Новое правило? Сколько езжу – впервые... – и устремил испытывающий взгляд на уходящего Хабиба, будто давая понять, что раньше встречался с ним.

Холодный взгляд его насторожил Хабиба. У выхода из вагона, машинально обернувшись: незнакомец аккуратно складывал бумаги в портфель, затем, тяжело ступая, направился в противоположную сторону поезда.

Возвратившись в свой вагон и ловко взобравшись на верхнюю полку, потянул к себе чемодан, вынул папку, где хранился фолиант, который вёз на суд Чобана-заде – диссертацию о творчестве Абдуллы Кадыри. И, хотя знал написанное почти наизусть, решил освежить в памяти, пройдясь по строчкам, воображая, будто над рукописью склонилась голова самого учителя, придирчивым взглядом пробегаая от абзаца к абзацу.

Образ Чобана-заде почти на всем пути присутствовал перед его глазами, воображаемой нитью связывая дом отца, откуда Хабиб вышел в дальнюю дорогу, и кабинет Чобана-заде, где профессор, набросив на плечи ватный халат и уютно

устроившись в кресле, листает его работу.

Прошло почти два года с того дня, как Чобан-заде был перед отъездом в Баку в гостях в их доме, и, едва Хабиб сел в поезд, как картина того прощального дня снова в деталях, в словах, в жестах вспомнилась ему, назойливо сопровождая весь путь.

Отец – Акрам Саидович и учитель Бекир Чобан-заде... Волна бурного времени подняла их на поверхность жизни из самых низов, из толщи бедняцкого племени... Отец, играя по правилам времени, используя свое батрацкое происхождение, добился выгодной карьеры на ниве Наркомпроса – народного просвещения бедноты. И не оттого ли он разговаривал с гостем напористо, чуть свысока, как если бы уже продвинулся ещё и в красные профессора? Он, ставивший под сомнение все, что сотворено в науке классическим, старомодным профессором.

Акрам Бухорий и Бекир Чобан-заде... Один, подчёркивая своё классовое происхождение – подневольного раба, в новое время требует для себя и семьи все новых привилегий... Учитель же-эфенди, также простого происхождения, называя себя Чобаном-заде – отпрыском чабана – подчеркивает своё уважение к низам, изгоям общества, преклонение перед ними, будто ещё в юности дал себе клятву всегда и во всём идти вперед усилиями собственных возможностей и знаний...

Такая мысль осенила Хабиба еще на вокзале, когда Чобан-заде, прощаясь, помахал ему рукой, мол, до встречи в Баку...

В споре с отцом Хабиб по-своему понимал значения слова «батрак», «раб», вкладывая в него тот же смысл, что и Чобан-заде. И посему, свою первую заметку в многотиражке института «Кызыл укувчи», находясь под обаянием учителя, подписал «Хабиб Гулям-заде», решив отныне публиковать будущие работы под этим новым именем.

Для него это была не игра ума, а духовная связь с учителем, как клятва верности – отныне юноша намерен провести её через всю жизнь.

В институтской многотиражке это был отклик на статью Чобана-заде «Три основных пути развития узбекского литературного языка»⁶ в местной газете, новизной взгляда, неожиданными выводами вызвавшая множество споров среди студентов и преподавателей. И, что более важно и примечательно, интерес известных писателей, поэтов – Чулпана, Абдуллы Кадыри, Вадуда Махмуда, Фитрата⁷, откликнувшихся на публикацию Чобана-заде плодотворной дискуссией на собраниях и

⁶ Газета «Кызыл Узбекистон» (Ташкент), 22 мая, 1929 г.

⁷ Поэты и писатели времен «ренессанса» в послереволюционные годы.

в печати.

Не только его мастерски отточенный «калам»⁸, но и сама яркая, неординарная натура Чобана-заде привязывала к нему студентов неослабевающей симпатией.

На пороге аудитории профессор всегда появлялся строго вовремя, минута в минуту.

После приветствия начинал беседу доброй шуткой, чаще над самим собой, мол, в такой солнечный день почему-то прихватил с собой зонт, да ещё в придачу поверх ботинок надел галоши... И, со вздохом, как человек сотни раз дававший себе слово бросить вредную привычку, открывал коробку папирос «Казбек»... Не заглядывая в книги или конспекты, заготовленные заранее, просто и доходчиво, по памяти старался излагать сложные вопросы, находя на них по ходу ответы по фонетике тюркских языков, добрый десяток которых знал безупречно. Приводил множество примеров из литературы, цитируя Алишера Навои, Низами, произнося их строки вдохновенно, с музыкальными интонациями в голосе. Попутно рассказывал, как работал над разгадкой творчества средневековых поэтов...

Аудитория во все глаза, не отрываясь, смотрела на учителя, ловя каждое сказанное им слово. Все были так увлечены беседой, что не замечали: время, отведённое для занятий, закончилось, а следующий преподаватель, пришедший на свой урок, нетерпеливо покашливал за дверью, постукивая по ней.

Спохватившись, Чобан-заде спешно прощался со всеми, кланялся нетерпеливому преподавателю, прося тысячу извинений.

– Вот ведь, – поговаривали студенты, – можно быть человеком поистине энциклопедических знаний и оставаться простым в общении, весёлым, с особым крымским юмором, излучая жизнелюбие... Не то, что некоторые чванливые преподаватели из числа красных профессоров, через каждое слово цитирующих Ленина, Сталина и целую когорту пролетарских вождей, будто нет у них собственных мыслей.

И сейчас, почти два года спустя после отъезда Чобана-заде из Бухары, его образ, под стук колес и мерное покачивание вагона, вновь и вновь оживал в душе Хабиба. Ни шум, ни гвалт соседей на полках не отвлекали его от радостного предвкушения встречи в Баку.

На каком-то маленьком разъезде перед Рязанью, поезд резко затормозил. Раздался протяжный гудок встречного паровоза, а следом - залиvistый свисток милиционера, пробежавшего мимо окна вагона, спешно отстегивающего поясной ремень мундира...

– Похоже, умыкнули чемодан из вагона... Недаром говорят: к Рязани подъезжая, держи торбу, не зевая, – высказал предположение сосед с нижней полки и

⁸ «Калам» – буквально «карандаш», «письмо» божественного дара в исламской религии.

почему-то свистнул сквозь редкие зубы...

Все это разнообразие звуков, в одночасье смешавшись в тревожную мелодию, вдруг протянулось к слуху Хабиба, напомнив об озорных, полных веселья мелодиях чардаша... И родилось воспоминание о танцах в кружке в год работы Чобана-заде в университете Ташкента. Кружок узбекских и европейских танцев... Сам профессор, как бы не был занят, всегда находил время для занятий в кружке. Сначала робко и неуклюже, но с каждым разом всё увереннее кружился в танце со студентками, робеющими перед учителем от каждого неловкого движения. От андижанской польки, ферганского фокстрота плавно переходили к украинскому гопaku и мадьярскому чардашу... Танцевальные пары особенно старались, когда патефон прокручивал крымскую «Тым-тым»... Взмах девичьих рук, плавные и воздушные, будто лебеди, едва касаются глади воды...

Выстроившись в танцевальном зале, девушки, не сводя глаз с профессора, ждали, кого же он пригласит на следующий танец. Избранница с нескрываемым восторгом протягивала кавалеру руки, подстроившись под мелодию танца...

Эти воспоминания неожиданно подвели Хабиба к мысли: из всего, что останется в памяти из студенческой жизни, он должен, просто обязан, написать воспоминания, нечто вроде мемуаров, чтобы образ Чобана-заде, его жизнь и деяния в Ташкенте, Фергане, Бухаре, скрытые мраком расстояния от его друзей в Крыму, были известны не по слухам, наветам и сплетням.

Как укор землякам в Крыму, чьими недобрыми стараниями Чобан-заде стал изгоем, изгнанником – ведь ум, знание, воображение его недоброжелателей не могли охватить широту его гения, того, кто даром божьим был выше, намного выше понимания, уразумения обывателей-земляков.

«Нет пророка в своем отечестве!», – таким громогласным заявлением Хабиб желал закончить записки о деяниях профессора. Подпись: Хабиб Гулям-заде...

«Как сейчас выглядит учитель?», – подумал Хабиб, глядя на потолок вагона, где мелькали полосы света из окна. В первый свой приезд в Баку он застал профессора усталым, озабоченным и осунувшимся, хотя встретивший Хабиба на Тифлисском вокзале Баку аспирант Чобана-заде Сайид Али Ходжаев старался быть весёлым, шутил:

– Доверишь нести чемодан с золотым эмирским слитком? – а на нетерпеливый вопрос о здоровье Чобана-заде, ответил кратко:

– Учитель держит удар!

Абу Сайид – бухарский франт был одет по европейской моде – в немецкого покроя жилетку с белой манишкой, которую поглаживал после каждого слова, поправляя пуговицы; со всем этим одеянием, резко контрастировал крымского покроя шапка на голове.

– Удар кого? Коллег?

– Обычная пропагандистская галиматья в газетах... Стараются, из кожи вон

лезет красная профессура, мол, наш эфенди – пантюрист... не воспринимает новое в языкознании... работы академика Марра... – в своей обычной манере весельчака и балагура высказался Ходжаев.

Как и все, кто в свое время был в берлинском кружке эмигрантских поэтов Туркестана, Ходжаев, казалось, не отягощал мозг ничем серьезным, что могло бы помешать его будущей карьере учёного.

Одного возраста с Хабибом, он жадно впитывал все подряд литературные жанры и школы Европы, Востока, древней Греции и Рима. И, обогащенный этими знаниями, смог победить в негласном соревновании с Хабибом за освободившееся место на кафедре института в Баку, возглавляемую Чобаном-заде. И, с тех пор, выиграв в честном поединке с Хабибом место под бакинским солнцем, безвыездно живет на берегу Каспия.

– Над чем корпишь, удачливый соперник? – Хабиб поглядывал в сторону набережной, заполненной рыбаками с удочками.

Абу Сайид снял с головы барашковую шапку, почесал затылок:

– Да, нелёгкая работа, – протяжно вздохнул и почему-то постучал, наклонившись, по каменной брусчатке тротуара. – Ангел-хранитель в помощь... День и ночь работаю над переводом «Диван лугат ат-турк» Махмуда Кашгари на азербайджанский язык... Чобан-заде желает написать к переводу комментариев, чему я рад... Надеюсь закончить к осени... Если экзамен на кафедре пройдет успешно, обещали вакантную должность доцента... Вот так... Не знаю, не знаю, еще рано загадывать, – и, остановившись на полуслове, помахал рукой проходящей мимо девушке.

Беседуя, бухарцы незаметно подошли к трамвайной остановке. И Хабибу, ещё в поезде наслышавшемуся восторгов от пассажиров-бакинцев об архитектурных изысках Тифлисского вокзала, так и не удалось в тот первый приезд в Баку полюбоваться зданием изнутри и снаружи – расписными дверями и лепниной залов и коридоров, чтобы сравнить с работой бухарских мастеров по резьбе по граниту и мрамору.

– Кропотливая эта работа, но почетная: заново открывать тюркам глубокий смысл и красоту «Лугата...», – не без хвастовства заявил Абу Сайид, лишний раз напоминая приятелю, что он в честном поединке с ним заслужил поездку в Баку.

На отрезках пути к дому Чобана-заде, пересаживаясь с трамвая на трамвай, больше не проронили ни слова. Пешком прошли по улице Льва Толстого и проспекту Нефтяников, вышли, наконец, к Кооперативной улице. Здесь, в красном кирпичном доме с балконами, где сушилось на каспийском ветру белье, в квартире под номером пять, на втором этаже, с женой Ругие-ханум Абдулиной и проживал в мире и согласии уже добрый десяток лет Бекир Чобан-заде.

Поднимаясь по лестнице, земляки услышали доносившиеся из квартиры зву-

ки легкой, озорной мелодии фортепьяно. Приятели остановились у знакомой коричневой двери, прислушиваясь.

– Начали, снова! Нельзя же таким бесстрастным голосом, будто вы на лекции... Весело, озорно, как в детском хоре, – послышалось, как упрекала мужа Ругие-ханум.

– Озорно смогу, когда в старости впаду в детство... Бир кобелек уча-кьона багъчаларда кезерди, эрылгъанлар, къарт занбакълар бу мелектен безерди⁹ ...

– Ругие-ханум трудится над тем, чтобы переложить на музыку стихи Номана Челебиджихана «Кобелек» и исполнить её в детской музыкальной школе... И не первый день заставляет Бекир-агъа подпевать ей, – шепнул Абу Сайид.

– Не будем мешать, посидим напротив, в скверике...

Вышли из дома, прошлись по улице, заглянув в лавку букиниста... Заметив в руке Хабиба чемодан, старик-букинист замахал руками:

– Нет, нет, книги пока не принимаем... Только если в кожаном переплётё с золотым тиснением... раритет... Низами Ганджеви пятнадцатого века...

Возвращаясь назад, к дому, Абу Сайид промолвил:

– Учителя мучает тоска по Крыму. Вчера под эту мелодию подпевала Асие Акимова... здешняя студентка из Крыма... Ругие-ханум нравится, когда дом полон крымской молодежи, обучающейся в Баку... Молодеет на глазах, много шутит, смеется... Чобан-заде незаметно уходит к себе в кабинет, чтобы сосредоточиться на работе...

Сейчас за дверью было тихо. Приятели постояли ещё немного за порогом. Хабиб в ожидании встречи с Чобаном-заде не мог справиться с волнением, на раскрасневшемся его лице выступил пот...

На звонок вышел сам Чобан-заде, кутаясь в халат. Приветливо улыбнулся. В глаза Хабиба сразу бросилось, как изменился учитель с тех пор, как был в гостях в бухарском доме: в усталых глазах нет прежнего озорного блеска, в густых волосах прочертились седины.

– Селям алейкум, оджа¹⁰, – только и вымолвил Хабиб. Видя его смущение и нерешительность, хозяин дома притянул его к себе и обнял за плечи.

– Ругие-ханум, встречай гостя... Хабиб Гулям-заде приехал... – Отойдя на полшага, пристально посмотрел на гостя и одобрительно кивнул:

– Все такой же – сидел в первом ряду аудитории, готовый пуститься в полемику... И неожиданно перешел на «вы», как обычно обращался к студентам:

– Вашу весточку получил – конечно, конечно, прочитаю работу. Сами вы как думаете? Довольны?

– Если честно – не очень, – признался Хабиб. – Не могу уловить мелодию

⁹ «В саду порхая, мотылек искал уладу. А липиям наш ангелок шептат нескладно...» (из стихотворения Н. Челеби «Мотылёк»).

¹⁰ Здравствуйте, учитель (крымтит.).

стиля Абдуллы Кадыри – ускользает глубина...

– Что же вы стоите в коридоре? – послышался голос Ругие-ханум, – Мудрые беседы ведутся за чашкой кофе. – И взяла Хабиба за руку. – Иначе, не оторвёшь ученика от учителя.

Повела вглубь квартиры, двигаясь легкой походкой:

– Комната в вашем распоряжении... По утрам кофе и яичница. Бекир-агъа с восторгом рассказывал о бухарском плове... Но у нас, увы, – долма, хотя тоже аппетитная.

– Ругие-ханум – звезда, – вдруг вмешался в разговор Абу Сайид, – оперная прима в театре. Когда она в дуэте с Ромео поёт Джульетту, весь Баку стоит на ушах. – И, желая еще польстить хозяйке дома, добавил: – а сегодня, поднимаясь к вам на этаж, ненароком услышали, что у вас есть ещё и композиторский дар.

Ругие-ханум махнула рукой:

– Да, это так, чтобы Бекир-агъа поднять настроение – в последнее время ходит сам не свой. – Хотя и было заметно: от комплиментов Абу Сайида на её красиво очерченном скуластом лице заблестели глаза. Подправляя изящными движениями непослушные локоны волос, открыла дверь комнаты:

– Добро пожаловать... Муж много рассказывал о своих узбекских учениках, мол, упорны к наукам, любознательны, в частности, и о вас...

Абу Сайид снова встрял в разговор:

– То, что сделал для науки, образования в Узбекистане Бекир-агъа, не побоюсь сравнения, сродни деятельности у нас Исмаил-бея Гаспринского. Таково мнение многих наших образованных людей.

Хабиб заметил, как от похвалы Чобан-заде нахмурил густые брови:

– Абу-Сайид, дорогой, знаешь, не люблю завышенные оценки и сравнения. Гаспралы просвещал не только крымцев, а сумел донести свои мысли, идеи, сочинения далеко за пределы полуострова, от Туркестана до Турции. А что я? Если у вас двоих в памяти останутся мои труды – значит, жизнь прожил не зря. Впрочем, не будем сентиментальны...

Хабиба поселили в небольшой угловой комнате со старым диваном, столом и плетеным креслом. От кабинета Чобана-заде комнату отделяла тонкая стена так, что Хабиб по шагам и кашлям знал: учитель с головой в работе, и лишь далеко за полночь ложился спать на диване, чтобы не будить жену в спальне. А уже через короткое время, под утро, сквозь щель в двери, в комнату Хабиба проникал душистый запах крепко сваренного кофе.

Хабиб помнил: Чобан-заде довольствовался в Ташкенте, Бухаре скромной, здоровой едой – лепешкой с кунжутом, каймаком, снятым со свежих сливок, яблоками, мягкотелыми грушами, словом, не был привередливым гурманом.

Вот и дома Ругие-ханум не особенно баловала мужа, зная его неприхотливость в еде. К тому же, как большинство служительниц Мельпомены, она не

любила стоять за плитой. В её изяшных руках, будто созданных своими жестами и взмахами сопровождать голос на сцене, кухонная посуда часто летала мимо плиты, заставляя Чобана-заде, сидящего в кабинете над книгой, вздрагивать от звона разбившейся тарелки или чашки.

– Неумеха, – ласково называл её муж, собирая осколки.

Чтобы не утруждать хозяев своим присутствием, Абу Сайид поспешил откланяться:

– Моему другу не терпится побродить по Баку, пройтись по набережной, вдыхая морской воздух... По пути заглянем в кафе «Тандыр» полакомиться долмой. Затем по улочкам Ичери-шехер, не то Хабиб, не вылезая из институтской библиотеки, засядет грызть гранит науки и ни разу не пройдёт по Ичери-шехер¹¹...

– Прогуляйтесь, – поддержал его Чобан-заде, оценив находчивость ученика, избавившего семью от очередной разбитой посуды на кухне – и выразительно глянул на Ругие-ханум. – Второй такой библиотеки нет ни в одном из других университетов... Богатое хранилище рукописей на тюркском, арабском, фарси – такого нет ни в одной библиотеке, где пришлось поработать. Ни в Симферополе, ни в Ташкенте, ни в Самарканде, куда по велению эмира Темура, везли все письмены из покоренных стран...

II

В свой первый приезд к Бекир оджа¹² в Баку Хабиб все два месяца отпуска безвылазно «протирает штаны»¹³ в библиотеке, до самого закрытия, до полуночи.

Во всех трех просторных залах – тихо, уютно, лишь иногда слышен успокоительный шелест переворачиваемой страницы книги, журнала, или шорох от дуновения неспешно кружащихся лопастей вентиляторов на расписном потолке.

Особый уют навевали и стены, слепленные из ганча с мраморными вкрапинами цветных орнаментов зеленого благородного цвета, напоминавшие внутреннее убранства бухарского Арка-Дворца беглого эмира или медресе Калян...

Склонившись над книгой или подшивкой старых газет, под ажурной настольной лампой, Хабиб порой не замечал, как неспешно подкрадывался к нему и наклонялся над его головой Чобан-заде. В перерывах между лекциями, уставший от шума аудитории, он приходил, чтобы хоть ненадолго насладиться тишиной – душа его теперь всё больше требовала тишины, умиротворения, словно в избытке израненная гвалтом на собраниях, громкими обвинениями, порождаемые беспокойным временем, не обходившими даже такие обитатели науки, как ста-

¹¹ Ичери-шехер – по-азербайджански «Крепость», «Внутренний город».

¹² Оджа – учитель (крымтат.).

¹³ Шутка Абу Сайида, не любившего засиживаться в библиотеке, а бравшего книги в общежитие.

рейший бакинский институт.

Скупой на похвалу, Бекир-агъа подбадривал Хабиба, рассматривая лежащую перед ним на столе стопку книг.

– Понимаю вашу усидчивость, друг мой. Будучи студентом в Будапеште и получив доступ к университетской библиотеке, поначалу также переваривал все подряд... пока мой незабвенный оджа, профессор-востоковед Ньюла Немет тактично, ненавязчиво не направил меня к главному, чем долгие годы занимаюсь и по сей день. Будапештский университет в те годы славился как мировой центр тюркологии, востоковедения. Среди моих – студента из Крыма – наставников были Дьюла Месарош, Игнац Кунош, Армин Вамбери, Лайош Лигети...

И в тоне Чобана-заде Хабиб улавливал нотки ностальгии по годам, проведенным в Будапеште...

Возвращаясь после закрытия библиотеки по улицам, освещенным тусклыми фонарями, разрезающими плотную темень бакинской ночи, наполненной мраком Апшерона, бухарский гость, ведомый интуицией, находил дом на Кооперативной.

Трамвайный металлический скрежет, всё ещё звенящий в ушах, за входной дверью, в коридоре, неожиданно сменялся то нежными, то бравурными звуками фортепьяно, доносившимися из спальни.

Незнакомая мелодия, но Хабиб уже знал: в оперном театре к очередной, восемнадцатой годовщине Октябрьской революции в бешеном темпе готовили к постановке «Лейли и Меджнун» на музыку Узеира Гаджибекова¹⁴, о чём красочные рекламные плакаты назойливо оповещали на каждой трамвайной остановке, фонарных столбах...

Ругие-ханум доверили трагическую роль Лейли. Она волновалась, будто впервые выйдет на сцену, капризничала, недовольная собой, что задевало и заботливого мужа, создавая напряжение в доме, отвлекая Чобана-заде от основной его работы.

Случалось, эмоциональное волнение Ругие-ханум достигало пика от взятой ею слишком высокой ноты, и тогда она с шумом захлопывала крышку фортепьяно и криком на всю квартиру звала на помощь Бекир-агъа.

Любящая казаться слабой и беззащитной, жена-красавица, моложе избранника почти на двадцать лет, и далеко за полночь не позволяла мужу уходить на покой, пока не пропоёт до конца арию терпеливому слушателю, порой заставляя его петь с ней в паре арию Меджнуна.

Бекир-агъа, сгорбленный, опираясь на трость, становился сбоку фортепьяно, заранее извиняясь за немзыкальный голос и отсутствие музыкального слуха:

– Что вы, душа моя, какой же из меня Меджнун?! Надорву голосовые связки,

.....
¹⁴Известный азербайджанский композитор, педагог.

и завтра же, после первой лекции, погонят прочь из института за профнепригодность... – И, кашляя, будто прочищает голос, брал высокую, похожую на крик, ноту.

Ругие-ханум полушутливым тоном:

– Знаю, Аллах не наградил вас ни голосом, ни твёрдым характером. Прогонят с кафедры – пойдете в пожарные – тушить нефтяные вышки на Апшероне... Ухаживая за мной, хвастались, мол, служил в венгерской армии и был контужен немецкой бомбой, и даже пришлось лечь за пулемет, вместо убитого друга... Наивная, молодая, всему верила, думала: настоящий мужчина, а на проверку выходит мягкотелый интеллигент без слуха и голоса...

На что Бекир-агъа примирительно отвечал:

– Дорогая, не укоряйте: что Аллах дал, то и дал, ни больше – ни меньше. Хотите, поговорю с моим другом, восходящей звездой – Рашидом Бейбутовым¹⁵: приедет и споёт с вами арию – и не одну, сколько пожелаете, пока не отточите мастерство. Понимаю вашу нервозность – седьмого ноября в правительственной ложе будет восседать вся здешняя власть – с Багировым¹⁶ во главе и вашим горячим поклонником – генералом Сумбатовым¹⁷, – пытался успокоить Ругие-ханум муж, взяв её за руку.

Оперная дива, верившая, что она на самой вершине Олимпа, снисходительно считала: все иные жанры музыки недостойны возвыситься до высот оперы и балета, а посему скептически относилась к прославленному среди уличных и базарных толп Бейбутову. Из уст поклонников Рашида – ни днем, ни ночью, будь то стар или млад, на работе, в перерывах между учёбой, не сходили озорные мелодии «Аршин мал алан»¹⁸.

– Нет, – чисто по-женски высказывала свой каприз Ругие-ханум, – Рашид мне не пара. Вы – гнилой интеллигент, соберитесь с духом, представьте себя одержимым любовью Меджнуном

– Что ж, – соглашался Бекир-агъа, – получается, не зря писал о поэтике Навои и Низами... Вот и пригодилось. – И пытался взять высокую ноту: – Единственная... Ночь застлала мой день тоской... Слёзным потоком сердце уходит¹⁹ ...

– Фальшивите! – в сердцах закрывала крышку фортепьяно Ругие-ханум, вставая...

Слово за слово, недоразумение заканчивалось игрой, как бывает у любящих супругов.

.....

¹⁵ Рашид Бейбутов – популярный эстрадный и оперный певец.

¹⁶ Багиров Мир Джафар оглы – в описываемое время секретарь ЦК компартии Азербайджана.

¹⁷ Сумбатов-Топуридзе Ювельян Давидович – в описываемое время глава НКВД Азербайджана.

¹⁸ «Аршин мал алан» – популярная музыкальная комедия.

¹⁹ Монолог Меджнуна из поэмы Низами.

– Скорее, мне подошла бы роль Топегеза... Не зря сравнивают его с античным персонажем Софокла – Полифемом. Согласитесь, джаным, ваш мягкотелый интеллигент всегда был глух и нем к мышиной возне недругов из числа коллег, даже тех, кто называл меня оджа, а потом предавал...

Когда супруги сели на диван, чтобы успокоиться, Бекир-агъа осенила другая идея:

– Джаным, поговорите с Узеиром – может его вдохновит сочинить музыку о деде Коркуте... Отличная героическая драма! Готов сыграть роль Уруза и принять мученическую смерть, защищая вашу чистоту и непорочность от злых языков. Думаю, Гаджибеков не откажет вам, своей лучшей ученице, обучавшейся у него в консерватории...

– Хм! – недовольная Ругие-ханум повела плечами, – мне не нравятся ваши слова о мученической смерти, все чаще звучащие в последнее время...

Чобан-заде опустил голову, но, быстро совладев собой, подбадривающе улыбнулся жене ...

– И, вообще, – промолвила Ругие-ханум, желая уйти от неприятной темы, – Гаджибеков может не загореться сюжетом о деде Коркут²⁰.

– Это почему же? Потрясающая тема...

– Не согласится, недавно в театр явился важный чиновник из Наркомпроса и заявил о недовольстве нашим репертуаром, мол, на сцене одна история, старина, уводящая зрителя от сегодняшних славных дел трудящихся... Нужны спектакли о раскулачивании мурз, о борьбе со всякого рода вредителями, буржуазными националистами, профессурой старой закалки, забивающих головы рабочей и сельской молодёжи чуждыми идеями... Так казенно выразился...

– Да... – протяжно вымолвил Бекир-агъа, – по-другому они не умеют... Бедный, бедный наш язык. В самый раз идти в пожарные, – и иронично усмехнулся.

До Хабиба, работавшего в своей комнате, доходили лишь отдельные реплики мужа и жены. Он с благоговением ступал через порог кабинета оджа, когда тот приглашал ученика, чтобы узнать о проделанной им работе в библиотеке.

Кабинет был обставлен скромно, в спартанском духе, чтобы ничто лишнее не отвлекало от работы. Письменный стол с глобусом, где страны и океаны названы по-мадьярски – память об учебе в Будапеште.

Слева от окна, на полстены в раме, уже слегка почерневшее увеличенное семейное фото. В расслабленной позе на диване – широколицый, с волевым лицом, в чабанской папахе – Ваап-агъа – отец Бекир оджа, передавший сыну в наследство спокойный, открытый взгляд, широкие плечи и сильные рабочие руки. Рядом с мужем – среднего возраста со следами уже увядающей красоты – женщина в феске, сидящая скромно, перекинув через правую руку цветастый

²⁰ Речь о персонажах героического эпоса огузов «Китаби деде Коркут», над исследованием которой работал Чобан-заде.

платок – мама хозяина кабинета. Ниже, рукой Бекир-агъа на рамке фотографии старательно выведено, как клятва верности роду:

«Нет в моём роду ни мурзы, ни знатного бая,
Отец мой – чабан, мать – Шерфэ-вадэ Зандабай»²¹.

Переступившему порог кабинета, чуть справа от семейной фотографии, сразу бросается в глаза едва поблескивающее всеми красками радуги большое блюдо кубачинского мастера с изображением всадника на фоне Эльбруса – память об экспедиции на Кавказ, где Чобан-заде изучал язык горцев, по опасным тропам объезжая аул за аулом, заодно записывал местный фольклор – песни, сказания, пословицы тюркоязычных кумыков на землях Дагестана, Чечни, Северной Осетии...

Невольно подслушанные отрывки разговоров супругов, упреки Рутие ханум в адрес мужа, по разному поводу думающего о смерти, рождали в Хабибе чувство тревоги за оджа.

Особенно впечатлили гостя слова, сказанные эфенди:

– Бедный наш язык... В самое время податься в пожарные...

Сказано вроде бы шутливо, но в каждой шутке – доля правды...

Чтобы избавиться от чувства тревоги, Хабиб поделился с хозяином кабинета тем, что его, кроме собрания редких книг, волновало в библиотеке:

– Столько красивых местных студенток в читальном зале... Честно признаться, порой трудно сосредоточиться... Вспомнил, как вы после лекций танцевали с ташкентскими студентками в бальном кружке... Наверное, и здесь ученицы в восторге, когда приглашаете на танец «джейрани», «лалэ», «бяневше»²².

– Куда там с больной ногой – оступишься – обсмеют. – В усталых глазах оджа промелькнули веселые искорки, и рука его потянулась к глобусу на столе... Шар сделал оборот вокруг оси, второй. И остановился на той стороне, где краской – густой, будто залитой кровью, очерчен силуэт полуострова Крым.

Пристально, с волнением в глазах всматриваясь в очертания родины, Чобан-заде мысленно представил безграничную степь, где, сидя на кауруй, погонял к водопою стадо овец. Молвил с тоской:

– Мой лалэ где-то затерялся там, в степи, среди увядающих цветов, словно провидец Номан Челеби увидел за этим человеческую драму. Без нудных философствований.

И неожиданно, как подтверждение сказанному, процитировал строки из стихотворения Челеби «Сары тюльпан»:

Ильк баарни мужделеген сары тюльпан.

²¹ Зандабай – женищина простого происхождения.

²² Джейрани – газель, лалэ – тюльпан, бяневше – фиалка: азербайджанские народные танцы.

Баре бойле солмасайдынь ич бир заман.
 Гузел ёсма гонъдженъ иле эндамыньны
 Эр кунъ север, опер эдим сайгъыларман.
 Гонълюмизни хошландырдынь, сары тюльпан.
 Мен де сени эльден, ельден къыскъанман.
 Узакълардан, коктен, ерден чокъ суемен,
 Кунешлернинъ, йылдызларнынъ козю яман.
 Сары тюльпан, багъчамызны шеньлендирдинъ,
 Пек аз заман къырыкъ гонълюм эглендирдинъ.
 Ярын сен де къырыладжакъ, оледжексинъ.
 Оледжексенъ, бу джихангъа ничюн кельдинъ²³ ...

Интонация его голоса так тронула Хабиба, что, когда наступила пауза, он не мог произнести ни слова, будто комок в горле застрял, от нахлынувших чувств слёзы навернулись на глазах.

– Оджа, вы были знакомы с Челеби?

Бекир-агъа не сразу ответил, нервно полистал какие-то бумаги на столе, прошепел по кабинету...

– Да, – кратко откликнулся он, глядя в окно. – Безвинно погиб в красном вихре, пронесшемся по Крыму в восемнадцатом году. – И сел, не желая развивать болезненную тему «красного вихря»...

– В восемнадцатом? – задумчиво переспросил Хабиб, и в голове его неожиданно возникла ассоциация... Удивительно! Ведь в этом же восемнадцатом вы сочинили «Тувгъан тиль»! Стихотворение обнаружил в вашем сборнике стихов в библиотеке. Тогда вы учились в Будапеште...

Глаза Чобан-заде потеплели, будто то тяжкое, сжимавшее сердце, отпустило.

– Да, мне было двадцать пять, столько же, сколько и тебе, дружище, – лишь молвил оджа.

– В двадцать пять! Гениально! – Возбуждённый Хабиб шагнул зачем-то к двери, но, будто опомнившись, вернулся к столу. – Вы не обидитесь на меня... «Тувгъан тиль» так тронул меня, от начала до последних строк... Взял на себя

²³ Желтый тюльпан

Тюльпан мой желтый – чудо марта,
 Цветешь ли долгожданный, все не увядая,
 Я, что ни день, целую твой бутон,
 Девичий стан тонкий обнимая.
 Ты сердцу моему услада, желтый брат,
 От всех ветров, невзгод укрыть тебя я рад.
 Ревнуня к небу и земле родной,
 К жару солнца, холоду звезд, выстроившихся на парад.
 Тюльпан мой желтый, чудо сада,
 Израненное сердце от взгляда твоего замрёт.
 Как жаль – вдруг завтра сломается, умрет.
 Тогда зачем в наш мир пришел, мой брат?
 (перевод автора)

смелость, может, коряво, по-ученически, перевёл, – прерывисто от волнения изъяснялся Хабиб. – Позвольте, прочитаю перевод...

– Ну-ка, ну-ка, интересно, – полушутливым тоном молвил Чобан-заде. – Вместо того чтобы штудировать предложенную мною работу Шпенглера «Закат Европы»²⁴ ! – И, неожиданно открыв дверь, окликнул жену: – Ругие-ханум, вчера, по вашему настоянию у нас был вечер музыки, сегодня милости прошу на вечер поэзии!

Ругие-ханум, спешно вытирая руки о кухонный фартук, переступила легкой походкой через порог кабинета:

– Заманчиво... Это интереснее, чем вечер кулинарии за кухонной плитой.

– Кто бы сомневался? – ответил ей в тон супруг. – От вас по программе вечера требуется звонко, артистично, душевно-трепетно исполнить «Тувгъан тиль». И не перепутайте: автор – не Шекспир, не Пушкин – автор намного, намного скромнее вышеназванных гениев. Прошу, а следом за вами Гулям-заде прочитает свой перевод...

Ругие-ханум, не высказывая эмоции, стала у края стола, желая сосредоточиться...

– Вспоминайте, – подбадривал её супруг. – Стих, который вы пытались переложить на музыку, хотя и тщетно. Пытался вас отговорить...

Ругие-ханум скрестила руки на груди, вдохнув полной грудью воздух:

– Сени мен Къырымда, Къазанда таптым,

Джугерим къайнагъан, ташкъанда таптым, –

начала она медленно, будто в музыке прощупывала тембр и ритм стиха – и легко, и звучно продолжила под взглядом мужа, будто следом за ней заново переживавшим написанное:

– Джат эльде мугъайып, ачынып джюргенде,

Умютим, хаялым шай тюшип чюргенде.

Мойнунъа сарылдым дертимни айтып.

Бир гузель сёзюньмен озюме къайтып...

Чарующий голос так охватил Хабиба, что сам того не замечая, тихо, почти беззвучно повторял за Ругие-ханум каждое слово стиха...

– Бир гузель сёзюньмен озюме къайтып...

Джырларынь болмаса, манень болмаса,

«Джурт» деген сёзюньмен джурек толмаса...

Увлекаемая голосом, будто он, чарующий, ведет её за собой, Ругие-ханум, останавливаясь то справа, то слева от стола, неожиданно замолкла, будто её сбил с ритма громкий, дребезжащий голос супруга, не выдержавшего молчаливого смирения слушателя.

– Ах, насыл джурермен гъурбет якъларда, – вымолвил он, заметно волнуясь, сделал знак супруге, приглашая её в поэтический дуэт:

²⁴Освальд Шпенглер – философский труд «Закат Европы», опубликован в 1918 г. Труд немецкого философа иногда называют «Закат Западного мира».

– Танышсыз, билишсиз, ят сокъакъларда?..
Бильмиймен, тюркми, татармы адынь?

Едва Рутие-ханум уловила тембр голоса мужа, подстроившись под него, и уже пели дуэтом:

Бек яман татлысынъ – Танърыдан тадынъ,
Тюрк де, татар да сенинъ сёзлеринъ...

Бекир-агъа легким кивком пригласил присоединиться к ним. Оджа обнял за плечи смущённого Хабиба, незрелым, мальчишеским голосом составившим трио:

– Экиси эки чифт мунълу козьлеринъ...

Вияна огюнде, Къзакъ ичинде,
Берабер джырладыкъ Хинлерде, Чинде...

Анъласын бир, сени душман да сюер.

Бир джаныкъ сёзюньмен джуреги ирер...

Истиймен озинъни эр якъта корьмек...

Эр ерде инджинъден дестанлар орьмек...

Къушларгъа, къашкъыргъа уйретсем сени...

Увлеченный до глубины души Хабиб и не заметил, как трио незаметно распалось: по знаку Бекир-агъа Рутие-ханум замолкла, чтобы послушать звон натянутой струны, музыку полёта, которую испытывал Хабиб, продолжая проговаривать каждую строку стиха:

– Сен болсанъ оксюзинъ конъюльден суюгени...

Джамиге, михрапкъа, сарайгъа кирсенъ.

Денъизлер, чёллернинъ четине эрсенъ...

Сенинъмен душмангъа ярлыкълар язсам,

Къарувлы сёзюньмен конъюлни къазсам...

Къабримде мелеклер соргъу сораса,

Азраиль тилимни бинъ кере тораса.

«Озь тувгъан тилимде айт магъа», – дермен.

Озь тувгъан тилимде джырлап олермен...

Гонъюлни къайгъылар кемирив тургъанла,

Халкъымнынъ тынышсыз йылдызы ургъанда.

ТУВГЪАН ТИЛЬ, башкъасы акълыма кельмий.

Бир буюк сырымсынъ – душманлар бильмий...

Хабиб умолк и только теперь понял: супруги, сидя на диване, внимательно слушали его восторженную декламацию. Он смутился и молвил, опешив:

– Эфенди?! – удивлённо и вопросительно.

– Офарин! Прекрасно! Совсем без акцента, правда, ханум?

Рутие-ханум в ответ зааплодировала, страстно и горячо...

– Перевод, уверена, так же прекрасен. Поздравляю, Бекир Вагапович, прошу внимания²⁵ ...

III

Скудная студенческая стипендия – ясно дело – не позволяла друзьям часто пировать в кафе «Тандыр», в самом шумном туристическом месте Ичери-ше-хер. И всё же, когда удавалось сэкономить, отказавшись от посещений кино или разных других развлечений, Абу Сайид и Хабиб, ещё издали чужа запах долмы, занимали столик в «Тандыре».

Знакомый официант Хаммед – добродушный толстяк – одаривал их привет-

²⁵ Прим. автора: Ниже приводится перевод стихотворения Чобан-заде, прочитанный в тот вечер Хабибом терпеливым слушателям – супругам Бекир-агъа и Ругие-ханум. Рукописный текст найден в его чемодане Асие Акимовой после ареста Гулям-заде.

РОДНОЙ ЯЗЫК

Тебя в Крыму и в Казани я обрёл.
И сердце вострепелось, как волнистый шёлк.
Когда на чужбине я с грустью бродил,
Когда в душе я надежду носил.
В утешенье с тобою делился бедой.
Бог мой, ты слово создал – я пошёл за тобой...
И покуда во мне твои песни звучат,
Языком отчизны со мной говорят,
В краях полуночных, где стужа и мрак,
По улицам шумным хожу я – чужак.
Ты – турок, татарин? Неведомо мне.
Но вкус твой от Бога, в нём сладость мечты.
Татарских и тюркских теченье речей.
Волнует меня печалью очей.
И в Вене, и в дальних казацких краях,
В Китае, на Инде всегда ты в устах.
Если недруг поймет, то полюбит тебя.
Его сердце растает, любовь обретя.
Хочу, чтоб ты всегда без преград
Старинных поэм жемчужный расклад,
Хочу, чтоб реченьем моим и птица, и волк.
Со мной изъясняться могли, зная в этом толк.
Хочу, чтоб звучал ты в мечетях, дворцах,
От края земли до наших степей.
Хочу, чтоб тобою писали указ.
Врагам был грозный приказ.
Когда же посланцы за мной прилетят,
И ангел склонится над сердцем моим,
Скажу: «Говори на моём языке».
Родном языке, что как сердце в твоей руке.
В печали и скорби, средь горя и бед
Во тьме и когда наступает рассвет.
РОДНОЙ МОЙ ЯЗЫК – без тебя не могу
И тайну твою не открою врагу...

ливой улыбкой.

Абу Сайид, панибратски похлопывая его по плечу, выдавал дежурную фразу:

– Нэ вар, нэ йох, Мехмед-бей.²⁶

Мехмед, ловко раскладывая тарелки с приборами, деланно улыбался.

– Шэраб... Озбек вэ азербайжан халгларины достлугу вэ саглыгы!²⁷

– дружески хлопнул Абу Сайид Мехмеда по руке. Тот удовлетворённо кивнул и побежал исполнять заказ, а Абу Сайид пояснил Хабибу:

– Азеры уважают тех, кто устраивает щедрые застолья, – пусть думает, что сегодня мы с тобой погуляем на славу. Знаешь, в тот год, когда я приехал в Баку, с Бекир-агъа частенько сюда заглядывали. Но в последнее время доктора посоветовали ему соблюдать диету из-за болей в желудке, советуют ездить на кисловодские воды. Завидев Чобана-заде, Мехмед сразу же прибежал и кланялся: «Селям, эфенди»²⁸ ... Долго и назойливо спрашивал о здоровье, перечислял всех родственников эфенди, да с таким участием, будто лично знал их: – А как здоровье вашей драгоценной супруги, здоров ли ваш многомудрый отец, а матушка – благоверная мусульманка?

Хабиб, разглядывая замысловатые узоры на тарелке, озабоченно молвил:

– Не нравится мне, в каком настроении пребывает Бекир-агъа – хандрит часто. Это заметила и Ругие-ханум – говорит о смерти, будто подменили его, живого, полного задора, оптимиста, каким он запомнился мне в Ташкенте.

Насмешливое настроение Абу Сайида сменилось, он помрачнел:

– Последние два-три года выдались для Бекир-оджа не то, чтобы хлопотными от разных неурядиц, а тяжелыми, очень тяжелыми... Другой бы уже давно согнулся... Удар за ударом – и все удары из Крыма. Болезненные, прямо в сердце. Некая газетёнка «Енъи дунья» из номера в номер пытается шельмовать профессора – мол, пантюрист, националист, миллифирковец – термин какой придумали! Мол, лишь на словах верен советской власти, – Абу Сайид, оглянувшись по сторонам, наклонился над ухом Хабиба. – Затем та же «Енъи дунья» в духе нынешнего времени, когда всему даёт оценку «глас народа», опубликовала обращение трудящихся Керченского металлургического завода – заметь – трудящийся люд – все исключительно рабочие крымскотатарской национальности... Чего там только нет: обвинения в национализме, в политическом двурушничестве... И заканчивается вся эта газетная белиберда призывом, как сейчас помню дословно: «Рабочие-татары государственного металлургического завода просят соответствующие органы советской власти лишить Чобана-заде звания профессора». Чуешь, канцелярский стиль парткома завода! Будто рабочие, живущие впроголодь, помимо жара доменных печей, ещё и чувствуют губительный жар

²⁶ «Что есть, чего уже нет, Мехмед-бей (азерб.)

²⁷ «Вино... За дружбу и здоровье узбекского и азербайджанского народов!» (азерб.)

²⁸ «Здравствуйте, эфенди» (азерб.)

национализма, исходящего от политических двурушников. А ещё в одном письме трудящихся Крыма в газете «Бакинский рабочий» вопрос ставили ребром: лишить звания профессора и изгнать из бакинского института на вольные хлеба...

Хабиб слушал, подавшись телом вперёд в застывшей позе, ошеломлённый услышанным, не желая дотрагиваться до еды.

– Весь этот громоподобный «хор» трудящихся сродни античной трагедии. Не случайно он совпал и с семейными неурядицами... Откуда не возьмись, заявила о себе долго молчавшая первая жена эфенди – Дильяра Булгакова из благородного рода Исмаила мурзы, имеющего родство через Хатидже Булгакову с князьями Кирпаковскими. В наше время, как правило, из грязи – в князи, а здесь, наоборот: из князи – в грязи, – усмехнулся Абу Сайид. – Чуешь, налицо союз трудящейся бедноты и аристократов княжеского рода, когда желают лишить профессорского звания, изгнать из института, оклеветать, опозорить... Так вот, – Абу Сайид хлебнул шербет из чашки, чтобы промочить горло, а предупредительный Мехмед тем временем, забрав остывшую, принёс из кухни горячую порцию долмы. – Так вот, эта дамочка, движимая ревностью к молодой Ругиеханум, всю злость излила на Бекир-агъа... О, как страшны бывают в ревности стареющие покинутые жёны! Заруби, дружище, это себе на носу...

– Узбечки смиренные, – вымолвил Хабиб.

– Вот как раз смиренных и можно направить сквозь огонь и воду. На это есть партком... Случались скандалы Дильяры и при мне, когда бывал в доме на Кооперативной... У неё сын Мустафа, от супружества с Бекир-агъа. После разрыва с Дильярой, видя, как Мустафа любит его, Бекир-агъа взял сына к себе в новую семью. Дильяра через судебную тяжбу вернула сына в свой дом. И тут началось самое тягостное для Бекир-агъа – Дильяра ходила по соседям в Карасувбазаре, проклиная учителя... Мол, совсем не заботится о сыне, ни материально, ни морально... Склочница писала кляузы ректору института и наверх, самому Багирову. С её подачи появился фельетон в «Бакинском рабочем»... Вот так! И вдобавок ко всему, на здоровье Бекира-агъа отразилась и история с родной сестрой, Зулейхой Чобан-заде... Крымские недруги принуждали Зелиху оговаривать брата, присоединившись к злобной компании в местных газетах.

Зулейха-ханум, помнится, раза два приезжала к брату... Возбуждённая, рассказывала, что творят в Крыму вышедшие из грязи в князи красные профессора, занявшие все хлебные места, и как они выслуживаются, выискивая неблагодарных среди учителей... В список попала и она. Изгнали из Карасувбазарской школы... Позор!

К их столу незаметно подошёл Мехмед, чтобы забрать остывшую долму, до которой увлеченные беседой завсегдатаи «Тандыра» ещё не дотронулись. Взамен ещё раз принёс горячее блюдо, ударившее в нос запахом мяты и острой

приправы.

Абу Сайид протянул было руку к тарелке, но так и застыл с поднятой ложкой: – Зулейха-ханум с братом и внешне похожи, и нравом, перешедшим от Ваап-агъа – простотой, смелостью, упорством... Рутие-ханум и Зулейха Чобан-заде были вежливы, обходительны, когда сестра гостила у брата в Баку. Но между женщинами всё же чувствовалось некая преграда из-за несхожести характеров и занятий... Зулейхе-ханум казалось, что жена брата не очень заботится о нём – не как крымская женщина, которая накормит, приласкает, приголубит. Но это так – женские заморочки! – махнул рукой рассказчик. И вдруг, будто вспомнив нечто радостное, выходящее за рамки изматывающих дурных вестей и болезней Бекир-агъа, воскликнул:

– Друг мой, в череде темных дней мелькнул и луч света, озаривший теплом и надеждой эфенди – известие о том, что Чобан-заде избран в члены Парижского лингвистического общества наряду с такими мировыми светилами тюркологии, как Армин Вамбери, Игнац Гольдцингер, Дьюла Немец, Радлов Василий Васильевич, сочинениями которых я обложился со всех сторон, когда взялся за перевод на азербайджанский язык великого труда Махмуда Кашгари.

И неожиданно встал, отодвинув тарелку, крикнул, аплодируя:

– Bravo! Машаллах! Почёт и слава академику, чьи заслуги признал чопорный Париж, – Бекиру Чобан-заде!

Не ожидавшие такого шумного восторга завсегдатаи «Тандыра» повернулись к их столику, Хабиб же обнял за плечи земляка, поглаживая его барашковую папаху.

На крики и аплодисменты прибежал ошалевший Мехмед. Его удивлённые глаза и полураскрытый, застывший в немом молчании рот, будто вопрошал: «Желаете ещё чего-нибудь?».

IV

Едва земляки покинули «Тандыр», Абу Сайид по озабоченному виду Хабиба понял, что тот торопится куда-то.

– Куда путь держишь?

Хабиб молча вынул из кармана сложенный лист, на котором его рукой было выведено: «Задание на сегодня, 26 сентября». Абу Сайид пробежал по списку глазами:

– Так... Бекир Чобан-заде, «Алифба оирлиги сингармонизм ва фонетика масалалари», газета «Кизил Узбекистон», 18 января 1928 года.³⁰ Понял, взял курс на институтскую библиотеку – книжный червь...

³⁰ Труды Чобан-заде узбекистанского периода собраны в исследовании доктора филологии Баходира Каримова «Бакир Чупонзода ва Узбекистон», Ташкент, 2017 г. (прим. автора).

«Книжный червь» пожал плечами: мол, задание самого профессора и, повторяя загадочное слово «сингармонизм, сингармонизм», побежал к лязгнувшему на остановке трамваю, успев вовремя вскочить в него, помахал приятелю рукой из окна.

Хабиб знал: в этот воскресный вечер дом Чобан-заде будет полон земляками – крымскими преподавателями и студентами, переехавшими в разное время в Баку, следом за Бекир-агъа. Шумные споры о судьбе Крыма, весёлые шутки, смех, а главное – речения на родном языке были отдушиной для хозяина дома в смутные дни, обещавшие впереди ещё более мрачную неизвестность...

По тому, как оживала Ругие-ханум, видно было, что ей нравилось быть в окружении молодых гостей. на музицировала им, когда под её быстрыми пальцами Оиз фортепьяно сменяли друг друга, вырывалась озорная мелодия «Той олсун, Гунеш», искрящего танца «Ильхам»... Подбадриваемые родными крымскими ритмами, гости парами кружились в тесном пространстве, неуклюже наступая друг другу на ноги и поминутно извиняясь...

Самым желанным кавалером был хозяин дома. Несмотря на большую ногу, Бекир-агъа, галантно кланяясь, принимал приглашение, и напарницы, краснея от восторга, кружились в танце, как и в те далекие времена, когда ташкентские студентки выстраивались в очередь, считая для себя честью внимание такого кавалера.

«Эх, годы, годы», – вздохнул Хабиб, стоя, прижавшись к стене и в оба глаза наблюдая за танцующим оджа... Взгляд его затем выхватил из толпы голубоглазую девушку с пышными локонами, обрамляющими весёлое, доверчивое лицо. Кто-то из танцующих крикнул в её сторону:

– Асие, Асие, больше задора, легкости...

Асие... Хабиб с этой минуты уже не отрывал глаз от танцующей девушки... В плотной толпе веселящихся он следил за ней, пока Асие не перехватила взгляд одиноко стоявшего бухарца. Неожиданно выйдя из хоровода танцующих, она подошла к смутившемуся Хабибу и протянула руку, пригласив присоединиться к ним.

Хабиб, держа девушку за талию, неуклюже наступил ей на ногу, но Асие сделала вид, что не заметила оплошности кавалера... Партнёры с первых минут почувствовали, что нечто, пока ещё неосознанное, влечет их друг к другу...

Неожиданно крышка фортепьяно захлопнулась, Ругие-ханум шутливо сказала:

– Ни один из благородных кавалеров не пригласил меня в круг... А муженёк – тот вообще, млея от восторга молодых, даже не глянул в мою сторону... И обратилась к Асие:

– На кухню! Готовить кофе гостям.

Призыв этот означал в устах Ругие-ханум: пора расходиться, надо и меру знать. Бекир-агъа должен выспаться, чтобы встретить завтрашний, ещё один

трудный день...

Гости расселись, где попало – на коврике на полу, подоконнике... Хабиб, рассматривая их лица, раскрасневшиеся от танца и кофе, с грустью подумал: когда ещё удастся встретиться с ними в гостеприимном доме – через год, два? С Асией Акимовой, с братьями Асаном и Решатом Рефатовыми, как близнецы, похожими друг на друга, с Омером Куркчи, студентом консерватории, всюду как горб, носящий за спиной футляр со скрипкой...

Два месяца отпуска, отведённые для работы в Баку, заканчивались. Впереди маячил родной дом, Бухара...

Хабиб знал: всякий раз гости из Крыма, земляки эфенди, перед уходом желали выслушать что-либо полезное для себя, обогащая себя новым знанием о своей таинственной, ещё не конца изведанной и понятой, но такой любимой родине.

Сегодня, как бы раскрывая таинственный смысл исполненных танцев, Бекир-агъа, глотнув уже остывающий кофе, промолвил:

– Могу с уверенностью сказать, собирая в наших аулах образцы фольклора: крымскотатарская народная поэзия, танцы – это отметил и Василий Васильевич Радлов – самые глубокие, чистые и зрелые в тюркском мире. Вы знаете, между различными тюркскими говорами существует лишь незначительное различие, и поэтому наши песни, сказания являются общим достоянием всех тюрков. О том, что эта песня крымских татар, по её ритму, особой мелодике поймет даже ребёнок, зазвучи она где-нибудь в Кашгаре или Урумчи, на другом конце света... – Бекир-агъа сделал паузу, заметив, что Асия торопливо записывает его слова. Глаза его неожиданно блеснули озорным светом, когда он вспомнил о своих студенческих годах в Стамбуле – на берегах Босфора.

– Откуда бы мы не собрались – узбеки, казахи, крымские, казанцы, сибирские татары – на различных праздниках и торжествах хором пели свои песни, понятные и близкие для всех. Как пишет в своем труде «Тюркская раса» мой незабвенный учитель Армин Вамбери, в стихосложении и рифме наш язык имеет удивительное родство с венгерским народным музыкальным творчеством. И это сходство уходит корнями далеко за пределы тюркского мира, связывая нашу культуру и с Востоком, и с Европой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

В студёное утро начала одна тысяча тридцать седьмого наш строптивый бухарец снова нацелился в путь к манящим берегам Каспия...

Подавленный однообразием пейзажа за окном вагона, Хабиб Гулям-заде почти всю дорогу до Рязани проспал, утомлённый безжизненным однообразием казахской степи, навевающим чувство одиночества и незащищённости.

Ни жалобный плач голодного младенца на нижней полке, ни возгласы по-

лупяных картёжников, ни глухой звон стаканов, источающий запах паленой водки, всё это не тревожило его тяжёлый сон, похожий на сон больного, время от времени теряющего сознание...

Ни длительные остановки в Оренбурге, Бузулуке, во время которых шумные станционные торговли перебегали из вагона в вагон, предлагая крутые яйца, варёную картошку с солёными огурцами, не могли окончательно отогнать его сон...

Вагон дернуло перед остановкой в Рязани. Хабиб очнулся, опустил раму окна, чувствуя, как в лицо ударил воздух, настоянный запахами гари, сухих листьев берез с облезлыми до красноты стволами – знак приближающейся осенней стужи.

На перроне Хабиб случайно заметил стоящего и нервно покуривающего, оглядывающегося по сторонам мужчину. И сразу же, вспомнив облик незнакомца, невольно пригнулся, отойдя от окна. Не было сомнения – всё: жесты, частое нервное подергивание плечами – выдавало в нём того самого пассажира, с которым он столкнулся в вагоне-ресторане во время первой поездки в Баку. В ту поездку Хабиб долго не мог отделаться от навязчивого, пронзительного, долгого взгляда холодных, прищуренных глаз, словно пытавшихся вывернуть его душу наизнанку...

«Наверное, вечный пассажир, не знающий, на какой остановке сойти и куда прислонить голову», – насмешливо подумал Хабиб, желая успокоиться от беспокоящих его мыслей. Трезво поразмыслив, он пришёл к выводу: поднявшийся в вагон перед самым отправлением поезда незнакомец – ревизор, штрафующий безбилетников, для маскировки переодетый в гражданское. А впрочем, чёрт его знает... Хабиб сердито махнул рукой...

...Вот и первые пригородные дома Москвы. Пассажиры прильнули к закопчённым от долгого пути окнам, а когда из густого смога медленно выплыл и стал вытягиваться вверх один из шпилей Кремля, как укор ветхим одно-двухэтажным домам вокруг, все, как по команде, потянулись к чемоданам и сумкам.

В отличие от той первой поездки московский пейзаж ничем не взволновал Хабиба, хотя, когда миновали Ташкент, решил про себя: все семь часов до отхода очередного поезда в Баку с Курского вокзала, осмотреть достопримечательности столицы на туристическом автобусе с словоохотливым гидом, смешивающим правду с небылицами об исторических местах столицы и её великих личностях...

Хабиб, размахивая чемоданом, быстро отделился от людского потока и под крики носильщиков достиг здания Казанского вокзала. Уже знакомым маршрутом добрался на метро до Курского. Найдя полутёмный зал ожидания, решил просидеть там, не вставая, всё то время, пока не объявят посадку на Бакинский поезд, хотя в зале было душно, пахло потом и борщём из столовой быстрого

питания.

Хабиб прижал коленями дощатый чемодан с увесистой папкой, вмещающей двести страниц текста – плод бессонных ночей. Всю дорогу его тревожил вопрос, решит ли Чобан-заде, что работа о творчестве Абдуллы Кадыри завершена или заранее надо готовить себя к ещё одной, третьей, поездке к оджа?!

Мимо бухарца уже дважды твердым шагом прошёлся милиционер, бросая острые взгляды на чемодан, будто оценивая его содержимое...

Когда по радио объявили о посадке на поезд Москва-Баку, Хабиб, от долгого ожидания впавший в сонное оцепенение, не расслышал приглашения на посадку, и опомнился лишь тогда, когда зал почти опустел.

Заняв место в купе, Хабиб забросил на верхнюю полку чемодан, прикрыв его подушкой. Бросил взгляд на сидящих в купе, где до отхода поезда уже играли в нарды. По стуку фишек на доске и по возгласам игроков «ду бир», «шеш беш»³¹ узнал в них заядлых бакинских игроков. Они-то и вернули его сразу в знакомую атмосферу, в которой прожил Хабиб в прошлую поездку – в скверы и дворы, где отчаянно стучали костяшки с победным ликованием «гоша беш». И далее воспоминания, пройдясь тёплой, волнующей волной в его душе, потянулись к дому Бекир-агъа и Ругие-ханум на Кооперативной – уютному, всегда заполненному такими же, как и он, молодыми людьми из Крыма. Вспомнил Асие Акимову... Где она сейчас? И как его встретит?

Жёны игроков, сидевших напротив, прижав к коленам узелки с дорожным скарбом, не сводили глаз с летающих фишек, следя за поединком, тревожились, как бы сильный пол не рассорился из-за азартной игры. Тогда, не приведи Аллаха, в ход пойдут ножи. Но, сыграв партию, к счастью, и победитель, и проигравший закончили поединок пением арии из «Аршин мал алан», пожав друг другу руки.

Успокоенный таким финалом, Хабиб опустил раму окна. На почти опустевшем перроне перед отправлением поезда в глаза ему снова попался тот самый незнакомец. Стоял рядом с начальником поезда, он водил пальцем по списку пассажиров на бумаге. Третий протяжный гудок заставил его, почти на ходу, ступить на подножку последнего вагона, следом за начальником поезда, услужливо протянувшего ему руку помощи...

Озадаченный его появлением, Хабиб отошёл от окна, подумал: трёхтысячкилометровый путь до Баку ему придётся провести под незримым оком незнакомца: в любую минуту тот может пройти взад-вперёд по вагону или проследовать за Хабибом, желающим посидеть за бутылкой нарзана в вагон-ресторане... Загадочный призрак.

Хабиб взобрался на верхнюю полку, закрыл глаза, отгоняя тревожные мысли.

³¹ «Шеш беш» -- название длинных нард, а также высшая оценка игрока, выигравшего три раза подряд.

хотя они, мысли эти, навеянные незнакомцем, вдруг нарисовали в его сознании образ Чобана-заде. Хабиб вспомнил тот вечер в «Тандыре», когда Абу Сайид поведал «о тех смертных грехах», в которых уже не раз и не два обвиняли недруги Бекир-агъа, омрачая его и Ругие-ханум жизнь. Скандальная первая жена Дилияра Булгакова, родная сестра – Зулейха Чобан-заде, изгнанная с работы в Карасув-базарской школе за то, что не поддержала травлю брата в крымских газетах...

Таким зримый образ Чобана-заде присутствовал в его мыслях и думах, пока поезд проезжал сменяющие друг друга станции – Елец, Борисоглебск, далее – Сталинград, Астрахань, Махачкала, Сумгаит... И ни на одной из них не возникло желания выйти из вагона подышать свежим воздухом.

На Тифлисском вокзале Абу Сайида Ходжаева среди встречающих на перроне не было, хотя Хабиб смотрел в оба глаза, чтобы увидеть его из окна.

Бухарский гость сойдя с поезда, оглянулся – незнакомца среди толпы, шагающей по перрону, не было.

Тифлисский вокзал, куда поезд привёз его уже во второй раз, заметно выделялся среди прочих вокзалов Баку внешним видом, архитектурными изысками залов, украшенных колоннами в византийской стили, красочными лепнинами в национальном орнаменте, характерном для приморского города...

Но беспокойство гнало Хабиба прочь с вокзала, к набережной. Он быстро пересёк проспект Нефтяников, вышел на Губернаторскую, откуда дохнуло неприятным смрадом гниющих в нефтяных пятнах водорослей... Среди волнующих вопросов настойчиво возникал и этот: отчего Абу Сайид не пришел на вокзал, хотя знал о дне его приезда.

Там, где начинался спуск с набережной по ржавым железным ступенькам к воде, одиноко маячил рыбак. Широко размахнувшись, он закидывал удочку в мелководье, но уловом всякий раз были густые, кроваво-красные водоросли, опутавшие леску. Будто прибрежные воды ещё не очистили себя от крови утопленников...

– Да, – услышал Хабиб за спиной протяжный голос: – Вот и море взбунтовалось от прошедшей летней жары, какой не помнят старожилы. Водоросли источают густо-красный цвет, лишь семибальный шторм очистит море. Красный шторм...

Хабиб резко повернулся на голос, знакомый до боли. На берегу стоял, обозревая воды, тот самый «вечный пассажир», будто с минуты на минуту ожидавший бунта моря, с самых глубин, до мелководья, готового ударить по набережной красным очистительным штормом...

– Товарищ Сарымсаков! – крикнул рыбак как старому знакомому, спешно наматывая леску на удочку. – Как доехали? Ахун встретил вас на машине?

– Встретил, по-военному, минута в минуту, – Вон, ждёт на обочине тротуара, – откликнулся тот, кого называли Сарымсаковым. И, направив бинокль в сторону

Хабиба, пошёл, чуть прихрамывая, к машине.

Хабиб смотрел ему вслед, пока Сарымсаков не сел, протиснув грузное тело в узкую дверь машины, сразу, на большой скорости, скрывшейся за домами. У нашего бухарца, вдруг вскипела злоба, к «вечному пассажиру», оба раза проделавшему с ним путь в Баку длиною в добрую неделю. Эта была та самая грань, когда у мечтательного молодого человека, накопившиеся в мыслях и сердце страхи, превращались в противоположность, заставляя его становиться дерзким, даже агрессивным...

– Не скажете, кто этот товарищ Сарымсаков? И цель его приезда в славный город Баку? – шагнул Хабиб, преградив путь к отдаляющемуся от набережной неудачливому рыбаку.

Рыбак удивленно глянул на Хабиба, настороженно выставив вперед удочку.

– Вам лучше знать. Вы ведь земляки, оба из Бухары? – интригуяще произнёс он.

От такого неожиданного признания в груди Хабиба защемило, в обострившийся слух ударил тяжелый, как у больного, вздох моря.

– Вы и это знаете? Что я из Бухары?

В ответ лукавый бакинец с сожалением покачал головой, снимая кепку с длинным, плоским козырьком – последний шик моды здешних мужчин. И пустился в пространные рассуждения, стараясь скорее забыть о неудачной рыбалке.

– Недаром говорят, нынешняя молодёжь коротка на память. Не помнят ни имен большевиков, освободивших нас от богатеев, ни учебников на азербайджанском языке, по которым обучались в мектебах вместо всякой писанины реакционных мулл.

«Идейный товарищ – с ним надо ухо держать востро», – непроизвольно мелькнуло в мыслях Хабиба.

– И тех смутьянов, поднявших бунт бомбистов на скважине «Черный город», на месте которой сейчас находится образцово-показательная тюрьма. Неужели и меня, Рустема, не помните, – прищурился лукаво... – Два года назад, когда вы, молодой человек, оказались в Баку и, впервые в жизни увидев море, ошалело кричали от восторга, плавая на спине и брассом, перепугав всю рыбешку. Не прогнал я вас: парень, думаю, степняк, море у них только всплывает в песках на горизонте, как видение, иллюзия, обман зрения. Так и познакомились; в тот год улов был отменный, не такой, как сейчас. Погода славная, дул слабый бриз... Гладь морская... красота...

– Может быть, – неопределённо кивнул Хабиб, напрягая память. – Селям алейкум. Рад новой встрече. – И, шагая в сторону проспекта, подумал: – Два года назад – большевики, меньшевики, реакционные муллы – такая была словесная мода у газетчиков и профессоров на трибуне; вот и вдолбили эти словеса в сознание рыбаков, нефтяников, простого люда, которые доселе жили заботами

о хлебе насущном, не настроенные на классовую вражду.

II

Лишь к полудню, изнывая от усталости, Хабиб Гулям-заде добрался до Кооперативной. Желая отдышаться и предстать перед встречающими бодрым, с сияющей улыбкой, он поставил чемодан у знакомой, обитой красным дерматином двери, но непонятно, от чего, вдруг, ощутил беспокойство, едва протянул руку к кнопке звонка. Оно, это беспокойство, ненадолго приглушенное, подспудно жило в нем с тех пор, как произошла неожиданная встреча с земляком-бухарцем Сарымсаковым...

Дверь не сразу открыли, видимо, разглядывая гостя в глазок.

Ожидая увидеть на пороге приветливую Ругие-ханум, а может и самого хозяина дома – Бекир-агъа в уютном домашнем халате бухарского фасона без застёжек, с длинными до пят рукавами, в котором ему хорошо думалось в кабинете, Хабиб слегка растерялся, разглядев темном проёме двери лицо Асие. Непроизвольно улыбнулся, приветливо поклонившись.

– Это вы? – со смесью неподдельного удивления и смущения спросила Асие, широко распахнув дверь перед неожиданным гостем. Но тут же откликнулась на голос Ругие-ханум, доносившийся из спальни:

– Кто это? Абу Сайид?

– Нет, ханум. Хабиб Гулям-заде приехал. – И добавила: – Не волнуйтесь, Абу Сайид вот-вот вернется из аптеки.

Шепнула Хабибу:

– Приболела, – остановилась в полутемном коридоре: – доктор не нашёл ничего опасного, вроде бы нервное истощение – за прошлую неделю сыграла аж в восьми спектаклях, – словоохотливая девушка изъяснялась шепотом: – три с выездом в Апшерон, к нефтяникам и перед узниками Чёрного города. Сегодня Ругие-ханум ждали в клубе милиции на чествовании генерала Сумбатова по случаю его награждения орденом, но с ночи стала бредить, мучили запахи, всё время просила открыть окно. Недавно приезжал за ней генералов адъютант. Сказал: «ничего – заменим Рашидом Бейбутовым. На торжествах...».

Асие разом выдала столько новостей, скрывая радость от встречи с Хабибом, вспомнила последний с ним танец перед отъездом бухарца из Баку. Хабиб слушал её, продолжая стоять в коридоре, переминаясь от усталости с ноги на ногу, решив, что ощущение беспокойства, возникшее у дверей квартиры, появилось из-за терпкого запаха лекарств и аптечных микстур, просачивающихся наружу.

Несмотря на слабость и головокружение, Ругие-ханум всё это время, прихорашивалась у зеркала, от спешки роняя из непослушных рук то тюбик помады, то коробочку с пудрой...

– Дитя моё, проводи Хабиба в его комнату и помоги мне. Не могу же я пред-

стать перед желанным гостем в нынешнем виде – вдруг не узнает и примет меня за старуху Изергиль³². Бекир-агъа как-то обмолвился: «когда буду стариком со склерозом, надеюсь, моё дело продолжат Гулям-заде, Абу Сайид, и вы, красавица моя...».

Хабиб, польщенный сказанным эфенди в его адрес, заторопился в знакомую комнату, где всё было на прежних местах, не тронута, ни сдвинута, будто бухарец лишь вчера вышел отсюда, плотно закрыв за собой дверь.

Через короткое время у порога появилась Ругие-ханум, но не легко и воздушно, как прежде, а ступая медленными, тяжелыми шагами.

Хабиб поднялся ей навстречу:

– Селям алейкум, ханум, – растерянно приветствовал, увидев её одутловатое лицо, болезненную бледность, которую не мог скрыть густой макияж. – Вот приехал, как условились с Бекир-агъа, привёз на его суд дополненную и исправленную работу...

– Сколько прошло, как вы уехали? Боже, два года, – удивленно воскликнула Ругие-ханум, – столько всего случилось... Но Бекир-агъа будет рад вашим успехам. Он всегда верил в ваши способности. Уверена, вы прекрасно выступили перед учёным советом с вашей работой. – И вдруг нервно обхватила голову руками: – Бекир-агъа ушёл из института с гордо поднятой головой, – речь её сделалась несвязной, с длинными паузами: – словом, дождитесь – вернётся из Кисловодска, и всё сам расскажет... Я не очень сведуща в политике; убеждена с молодых лет – искусство выше презренной политики. Боже, пусть вернётся из санатория здоровым, таким, как прежде... Мы с мужем, как два сообщающихся сосуда – он захворал, и мне нынче нездоровится. Но все будет хорошо, верю...

Хабиб слушал её с растерянным видом, не до конца понимая и осмысливая цепочку событий в семье: уход Бекир-агъа из института, где проработал с десятков лет, и болезнь, которую вынужден лечить в Кисловодске, и Ругие-ханум, лишившуюся внутренней силы, свободы самовыражения на сцене – все это было неведомо ему, день и ночь, не отвлекаясь, работавшему над диссертацией в далёкой Бухаре.

Голос, немного картавый, прозвучавший из коридора, вернул Гулям-заде в реальность.

– Ханум, извините, что так долго, – оправдывался Абу Сайид перед хозяйкой дома. – Обегал аж четыре аптеки, принёс всё, что прописал доктор.

– Спасибо. Асие, детка, отнеси лекарства ко мне в спальню. И, если нетрудно, приготовь теплую воду для горчичников...

Шагнув к Хабибу, вышедшему к нему навстречу, Абу Сайид повёл носом, шутливо говоря:

³² Персонаж из одноимённой сказки М. Горького.

– Узнаю земляка по запаху – только бухарцы источают запах кукнара³³, овечьих шкур из караван-сарая и застоявшейся зеленоватой воды Ляби-хауза³⁴.

– Благо, не кроваво-красный цвет, как в Каспии, – в тон ему ответил Хабиб, раскрывая руки для объятий.

Сама атмосфера, воцарившаяся в доме после отъезда Чобана-заде в санаторий, располагала к разговорам шёпотом, к тишине – казалось, даже из стен и дверей, открывающихся почти бесшумно, исчезли звуки музыки, громких споров.

– Как там Бекир-агъа? Лечение идёт на пользу? – тревожно спросил шёпотом Хабиб.

– Звонил Ругие-ханум – вроде тамошняя лечебная вода, ванны, прогулки по парку помогают. Не знаю, я бы съездил в Кисловодск провести эфенди, но Ругие-ханум захворала, а тут ещё вакханалия началась с крымскими студентами: под разными предлогами их выставляют за двери института, консерватории, мол, если приехали в Баку ради учебы у Бекир-агъа – скатертью вам дорога за ним в Крым. В Баку осталась пока одна Асие. Породнилась с Ругие-ханум, помогает ей во всем по дому. Думаю, и на меня, доцента, точат зубы красные профессора, заполонившие все факультеты и кафедры, политкурьеры-цензоры, как я их называю, – сжав в отчаянии губы, промолвил с сожалением Абу Сайид. – Знаешь, получается, мы жили, учились в другой реальности, не замечая, как новая, суровая, подступает к нашему порогу. В Крыму аресты, да и здесь, говорят, возводят новые камеры для заключённых в Чёрном городе. Следующий после Бекир-оджа на вылет из института – я; продержишься, да ещё получишь повышение на кафедре, если с ног до головы оплюёшь на сборище красной профессуры кого-то неудобного из старой преподавательской когорты, Бекир-оджа или других, ещё оставшихся честных преподавателей. Гиены против львов...

Слушая монолог приятеля, Хабиб неожиданно вспомнил встречу с другим земляком – Сарымсаковым. И вдруг заявил уверенным тоном:

– Я поеду в Кисловодск, завтра съезжу на вокзал за билетом. У меня остались ещё деньги с дороги – экономил в поездах. – И для убедительности похлопал себя по карманам.

– Здорово, поезжай, – тут же подхватил и развил его мысль Абу Сайид, – эфенди будет рад. Если не хватит на билет из сэкономленного в поезде, брошу клич завсегдааа «Тандыра» – кто сколько может; сыграю в нарды: три победы подряд в «Шеш беш» со сторублевой купюрой на кону. Набил в нарды руки – возбуждённый Абу Сайид ходил взад-вперед, будто сам собирался на встречу с Чобаном-заде.

³³ Наркотическое средство.

³⁴ Искусственный водоём в центре Старой Бухары.

– В нарды? В пловной? – рассеянно проговорил Хабиб, думая о своём.

– Не плов, а долма; пловную избегаю за три версты – не ты ли клялся: самый лучший на Востоке плов готовят в Бухаре, здешний в рот не бери – мол, Джафар по кличке Кёр оглы, ездил в Бухару поучиться – ничего не вышло – руки не оттуда растут, да и Джафар весь пропах до самых глубоких пор тела нефтью... Оттого девзира³⁵ не желала, чтобы бакинец колдовал над казаном...

– Все у тебя смешалось в голове: Аршин мал алан, долма, девзира... Признайся, что дразнишь меня, настраивая на долгий путь в Кисловодск...

Не договорив, Хабиб махнул рукой: померещилось, что он уже трясётся в автобусе, огибающем берег тревожащего красно-кровавого моря, уводя его всё дальше от Баку в загадочный Кисловодск, что на склоне Эльбруса...

III

Ничем не примечательная серая коробка автовокзала с залом ожидания, из открытых настежь дверей которой втягивался солёный, влажный воздух моря, что в двух кварталах от Кооперативной.

Изнывая от духоты, словно мумии, неподвижно сидели в зале ожидания женщины с беспокойными, плачущими детьми.

Выдержав испытывающий взгляд милиционера, Хабиб встал в хвосте очереди к кассе, время от времени нащупывая в боковом кармане куртки пачку рублей: к сэкономленным в поезде добавилась и благотворительная помощь из мангалных, пловных, из «Тандыра», всех их с протянутой рукой обошёл Абу Сайид, объясняя, на что пойдут собранные деньги – на дорогу в Кисловодск, к Бекиру-эфенди...

– О, эфенди, эфенди, – само слово для простых лавочников и поваров, казалось почти святым, едва ли не наряду с именами местных святых и пророков...

Ещё в очереди Хабиб обратил внимание на рекламный маршрут над окошком кассы, с жирной кривой до Кисловодска. По берегу Каспия, задыхающегося от плотных слоев красных водорослей. Далее: Самур, Куба, Кизляр, Дербент, Махачкала, Грозный, Пятигорск, Минводы, Ессентуки, откуда рукой подать до Кисловодска. Сами эти названия, ранее незнакомые бухарцу, манили своей таинственностью, как неведомые уголки земли, во многих местах которых уже побывал, не единожды, Чобан-заде, записывая говоры, песни, сказания-дестаны племён тюрок...

По этим загадочным местам, по следам учителя, предстояло проехать и ученику.

Лишь одно место из загадочного маршрута было знакомо ему по названию – Ессентуки, куда отец ездил, получив путёвку в виде поощрения в Наркомпросе³⁶

³⁵ Девзира – особый «аристократический» сорт риса.

за перевод краткого разговорника большевистских словесных новообразований на понятный простому люду узбекский язык – таких, как интернационал, рабоче-крестьянская инспекция, «Пролетарии всех стран – соединяйтесь!», «Кто был ничем, тот станет всем!».

Ожидая отъезда отца на отдых, мать – Марьям-бону – едва закрыла за ним ворота, как облегченно вздохнув, села на настил под виноградником, и тоном молящейся небесам произнесла:

– Слава Аллаху, в доме хотя бы на пару-тройку недель воцарится тишина и покой – без командирских криков и понуканий.

Мать выпрямила плечи, будто сбросила с плеч тяжкий груз, ходила легкой походкой в гости к подругам и даже пару раз с Хабибом в летний кинотеатр, где белое полотно экрана, натянуто меж стволов чинар в городском парке культуры, в южной окраине полуразвалившейся крепостной стены с воротами «Ше-ригон»³⁷.

Но тишина и покой длились в доме не все четыре недели, отведенные отцу на отдых, а ровно три дня и ночи. Тяжелым поступом перешагнув через порог дома, на виду у изумленной матери, отец швырнул полупустой чемодан в угол комнаты и заявил:

– В Эссентуках нет жизни: тихо, чинно – не чувствуется духа классовой борьбы, к которой привык. Белые халаты, подъём, отбой ко сну – не для меня это. Смертельная скучища.

«Интересно посмотреть на это, как выразился отец «гибкое место», – подумал Хабиб, не заметив, как оказался лицом к лицу с кассиршей у билетного окошка.

Краткий диалог:

– Вам куда, молодой человек?

– В Кисловодск. Сегодня.

– Билеты только на первое сентября.

– На когда?!

– Не умеете считать? Через семь дней.

Хабиб замешкался, не отходя от кассы, пока мужчина, тяжело дышащий ему в затылок, не вытолкнул его плечом из очереди.

Хабиб сел на освободившееся место в зале, шепотом задавая себе вопрос: «Что теперь делать? Ещё целую неделю Ругие-ханум в трепетном ожидании будет бросаться к телефону на звонки случайных людей, ходить из угла в угол, беспокоясь о Бекир-агъа».

Сидевший рядом пожилой мужчина в старомодном пенсне, оторвал взгляд от книги, вздохнул:

– Что делать?! Ждать, молодой человек. Мне жалко потерянных здесь

³⁶ Народный комиссариат просвещения.

³⁷ «Ворота ловцов львов» (тадж).

дней, у вас же вся жизнь впереди. Ещё много чего придется ждать в жизни – талона на покупку кровати или очереди в молочную кухню, чтобы накормить плачущего ребенка, приёма к дантисту или развода с опостылевшей женой с красной повязкой на голове, подчеркивающей её принадлежность к пролетариям...

Хабиб, не оценивший парадоксальности суждений интеллигента, настаивал на своём:

– Мне надо сегодня или на крайний случай завтра. Ждут, – и среди роя тревожащих мыслей, вдруг отчетливо выделилось это: постылая жена в красной косынке пролетарской активистки... Непонятно, как этот образ активистки в красной косынке вдруг напомнил ему длинную проселочную дорогу из детства, по которой он прошагал в одиночестве, сдерживая слёзы от обиды на соседку. Отец в то время был назначен заведовать школами Гиждувана – городка в сорока с лишним километров от Бухары, он неделями не приезжал домой. Мать по каким-то делам решила поехать к нему в Гиждуван, и оставила Хабиба на попечение пожилой соседки Гульсум. От скуки гоняя футбол по двору, Хабиб случайно попал мячом в окно, откуда подглядывала за ним Гульсум. Ошеломляющий звон разбитого стекла и искаженный от страха лицо Гульсум с полосками крови так напугали мальчика, что он стремглав бросился к воротам в надежде найти защиту у матери. Решившись пешком прошагать к ней до Гиждувана – благо дорога была знакома – когда-то проехал по ней на автобусе с отцом к месту его новой работы. Так прошагал он, босоногий, не откликаясь на вопросы встречных, куда мальчик держал путь. Не заблудился ли?

Прошагав все добрые сорок километров к окраинам Гиждувана, вдруг услышал из пробежавшей мимо машины испуганный голос матери:

– Хабиб, мальчик мой! Сбежал из дома? Что случилось?

Машина резко затормозила. Водитель опустил борт и, подняв мальчика, передал его в руки до смерти испуганной матери, которая всю обратную дорогу в Бухару крепко держала сына, обняв – боясь, как бы строптивец ещё чего-нибудь уму непостижимое не сотворил ...

Хабиб, вспомнив своё первое в жизни путешествие пешком, повернулся к пассажиру в старомодном пенсне:

– Сколько километров до Кисловодска, не скажете?

– Скажу, – охотно откликнулся старик, – поправив на носу пенсне. – Если бы вам повезло сегодня на автобусе – восемьсот шестьдесят шесть километров, что соответствует пятистам тридцати английским милям. Если пешком бодро, помолodeцки, никуда не сворачивая по прямой – семьсот километров.

– Вам приходилось ходить пешком до Кисловодска? – удивился Хабиб, разглядывая его морщинистое лицо.

Словоохотливый собеседник раскрыл книгу, будто желая прочитать в ней что-то для убедительной беседы, но быстро захлопнул.

– Я императорский служащий, волей обстоятельств перешедший служить большевикам. Исходил в поисках нефти вдоль и поперёк весь Кавказ и земли, прилегающие к Каспию. В Чёрном городе бурили первую скважину. Глаза уже забыли пейзаж местности, а ноги помнят, зудят по ночам. Да, пятьсот тридцать миль, ни на дюйм меньше.

Хабиб в нетерпении встал:

– Пойду пешком – очень нужно успеть. Мне уже доводилось в семилетнем возрасте, правда, не семьсот, а всего сорок километров, – но тут же снова сел, подсчитывая: – Не пять километров в час обычным шагом, а все семь – быстрым, час на отдых ночью.

– Минутку! – бывшему царскому спецу понравилась решительность молодого человека, и, желая ему помочь, он с математической точностью подсчитал в уме время дальнего похода: – в сутки вы прошагаете сто шестьдесят километров быстрым шагом. С часовым отдыхом на сон дошагаете до Кисловодска за четверо с половиной суток. Дерзайте, молодой человек, ради заблывшего эфенди! Учитель для ученика – авторитетнее родного отца – так у нас на Востоке говорят, тем более у вас есть опыт пешего хода. А полученный опыт в детстве, как интуиция волка – ведет безошибочно. – После короткой паузы добавил: – При входе в Дербент сбоку арки – маленькое уютное кафе, где сможете вкусно поесть и немного вздремнуть, уложившись в час отдыха в сутки, который себе выделили. Мой хороший знакомый Сафар Мемед оглу днюет и ночует там же в шашлычной. Кликните его, Мемед оглу протрет сонные глаза и живо подаст вам на стол. А на окраине Грозного – Ахмад – хромой ночью подогреет для вас вайнахскую вкуснятину жижиг-галнаш, если передадите от меня привет. Не насытитесь – прямо из печи подаст чепалгаш³⁸ Скажите моё имя – Фатали Гянджинский, обслужит по-царски и ещё и скидку сделает путнику.

«Пожалуй, старик прав», – подумал Хабиб. – «Увижу новые места, отведаю вайнахскую пищу, запишу пару рецептов вдобавок к бухарским блюдам – мать-мастерица состряпает вкусно». Повернулся к Фатали Гянджинскому, снова углубившемуся в книгу: – Спасибо за мудрый совет Фатали-агъа... Сбегаю домой – переоденусь в дорожное и в путь...

– Легкой, безопасной дороги, – пожелал Фатали Гянджинский, помахав рукой. – Кто идёт долгой дорогой к больному, несёт в душе исцеление. – И добавил: – Только не углубляйтесь в густые горные заросли... Можно натолкнуться на белых офицеров, которые всё ещё в неведении, что братоубийство закончилось

³⁸ Вайнахские национальные блюда.

победой красных...

IV

Решение идти пешком в Кисловодск для встречи с Чобаном-заде так взволновало нашего бухарца, что, торопливо шагая к Кооперативной улице, он уже воображал себя одиноким странником, преодолевающим путь, усыпанный терниями на горных тропах, где в зарослях скрываются белогвардейские офицеры-аварцы, ведущие родословную от имама Шамиля.

Придержал шаг у входа в дом, чтобы отдышаться. Подумал: как удивятся его решению Асие, Абу Сайид, а Ругие-ханум ещё раз оценит преданность ученика Бекир-агъа. Но каково же было удивление и растерянность Хабиба, когда, едва открыв дверь квартиры, услышал громкие голоса незнакомцев со строгими приказными интонациями. Из гвалта голосов вдруг выделился женский плач... Хабиб резко открыл дверь, и у порога столкнулся лицом к лицу с незнакомцем, пару часов назад обзировавшим море в бинокль в ожидании красного шторма, очищающего море от глубин до поверхности...

«Товарищ Сарымсаков» – словно жаром обожгло лицо.

– А вот и мой земляк – Хабиб Гулям-заде, если не ошибаюсь, – проговорил Сарымсаков, оглядывая Хабиба с ног до головы, как будто тот под одеждой что-то прятал. – В Кисловодск решили ехать, на худой конец – пешком. Не торопитесь: если мы решим, что безопаснее – ехать или шагать пешком, в тот же день купим вам билет за казённый счёт.

Услышав его повелевающий голос, из спальни выбежала, скрестив от волнения руки, Ругие-ханум с мокрой повязкой на голове и закричала почти истеричным голосом:

– Боже мой, Хабиб! У нас обыск... Зачем? За что? В чём подозревают Бекира Чобана-заде – не говорят! Провокация! Что подумают, узнав о беззаконии в Париже, Берлине, Будапеште, в Москве в Ташкенте, и здесь, в Баку, его коллеги и ученики?!

На крик из спальни чинно вышел плотного телосложения мужчина, лысый, с растопыренными ушами. Во рту – дымящая папироса:

– Успокойтесь, наша любимая артистка, заболее; боюсь, надолго сляжете... Вы – народное достояние, редкостный талант, не бережете себя, – решил он лукаво польстить.

– Генерал Сумбатов?! К чему этот спектакль?! Переполошили весь дом, поцарапали крышку фортепьяно семнадцатого века мастера Джованни Понти, передвигая его по комнате. Клавиши утопили, будто ваша команда выплясывала на них «Казачок»... Бесценные рукописи, над которыми муж работал годами, побросали под свои грязные сапоги...

– «Казачок»! – захохотал Сумбатов, обнажая желтые прокуренные зубы, а шея

его взбывилась, когда он в спешке расстегивал верхние пуговицы мундира. – Почему не «Джанги»³⁹ ?!

Не слушая его, Ругие-ханум продолжала с упорством:

– Даже порылись в чемодане нашего гостя, – повернулась к Хабибу, гневно сверкнув глазами. – Что искали, пару носков? Смену белья? Стыдно! Бедный аспирант... Перепотрошили, разбросали листы работы, на которую он потратил три года жизни... Его учителя – Бекира Вааповича, в двадцать семь ставшего профессором, приглашали в президиум рядом с мировыми светилами на всех собраниях тюркологов. Все его книги, рукописи, записки, которые, уверена, со временем станут гордостью музеев, испоганили грязными солдафонскими сапогами, – не унималась Ругие-ханум, и в голосе её рыдающие нотки сменялись на презрительные.

– Всё! Всё! – поднял руки Сумбатов. – Милая, успокойтесь – это в целях профилактики, предупреждения. Люди, талантливые как ваш муж, нередко бывают по-детски доверчивы. Оберегаем, чтобы не попал в неприятную историю – везде расставлены сети, враг революции не дремлет. – И прокричал: – Команда – за мной!

Ругие-ханум, выпроваживая непрошенных гостей, продолжала:

– Нет! Не приглашайте меня... Отказываюсь петь перед вашими милиционерами. И вообще...

Уже в дверях Сумбатов попытался сделать ещё один успокоительный жест:

– Приглашу к вам мастера Керима Бедайбейли, чтобы настроил фортепьяно. Всего доброго. Нижайший поклон Бекиру Вааповичу.

– Боже упаси! – последнее, что успела сказать Ругие-ханум: – Ваш Бедайбейли кроме саза⁴⁰ ничего не держал в руках – куда уж ему до фортепьяно Джованни Понти...

V

Едва по окну пробежал предутренний свет, Хабиб, очнувшийся после тяжёлого беспокойного сна, стал спешно одеваться с надеждой, что сегодня ему повезёт – вдруг кто-то откажется от поездки и вернёт в кассу билет в Кисловодск.

После вчерашнего столпотворения в доме ему особенно не терпелось встретиться с Чобаном-заде, обнять, расспросить о здоровье...

Услышав звуки в комнате Хабиба, Ругие-ханум, покачиваясь от слабости, вышла в коридор с встревоженным видом: всю ночь не сомкнувшая глаз от нервного перевозбуждения, ей казалось, что Сумбатов с командой может вернуться среди ночи, под утро, в любое время, чтобы продолжить обыск.

³⁹ Джанги – азербайджанский боевой танец воинов.

⁴⁰ Саз – струнный инструмент.

Совсем не интересующаяся политикой, с головой ушедшая в любимое дело, Ругие-ханум вдруг вспомнила одно из последних собраний в театре, где в форме приказа директором было объявлено о пересмотре репертуара. Под запрет цензуры попали Юсуф Везир, Али Назим, Мюшфык, Мухтанлы, Талыблы ⁴¹, независимо от того, есть ли в спектаклях стихи запрещённого автора или короткая реприза. Приказано – всё через сито...

Зная её впечатлительную натуру, Чобан-заде подчёркнуто избегал разговоров о политике с женой – в семье соблюдалось негласное табу на темы, сопряжённые с беспокойством, запутанные, меняющиеся под натиском времени, прихоти красной профессуры, вовлечённой в бесконечную борьбу с теми, кого называли «враги народа».

И, будто невзначай, перед отъездом в Кисловодск Чобана-заде обмолвился: вместе с ним и десятком других преподавателей вынудили уйти из института и ректора – Симурга Тагишахбазы ⁴².

Хабиб вышел из комнаты, столкнувшись лицом к лицу с растерянной Ругие-ханум.

– Хабиб, вы? – облегченно вздохнула она. – Я-то подумала: вчерашние непрошенные гости снова скребутся в дверь. Хотя с чего это я напугана?! Сказали – ничего крамольного не нашли. И Сумбатов был вежлив, обещал помочь с наладкой фортепьяно, – обрывисто и нескладно выражаясь, добавила: – хотя, кто их знает – в устах шербет, а в кармане заряженный пистолет... Только ни слова о вчерашнем Бекиру Вааповичу. Передайте: любим, ждём, и пусть не задерживается в Кисловодске. Вы всегда такой выдержанный, спокойный, и вчера вели себя молодцом... Не спала ночью, мысли сверлили мозг... Имена писателей, которых вычеркнули из репертуара театра, и, вдруг, среди всего этого подумала... Знаете, женская интуиция не обманывает – вы и Асие так подходите друг другу, будто родились под одной счастливой звездой...

Асие, услышав своё имя, выглянула из кабинета Бекир-агъа, где вытирала книги от пыли, повязав голову платком.

Хабиб дружески кивнул ей и взял протянутый Ругие-ханум конверт.

– Написала Бекиру два слова: жду, люблю. И ни слова о вчерашней вакханалии... Безопасной вам дороги, возвращайтесь с хорошей вестью.

Пока Хабиб аккуратно складывал письмо, желая глубже спрятать его в кармане куртки, вышла Асие:

– Ханум, всё снова чисто и уютно в кабинете Бекир-агъа...

– Нет, – с печалью в голосе откликнулась хозяйка дома, – никогда уже здесь не будет уюта и спокойствия в нашем гнездышке... Я знаю это, я

⁴¹ Известные азербайджанские писатели, в описываемое время находившиеся под арестом в Черном городе.

⁴² Тагишахбазы – выдающийся ученый-математик, казнённый в Черном городе

чувствую...

В надежде на сегодняшнюю удачу Хабиб устремился к выходу, но перед тем, как открыть дверь на улицу, вдруг подумал: а не следят ли за каждым его шагом – ведь откуда было знать Сарымсакову о его вчерашней поездке на автобусную станцию?

И вправду, на углу улицы, встретившей его терпким букетом ледяного утра, под козырьком трамвайной остановки, прижавшись к тротуару, стояла крытая брезентовая машина. Сразу бросилось в глаза: на месте водителя сидел Рустем, сменивший рыболовные снасти на баранку. На заднем сидении – тот самый сержант Ахундов, перерывший верх дном его чемодан во время обыска в доме Чобана-заде.

Сделав вид, что не заметил машину, Хабиб твердым шагом направился в обратную от автостанции сторону, желая запутать след, но услышал окрик:

– Молодой человек, не стоит идти пешком, путь долог – машина к вашим услугам.

Первая мысль бежать, свернуть в соседний глухой переулок, по которому не сможет догнать его машина, затеряться в бесчисленных лабиринтах Ичери-шехер... Но неожиданно для самого себя, он остановился у антикварной лавки, прислушавшись к внутреннему здоровому голосу: стой! Будь мужчиной!

Сержант Ахундов, потягивая ремень с кобурой, нагнав Хабиба, крепко сжал его локоть.

– Куда вы? Ведь автовокзал в противоположной стороне. Отвезём вас, поможем купить билет в Кисловодск, – с легкой иронией произнёс преследователь.

– Но лишь после того, как ответите на пару безобидных вопросов.

– Вы кто?! На каком основании задерживаете?! – Хабиб резко одёрнул руку и шагнул назад: – Не сяду в машину... Люблю пешком...

Ахундов схватил его за плечо:

– Вы ведь разумный молодой человек, не желаете, чтобы я вызвал наряд милиции. Ступайте со мной, без шалостей.

У дверей машины Ахундов деловито обыскал, вывернув все карманы куртки Хабиба, нащупал письмо Ругие-ханум, извлёк его, втолкнув бухарца на заднее сидение. Сам же шумно влез в кабину к водителю.

Едва машина резко тронулась с места, Хабиб в полумраке разглядел лицо Сарымсакова, сидевшего рядом. Дерзко крикнул ему в лицо:

– Вы кто такие? В чём моя вина?!

– Пока ни в чём, – последовал глухой ответ. – Вы интересуете нас как свидетель, наш молодой друг-джалид⁴³. Очень хотелось бы, чтобы и дальше оставались в этом статусе до благополучного отъезда на родину в благословенную Бухару. как её величают поэты древности. – Сарымсаков положил руку на колено

того, кого в усмешку назвал «джадидом». – Обвиняемые не ездят с таким комфортом, их запирают в «воронок» с решётчатым окном. Успокойтесь. Спокойствие – сила. Вы ведь увлекаетесь суфизмом. Отдайтесь, подобно суфию, воле случая и терпению, и полагайтесь на меня, земляка. Буду вашим наставником и другом, – вкрадчиво втолковывал капитан.

– Мой наставник – эфенди Бекир Чобан-заде, – услышал собеседник дерзкий ответ. – И не откажусь от него никогда, даже под угрозой ареста...

– Хм, – усмехнулся Сарымсаков. – Времена меняются, наставники тоже. Где сейчас те, кто выступал наставниками, даже властью над бухарцами – джадидская банда – Файзулла Ходжаев, Фитрат, Абдукадыр Мухаддинов, Муса Сайфитдинов и прочий люд?! Поинтересуйтесь у вашего отца, что они творили в Бухаре, внедряя пантюркистские законы жизни и образования! Нет, не пошли по-нашему, правильному пути. И поплатились.

Ахундов, порывшись в кармане, резко повернулся к Сарымсакову:

– Прошу прощения, товарищ капитан. При обыске у гражданина Гуляма-заде обнаружил письмо, – и протянул конверт.

Сарымсаков прочитал вслух:

– Люблю, жду. Певица – кратко, как по нотам, ничего лишнего.

– Ох, эти дамочки-певички, – подал голос Рустем. – Могут послать весточку мужу – мол, люблю, лежа в это время с любовником в постели. Ха! ха!

Услышанная реплика, как пощечина, ударила в лицо Хабиба. Он резко привстал:

– Считаю верхом низости вскрывать чужие письма! Не смейте, подлец, Ругиеханум – святая женщина!

Сарымсаков удивленно глянул на Хабиба, пожал плечами, мол, ничего не делаешь – служба.

Возмущённый Хабиб хотел ещё что-то добавить к своей реплике, но махнул рукой, мол, хамье в мундирах, всё равно не поймут. Нет ничего святого...

Так, в мрачном молчании проехали мимо Приморского бульвара, миновали Графский проспект, свернули к Шамаханским воротам, где машина резко затормозила у ничем не примечательного трехэтажного здания гостиницы «Нефтяник».

VI

Администратор гостиницы, сидевшая за стойкой, поспешно встала, едва Сарымсаков с компанией вступили через порог. Давно знакомая с ним, с подобострастием протянула ключи, напряжённым взглядом провожая всех по лестнице

⁴³ В описываемое время названные джадиды были казнены или находились под следствием в ожидании сурового приговора (прим. автора).

наверх.

Особенно не привлекая внимание постояльцев гостиницы, поднялись на второй этаж к угловому номеру: дверь её была обтянута плотным слоем дерматина, дабы ни один звук не выходил наружу.

Две комнаты с мягкими диванами, коврами, цветочными вазами, пейзажные картины на стенах: всё это Хабиб охватил одним взглядом, остановившись на окне. Первая мысль Хабиба, услышавшего, как дверь закрыли изнутри ключом, была: не удастся ли сбежать, выбив окно?

В окне проглядывался силуэт Девичьей башни Ичери-Шехер. Как спасительный маяк в случае побега...

Сарымсаков перебил его мысли:

– Чаю, земляк, папиросу? – открывая крышку коробки с надписью «Казбек».

– Не курю.

– Хвала родителям – хорошее воспитание. – И, глубоко вдохнув дым папиросы, добавил: – тогда без лишних слов приступим. Лейтенант Шорохов – жестом указал художавому, как жердь, мужчине с горящими глазами фанатика, ищущего жертву, – ваше место за столом.

Тот спешно достал из портфеля кожаную папку, открыл её. На первой странице Хабиб заметил надпись: «Дело «Красный шторм»». Приготовился было записывать, но Сарымсаков жестом погасил его рвение:

– Повременим, лейтенант, без стенограммы допроса – доверительная беседа двух земляков, – и повернулся к Хабибу, сидящему на диване, поджав ноги.

– Если не возражаете, начнём не с вас, а с того, кого почтительно называли эфенди. Ни для кого не было секретом: в годы работы в Ташкенте, в выходные дни Чобана-заде вывозил студентов на природу – для игр, чтения стихов, отдыха на траве. В живописное место Дурмен. Веселились, дурачились, приплясывали чардаш, узбекское «Ёр-ёр», постепенно проникаясь доверием друг к другу. В итоге организовалась некая ячейка, где читались националистические стихи Чулпана, Бехбуди, а вы, вдохновенно, отрывки из прозы Абдуллы Кадыри. Восторженный отзыв о его романе был обнаружен среди ваших вещей при обыске в доме Чобан-заде. В те годы, день за днём любители уединиться на природе – подальше от назойливых глаз и чутких ушей, повторяю, сплотились в некую молодёжную организацию, клялись на уставе, сочинённым Чобаном-заде, как на Коране.

Хабиб, поначалу настроившись внимательно слушать, чтобы не промахнуться с убедительным ответом на каверзные вопросы, не мог скрыть возмущения. Сарымсаков заметил это по его дрожащим рукам, машинально приглаживающим взъерошенные волосы.

Желая привлечь его внимание, Сарымсаков повторил:

– Всё это правда? Молодежная националистическая ячейка?

Хабиб как бы очнулся, ощущая, что пребывал в нереальности – его молодая трепетная душа, не приемлющая ложь, раздутую до таких масштабов, отозвалась болью в сердце из-за сетей, которые стелют к ногам Чобана-заде, чтобы тот, поскользнувшись, упал и запутался в них.

– Правда лишь в том, что ещё обучались танцам, которые эфенди очень любил: «Тым-тым», «Чобан оюны» – танцы своего детства. Остальное – ложь. Мне нечего добавить!

– Слушай, правдолюб! – вдруг вмешался в разговор, доселе сидевший со скупым видом Шорохов. – Правда одна – это наша, другой не бывает! Она – наша монополия, как бы ты не крутился.

Сарымсаков сделал успокоительный жест рукой. И продолжил:

– Здесь нет места для дискуссий. Простой вопрос: как вы, Гулям-заде, обратились к творчеству Абдуллы Кадыри? Ваш эфенди настоял, чтобы вы занялись его творчеством?

– Станный вопрос. – Хабиб сел на другой край дивана, желая собраться с мыслями. Закашлял, надышавшись дымом от папиросы, которую Сарымсаков не вынимал изо рта. – Абдуллу Кадыри полюбил ещё в школе, задолго до знакомства с Чобаном-заде...

– Раньше бабушкиных сказок? – Усмехнувшись, Сарымсаков вынул карманные часы:

– Время обедать. Ахундов, сбегай в кафе. Угостим заодно и нашего гостя долмой.

Ахундов, стоявший всё это время на страже у дверей, повернул ключ и выглянул в коридор.

«В этой глухой комнате, из которой не слышен ни один звук, крик, рыдания допрашиваемых, они и едят, и ломают кости до крови тем, кто не соглашается с «их монополией» на правду, – мелькнуло как прозрение в голове юноши. Он встал:

– Спасибо. Обьелся долмой... Могу быть свободен? Зря тратите время, если думаете, что я хоть в чём-то буду клеветать на Чобана-заде.

Лейтенант Шорохов угрожающе постучал кулаком по столу.

– Сядь!

Сарымсаков снова сделал нетерпеливому сослуживцу замечание:

– Не надо угроз. Бухарцев называют парижанами Востока. Тонкая, впечатлительная душа. – Повернулся к Хабибу. – Жаль, не отобедаете с нами – это уже не по-восточному. Последний вопрос перед тем, как выпустим вас отсюда: где сейчас обитает ваш приятель доцент Абу Сайид Ходжаев, уволенный из института следом за Чобаном-заде?

– Не знаю. – Хабиб пожал плечами и опустил голову.

И услышал ещё одну реплику Сарымсакова:

– Странный молодой человек. Бедолага, ещё вчера побежал в аптеку за лекарством для Ругие Гиреевны, и, как в воду Каспия, канул бесследно.

Сарымсаков встал, поправил мундир, постоял в раздумье, не сводя прищуренных глаз с Хабиба: – Всё, сегодня свободны. Только никуда не отлучайтесь из дома, где остановились, могут появиться к вам новые вопросы, а может больше не потревожим. Кто знает?! – И, прощаясь, протянул руку Хабибу. Тот помедлил, сделал шаг к выходу, остановился и сжал потную руку.

И уже у дверей выслушал напутствие Сарымсакова:

– И знайте. Отныне и вы, в числе других – знакомых вам и незнакомых. Ещё одна, небольшая волна, которая сливается в очистительный «Красный шторм».

И, пока Ахундов вставлял ключ в дверь, Хабиб усмехнулся про себя: «Зачем монополию на правду затуманивать аллегориями и загадками? Такая тактика?».

VII

Хабиб бежал вниз по лестнице, которая от ощущения им свободы казалась ему чересчур длинной. Выйдя из гостиницы под пристальным взглядом администраторши, почему-то машинально свернул через Шамаханские ворота⁴⁴ вглубь Ичери-шехер. Хотел запутать в его узких лабиринтах следы, боясь очередного преследования.

От пережитого волнения подташнивало. Упав на первую попавшуюся скамейку, чтобы отдышаться, попытался осмыслить произошедшее в глухом номере «Нефтяника» и освежить в памяти вопросы, заданные ему Сарымсаковым. Но о чём бы он ни думал, мысли его возвращались к Чобану-заде и нависшей над эфенди угрозе. Возможно, догадываясь о ней, Бекир-агъа решил на время уехать подальше из Баку – в Кисловодск?!

Разношерстная и разновозрастная толпа туристов по знаку экскурсовода – пожилой женщины в соломенной шляпке и в красном платье до пят – остановилась за его спиной.

Измученным, полуистеричным голосом она кричала в рупор: «Участникам и ветеранам революции, передовикам-нефтяникам, детям дошкольного возраста, скидка на билет пятидесятипроцентная...». И, размахивая красным флажком, повела за собой толпу зевак вдоль Шамаханских ворот ко Дворцу Бакинских ханов, откуда стрелка указывала на «Бани Ширваншахов».

За красивым, отдающим благородной древностью Дворцом ханов виднелось резко контрастирующее с ним мрачное, с пятнами копоти, каменное здание. Пройдясь равнодушным взглядом по цветным, богатым красками изразцам Дворца, один из туристов остановил любопытствующий взгляд на каменной постройке, спрашивая у экскурсовода:

⁴⁴ Шамаханские ворота Ичери-шехер азербайджанцы именуют «Гоша-гапа-гали».

– Что в закопчённом здании? Коптильня рыбного цеха?

Экскурсовод даже не глянула туда, куда указал, подняв трость, прихрамывающий турист:

– Следственная тюрьма, – кратко ответила та, будто речь шла о секретном объекте. – В простонародье Чёрный город.

– Ну, какой же это город?! – хмыкнул тот, что с тростью, – обычная коптильня, – упорно твердил он. – Может, при коптильной лавке есть, где воблой торгуют с пивом, как в нашем Тамбове?

Экскурсовод, чувствовалось, начинала уставать от бестолковой толпы, местами картавя, разъясняя, выполняла служебный долг: – На месте Чёрного города ещё в начале века была скважина. Капиталисты нещадно эксплуатировали её, пока нефть не истощилась... Рабочий люд, оставшись без хлеба, поднял бунт. С ними жестоко расправились, расстреляв всех бунтарей. Вот вкратце история Чёрного города, – и, размахивая красным флажком, поторапливала зевак, приглашая в лабиринты Ичери-шехера. – Самое интересное дальше – караван-сарай пятнадцатого века для купцов из Бухары.

При упоминании родного города, сердце Хабиба защемило.

«Надо предупредить Абу Сайида, – оглянулся он по сторонам. – Может, не ведая об опасности, шикует в шашлычной, здесь же, в Ичери-шехере?». Но тут же отогнал эту мысль: «Откуда у безработного доцента деньги, чтобы расслабляться в самых дорогих забегаловках Старого города?».

Думая о том, где может быть Абу Сайид, заторопился к выходу из Шемахинских ворот. Не оглядываясь, прошел мимо гостиницы «Нефтяник». Свернув в соседний переулок, отдышался, поглядывая на то самое окно на втором этаже, где в запертом угловом номере ещё полчаса назад мучился мыслью: выпустят ли его оттуда живым... В окне мелькнул силуэт человека, потом второго, будто они по очереди вдыхали свежий воздух из открытой форточки...

Если бы Хабиб мог сейчас вернуться в комнату, где его допрашивали, то увидел бы, что декорация за столом изменилась – вместо лейтенантов Шорохова и Ахундова там восседали лейтенанты Шор и Григорьянц...

«Кто теперь их жертва?» – мелькнуло в голове, и, встревоженный, Хабиб ускорил шаг, направляясь к приморскому бульвару, где любвеобильный Абу Сайид часто прогуливался, желая познакомиться с раскованными, по европейской моде одетыми молодыми бакинками, в отличие от землячек-узбечек – всё ещё закутанных с головы до пят во всё чёрное, не подпускающие к себе ближе, чем на километр...

VIII

Если бы Хабиб Гулям-заде, выбежав из гостиницы, замешкался, поправляя взъерошенные волосы у зеркала соседней парикмахерской, то услышал бы шум

подъехавшей знакомой машины с глухим брезентовым верхом и увидел бы, как милиционеры вывели из неё Абу Сайида Ходжаева, подталкивая его в спину к дверям гостиницы.

В необычно тревожной обстановке, в которой, как и Хабиб, оказался безработный доцент, он проявил себя как полная противоположность приятелю.

Если Хабиб нервничал и, следуя защитному инстинкту в атмосфере опасности, дерзил, отвечая на вопросы Сарымсакова, то Абу Сайид в таких случаях притворялся таким простачком, не понимающим, чего от него хотят. Едва севший на диван в расслабленной, полуразвалившейся позе, он поинтересовался: не ошибка ли это, не приняли ли его за однофамильца, также доцента инженерного института?! Ведь у работников НКВД хлопот по горло, всех не проверишь, за всеми не уследишь – ведь пробежал по Баку слух: вместо ювелира Самвела Акопяна арестовали сапожника-однофамильца, живущего в том же доме...

Но все пошло не по воображаемому Абу Сайидом сценарию. В тот момент, когда он с простодушным, невинным видом оглядывал запертую комнату, из смежной комнаты вышел тщедушного вида прихрамывающий человек и, приказав:

– Лицом ко мне! Не двигаться! – направил на Ходжаева фотоаппарат.

Тот сделал защитный жест рукой, дабы прикрыть лицо.

– Готово!

– Для истории? – пытался пошутить, всё ещё не потерявший самообладания Абу Сайид, хотя знал: фото на допросах делают, чтобы приклеить её в «Анкете арестованного».

Лейтенант Григорьянц растянул в усмешке тонкие бескровные губы, с легким акцентом в голосе пояснил с иронией:

– Фотограф решил запечатлеть талантливого ученика профессора Чобан-заде, в двадцать два года получившего, благодаря стараниям учителя, место доцента на кафедре лучшего вуза Баку... Итак, Абу Сайид Ходжаев, хотим задать вам несколько вопросов, надеясь на честный, искренний ответ.

Абу Сайид краем глаза заметил: лейтенант Шор⁴⁶ раскрыл папку с надписью на обложке: «Дело «Красный шторм»», приготовившись писать.

Абу Сайид демонстративно закинул ногу на ногу, выпрямив для уверенности крепкие, покатые плечи:

– Мои ответы будут зависеть от того, в каком я статусе: свидетеля или подозреваемого...

– Это зависит от ваших чистосердечных признаний, желания помочь нам, – подчеркнул Григорьянц, и отчего-то щелкнул пальцами перед самым носом Ходжаева. Чуть отпрянув назад, Абу Сайид пожал плечами:

⁴⁶ Фамилия следователя, который с пристрастием допрашивал Абу Сайида и Чобан-заде, подлинная – взята из материалов следственного дела (прим. автора).

– Постараюсь искренне, хотя, если вы заметили, немного картавлю от волнения... Интонация может показаться неубедительной, – с прежним простодушием отвечал допрашиваемый.

Его полушутливый тон с самого начала раздражал следователей, привыкших к тому, что сидящий напротив либо немеет от страха, либо пребывает в полубморочном состоянии, находясь в запертой комнате в одиночестве.

От бывших коллег в институте узнав о его покладистом характере, весёлом, неунывающем нраве и склонности к неразборчивым знакомствам с бакинками, следователи с первого же вопроса думали склонить Абу Сайида к нужным им показаниям против Бекира Чобана-заде, а в ответ – лишь ухмылки, шутки...

– Звание доцента вы получили за перевод на азербайджанский язык «Дивон лугати ат-турк» Махмуда Кашгарского⁴⁷ с подачи профессора Чобан-заде. Не так ли? – задал вопрос Григорьянц, прохаживаясь по комнате.

– Верно... В благодарность бакинцам за гостеприимство и поддержку бедного студента, – ответил Ходжаев, а сам успел подумать: «Сведущие люди – недаром говорят: в энкаведэ трудятся самые образованные чекисты из числа «красных профессоров»»...

Григорьянц заглянул в смежную комнату, откуда доносился запах крепкого чая, приглашая кого-то участвовать в допросе, и резко повернулся:

– А вы не подумали, к чему советским бакинцам-нефтяникам, водолазам, матросам «Дивон» из далёкой рабовладельческой эпохи? Какие знания это даст им?

«Вот конфуз, – глядя тому в лицо, подумал Абу Сайид, – минуту назад считал чекистов самыми интеллектуально грамотными среди правоохранителей, а тут слышу казённый, кондовый лозунговый язык. Какое горькое разочарование...».

– Знаменитый «Дивон» Кашгари перевел по долгу службы с согласия Ученого совета, за что занял на кафедре вакантное место доцента... Если кратко...

– Допустим так, – следователь тяжелым телом навалился на диван рядом с допрашиваемым, так что заскрипели пружины, – тогда чем объяснить, что многомудрый учёный совет не разглядел в вашей работе откровенно нездоровые, националистические взгляды?! – Резко поднявшись, Григорьянц подошел к столу с папкой на обложке «Дело «Красный шторм»» и ткнул в неё пальцем. – Может, глаза их затмила слава Бекира Чобана-заде? Кстати, сказать, сомнительная. В деле есть записка Чобана-заде – он настоятельно просит учёный совет присудить вам звание доцента кафедры тюркской филологии, которой он тогда заведовал.

– Да, просил, ведь Чобан-заде в то время был моим научным руководителем – удивлённо глянул на следователя Абу Сайид, – и профессор Латиф-заде подержал его письменно...

⁴⁷ «Сборник тюркских наречий» – труд одиннадцатого века названного автора.

Григорьянц, прищурившись, долго смотрел на допрашиваемого, будто ища аргумент, более убедительный в истории с доцентским званием.

– Известны ли вам имена бывших коллег-доцентов Мемета Энвер-оглу, профессора Ахмата Клыч-оглу?

И пока Абу Сайид удивленно пожимал плечами, мол, известны, следовательно поднял со стола увесистую папку «Дело «Красного шторма»», помахал ею в воздухе:

– Так вот. Эти двое почтенных преподавателей написали убедительный отзыв на ваши комментарии к переводу «Дивона», где, по мнению честных учёных, всё, что вы утверждаете – будь то язык тюрков, их быт, обычаи, предания, описанные Кашгари – лженаучно. Тенденциозно и ваше утверждение, что по сравнению с древними тюркскими племенами, племена славян – предки современных русских, украинцев, белорусов – были на десять голов ниже в развитии: без письменности, без цивилизованных справедливых законов. Одним словом, разбойники. Чем вы объясните, что даже такой проницательный учёный, как Чобан-заде, не заметил в вашем опусе искусно скрытые подводные камни – говоря по-современному, фигу в кармане? Или ваш эфенди, умышленно закрыл глаза на махровый национализм?⁴⁸ Впрочем, чему удивляться! Яблоко от яблони недалеко падает... Вот вы и упали в глазах коллег, и они изгнали вас вместе с вашим патроном из института. – С хитрым прищуром глянув на коллегу Шора, время от времени листавшего папку с делом, он повернулся к Абу Сайиду, сидевшему с таким растерянным и удивленным видом, будто не понимал, о чём так пространно, с придыханием, следовательно ведет речь.

– Да, кстати, не знаете, где сейчас находится Бекир Ваапович Чобан-заде? В Баку или Карасувбазаре?

Абу Сайид сделал вид, что не расслышал вопроса, сосредоточенно вспоминая написавших на него и Чобана-заде доносы – профессора Ахмата Клыч-оглу и доцента Энвер-оглу. Был с ними шапочно знаком, а за то время, пока остался не у дел, и вовсе вычеркнул их из памяти. И, все равно, донос задел его самолюбие...

– В ученом мире вокруг таких работ, как «Дивон» Кашгари, обычно появляются два или три спорных мнения... Так что и отзыв почтенных «красных профессоров», как их там... оглы... оглы? – сморщил лоб, пытаюсь вспомнить имена хулителей труда, на которое он! потратил два года жизни, прислушиваясь к мнению не только Чобана-заде, но Самеда Агамали⁴⁹.

– Это о чём вы? – в сердцах вымолвил Григорьянц, ожидавший услышать ответ на вопрос о местопребывании Чобана-заде.

⁴⁸Профессор Бахтияр Каримов из Узбекистана, знакомый с работами Чобана-заде, написанными для узбекистанской прессы, подтвердил, что Ходжаев был аспирантом профессора (прим. автора).

– О дискуссиях в научном мире, – с простодушным видом ответил Абу Сайид. Коллеге Шору, делавшему обрывочные записи допроса, видимо, надоела скучная работа. В сердцах он постучал карандашом по столу:

– Хватит показывать свою учёность! У следствия в отношении вас одно, единое, мнение!

Услышав стук по столу, Сарымсаков распахнул дверь смежной комнаты и переступил через порог, вытирая платком засаленные руки. Следом хромоногая официантка, сдержанно оглядываясь по сторонам, вынесла тарелки с остатками еды.

– Добрый день, Абу Сайид Ходжаев, – в меру дружелюбно, в меру притворно приветствовал Сарымсаков.

Абу Сайид, услышав знакомый говор земляка, чуть привстал от неожиданности.

– Удивлены?! Да и я, находясь здесь по долгу службы за тысячи километров от Ташкента, не ожидал, что буду знакомиться с двумя земляками – Хабибом Гулям-заде и вами.

«Хабиб уже побывал здесь», – мелькнуло в голове Абу Сайида.

– Курите? Прошу... – Капитан открыл коробку папирос, протягивая в его сторону.

– Курю... – растерянно произнес допрашиваемый, все еще не избавившись от навязчивой мысли: «И Хабиб побывал здесь... Где он сейчас? Не за дверью ли смежной комнаты, откуда с видом вкусно отобедавшего человека вышел Сарымсаков». Но, услышав: – Прошу, угощайтесь... – неожиданно ответил: – Нет, не курю, спасибо... Это я так – вспомнил баловство детства...

– Похвально, моё же детское баловство, когда курил тайком от родителей, сделало из меня заядлого курильщика.

Как бы в подтверждение своих слов, Сарымсаков курил почти без передышки, время от времени стряхивая с погонов пепел, разносимый по комнате вентилятором с шумными лопастями над головами. Некоторое время он, наклонившись над столом, где сидел следователь Шор, перелистывал страницы из папки «Дело «Красный шторм»».

Разглядывая его лицо, показавшееся знакомым, Абу Сайид неожиданно вспомнил книгу «Методы царской охраны» из тайников институтской библиотеки, где подробно описывались сменяющие друг друга на «карусельных допросах», без отдыха и передышки злого следователя, похожего на Григорьянца, и «доброе», коим с первых минут появления представлялся Сарымсаков, предложивший Абу Сайиду покурить и расслабиться, а хромоножке-официантке, появившейся с тарелками с едой для Григорьянца, приказал принести из буфета

.....
⁴⁰ С. Агамали – друг Чобана-заде по учёбе в Стамбуле (прим. автора).

бутылку «нарзана» для допрашиваемого.

Попав в эту безостановочную, изматывающую карусель, допрашиваемый, которого «злой» обхамил, оболгал, угрожал физической расправой, проникался доверием к «доброму», ища в нем защиты и выбалтывая о себе и других всё, что требовал «добрый» следователь...

Но когда и с «добрым» случался конфуз, и ему не удавалось расположить к себе допрашиваемого, не оговорившего ни себя, ни других, его снова сменял «злой» – мастер бить дубинкой по болевым точкам тела, цепкими паутинными руками душить – душить, пока допрашиваемый не терял сознание...

«Я для них так, для разминки – им надо подобраться к Чобану-заде», – трезвая мысль вырисовалась сквозь хаос в голове Абу Сайида.

– Как вам Ичери-шехер? – начал с неожиданного вопроса Сарымсаков и, не делая пауз, чтобы получить ответ, продолжил: – В первый день приезда в Баку я отправился в Ичери-шехер со знакомым бакинцем.

Голос его прозвучал как бы издалека. Занятый мыслью о Чобане-заде, Абу Сайид все более убеждал себя, что он лишь пешка в коварной игре, затеянной вокруг эфенди. Краем уха услышал:

– Первым делом бакинец повел к караван-сарая, где останавливались купцы из Бухары, из добрых чувств полагая, что мне будет приятно увидеть здесь уголок, напоминающий нашу с вами родину... Я же подумал с досадой: только наши пронырливые торгаши оставили здесь о себе память, а не, скажем, великие земляки – Алишер Навои, Бобур, Ибн-Сина... – остановившись в раздумье, капитан пустил облачко дыма в потолок, прижав окурочку к пепельнице на столе.

Абу Сайид несколько расслабился, глубже усаживаясь на диване.

– Всё равно, дух Навои витает здесь. Бекир Чобан-заде исследовал поэтику нашего знаменитого земляка в своей работе... Так что...

– Да, любопытно. Выходит, сам воздух Узбекистана, его просторы, яркое солнце вдохновили профессора... Так же, как и Исмаила Гаспринского, посетившего наш край – не раз, и не два, своими знаниями расширив кругозор наших доморожденных младотурков... – И, внезапно отойдя от темы, поинтересовался: – Вам, думаю, больше нравится Баку, чем Стамбул... Здесь вы достигли научного успеха, хотя его предпосылки были заложены ещё в Турции – я имею в виду ваше членство в Бозкуртах⁵⁰.

– Это неверно, – Абу Сайид в досаде сжал губы, – нигде, ни в каких организациях в Стамбуле я не состоял, учился в университете, баловался стихами... Тоскуя по дому.

– А как вы познакомились с Самедом Агамали? На какой почве стали едино-

⁵⁰ «Серые волки» – молодежная националистическая организация ультраправых в Турции; окончательно оформилась в 1960 г.

мысленниками?

– Какие у нас могут быть общие интересы с доктором Агамали, который намного старше меня, с человеком успешным, с устоявшимися взглядами? Нас познакомил в Баку Чобан-заде, – ответил допрашиваемый тихим голосом, словно вспоминая далёкие годы учебы в Стамбуле.

– Где сейчас Самед Агамали, вам известно?

– Нет, знаю только, что вместе с профессором Чобаном-заде Агамали был уволен из института, и я попал с ними заодно в компанию на увольнение...

– Компанию?! Вы оговорились или произнесли это сознательно? – Сарымсаков повернулся к двери смежной комнаты, откуда вышел с засаленными от сытного обеда глазами следователь Шор.

– А что вы расскажете о вашей ташкентской компании студентов, которые состояли в организации наподобие турецкой – «Бозкурты Туркестана»⁵¹? Чобан-заде, под видом невинного отдыха и танцев, вывозил вас на природу; профессор пространно рассуждал о национальном достоинстве тюрок, и что с присоединением Туркестана к советской России народы края потеряли не только независимость, национальное самосознание – их силой принудили к русификации. И много чего утверждал вздорного...

Абу Сайид изумленно поднял глаза, затем отвел взгляд от Сарымсакова:

– Все это ложь... Чобан-заде не произносил таких речей! Бекир Ваапович был неутомонен и вне аудитории... Разъяснял то, что не успевал на лекциях... Уставали, разминались играми... Разучивали «Къувалму» или играли «Батты балык»⁵².

Глянув на часы, вдруг в разговор встрял следователь Шор:

– К чему эти байки?! Товарищ капитан, не лучше ли на время поместить Ходжаева в более комфортные условия, чтобы освежил память?

– Пожалуй, – развел руками Сарымсаков и тоже нетерпеливо глянул на часы, видимо, торопясь успеть к более важному и неотложному делу.

– Вызывайте машину.

– Поедешь с нами! – Шор толкнул Абу Сайида к двери. Тот повернулся, покачнувшись на одеревеневших от долгого сидения ногах: – Спасибо, пройдусь пешком... – Глянул в окно, стекло которого мутными полосами разрисовывал дождь. – В дождь хорошо думается...

Григорьянц приоткрыл дверь:

– Поедешь с нами, умник, – и переступил порог. Едва допрашиваемый просунул голову в полуоткрытую дверь, как следователь быстро закрыл её за ним, прищепив допрашиваемому пальцы. Абу Сайид закричал от нестерпимой боли. Григорьянц придержал ещё немного дверь, получая наслаждение от истошного крика:

⁵¹ «Серые волки Туркестана» – вымышленная НКВД организация.

⁵² Крымскотатарские народные игры.

– Будет ещё большее, намного большее, если не перестанешь лгать!

IX

С того дня, как генерал Сумбатов и компания нагрянули в дом Чобана-заде с обыском, из плотного воздуха некогда уютного жилища всё ещё не выветрился дух беспокойства и ожидания новой беды. Атмосфера эта особенно тяготила Ругие-ханум, с каждым днём всё больше чувствовавшей себя слабой и больной. Забросила ноты, не слышались звуки фортепьяно... Такой удручающей тягостной тишины не было в доме со дня начала счастливого супружества с Бекирагъа. Частой темой её разговора с Асие был муж: если случится что-то с Бекиром – она не выдержит, не перенесёт его ареста...

Временами она словно впадала в небытие... И даже неожиданное появление в гостях Кара Караева⁵³, молодого темпераментного человека, подающего большие надежды в музыке, не возродило интереса Ругие-ханум к жизни. Караев бесцеремонно сел за фортепьяно, пригладил непослушные волосы, собираясь сыграть несколько аккордов из «Семи красавиц», где одну из главных ролей должна была исполнять на сцене Ругие-ханум.

– Пока разрешат постановку, я уже буду стара, – заключила она, стремясь быстрее выпроводить нежданного гостя из дома, а самой остаться одной с тревожащими её мыслями.

После ухода Кара вернулся растерянный, озадаченный Хабиб. Асие поспешила к нему в комнату спросить, узнал ли он что-либо об Абу Сайиде, вышедшем ненадолго в аптеку за лекарствами ещё спозаранку. Молча села напротив Хабиба, положив усталые руки на колени. Обоюдная симпатия настраивала молодых понимать состояние друг друга без лишних слов...

Заметив, что Асие и Хабиб тянутся друг к другу, Ругие-ханум, то ли в шутку, то ли всерьёз, посоветовала Гуляму-заде сделать предложение девушке, забрать её в Бухару и там сыграть свадьбу, пригласив родителей невесты из Крыма.

Симпатию и взаимную привязанность друг к другу подогревали их походы на оперу, где у входа в театр безбилетников встречала Ругие-ханум и провожала к галерке. После спектакля, умиротворённые, они прогуливались по набережной, где Хабиб эмоционально рассказывал Асие о Бухаре, красотах которой Баку мог бы позавидовать.

Услышав стон из спальни, Асие заторопилась к Ругие-ханум, Хабиб же продолжал сидеть в скованной, неподвижной позе. Мысли его метались, перебирая ещё и ещё раз улицы, переулки, лабиринты Ичери-шехер, где они с Абу Сайидом бывали в кафе... Но, так и не оформившись во что-то реальное, тревожные мысли неожиданно обрывались, натываясь на нечто густое, сумрачное, останавливаясь на дате одиннадцатого февраля – дня, когда случился обыск в доме

⁵³ К. Караев – азербайджанский композитор.

Чобана-заде.

Чтобы не нагнетать обстановку в доме, Хабиб утаил от Ругие-ханум и Асие допрос в гостинице «Нефтяник» и о том, что блуждал по городу в поисках Абу Сайида.

Не только Ругие-ханум, но и Асие острым женским чутьем понимала, как изо дня в день, подобно стальной спирали, накручивается нечто ужасное для всех, кого она знала и любила в этом доме и в Баку, к кому привязалась чистой душой. Ее громкий голос вывел Хабиба из оцепенения, едва Асие выбежала из спальни:

– Хабиб, беги! Скройся! К подъезду подъехал черный «воронок».

Хабиб встрепнулся от неожиданности, шагнул к окну, выходящему в глухой дворик. Первая мысль: навалиться сильным телом на окно, выдавить раму и полететь на ней к земле... И, уже приготовившись к прыжку, остановился, увидев растерянную от ужаса Асие.

– Нет, не по-мужски убегать... когда грозит опасность Чобану-заде и Абу Сайиду... – и, пожал девушке локоть, быстро пошёл к выходу на улицу.

В глухом железном воронке с решётчатым окошком, в тумане были видны лишь спины сидящих в кабине милиционеров.

Хабиб, устроившись поудобнее на холодном узком сидении, интуитивно почувствовал плечо Абу Сайида, прижался к нему, обняв приятеля за плечи, ощущая, как к озябшей руке пробирается тепло.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Медсестра Галина Христофоровна, несмотря на пожилой возраст, резвой походкой шла чуть впереди Бекира Чобана-заде, чтобы открыть перед прихрамывающим профессором дверь в палату.

С раннего утра из-за смены тихой, благостной погоды на сильный ветер у «дорогого пациента», как она величала Чобан-заде, началось головокружение, боли в груди. Ближе к рассвету, когда по окнам палаты ударил ветер с градом, у Чобана-заде началась одышка, как и в прошлую ночь, и, по совету лечащего врача, Зураба Константиновича Жбания, лечебные процедуры перед завтраком перенесли к послеобеденному «тихому часу».

После «душа Шарко» и нарзанной ванны, чувствуя себя бодрее, Чобан-заде решил вздремнуть, хотя и обещал соседу по палате сыграть в шахматы.

Сразу же, следом за медсестрой, измерившей ему давление, в палату вошел Зураб Константинович, с порога спросивший с легким грузинским акцентом:

– Ну, как сегодня, Галина?!

– Повышенное – сто пятьдесят на сто, пульс учащенный, – ответила Галина Христофоровна чуть виноватым тоном, будто брала на себя часть вины за неважные показания тонометра.

– Ясно, – призадумался врач, поглядывая на Чобана-заде и сморщил лоб: – для сорокасемилетнего мужчины многовато, хотя умственный труд... В двадцать семь лет – профессор. И не где-нибудь в Тмутаракани или в моём родном Кутаиси – в Будапеште, почти в центре учёной Европы, – говорил Зураб Константинович, с явной симпатией разглаживая пальцы правой руки пациента. – Не мудрено – жизнь сейчас взбунтовалась, косит всех болезнями, не глядя на возраст, – вздохнул он, снимая с лысой головы белую шапочку. – Успеть бы мне, – вдруг поделился доктор личным, – сорок девять, без года пятьдесят, а всё никак не сяду писать диссертацию... И тема благодарная: передовые методы лечения советских трудящихся в санаториях. Успею ли? – и, продолжая поглаживать Чобану-заде руку, скорректировал назначение: – Уменьшим нагрузку – не все пять процедур в один день... Через день Шарко, на следующий – нарзан. Галина, отметьте у себя...

Врач раскрыл папку с историей болезни Чобана-заде:

– Так, сегодня у нас... – темпераментный доктор, говорящий как по бумажке, вынул карманные часы, протер стекло: – сегодня с утра двадцать восьмое января одна тысяча тридцать седьмого. У нас в гостях вы ещё две недели: времени достаточно, чтобы профессор почувствовал себя двадцатилетним молодцом... с горняцкой силой и здоровьем... У нас, врачей, девиз здесь: в санатории «Горняк» – выкорчевываем у больного весь «сорняк», – и залиvisto рассмеялся. – Отдыхайте, прогулки по курортному парку, увлекайтесь терренкуром – лечебной ходьбой в тенистых аллеях под голубыми елями, где сам воздух – ах! Альпийский. А ещё, если на прогулке с вами будет приятная дама – кровяному давлению как не бывать, по своему опыту знаю – ха! ха! – прогуляйтесь с дамой под руку до Нарзановой галереи, выпейте целебной водички из источника, полюбуйтесь затем Зеркальным прудом, – вошёл в восторженный раж доктор: – лучшая психотерапия! – и, вставая, приветливо помахал Чобану-заде рукой: – Отдыхайте. В случае чего, к вашим услугам – сегодня я ночной дежурный по санаторию...

До самого вечера Чобан-заде пролежал, поворачиваясь с боку на бок, не находя удобной позы, чтобы унять головокружение. В череде тревожных мыслей подумал о Хабибе Гулям-заде... В последнем письме, помнится, бухарец сообщал эфенди, что собирается завтра в дорогу, и на сей раз очень надеется, что учитель одобрит его работу о языковом новаторстве Абдуллы Кадыри⁴³, просил судить не строго.

По срокам Хабиб уже должен быть в Баку, коротая долгие зимние вечера в

разговорах с Ругие-ханум и Асие...

Естественно, об обыске в своём доме Чобан-заде не знал, да и жена не желала беспокоить его, знала: бросит лечение в санатории, куда с большим трудом попал, благодаря ещё оставшимся на свободе немногочисленным друзьям, и вернется домой, не долечившись.

Впрочем, Ругие-ханум утешало заверение генерала Сумбатова, что ничего крамольного не нашли во время обыска.

...Палата растянулась на две койки, посередине – окно с видом на заснеженный Эльбрус. Чувствуя, что задыхается от нехватки воздуха, Чобан-заде сажился на кровать и разглядывал покатый хребет, сравнивая горный пейзаж с крымским.

Пошатываясь в темноте, подошёл к окну. Сосед проснулся, поднял голову:

– Что, профессор? Вызвать дежурного врача?

– Открою форточку... Вас не продует?

– Нет, мы горняки – закаленные... Только свет не зажигайте... Не то я не засну, – в его тоне Чобан-заде почувствовал еле скрываемую обиду из-за того, что вечером, как обычно, не сыграли в шахматы.

Горняк из Горловки был эмоционален, чем нередко утомлял напарника во время игры. А когда проигрывал, чтобы оправдаться, говаривал:

– Ясное дело, профессор силен в математике, щёлкает слова и цифры, как семечки, – на что Чобан-заде отвечал: – Моя профессия сначала пробовать на язык буквы, перед тем, как складывать из них предложения, что и, вправду, сродни математическим формулам.

Горняк молчал, осмысливая мудреные слова напарника.

Но бывало, что и Чобана-заде постигала неудача. И в таких случаях сосед по палате кричал: – Шах, профессор и мат! – да так, что стекла дребезжали в окне. – Пролетариат и здесь следует лозунгу: в умении ни в чём не уступать красной профессуре...

Забавный попался сосед...

Из открытой форточки повеяло свежим предутренним воздухом, сползающим через пологие заснеженные склоны горы. Втянув глубоко воздух, Чобан-заде непроизвольно подумал:

– Нет здесь острого букета из цветов и трав Кара-Дага, что вдыхаешь полной грудью... Бодрит, исцеляет...

Глядя на Эльбрус, Чобан-заде мысленно возвращался в Крым... К морю... В Карасувбазар, перебирая в памяти лица родных – отца, матери, сестры Зулейхи, знакомых карасувбазарцев, запомнившихся какой-либо причудой или репликой...

Переведя взгляд на мерцающий фонарь во дворе, по которому пробегала крас-

ными полосами заря, Чобан-заде снова подумал о Хабибе Гуляме-заде... По ассоциации с теми студентами, вынужденными вернуться в Крым после увольнения профессора из института.

В письмах вернувшихся на родину – из Кезлева, Акъмеджида, Судака, Къарасувбазара – между строк, эзоповским языком проглядывались тревожащие слова об арестах. Среди названных имен были и те, кого Чобан-заде знал по работе в тамошнем педагогическом институте, с кем работал в Милли-Фирка⁵⁴, отличившись в сборе средств, продуктов для бедноты в голодомор 1921-23 годов, когда, безрассудно поддавшись стихии революции, слепо не различавшей своих и чужих, призывал на собраниях отнимать имущество бывших мурз и богатеев мечетей и медресе⁵⁵, о чём потом очень жалел...

Эти горестные воспоминания об ошибках молодости были прерваны громкими шагами в коридоре.

– Профессор Бекир Ваапович Чобан-заде здесь, в четырнадцатой палате, – слышался растерянный голос врача Зураба Константиновича.

Резко, со стуком распахнулась дверь палаты. Выделявшийся в темноте из-за белого халата Зураб Константинович включил люстру. Чобан-заде сел, зажмурившись от яркого света. Сосед проворчал:

– Ну, кто ещё там?!

Едва глаза привыкли к свету, первым из вошедших, кого выхватил взгляд Чобана-заде и кого он сразу не узнал, был карасувбазарец Сервер Файтонджи. Не желая выделяться из группы вошедших, он лишь переглянулся с Чобаном-заде и отошёл за широкую спину генерала Сумбатова.

Замешкавшийся было в дверях следователь Григорьянц оттолкнул в сторону Зураба Константиновича и резким движением протянул Чобану-заде бумагу:

– Гражданин Бекир Ваапович Чобан-заде, предписание товарища прокурора о вашем аресте. Распишитесь!

Файтонджи, выглядывая из-за плеча Сумбатова, пристально наблюдал, как Чобан-заде медленно, прихрамывая, подошёл к окну, а сосед спешно укрылся с головой одеялом, делая вид, что спит.

В свете окна Чобан-заде прочитал повестку, остановил взгляд на фамилии давшего распоряжение об аресте: Теймур Кулиев⁵⁶, повернул повестку обратной стороной, будто сомневаясь в ее подлинности.

⁵⁴ Милли-Фирка – Национальная партия, основана Наманом Челеби в 1917г. После зверского убийства Челеби в 1918 г. запрещена, обвиненная в пантюркизме, национализме, работала в подполье.

⁵⁵ По рапорту в Москву Ю.Гавена, «крымский голодомор» охватил 500 тысяч людей, более двух третей населения, из коих ежемесячно умирало по 10-15 тысяч человек (сведения из книги Д.Урсу. Прим. автора).

⁵⁶ Прокурор Теймур Кулиев вместе с Сумбатовым-Топидзе и Джахангирам Ахун-заде входили в «тройку» НКВД Азербайджана (прим. автора).

Вошедшие, переминаясь с ноги на ногу, в нетерпении ждали.

Файтонджи продолжал пристально наблюдать за Чобаном-заде, как тот медленно открывает шкаф, снимает в вешалки коричневое крабовое пальто, вешает обратно, надевает пиджак, с видом, спокойным и бесстрастным, проверяет карманы, прикладывает часы с цепочкой к уху: ходят ли? Наблюдая за его медленными, чуть скованными движениями, Файтонджи подумал: растерян, сломлен, такое ощущение, что давно ждал рокового часа, а сейчас лишь медлит, натягивая ремень на брюки и прислушиваясь к испуганному шепоту лечащего врача, испытывающему шок от происходящего.

– Четырнадцать дней до конца лечения... четырнадцать... пошёл на поправку... – да таким умоляющим тоном, будто просил отстрочить арест до окончания лечения в санатории.

Задержавшись у зеркала, Чобан-заде погладил барашковую шапку, надел его, затем аккуратно сложил в портфель книги и тетрадь с записями, сделанными во время лечения – он ни на день не прекращал работать, будто зная, чем всё закончится.

Медленные, скованные его движения были сдавлены самой атмосферой, воцарившейся в палате с появлением столь представительной делегации, известившей об аресте. И особенно гнетуще ощущалось присутствие среди них Сервера Файтонджи, воплощавшего собой все беззаконие, творившееся в Крыму. И если раньше до Чобана-заде доходили лишь слухи в стиле эзопового языка – из писем его студентов, то вот он, как призрак, маячит у дверей – зримое воплощение зверских преступлений, в цепи которых и недавний арест друга Чобана-заде – Асана Сабри Айвазова⁵⁷.

– Я готов! – с вызовом сказал Чобан-заде, повернувшись ко всё ещё растерянному Зурабу Константиновичу, тепле пожал тому дрожащие руки. – Спасибо, Зураб Константинович... Четырнадцать оставшихся дней – ничто по сравнению с вечностью...

Григорьянц хмыкнул, распахнув перед арестованным дверь, и едва Чобан-заде переступил порог, как оказался в компании двух милиционеров, ждавших его в коридоре.

Из открывшегося простора двора повеяло легким морозцем. Чобан-заде остановился, чтобы поправить шарф. По лужайке уже бегали трусцой, разминаясь, пожилые горняки. Никто из них не замедлил шаг, не остановился, не обратил внимания на процессию, состоящую из людей в погонах, спешно шагающих на выход, к железным воротам.

«Видно не я первый, кого здесь выволокли из теплой постели под утро», – подумал Чобан-заде, избавившийся от растерянности первых минут. Старался не

⁵⁷ Асан Сабри Айвазов – выдающийся писатель, драматург, общественный деятель, расстрелянный в апреле 1938 г.

прихрамывать, чтобы не казаться немощным.

За воротами санатория на обочине – воронок, впереди него – «эмка».

Чобана-заде толкнули в глухой воронок. Поднявшийся следом милиционер бросил водителю:

– Приказано в Чёрный город!

Эмка, в которой разместились Сумбатов и Файтонджи, резко набрала скорость.

– Товарищ генерал, улов отменный, – повернул к Сумбатову довольное лицо крымский посланец. – Крупная попала в сети акула...

– Ещё какая, – Сумбатов панибратски хлопнул Файтонджи по плечу. – Чтобы был удачен улов в «Красный шторм», растянули сети от Каспия до вашего Чёрного моря, протянув дальше аж до Аральского моря с толковым, преданным капитаном Сарымсаковым. Когда весь улов попадет в сети, представим узбека к награде; в Ташкенте ещё не распотрошили гнезда националистической заразы – Абдулла Кадыри, Чулпан, Фитрат⁵⁸, так что у Сарымсакова впереди дел не впроворот. – Генерал взял в рот папиросу, повертел её губами. Сидящий рядом, поняв знак, спешно коснулся зажжённой спичкой папиросы. Сумбатов сладко и глубоко втянул дым, причмокнул, и доверительным тоном обратился к Файтонджи:

– Вы ведь из гражданских, «красный профессор»? Думаю, быстрее найдёте с земляком общий язык. Насколько нам известно, арестованный с характером, упрямый, почти не ведающий страха, с гонором, как все, удостоенные почестей в Париже. В работе с Чобаном-заде больше давите на ваш национальный менталитет – в чём крымские сильные, а в чём скрывается их слабость. Вот и бейте по слабине, хотя, впрочем, всё зависит от индивида. Ваше преимущество ещё и в том, что вы изъясняетесь на одном языке, что нам недоступно. Выверните его душу наизнанку – и потянется красная цепь ко всем крымскотатарским деятелям, его друзьям и коллегам – писателям, поэтам, учёным, кого в той или иной мере коснулись тлетворные идеи Милли-Фирка, да и к замаранным в других делах.

«Умный человек, учитель», – с почтением подумал о Сумбатове Файтонджи и сказал уверенно вслух:

– Сделаю всё, что требуется, не буду даром проедать казённые харчи в Баку, – вторую половину фразы он высказал таким преданным тоном, чтобы генерал проникся к нему доверием.

II

Надзиратель, толкнувший Чобана-заде в комнату следователя, со скрипом закрыл за собой дверь.

⁵⁸ Писатели и поэты узбекского Ренессанса после первых лет революции.

На скрип подняла голову сидевшая за столом в расслабленной позе белокурая лейтенант Омелия Карпонос, которую, побывавшие в её кабинете заключенные Чёрного города называли не иначе, как «красная фурия». Мельком глянув на Чобана-заде, жестом повелела сесть напротив, положила перед ним лист:

– «Анкета арестованного» заполняется понятным почерком, кратко и по сути, – и продолжила разглядывать раскрашенные черным лаком ногти, поднося к ним зеркальце.

«Всё ещё не растеряла женский инстинкт», – мельком подумал арестованный, и принялся заполнять графы анкеты ровным почерком.

Между делом «красная фурия» отвечала за звонки и ненадолго выходила, оставляя дверь открытой.

Непроизвольно глянув ей вслед, Чобан-заде заметил, как коридор в неожиданном месте заворачивает в тесный лабиринт прохода, откуда веет сыростью заплесневелых стен и слышался безостановочный шум невидимого мотора.

В одной из коротких пауз Чобана-заде потянуло к окну: широкий двор с глухим, высоким забором, металлические ворота, у которых стоят домик охранника и собачья будка.

Сыростью тянуло не со двора, запорошенного талым снегом, а из самых глубин Черного города – из-за близости подземных вод в толще грунта с прожилками нефти под четырехэтажным глухим зданием – некогда ссыльной царской тюрьмы, приспособленной теперь к требованиям нового времени.

Косые террасы, имитирующие окна и двери в запутанных подземных коридорах, где Чобан-заде в паре с надзирателем долго блуждали в полутьме, спускаясь по скользким железным ступенькам, пока не наткнулись на дверь следователя.

В «Анкете заключённого» краткими эпизодами отмечались вехи жизни Чобана-заде. В самом конце Анкеты, где надо было указать адрес последнего места жительства, он остановился, почувствовав стеснение в груди... В последние дни, перед поездкой в Кисловодск, в тишине плотно занавешенного кабинета в душу вкрадывалась меланхолия, когда уже не ощущаешь острого вкуса к жизни и работе... И даже виртуозные звуки фортепьяно из спальни Ругие-ханум не разбавляли горечь в душе. Единственный звук, на который откликнулся слух хозяина дома – тяжёлый стук трости теперь уже редкого гостя – Османа Акчокраклы⁵⁹, с хриплой отдышкой переступавшего порог кабинета. Как и Чобан-заде, изгнанный когда-то из педагогического института Симферополя, он вынужден был уехать из Крыма. Поселился в Баку в доме сестры Хатидже в переулке Розы Люксембург, в полусотне шагов от улицы Коопера-

⁵⁹ Человек разносторонних знаний: писатель, учёный-тюрколог, историк, этнограф, археолог. Расстрелян в апреле 1938 г., обвинён в национализме и шпионаже.

тивной. Желая размять больные ноги, он прежде почти ежедневно заглядывал к Чобану-заде. Для затравки разговора начинал с похвалы лечебного бальзама против болей в ноге, вознося до небес мазь, приготовленную из крымских целебных трав Хатидже-ханум...

– Советую и тебе, Бекир, поможет... – и тут же, как бы спохватившись, спрашивал деликатно: – Я тебе не помешал?

И только после долгих заверений Чобана-заде, что он рад приходу Осман-агъа, тот, в досаде подняв густые брови, вздыхая, задавал мучавший его вопрос:

– Бекир, ведь, правда, в царские времена, когда творил Исмаил-бей Гаспралы, да и в первые годы, когда русский царь пал, ни среди учёных, ни у газетчиков «Терджимана» не было в статьях такого, теперь пугающего термина, как пантюркизм? А теперь ещё и «левый уклон», «правый махровый национализм»... Что скажешь? Прав я? Такие коварные обвинения – плод выдумки «красных профессоров», ещё лет десять назад заявивших своё единственное право судить о книгах, о воззрениях таких преподавателей в крымском институте, как мы с тобой... – и продолжал, потирая рукой больное колено: – Моя работа о Гаспралы, если мне не изменяет дряхлая память, была обнародована в мае одна тысяча девятьсот десятого года... Молодой, страстно влюбленный в Исмаил-бея... Теперь её изъяли из библиотек, назвав вредной апологетикой Гаспралы... И саму его личность, и заслуг как просветителя... – не договорив и как бы обдумывая следующий волнующий его вопрос, Осман-агъа поднимал к потолку бесцветные глаза, наблюдая за лопастью вентилятора.

Так и не придумав путного ответа на сакраментальный вопрос, он попытился к книжной полке, и, долго всматриваясь близорукими глазами, вынул книгу, полистал её, спрашивая:

– А эту твою книгу, Бекир, изъяли из программы изучения в институте.⁶⁰ За какие грехи?

Чобан-заде, опершись рукой на перила дивана, сел, опустив голову.

– За то, что ты осмелился назвать в ней истинных поэтов нашего народа – Номана Челебиджихана... Амди Гирайбая⁶¹, а не стихоплётов-приспособленцев, обслуживающих нынешнюю власть! – И старческим дребезжащим голосом неожиданно произнес: «Моя рука послушна зову крови, что в жилах плещет горячо, сурово. Я растопчу вселенское гнездо врагов татар, ради татар пройду степями волком, пролезу нитью в ушко я иголки»...

⁶⁰ Имеется в виду книга Чобан-заде «Новейший период крымскотатарской литературы», Симферополь, год издания: 1928.

⁶¹ Амди Гирайбай (1901 – 1930 г.) – поэт, историк, член Милли-Фирка, обвинённый в национализме, шпионаже, расстрелян в Бутырской тюрьме 13 сентября 1930 г.

Чобан-заде, поддавшись настроению гостя, подстроившись под его интонацию голоса, произнес с ним в дуэте:

– Ради татар стихи слагаю с толком, на надгробье напишу «татарин»⁶².

После ухода Акчокраклы, опечаленного грузом неразрешимых загадок времени, Чобана-заде снова стеснила апатия – всё, что держало его в горячем тоне жизни, ушло в прошлое, впереди – в густой мгле маячила неопределенность...

Встревоженная Ругие-ханум, желая как-то вернуть его вкус к жизни, звала его на прогулки в парк, на набережную, к морю, на развлекательные спектакли в театре. У влиятельных знакомых вымолила для мужа путёвку в санаторий, думая, что он вернётся без хворей, бодрым и окрепшим...

Проводив мужа к автобусу, отъезжавшему в Кисловодск, вечером, перед спектаклем, забежала к Хатидже, где узнала страшную новость: брата её, Османа, арестовали и безо всяких объяснений, увезли назад, в Крым...

III

Покинув кабинет по чьему-то звонку, с довольным лицом, Карпонос вернулась хмурая, озабоченная.

– Садитесь! Закончили? – придвинула к себе исписанный лист Анкеты. – Ничего не утаили? – пробежала глазами написанное, подметив профессиональным взглядом: «Почерк ровный, не нервный, умеет владеть собой – крепкий орешек. Расколом...».

– Так, дата заполнения Анкеты: второго февраля одна тысяча тридцать седьмого, родился – город Къарасувбазар, полных лет – сорок три, крымский татарин, женат, – читала следователь монотонно, как бы проходя глухим катком по жизни Чобана-заде. – Отправлен мусульманским благотворительным обществом для учёбы в Константинополь. – Голос её сделался ровным и скучным. – В одна тысяча девятьсот четырнадцатом году закончил турецкий лицей, одновременно с трехгодичными курсами по изучению арабского и французского языков при Стамбульском университете с правом преподавания этих языков в школах и лицеях.

Подняв голову, мельком глянула на арестованного, поднося спичку к папиросе, глубоко затянувшись дымом, хрипло закашляла. Всё это время Чобан-заде, не отрывая глаз, следил за каждым её жестом, каждым словом, пытаясь поговору определить, с какой глубинки ветер перемен забросил её в Баку. С тамбовской или воронежской?..

– Итак, конец одна тысяча девятьсот четырнадцатого, что мы имеем? – Следователь, выдержав паузу, призадумалась и сделала пометку в Анкете: – Бекир Ваапович Чобан-заде, чем же занят дальше? Учится на историко-филологическом факультете Будапештского университета... Через четыре года заканчива-

⁶² *Отрывок из стихотворения А. Гирайбая «Ради татар».*

ет. – Следователь, сделав очередную пометку в Анкете, призадумалась, будто в чём-то сомневаясь:

– В двадцатом году в том же университете защитил диссертацию, – остановившись, продолжила читать по слогам: – «Кажущиеся сингармонические несоответствия в «Кодексе Куманикусе»⁶³ и проблема артикуляционной базы в тюркских языках», степень доктора философии по тюркологии, научный руководитель академик Игнац Гольдцигер, – оторвала раскрасневшиеся от напряжения глаза от текста с недовольным возгласом:

– К чему эти подробности?! Игнац и прочее? Понимаю, как филолога и поэта тянет к многословию, дай волю – поэму сочините о прошлой и будущей своей жизни в Чёрном городе. – Усмехнувшись, открыла папку с надписью «Дело «Красный шторм»», что-то там отметила карандашом: – преподавали турецкий язык в Будапештской Восточной Академии, такое несущественное – мелочь, как Академия, подчеркнули, но почему-то скрыли: в мировую войну были на стороне австро-венгров, – и, строгим тоном, будто уличила Чобана-заде в сокрытие важного для следствия факта, потребовала: – Впишите участие в войне. Далее графа – какими языками владеете? Читаем: немецким, турецким, венгерским, французским, арабским, русским... Основными языками Советского Востока – узбекским, казахским, туркменским... Изучаю армянский, – Карпонос на мгновение оторвала глаза от Анкеты, выразительно глянув на Чобана-заде, усмехнулась, будто вопрошая: к чему ещё и армянский? И успеет ли теперь? – К настоящему времени общее число трудов по специальности приближается к двумстам... Среди них «Кажущиеся сингармонические несоответствия в «Кодексе Куманикуса»», Будапешт, одна тысяча девятьсот двадцать, «Опыт научной грамматики крымскотатарского языка», Симферополь, одна тысяча девятьсот двадцать четыре, «Методика тюркского языка и литературы» в двух томах, Баку, одна тысяча девятьсот двадцать седьмой... – И, утомившись от сложных названий, продолжила читать, не вслух, издавая лишь отдельные звуки: бу-бу-так-так-вот-вот-а то? – и подала голос: – Публикации на русском, турецком, узбекском, крымскотатарском, турецком, венгерском...

Не успевая осмыслить такое множество сведений об арестованном, Карпонос вдруг обхватила голову руками, неподвижно склонившись над Анкетой. Не глядя, поширила рукой коробку «Казбека» на столе, не прикуривая, помяла папиросу меж пальцев.

В её восьмилетней практике следователя встречались разные арестованные – одни уличённые во вредительстве, другие в недонесении о преступлении и прочих грехах, подпадающих в уголовном кодексе под «политические» статьи;

⁶³ «Кодекс Куманикус» – письменный памятник тюркских языков начала XIV века.

был один, который ночами рисовал на заборе и газетных витринах жирные усы в разных вариациях – под хмурым носом, с сжатыми тонкими губами трубкой и усами с жёлтым окрасом от дыма табака... Коллеги Карпонос приложили заснятые фото с усами в разных вариациях в портретах Иосифа Виссарионовича – и так же, ночью, во время очередного краскомазанья, скрутили и повязали самодельного художника.

С Чобаном-заде же был первый случай, когда мозг следователя не мог переварить обилие сведений о книгах и работах, общим числом в сто девятнадцать томов, перечень усвоенных арестованным языков, которыми можно было пустить в прах на корню Вавилонскую башню⁶⁴, непривычное обилие иностранных имен и городов... Голова раскалывалась от неожиданно накатившейся усталости. Руки потянулась к стучащим от застарелой мигрени вискам, а в голове, будто отделялись друг от друга полушарии мозга – такое ощущение, как в той песне, которую Карпонос заучивала перед экзаменами в школе чекистов, когда «кипит наш разум возмущённый».

Рука её нащупала и придвинула к глазам Анкету арестованного и вывела на ней: «Тройке». Литер-А.

– На сегодня – всё! – обратилась к вошедшему надзирателю, протягивая бумагу: – Распишитесь – я сдала, вы – приняли. Из рук в руки.

IV

Винтовая лестница, по которой низкорослый, плотный надзиратель в мундире мышиного цвета, стуча сапогами, вёл Чобан-заде, спиралью опоясывала все четыре корпуса Черного города. Узкий проход сквозь металлические ворота с решетками по бокам, намертво стиснутые в толще земли, где некогда возвышалась нефтяная вышка.

Из-за обилия железных проёмов в камерах заключённых в глазах Чобана-заде рябило, выхватывая лишь темные силуэты тех, кто, лежа на нарах, провожал его взглядом.

Надзиратель долго, лениво перебирал ключи в связке, надавил на металлическую дверь – открылась в полумраке панорама двухъярусных нар меж узкими проходами, ведущими к решетчатому окну. Он глянул в список:

– Заключённый Чобан-заде – место четырнадцатое.

Четырнадцатый – на нижних нарах – жесткий, пропахший потом и табаком голый матрас.

Едва глаза привыкли к слабому освещению, Чобан-заде прошёлся усталым взглядом по панораме блока – стол, бак с водой, фанерная перегородка, при-

.....
⁶⁴ Библейская история о строительстве башни до небес, рухнувшей из-за смешения языков разных племен.

крывающая нужник.

Сосед с верхнего яруса, внимательно изучивший новичка, начиная с наголо остриженной головы, остановил взгляд на выцветшей робе, где вышит номер 715, утвердительно заявил:

– Литер А...

Чобан-заде непроизвольно кивнул, впервые услышав это загадочное словечко в кабинете следователя в её разговоре с кем-то по телефону.

– Политический, – просто, как само собой разумеющееся, сосед раскрыл загадку сего следовательского термина. – У нас здесь литер А под особой защитой... Братки не тронут... А если петухи будут приставать, расквасят им задницы... Зато вместо паханов усердно работают на допросах следаки – кишки вытянут метр за метром, пока не добьются нужного им признания... Так-то... У меня большой опыт общения с ними. – И внезапно перешёл на шепот: меня сначала шерстили по литеру А за, якобы, диверсию на нефте-промысле в Мангышлаке. Со дня на день готовили пустить в расход... Всё поглядывал из окна во двор и представлял, как лежу там плашмя от пули в затылок... Но каким-то образом среди следаков затерся спец по горючим смесям из Москвы... Просматривая моё дело, фото с места пожара, рисунки, пришел мой ангел-хранитель к выводу: пожар на вышке произошёл из-за сварочного брака на заводе... Дело спустили на литер Б – от двенадцати до пятнадцати. А мне днями – мать родная! – стукнет шестьдесят. – Хмыкнул: – пора выходить на пенсию...

Чобан-заде, ворочаясь и не находя удобной позы, слышал его отрывочно, как бы издали – из-за шума и шороха лежавших на соседних нарах. Кто-то хлопал ладонью по матрасу, чтобы придавить блоху, кто-то бормотал что-то невнятное, хрипло кашлял.

Сосед же с верхнего яруса, тянув шею вниз, всё продолжал настраивать Чобан-заде на разговор, то ли почувствовав к нему доверие, то ли разом выдохнув все слова, желал освободиться от мучивших его догадок:

– Стоя у окна, часто можно услышать звуки выстрелов со двора. Поскольку нас заперли на этом этаже – вышка нам не грозит, может случиться так: тройка, ознакомившись со следственным делом, может прийти к мнению, что и ваше дело, как и мое, тянет лет на пятнадцать, хотя и это не факт...

Чобан-заде уже почти не слышал его, внимание ослабло, когда, прижавшись по привычке правой щекой к матрасу, почувствовал, как тепло разгоряченного от пережитого сердца, поползло к телу, расслабляя каждую клетку, каждый нерв... И, как всегда бывает между забытьем и сном, усталый мозг рисовал разные картины, искаженные, фантастические из пережитого за день.

Среди мельканий и хаоса картин-видений вдруг, седьмым чувством, обо-

стрившимся до предела, Чобану-заде почудилось присутствие в камере, меж нарами, той самой темной фигуры, возникшей неожиданно, когда распахнулась дверь в палату санатория под утро, и среди явившихся с арестом, по еле знакомым контурам лица, рисунком головы в барашковом колпаке, по блеснувшему в полумраке взгляду...

«Да, это он, как же? Как же? Файтонджи Сервер...» – мелькнула скорее не догадкой, а предчувствием...

Чобан-заде открыл глаза и почувствовал, как тревожное биение сердца отогнало видение, сел, нащупав холодными пятками земляной пол.

Сосед сверху, страдающий бессонницей, без умолку продолжал рассуждать о здешнем, в Черном городе, правосудии – всё также тихо, с хрипотой в голосе, добавляя к пространному пояснению распорядок дня: арестованных не заставляют работать, не выводят на прогулки, казённую баланду подают прямо к раздвижным столикам, пристроенным к нарам...

Машинально, без особой надобности, Чобан-заде ощупывал рукой деревянные поручни, чтобы понять, с какого бока лежака встроен тот самый обеденный раздвижной столик... И вдруг, безо всякой связи, вспомнил имя Севиль... Севиль и Сервер... И мысль оборвалась...

V

В металлическом скрежете открываемой двери Чобану-заде в тяжёлом сонном беспамятстве послышался гул пролетающего над окопом снаряда... Такое ощущение: тело стиснуто обвалившимися краями земляного окопа... Там, на венгерском фронте, шальная пуля обожгла руку студенту-санитару. А сейчас, через столько лет, отозвалась резкой болью, стиснув плечо, когда Чобан-заде, пригнувшись, опустил ноги на землю.

– Семьсот пятнадцатый – на выход! – зычный голос надзирателя отогнал картину окопа, странным образом вдруг выплывшую из хаоса ощущений в эту первую ночь в неволе.

Деревянные нары заскрипели, будто перекатывая недовольные сонные голоса от одной лежанки к другой, напоминая переключку выстроившихся в строю...

Видя, что Чобан-заде, ещё не пришедший в себя после тяжелого сна, повернулся к окну, разрисованному серым пятном света, сосед сверху дотронулся до его плеча:

– Это вас, профессор, на допрос... – И как бы в такт его словам надзиратель в нетерпении потряс связкой ключей, мол, поторапливайтесь.

Чобан-заде, обдумывая, как на сей раз вести себя с Карпонос, медленно надел робу и вышел за дверь.

Тот самый знакомый надзиратель с заячьей губой, которому Карпонос передавала его из рук в руки как бездушную вещь, повёл Чобана-заде не наверх, по

винтовой лестнице в следственную комнату, а узким коридором к выходу на тюремный двор.

Из открывшейся металлической двери со двора дохнуло обжигающим холодом, освежив лицо Чобана-заде и прогнав остатки сна.

Напрягшись, он увидел, как из глубины двора в его сторону, будто ведомый огоньком дымящейся папиросы во рту, направился тёмный силуэт в шапке, кутавшийся в короткое пальто.

«Файтонджи»⁶⁵, – нисколько не удивился Чобан-заде, будто предчувствуя встречу с пришельцем из Крыма и заранее готовясь к ней.

– Селям алейкум, кардэш, – первое, что услышал из уст подошедшего, который вынул озябшие руки из карманов пальто, желая обнять Чобана-заде.

Чобан-заде невольно отступил на шаг: знакомые нотки голоса волной воспоминаний обожгли его дыханием степи, уходящей на север от Карасувбазара.

– Бекир, у нас в народе говорят: «Акьшам къаранлыгъы тюшкен сонъ, шейтанлар пенджеренъе бакьмасын деп, перделерни къапатмакъ керек»⁶⁶, – сказал Сервер, пристально всматриваясь в окна, выходящие во двор.

«Борюни анъсанъ, таягъынъны азыр тут»⁶⁷, – подумал Чобан-заде, не отводя глаз от лица Файтонджи. Утренний свет опускался всё ниже, в тёмные уголки двора, освещая лицо Сервера с доброжелательной улыбкой.

– Удивлён? Служебные дела забросили меня в Баку. Узнав, где ты, поспешил в Чёрный город, – пытался разговорить Чобана-заде Файтонджи. – Тебе привет от Севиль, хотя не знаю, уместно в таком месте говорить об этом? И, дотронувшись до локтя собеседника, Файтонджи предложил ему сделать круг по двору. Но Чобан-заде упрямо стоял на месте, скрестив руки на груди, чтобы защититься от пронизывающего холода.

– Роба – не для утренних прогулок, – Файтонджи протянул в его сторону руку: – Вперёд, движение согревает. Да, молодость, – вдруг переменил он тему. – Когда нам позволяли поболтать, подшучивая над девушками из рушдие, помнится, моя Севиль и Дилара из знатного рода Кипчакских негласно соперничали меж собой за твоё внимание. Небеса решили по-своему, перепутав карты – Севиль стала моей спутницей жизни, а Дилара, как мне известно... Чобана-заде, продолжавшего упрямо стоять на месте, вдруг пронзила острая мысль: не Файтонджи ли арестовал Османа Акчокраклы и, заковав в наручники, увёз в Крым для суда «тройки»? А теперь явился по его, Чобана-заде, душу?

Угрюмую молчаливость Чобана-заде в первые минуты их встречи Файтон-

⁶⁵ По некоторым сведениям, крымская «тройка» состояла из наркома НКВД К. Павлова, прокурора К. Монатова, секретаря партии С. Трупчу. Имя Трупчу вызывает сомнения у историков. Во избежание кривотолков, автор назвал третьего из списка вымышленным именем – Файтонджи (прим. автора).

⁶⁶ В темноте закрывают окна, чтобы черти не заглядывали (крымтит.).

⁶⁷ «Помянул волка – палку держи наготове» (крымтит.).

джи принимал как растерянность, надломленность заключённого. И живо откликнулся, когда тот спросил, обращаясь к нему на «вы», чтобы подчеркнуть пропасть между ними:

– Это ваша вторая поездка в Баку? – пристально всматриваясь в лицо собеседника, задал вопрос Чобан-заде.

– Нет, нет! Первая, поверишь, даже не знаю, на какой улице твой Чёрный город. Безвылазно работаю, отдыхаю и сплю на диване в следственной комнате, – поспешил оправдаться Сервер. Торопливо открыл пачку папирос, протягивая собеседнику:

– Прошу, профессор... Недаром говорит наш мудрый народ: когда двое друзей молодости зажигают в степи костёр – сгорает всякая нечисть... А, поскольку мы не собираемся поджечь тюрьму, побалуемся легким дымом табака.

– Не курю, – с трудом разжал окаменевшие губы Чобан-заде, вспомнив, как по просьбе врача Зураба Константиновича всю последнюю неделю перед арестом, мучаясь, воздерживался от курения. Но через паузу рука его сама потянулась к открытой пачке. Файтонджи чиркнул спичкой, прикрыв огонёк ладонью, и, тревожно глянув на окна здания, повернулся спиной. И пока Чобан-заде прикуривал папиросу, сам сделал глубокую затяжку. Сервер, на полголовы ниже собеседника, вытянув шею, шепнул тому на ухо:

– Как сказал поэт: «Дым отечества нам сладок и приятен...»⁶⁸, – и, переменив тон на дружелюбный, продолжил:

– С тех пор, как ты вынужден был уехать из Крыма, Бекир, я следил за твоими успехами в поэзии, в учёных делах, искренне радуясь кипучей энергии, частым поездкам в дальние кавказские аулы, твоему непререкаемому авторитету среди научной элиты... Как же иначе?! Закадычный друг детства, степняк-пастушок, как и я, вместе учились в Карасувбазарской рушдие... Своим трудом и умом, без связей, вырос в мировую величину, – Сервер то повышал голос, стараясь выразить восторг, то переходил на шепот: – Я всё помню... О! И тяжело, и радостно вспоминать тот день, тридцать лет назад... Тогда в степи, где пасли овец, желая показать удаль, джигитовку, вскочил на дикого, необъезженного каурого жеребца... О! дикарь сбросил меня на валуны, рассекая копытом голову. Всю жизнь буду помнить, как врач в Къарасувбазарской больнице сказал, мол, благодарите Аллаха: если бы не ваш приятель Бекир, двое суток без отдыха несший вас на спине, привлёк бы запах крови стаю волков. Да! – Тяжко вздохнул Файтонджи, пытаясь изобразить боль на полноватом, отёкшем лице, отчего тонкие губы его свернулись в трубочку. – И, внезапно строго и деловито: – А теперь обратимся к твоему делу. Все последние дни тщательно, не теряя времени, изучал его. – На мгновение остановился, подбирая нужные слова, затем торопливо зашагал по вязкой глине двора.

⁶⁸ Строки из поэзии Гавриила Державина (прим. автора).

Чобан-заде насторожился, вспомнив: студенты, вынужденные после увольнения оджи из института вернуться в Крым, будоражили новостями, одни тревожнее других, что в «тройке» местного НКВД самым жестоким к арестованным землякам был новоиспеченный партийный секретарь, вернувшийся из Москвы с дипломом «красного профессора» – Сервер Файтонджи, желавший выслужиться для карьерного роста...

Требовательный голос собеседника: – Надеюсь, всё, что скажу, останется строго между нами, – прервал мысли Чобана-заде. – По крайней мере, до того дня, когда выйдешь на свободу, – добавил Сервер: – Не удивляйся и поверь, есть шанс, большой шанс, что мы вместе вернёмся в Крым и устроим пиршество в родном Къарасубазаре во славу справедливости правосудия... Но для этого счастливого часа освобождения из мрачных казематов Чёрного города, нужно меж нами доверие, как в молодые годы, обоюдных усилий в связке следователь–заключенный, хотя слово «связка», возможно, не подходит к отношениям палача и жертвы, если судить по римскому праву, усвоенному в Институте⁶⁹. Но я пришёл сюда не для этой роли. Нет! нет! – Начав складно и убедительно, Файтонджи неожиданно запутался, будто язык его не мог отделить правду от лжи.

– Вот именно, – промолвил Чобан-заде, хотя Сервер не понял, что тот имел в виду. Он глянул на карманные часы, как бы засекая отпущенное им время для свидания:

– Не мешкая, ближе к твоему следственному делу. Когда я был вызван в Баку из Крыма с делами, расследованными в Симферополе, чтобы объединить их в одно единое дело трёх наших: НКВД – здешнего, бакинского, узбекского, крымского в одно общее под названием «Дело «Красного шторма»», так легче работать нашим «тройкам» потому, что одни и те же лица, будь он троцкист, пантюркист, миллифирковец, завербованный шпион-диверсант, переходят из одного расследования в другое. Передо мной живой пример – ты, Бекир. Нельзя отдельно рассматривать твои деяния, подпадающие под статьи уголовного кодекса, скажем, на родине, в Крыму или в годы твоей работы в Узбекистане – и от здешних, бакинских, и еще шире – время учёбы в Турции, в Будапеште; словом, сегодняшняя твоя печальная судьба связала тебя со множеством судеб других подследственных, скажем с двумя узбеками-аспирантами, как их там – Гулям-заде и Абу Сайид Ходжаев. Логично?

Он глянул на карманные часы, как бы засекая отпущенное им время для свидания: – Логично! – Согласившись сам с собой, крымский посланец продолжил: – Поверь, когда я, запершись в кабинете, несколько дней и бессонных ночей изучал папку с твоим делом, вместе с твоим перебирая десятки

⁶⁹ Имеется в виду Институт красных профессоров.

дел других, с которыми связали твоё дело воедино, перед моими глазами вдруг возникала наша степь, отары овец, рушдие – всё, как описано у Номана Челеби в рассказе «Къалдыргъачлар дуасы»⁷⁰, думал: «Нет, еще рано врагам Бекира Чобана-заде праздновать победу. Это не про тебя сказано: «Дженазе намазы вакътында джемааттан рахметлининъ ал-и хаяты ве кемал-ы сиххаты». Рано, рано устраивать поминки по человеку, кого называли гордостью нашего народа. Хотя и сейчас многие карасувбазарцы ещё не понимают, что в будущем, недалёком будущем, имя Бекира Чобана-заде вместе с Исмаилом Гаспралы, Номаном Челеби будет в триаде крымцев, известных всему миру, хотя в наши дни школьникам внушают, что Гаспралы и Челеби – мракобесы и слуги дьявола.

От хождения вкруговую по сырому двору, Чобан-заде, почувствовав боль в ноге, подумал с насмешкой: «Интересно, сколько кругов мы бы сделали, если бы Файтонджи возил меня на фазтоне⁷¹, впряжённом в тощую лошадь?»

Файтонджи продолжал говорить тихо и доверительно, часто поглядывая на окна барakov: в них один за другим зажигался свет.

– Ночью тайком открывал сейф с семнадцатью томами твоего дела. Читал до боли, рези в глазах все, о чем педантично написано о тебе, начиная с младых лет до ареста в феврале. Так, лист за листом, перед моими глазами – ведь ты лет двадцать назад исчез из поля моего зрения – предстала общая картина твоей судьбы, земляка, которому Аллах даровал такой поэтический талант и такую волю.

Чобан-заде, чувствуя легкий озноб внутри каменной коробки двора, впитавшую ночную стужу, коробку, не освещаемой лучами солнца, краем уха слушал душеизлияния Сервера. Невольно, он превратил всё услышанное в шутку: – Къулакъларым чынълай – мени бирев анъа⁷²...

Файтонджи пропустив мимо уха замечание Чобан-заде. Продолжил с упорством:

– В семнадцати томах твоего дела – чего там только нет, чтобы подвести тебя к эшафоту – ложь, доносы завистников-коллег, все в кучу – даже жалобы твоей бывшей жены Диляры из благородного семейства Кипчаковых. Столько грязи может излить покинутая жена из ревности к молодой – Ругие Абдулиной! – Сервер неожиданно хмыкнул. – Через это прошёл и я, когда расстался с Севиль. Как видишь, наши романтические юношеские увлечения разбились о семейный быт... – И добавил: – В свою семейную драму как-нибудь посвящу тебя в другой обстановке, – и продолжил рассуждать о вычитанном в семнадцати томах дела Чобан-заде: – Диляра расписывает, какой ты варвар под личиной поэта-гу-

.....

⁷⁰ Рассказ «Молитва ласточек» (крымтит.).

⁷¹ Чобан-заде обыгрывает фамилию следователя, что означает фазтонщик.

⁷² «В ушах звенит – кто-то меня вспоминает» (крымтит.).

маниста, бросил на произвол судьбы в мрачные годы голодомора в Крыму сына Рустема. И вся эта галиматя покинутой женщины перемешана в томах дела с опусами в крымских газетах «Ени дунья», «Яш куввет», в журнале «Большевик йолу», в здешнем «Бакинском рабочем» – обвинения в национализме, пантюркизме... Доводят до абсурда: мол, даже тайно сотрудничал с самим Львом Троцким⁷³

– Абсурд, конечно, – пожал плечами Чобан-заде, чтобы хоть что-то возразить в ответ.

Файтонджи торопливо глянул на часы:

– Через полчаса, ровно в восемь, я должен быть в следственной комнате. «Тройка» начинает день с указаний, кого из Чёрного города пригласить на суд и объявить приговор. Сей праведный суд длится полчаса, не более. И кого назначить на завтра – в расход, выражаясь языком Сумбатова... – Он неожиданно умолк, услышав скрип открываемой двери.

Тот же надзиратель с заячьей губой, выведший Чобана-заде в студёный двор, многозначительно кивнул.

– Всё! Час, отведенный нам для свидания Мемедом, заканчивается, – и показал тому два растопыренных пальца, как бы говоря: ещё пару минут.

– Знакомясь с потоком клеветы, невольно вспоминал, каким ты был в годы нашей дружбы – стойким, непреклонным, готовым на все ради правды и справедливости. Даже обнаружив в деле твоё покаянное письмо в «Бакинском рабочем», – Файтонджи вынул из кармана сложенную вдвое газету, номер от тринадцатого сентября тысяча девятьсот двадцать девятого года в ответ на клевету Ружа в газете «Красный Крым», назвавшего тебя буржуазным националистом, где ты признаёшь, что в известный период жизни попал под влияние крымскотатарской буржуазии и националистической интеллигенции. Я не поверил твоему признанию, подумал: беря вину на себя, Бекир желает отвести беду от друзей по Милли Фирка.

Чобан-заде резко придержал шаг, впервые став лицом к лицу с Файтонджи, остро глянув тому в глаза:

– В тот год вы уже вернулись в Крым с дипломом красного профессора и должны были знать, сколько клеветы вылилось на голову честнейшего человека – Сеит-Джелила Хаттатова⁷⁴, главу Милли Фирка и члена правительства, избранного Курултаем. Благодаря в том числе его усилиям мы спасли наш народ от вымирания в голодомор. – Чобан-заде закашлял, будто захлебнувшись от не-

⁷³ Лев Троцкий (1879–1940 гг.) – революционер, главнокомандующий Красной Армии, выслан из страны, обвинён в измене и убит по приказу Сталина.

⁷⁴ Лидер партии «Милли Фирка» в конце 10-х годов прошлого века – до того, как её возглавил Чобан-заде.

годования. – А подлая клевета, подведшая к гибели прекрасного поэта, гордости не только Къарасувбазара, но и всего читающего Крыма – Амди Гирайбая – мастера-новатора стихосложения? – И, с сожалением покачав головой, тихо произнёс: – Да, у меня было желание, наивное, незрелое, направить в свой адрес всю шумиху вокруг них и других наших патриотов.

– Узнаю пастушка из родного Аргъына – романтика, рыцаря справедливости. – Услышав легкую иронию в голосе собеседника, Чобан-заде в ответ продолжил: – Высокомерно полагал: моя известность в Европе, Москве, в Азии не пострадает от письма-покаяния в газете – посудачат в околонуточных кругах и забудут.

Повернувшись на лязг металлической двери, откуда высунулось недовольное лицо надзирателя, Файтонджи, заторопившись, сказал на прощание:

– Кстати, Сеит-Джелил Хаттатов сейчас в Крыму под следствием. А прогулку на свежем воздухе продолжим через двое суток, в очередное дежурство Мемед Айлисли.

VI

Ступив больной ногой на винтовую лестницу чуть раньше надзирателя, Чобан-заде тяжело, с одышкой преодолев несколько проёмов, подумал: «Мемед Айлисли... Какую роль выполняет он в игре, затеянной Файтонджи? В Чёрном городе, где тысяча острых глаз и ушей в каждой щели, надзиратель в сговоре со следователем, по знаку которого открывается дверь во двор, куда, кроме заключённого и следователя, никого не выпускают, если только на расстрел – так пояснил сосед с верхнего яруса...»

Перед тем, как открыть дверь в камеру, надзиратель Мемед впервые задержал долгий взгляд на Чобане-заде, будто оценивая, насколько можно ему доверять – ему, привилегированному заключённому, получившему право прогуливаться по двору?

Под звон ключей Чобан-заде зашёл в камеру и устало побрёл по рядам межнарами. Никто из камерных не обратил внимание на его возвращение. Лишь сосед, наблюдая, как Чобан-заде с трудом пытается поднять ногу, чтобы занять своё место, протянул ему руку, чтобы помочь.

Заключенный 715-й молча лёг, чувствуя, как матрас, набитый соломой, начинает согревать озябшую спину. Из-за сумбура мыслей, сложившегося после прогулки с Файтонджи, не сразу расслышал:

– Ну, как сегодня? Руки-ноги целёхоньки?

– В порядке, – Чобан-заде чуть приподнял голову, чтобы краем уха слышать бормотание с верхнего яруса:

– Это главное, а горячая голова приложится к рукам, профессор, чтобы жить

далее и ждать... финала...

Едва сосед умолк, Чобана-заде пронзила мысль об аресте его друга и наставника Сеит-Джелила Хаттатова: «Лучше бы Файтонджи по рукам ударил, чем ранить сердце известием об аресте Сеит Джелила».

Чобан-заде прижал холодными руками глаза и, в полудрёме, как это часто бывает – картина тюремного двора неожиданно сменилась панорамой дома: кабинета, спальни, и оттуда, преодолевая казематы Чёрного города, как слуховые галлюцинации, дошли озорные переливы музыкальных звуков «Арзы кьыз»⁷⁵, в два голоса и четыре руки исполняемые на фортепьяно Ругие и сочинителем пьесы Асаном Рефатовым⁷⁶ ... Но сразу же звуки эти спугнула тревожная мысль о судьбе Асана, в числе множества его друзей вернувшегося в Крым. Через паузу звуки повторились, но уже дробью барабана и зовом трубы, будто доносившиеся причудливым образом с далёких венгерских окопов до здешнего тюремного двора. Чобан-заде, встрепенувшись, сел, но услышал лишь скрежет карандаша о бумагу в верхнем ярусе. Сосед, сляняв графит, что-то писал, растянувшись на нарах.

Как бы откликаясь на зов трубы, Чобан-заде подошёл к окну. Крупные капли града, смешанные с комьями снега, постучав по стеклу последним аккордом, ушли в сторону, уступив место полоске солнца, осветившего край облака. Прижавшись руками к подоконнику, он наблюдал за причудливой игрой природы, сменившей снег с градом на луч солнца, освещающий изнутри, медленно уходящее за горизонт облако...

Тоска сжала сердце, в голове теснился рой мыслей, воспоминаний, возникших из далёких студенческих лет в Будапеште, вернувшихся сейчас строчками стиха:

«Облака, облака.

Что поведал гонец, о деревне моей –

Там, где мать и отец?

Расскажите, мы тихо поплачем вдвоём,

И вместе в дорогу уйдём.

Облака, облака. На Яйлу улетев,

Там мою Эсму увидев,

Передайте привет.

Остудите слезу на любимых глазах.

И глаза те забудут о горьких слезах...».

⁷⁵ «Девушка Арзы» (крымтат.).

⁷⁶ Асан Рефатов (1902-1938 гг.) – выдающийся композитор, учёный-фольклорист, автор первой крымскотатарской драмы «Чора Батыр» и других музыкальных сочинений, оставивших след в национальной культуре. В Баку возглавлял Союз композиторов Азербайджана. В описываемое время находился под следствием НКВД (прим. автора).

Почувствовав, что тяжесть горечи отпустило сердце, Чобан-заде, ещё немного постояв у окна, будто ожидая какого-нибудь чуда небес, тихо вернулся к своим нарам и, остановившись, спросил:

– Пишете весточку родным?

– Да! – живо откликнулся сосед с верхнего яруса. – Три слова: жив, здоров, люблю, Марфа Петровна... – И пояснил: – Марфа – моя жёнушка. В Чёрном городе запрещена переписка с домашними, чтобы даже мышь не пискнула, что здесь творят. Писать-то написал, но вот задачка, как подступиться к покладистому надзирателю, чтобы опустил весточку в почтовый ящик за воротами каземата... Вот задачка! Хотите? – протянул сверху карандаш и лист, оторванный от ученической тетради. – Отведите, профессор, душу самими простыми, но полными смысла тремя словами: жив, здоров, люблю...

– Спасибо, попробую, – согласился Чобан-заде, хотя с первых дней ареста он, считавшийся среди коллег гением письменного слога, перемоловший и попробовавший на вкус миллионы слов разных племен и народов, сейчас, мучаясь, тревожился мыслью, как узнать о жене, о доме... и раскрыть обратный адрес – Чёрный город, Ичери-шехер... Решил – нет, не выдержит Ругие такого страшного удара.

Пригладив лист на коленях, он просто захотел поведать в стихах чувства, переживания. Но душа не желала откликаться вдохновенными строками, очиститься, освежиться хотя бы ненадолго. И руки, будто сами суровой прозой поведали том, что сейчас думалось, переживалось узником, которого покинуло божественное вдохновение:

«Если даже сейчас написанное мною никому не интересно, тем не менее, оно отражает судьбу исчезающего, надломленного и ограбленного крымскотатарского народа, у которого не осталось ни флага, ни славы, ни земли. И если даже не останется никого, кто говорил бы на крымскотатарском языке, на котором я пишу, язык наш, всё равно, велик и самобытен, потому что в нём звучит тысячелетняя печаль моего народа, его печальный голос.... Но, если случится так, что судьба обратится лицом к Крыму, и крымский татарин будет искать брата своего, крымского татарина, вот тогда мои произведения увидят свет и будут востребованы. Но если так не случится и те несколько моих последних туманных, печальных дней и бессонных ночей забудутся, мне хватит того, что сейчас я пишу эти строки...».

VII

– Семьсот пятнадцатый – на выход!

Спускаясь по винтовой лестнице следом за Мемедом, Чобан-заде чувствовал, как каждый шаг одеревеневших без движения ног отдаётся болью и одышкой в груди. Файтонджи встретил его на обычном месте, у выхода во двор – широким жестом норовя обнять земляка. Но заметив угрюмый, совсем не гостеприимный вид Чобана-заде, заговорил торопливо, будто желая оправдаться за одну несостоявшуюся прогулку:

– Пришлось пропустить дежурство Мемеда... Работы неуправляемы. Генерал Сумбатов требует от меня все новых и новых доказательств вины крымских. Пришлось срочно возвращаться в Крым по следственному делу, которое, друг мой, отчасти касается и тебя.

До Чобана-заде лишь теперь дошли слова о дежурстве Мемеда...

В тумане ускользающего времени не заметил, что вместо заявленных двух дней, он четыре дня не дышал воздухом замкнутого тюремного двора.

– Тебе привет от крымских друзей, – продолжал торопливо Файтонджи. Спрашивали, как ты там, в Баку, преуспеваешь ли на ниве наук в своём институте. До них пока не дошло, что волею судеб тебе пришлось сменить гражданский французский костюм с галстуком на тюремную робу.

Сверкнул глазами, пытаясь уловить настроение Чобана-заде на сказанное им, но заметил лишь отрешенный взгляд, блуждающий по двору: то место, где Абу Сайид и Хабиб, перелопатив мерзлую землю, рыли себе могилы, было засыпано песком и гравием. О том, что здесь разыгрывалась сцена расстрела, напоминали лишь чёрные узоры, разрисованные пороховым на каменной стене... Чтобы как-то взбодрить Чобан-заде, Файтонджи с воодушевлением в голосе заявил:

– Ничего, как говорится: и на нашей улице в Къарасувбазаре будет праздник, когда вернёшься в родной город. Но для этого ты должен довериться моим искренним добрым намерениям. Хотя понимаю: в наше время у людей творческих, интеллектуалов твоего масштаба, появилось недоверие, даже вражда к таким людям, как я – в погонах, с наганом в кобуре за поясом, спрятанным под пальто, – и выразительно хлопнул себя по карманам, как бы намекая, что по долгу службы вынужден скрывать кобуру.

– Нет, всё в порядке, – откликнулся Чобан-заде. – Слушаю...

Чтобы ещё сильнее возбудить у собеседника интерес к беседе, Файтонджи признался:

– Моя поездка в Крым была связана с делом Асана Рефатова. – И само это упоминание о Рефате заставило Чобана-заде с болью подумать, не дослушав следователя: «Предчувствовал ведь...».

Файтонджи сразу же деловой тон сменил на доверительный: – Ты ведь пре-

красно помнишь Асана, дружили семьями. Супруги дневали, ночевали в вашем доме... Ни одно детище Асана, будь то драма «Лейля ве Меджнун», «Чора Батыр», «Той девам эте»⁷⁷, как мне известно из дела Рефатова, не проходило без твоего и Ругие-ханум возгласов одобрения.

Неожиданное упоминание о Крыме смягчило душу Чобан-заде – будто свежий воздух моря вдохнул:

– Мы с женой гордились дружбой с Асаном... Он чистой души человек...

– Наконец разговорил тебя, – смягчил тон Файтонджи. И, не дойдя до ям, выкопанных Абу Сайидом в паре с Хабибом, повернул обратно: – Конечно, чисто по-человечески, твоя дружба с Асаном понятна – оба изгнанники с родины. Но и в чужом для вас Баку вы достигли выдающихся успехов, каждый на своём поприще. Одно то, что, будучи главным дирижёром бакинского драмтеатра, Асан заметил одарённого Кара Караева и вывел его в люди, уже этим он оставил след в азербайджанской музыке...

Чобан-заде, почувствовав, как утренний холод сковывает его движения, остановился недалеко от двери в здание:

– Скажите, к чему мне эти ваши следовательские душеизлияния об Асане Рефатове, Османе Акчокраклы? Хотите во мне посеять страх?

Файтонджи пробрал глухой смех, похожий на кашель:

– Ты бесстрашен, знаю из далёких лет дружбы. Поверь, о своих следственных делах рассказываю исключительно для того, чтобы вывести тебя из порочного круга, искусственно связанных с твоим именем криминальных людей. А далее подвести Сумбатова и тройку к мысли о твоей невиновности – фактами, голыми фактами и выверенными умозаключениями. Задача, признаюсь, не из лёгких, зато выигрышная. Не только Асан Рефатов, но еще двадцать арестованных по «крымскому делу» ждут в феодосийской тюрьме своей участи. Все они тебе знакомы. Не хочу сейчас называть их имена и звания, но поверь, во всех их делах фигурирует твоё имя. Со временем я назову тебе фамилии «двадцатки», ждущей своей участи из суровых уст «крымской тройки». А участь эта, поверь мне, незавидная. – Файтонджи умолк, шагнул вперёд под гулкий стук сапог о ледяную корку земли.

Земля глухо отозвалась, пройдясь по слуху Чобан-заде, вновь напомнив ему об экзекуции его учеников, невольным свидетелем которой он стал.

– Я уже был невольным свидетелем, как в этом дворе заставляли признаваться в том, чего не совершали под угрозой расстрела. Уверен, такой излюбленный метод применять и в отношении Рефата, и «двадцатки», о которой вы загадочно упоминали...

Файтонджи поднял серые глаза кверху, вспоминая о чем-то:

– А! Это ты о двух узбеках-аспирантах? Дела их в ведении капитана Сарымса-

⁷⁷ «Свадьба продолжается» (крымтат.).

кова. Командировка в Баку на исходе, генерал Сумбатов упрекает его в бездействии, мол, даром ест казенные харчи. И даже в ярости заявил, если не можешь вывернуть их души наружу, не позорь честь мундира – застрелись! Вот так! Сумбатову поручено быть во главе всех трёх «троек», объединённых в «Дело «Красный шторм»». Генерал любит подчеркивать масштаб работы и пространственный охват – от Каспия, Черного моря – и до Аральского моря – дела трёх морей...

Чобан-заде, думая о своём, резко ответил:

– К чему выворачивать их души, если вы уже их окровавили?!

Файтонджи, поняв его слова, как кровную обиду за учеников, которым уже обрезают крылья, едва они успели набрать высоту в науке, как бы оправдываясь, принялся пространно объяснять разницу в работе таких работников НКВД, как Сумбатов и Сарымсаков, и своей работой.

– Капитан Сарымсаков и наш генерал из старой гвардии, воевавшей ещё в гражданскую войну. Проникнуты духом чапаевщины, махновщины, без законов и правил, единственный аргумент – клинок сабли и пуля нагана, – рубить с плеча и доложить в Москву, что к энному сроку спущенное сверху число приговоренных в расход людей – с честью выполнено. Это мы, красная профессура, учились не на уставах военного времени, а штудировали труды товарища Вышинского⁷⁸, прогрессивных дореволюционных юристов, вроде Плевако⁷⁹. Знакомились и с новейшими работами в языкознании товарища Марра⁸⁰ – Кстати, – неожиданно перевёл он разговор: – в твоём следственном деле в глаза попался отзыв профессора твоего института – Максуда Рустама-заде – он ставит тебе в вину, что в трудах ты ни разу не обращаешься к новаторским изысканиям Марра, и делает в твой адрес политический выпад: мол, отрицаешь классовый подход в тюркологии. Лично для меня твоё имя неубедительно притянута к Марру.

Глянув на часы, Файтонджи неожиданно спросил:

– Бекир, замечал когда-нибудь за собой слежку на улице? Или за вашим домом?

Чобан-заде от лобового вопроса несколько опешил. Призадумался:

– Вроде не замечал. И жена, и друзья, кто приходил в дом, тоже. Хотя, кто знает, в наше время...

Файтонджи изучающе глянул на собеседника, поправляя шапку, всё время предательски сползающую на лоб и обнажающую лысину – следовательно всё время казалось: рядом с Чобаном-заде с его густой шевелюрой он выглядит ниже ростом ещё более заметно.

⁷⁸ Вышинский А. Я. (1883-1954 гг.) – в описываемое время генпрокурор СССР.

⁷⁹ Дореволюционный адвокат и юрист.

⁸⁰ Н. Марр – советский филолог, автор антинаучной теории о классовом происхождении языка.

– Слежка была изо дня в день, все последние девять лет, начиная с тысяча девятьсот двадцать восьмого года. Ещё раз прошу, Бекир – арамызда олгъан лаф бу ерде къалсын⁸¹, иначе мне головы не сносить.

Чобан-заде придержал шаг, чтобы сравняться с Файтонджи и чтобы по выражению лица понять, насколько тот искренен.

– В твоём следственном деле неожиданно обнаружил рапорт наркома Сумбадзе на запрос из Москвы, – и, понизив голос до шёпота, сообщил неожиданную новость:

– Цитирую дословно: «никаких антисоветских проявлений со стороны Чобана-заде не обнаружено, связи с бывшими миллифирковцами и другими контрреволюционерами, не прослежено».

Чобан-заде, будто не до конца осмыслив услышанное, удивлённо пожал плечами:

– Слежка для меня новость. Так долго шли по пятам... Семь лет...

Файтонджи, ожидавший страха в глазах Чобана-заде или защитного непроизвольного жеста, раздражённо ответил:

– Что здесь непонятного?! Для меня рапорт генерала – ещё один сильный аргумент, чтобы и дальше изучать твоё дело на предмет несостыковок, неувязок, слепленных в единое целое следователем Карпонос. Торопится баба – вот кто должен застрелиться! – И резко остановился: – А пока всё. До следующего свидания. Мемед выглядывает из-за дверей...

Чобан-заде в задумчивости побрёл к открытой двери. Услышал, как Файтонджи сказал ему вслед неожиданно:

– Да, кстати: накануне твоего ареста в санатории, в дом на Кооперативную явился генерал Сумбатов с командой и совершил обыск. Но и на сей раз, судя по новому рапорту, ничего компрометирующего тебя и Ругие-ханум не обнаружил.

VIII

Чобан-заде был до того расстроен обыском в его доме, что ошупывая полку в полумраке на нижнем ярусе, не расслышал назойливого вопроса соседа:

– Руки-ноги не покалечили?

Разволновался Чобан-заде не столько от самого обыска, не прибавившего к его делу ничего крамольного. Зная о впечатлительности жены, испытавшей шок – это больше всего и задело его сердце.

Он воочию представил, как на глазах жены, впервые за годы их супружества, чужаками были нарушены не только сама атмосфера, но и устоявшийся порядок вещей в комнатах, в спальне, на кухне, где от всего этого заботливыми женскими усилиями веяло теплотой, уютом и защитой. Особенно, когда он возвращался после утомительных будней – усталый, жаждущий покоя и умиротворения...

Из бедлама, устроенного Сумбатовым и кампанией, перевернувшей в доме

⁸¹ «Пусть разговор останется между нами» (крымтит.).

всё верх дном, Чобан-заде больше всего угнетала мысль: Ругие-ханум безошибочным женским чутьем поняла, что муж не в Кисловодске, что оставшиеся четырнадцать дней санаторного лечения уже миновали – из чего следовало, что он в Баку, в застенках Чёрного города.

И в эти дни, не находя себе места от страха за мужа, бегает она всюду, обивая пороги кабинета генерала Сумбатова, самого всемогущего человека в Баку – Багирова, чтобы разрешили свидание с мужем... И сильнее всего ранит Ругие-ханум равнодушное молчание тех, кто еще недавно рукоплескал ее выступлениям на сцене... И вот, в один миг, когда устоявшаяся жизнь перевернулась верх дном, грош цена её славе, званиям и наградам...

Сосед, чуть опустив голову, наблюдал сверху, как Чобан-заде в расстроенных чувствах, то плотнее закутывается в робу, то гладит рукой распухшее колено. Почудилось ему, на верхнем ярусе: профессору на сей раз всё же пришлось испытать силу дубинки надзирателя за упорное молчание на допросе у следователя Карпонос.

Чобан-заде же, чувствуя, что за ним пристально наблюдает сосед, вдруг обратился к нему, не зная его имени, лишь запомнив номер на робе – 17, когда Мемед Айлисли выкрикивал: «На выход, семнадцатый!»

– Скажите, инженер, в Чёрном городе разрешено свидание с родственниками?

– Разрешено, но лишь тем везунчикам, вроде меня, кого готовят со дня на день в долгий путь для отсидки в лагере... Пару слов на выходе из Южных ворот Чёрного города... Не хочу вас тревожить, но тем, кому присвоили Литер А, от родичей скрывают даже место их погребения, сообщают ложный адрес и дату в Свидетельстве о смерти... Не тот день и год казни... Укажут, что такой-то умер, скажем, двенадцатого июля одна тысяча девятьсот тридцать девятого, погребён в селе Хачмаз⁸² Азербайджанской Эс-Эс-Эр, или в селе Кок-Козь в Крыму... Иши-свиши потом. Тех, чьи места захоронения скрывают от родственников, причисляют к террористам и шпионам, без права установки на могилке православного креста или магометанского полумесяца. Печально, но факт... Не зря ведь прозван Чёрным городом. – И опустил голову, чтобы шепнуть Чобану-заде на ухо: – Вот и пойми разумом: почему мы, как ошалелые, в жажде крови бегали, размахивая красным флагом супротив белого штандарта... Брат на брата, сын на отца... Миллионы в расход...

Чобан-заде чувствовал, как тоска сжимает горло с застрявшим сгустком невыразимых слов.

⁸² В Свидетельстве о смерти Чобан-заде значится, что он умер 12 июля 1939 г., а не дата расстрела 13 октября 1937 года, что свидетельствует о том, что коллегия Верховного суда выдавала родственникам ложные сведения о дате, месте захоронения расстрелянного (прим автора).

– Они наплевали мне в душу, – неожиданно вырвалось у него с хрипотой.

– Плюют, чтобы остудить душу, пока она теплится в надежде, – откликнулся сосед, закрывая глаза руками и давая понять, что желает подремать. Поворочался с боку на бок, что-то шептал, похожее на молитву и вдруг заявил:

– Профессор, не хочу, чтобы моя жена Лизавета перебросилась со мной на выходе парочкой ни к чему не обязывающих слов, вроде: крепись, муженёк, и прочий женский трёп, когда меня этапом из солнечного Баку отправят в хмурый, студёный Нарьян-Мар... Увидя меня исхудалым, замученным, жалким, подумает: не жилец. Лизавета выйдет замуж за Володьку Рыжего, что в лаборатории возится с колбами, чтобы отличить светлую нефть от темной... Вот так, не желаю! Пусть выходит за Рыжего, но так, чтобы я не прочувствовал заранее её затаённые мыслишки по бесстыжим глазам, – и протянул Чобан-заде дымящую недокурную папиросу.

Чобан-заде жадно и глубоко затянулся, чувствуя, как тепло табака обволакивает грудь, притупляя боль сердца...

IX

Надзиратель Мемед Айлисли, желавший во что бы то ни стало сохранить в тайне неуставные встречи во дворе тюрьмы Чобана-заде и Файтонджи, не учёл всех рисков. Хотя бы тот, что какой-нибудь из заключённых нижних блоков, знающий профессора, мог из окна узнать его по облику фигуры, гуляющим по кругу двора с загадочным незнакомцем. Оказался таким прозорливым не кто иной как Хабиб Гулям-заде, откликавшийся на номер 54, едва надзиратель просовывал голову в полуоткрытую дверь камеры.

Хабиб всё ещё не избавился от недавнего потрясения – показательного расстрела его в паре с Абу Сайидом.

В тот полдень, когда грязный, растаявший снег расползся по тюремному двору, охранники, силой пригнув их головы к земле, крикнули: «Ройте могилы!».

Абу Сайид начал было показно бодро размахивать лопатой, хотя чувствовал, что каждый стук о землю сжимает горячую душу – и как заявляют в подобных случаях сведущие люди – «сердце обливается кровью».

Хабиб же, из рук которого все время выскальзывала лопата, вдруг вспомнил, как хоронили деда – Сайфулло-хаджи – на бухарском кладбище Хазрат-и-Имом. Первый в его жизни – пронзительный и печальный опыт проводов родного человека, хотя в памяти внука отложились не горечь смерти, а сам ритуал прощания – молитва по усопшему – джаназа, омовение тела, вынос под хор плачущих женщин усопшего, завернутого в белый саван и крики мольбы к Аллаху толпы, торопливо следующей за носилками...

– Живее! Живее! – Хабиб вздрогнул от крика охранника за спиной.

Истоптанные башмаки, увязая в глине, сползали с ног...

Неожиданный финал тороплив и краток... Завязанные за спину руки. Хлопок выстрела – один, второй... Тишина. Перекошенное от удивления лицо Абу Сайида, выглянувшего из соседней ямы, чтобы переглянуться с Хабибом, уткнувшим лицо в грязь...

– Фу, кажется, ребята промазали...

Команда «Встать!» медленно, будто будя от дурного сна, вернула молодых людей к мысли: «Живы!», прорезавшей сознание...

За картиной этой случайно наблюдал Чобан-заде из окна камеры. И кратко, образно высказался по поводу учеников разговоре с Файтонджи:

– К чему выворачивать души заключённым, если вы их уже окровавили?

Снова к запертому в камере Хабибу остро, с болью возвращалось ощущение от пережитого шока, напрочь изменивший, ставший привычным, размеренный ритм дня и ночи арестанта, все семь дней с боязнью и тоской привыкавшего к новому ощущению жизни в Чёрном городе.

Его бессознательно тянуло к окну. Он видел, как тяжёлыми сапогами утрамбовывают землю, дабы скрыть следы постановочного расстрела.

Два первых дня и ночи Хабиб редко отходил от окна, наблюдая, как краснеющая луна косыми лучами вдруг нарисовала лицо Асие. Вмиг отпрянул назад, испугавшись, что Асие он запомнится растерянным и жалким.

Соседу, лежащему недалеко от окна и страдающему от бессонницы, пришлось с голову озорное: не окликать Хабиба по номеру 51, а кличкой «лунатик».

– Лунатик... Эй, лунатик, глотни кипятку... Лунатик – на выход!

Хабиб вымученно улыбался в ответ, ощущая: тот мир, в котором он прожил свои двадцать четыре года, провалился в беспросветную мглу, оставив для него лишь самую малость – свет в квадрате окна.

В это утро белые лучи зимнего солнца вдруг расширили просвет окна в зримую картину, вглядываясь в которую Хабиб чуть не вскрикнул от удивления: две фигурки мелькали в тюремном дворе, медленно описывая круги, и в одной из них Хабиб узнал Чобана-заде.

Первая мысль, прорезавшая сознание: учителя также хотят подвергнуть унижительному, жестокому издевательствам постановочного расстрела.

Мелькнула мысль: напрягшись, всей силой выдавить раму окна и вместе с ней полететь во двор. Рама окна закрипела, но не поддавалась первой попытке. Ещё напрягся, но последующая трезвая мысль остановила его, когда, срезав круг, фигурки подошли ближе. Судя по их мерным шагам, оба о чём-то мирно беседовали. Заметив на голове незнакомца барашковую шапку, Хабиб понял: незнакомец из Крыма... И какую весть привёз он издалека – отягощающую печальную участь учителя или облегчающую? О чём беседуют?

...А беседовали Чобан-заде и Файтонджи, продолжая диалог прошлых тайных свиданий, всё о том же: о неувязках одного преступного эпизода с другим

в деле профессора, якобы обнаруженных пытливым умом следователя из «красной профессуры».

– Знаешь, Бекир, чем больше углубляюсь тайными ночами в общую картину «Красного шторма», выуживая все, что помогло бы облегчить твою участь, «башымдаки сачымдан чокъусы бар», – подчеркнул он не без иронии, поправляя на голове ша и намекая на свою раннюю лысую голсу.

Чобан-заде, вслушиваясь в его обрывистую речь, не раз упрекал себя за то, что сумрачная надежда, испытываемая им порой, может оказаться обманом, иллюзией. И сейчас, как бы подыгрывая собеседнику, ответил Файтонджи: – А мой отец любил говаривать: «Баласынынъ башындан бир сачыны тюшюртмез ...».⁸³

Файтонджи, заметив, что густые, взъерошенные волосы собеседника лишь слегка окрашены сединой на висках, улыбнулся:

– Йыллар сизге тесир этмей⁸⁴. Такая же у тебя густая копна, какой любовались девушки в рушдие, а парни завидовали... – и, как бы спохватившись, что теряет время на комплименты, отвлекаясь от главного, ради чего урвал часок и сегодня стынет на морозе.

– Но, к делу, Бекир! Сантименты оставим на потом, когда вернёмся в Крым... Рапорт Сумбатова в Москву о слежке за тобой и обыске в доме не добавили ничего криминального. Узнав об этом, решил с двойным рвением распутывать интригу вокруг тебя и дальше – и не только из профессионального, а в большей мере человеческого и дружеского отношения к твоей судьбе, чтобы в итоге сделать всё от меня зависящее, чтобы подвести Сумбатова и «тройку» к версии о твоей невинности... Понимаю, как это трудно, адски трудно – сжать твоё следственное дело в кулаке с такой силой, чтобы оно рассыпалось бумажной трухой... Ночами, протирая усталые глаза и затягиваясь папирсой, чтобы ненадолго оторвавшись от груды бумаг с доносами, обвинениями в твой адрес... мысленно представляю, что, вызволив тебя из казематов Чёрного города и взвалив ношу на своем горбу, берегом Каспия, пешими тропами, тебя, Бекир, человека свободного, образно выражаясь, понесу на плечах к берегам нашего Чёрного моря... Как ты, Бекир, маленький пастушок, нёс меня на горбу, умирающего, по пескам Дешт-и-Кипчак – плата за плату. Скажи честно, не жалеешь, что, встретил меня годы спустя в иной ипостаси, не пастушка, а следователя крымской «тройки», присланного в Баку в связи и с твоим запутанным делом?!

Не до конца поняв смысла пространной тирады Файтонджи, Чобан-заде откликнулся задумчиво:

– Пастушки... Мы были чисты и наивны... Но сейчас наши деяния, какими бы они не были – правдивыми, ошибочными, отданы на суд Аллаха, потому-то

⁸³ «Ни одному волосу не даст упасть с головы ребёнка» (крымтат).

⁸⁴ «Годы не влияют на вас» (крымтат).

ни о чём не жалею, не отрекаюсь ни от одного шага в жизни, какими бы ошибочными они не были.

Файтонджи слегка опешил от слов Чобана-заде, однако быстро совладал собой:

– Белоусов – комендант ОГПУ, когда видит молящегося в камере, любит поиздеваться: «На Аллаха надейся, но сам не плошай...». Из бывших царских хоруниев... Казак...

Услышав плеск воды недалеко от сторожки, оба остановились. Охранник, даже не глянув в их сторону, выплеснул грязную воду из ведра и спрятался за воротами.

Файтонджи, посмотрев на часы, ускорил шаг:

– Хорошо, конечно, предаваться ностальгии по утраченной молодости, надеясь на милость Аллаха... Но вернёмся к суровой реальности сегодняшнего дня. Из всех нестыковок в твоём деле, мне кажется вполне реальным доказать твою невиновность, если предъявленное Бекиру Вааповичу Чобану-заде суровое обвинение рассматривать отдельно, без связи с делами сотни бакинцев, крымских татар, узбеков, связанных между тобой и ими мёртвой петлей «Красного шторма». Признаюсь, порой я был на грани помрачения рассудка, когда искал связи между твоими деяниями и деяниями тех, чьи имена связывают с тобой – будь то в Милли-Фирка, Мусаввате, Социалистической Туркестанской партии, в работе на Тюркологических съездах, здесь в Баку, в Самарканде... Как же так?! – театрально развёл Файтонджи руками. – Ведь в рапорте генерала Сумбатова в Москву, многолетняя слежка за тобой – подчеркиваю: многолетняя! – ни во время твоего членства в партии, на Тюркологических съездах, в книгах, написанных тобой и в твоей поэзии – не обнаружена антисоветчина, которую тебе приписывают. А ведь Сумбатов, насколько я понял, генерал дотошный, проверит трижды каждое слово, запятую, прежде чем рапортовать в Москву. Человек чести, скорее застрелится, чем даст промашку. – Горько усмехнулся: – И нас, следователей, отрезвляет, если недоволен: «Не позорься – застрелись!»... Так вот, тщательно изучив дело Чобана-заде, пришёл к однозначному выводу: в водоворот «Красного шторма» ты попал случайно, безвинно, став жертвой жестокой схватки двух бакинских партийных кланов – Мир-Джафара Багирова и наркома просвещения Рухулла Али Ахундова⁸⁵. Образно выражаясь, как железная стружка, оказавшаяся случайно, из-за небрежности кузнеца, между молотом и наковальней.

В борьбе двух этих кланов на место молотобойца становился то Багиров, но выпавший из его рук молот подхватывал Ахундов, а случайно попавшая между ними железная стружка, расплющилась, раскалившись добела. В финале борьбы последний взмах и удар молотом сделал удачливый, коварный, не без под-

держки Москвы – Багиров... Вот тебе, друг мой, картина в кузнице кадров, достойная твоего пера.

«В его словах о схватке в кузнечном цехе есть доля правды», – подумал Чобан-заде, подавив обиду за сравнение с железной стружкой. О борьбе между Багировым и Ахундовым Чобан-заде догадывался. С Рухулла Ахундовым он дружил в тяжёлые для себя, безработного профессора, времена – Рухулла помогал другу с публикациями в газетах Баку, дабы он мог, худо-бедно, прокормить семью.

– Забавно, – хмыкнул Файтонджи. – Твои с Ахундовым многолетние связи – деловые, дружеские – проходили под слежкой. В твоём деле даже есть дотошная арифметика – подчитано, сколько раз вы с Рухуллой были друг у друга в гостях, в тёплой, семейной обстановке, обсуждая общие дела, встречались по праздникам и дням рождения... В последнем донесении, отмеченном январём этого года, Ругие-ханум просила Рухуллу помочь с путевкой в санаторий для тебя.

– Да, Рухулла – друг... Помог, – рассеянно проговорил Чобан-заде, осмысливая услышанное, хотя и не мог вспомнить всё в подробностях из-за тумана в голове.

– Да, кстати, Ахундова через несколько дней после твоего ареста также заперли в здешнем каземате – случайно можешь встретить своего покровителя в толчее коридоров или у следователя. Рухуллу со дня на день отправят конвоем в Москву. Тамошняя «тройка» решит и его судьбу, и судьбу его жены – Фриды Наумовны Шлемовой⁸⁶: так заведено – жён отправляют в лагеря на двенадцать тире пятнадцать лет, если их мужья заслужили вечное клеймо «враг народа»...

Чобан-заде внезапно остановился, как бы не видя ничего перед собой из-за тумана перед глазами. Острая мысль промелькнула в его голове, едва подумал о Ругие. Рассеянно повторил:

– От двенадцати до пятнадцати?

– Да! Ты, Бекир, должен помнить Фриду Наумовну – она дружила с Ругие-ханум, частенько забегала к вам домой побаловаться кофейком и похвастать модной шляпкой, сумочкой, купленной в магазине партноменклатуры... Сей факт тоже отмечен в твоём и Ахундова следственных делах – мол, шляпка модная, приятно бывать с ней в театре. – Файтонджи ненадолго призадумался, прижав ладонью тяжелый подбородок:

– Прости, Бекир, за сравнение схватки двух гигантов – Багирова и Ахундова,

⁸⁵ Рухулла Ахундов (1897-1938 гг.) – ученый-тюрколог, талантливый публицист, переводчик, всячески поддерживал Чобан-заде, понимая его значение для поэзии и науки. Нарком просвещения Азербайджанской ССР, расстрелян в апреле 1938 года на политическом процессе Коллунгарка под Москвой (прим. автора).

⁸⁶ Реальная личность (прим. автора).

с ударами молота, где тебе отвёл роль железной стружки. Прости, я увлёкся. Если помнишь, и я баловался в молодости сочинением сказок... Для нас, крымских татар, ты остаёшься, как и прежде, поэтом, учёным, философом античного значения... Как Сократ для греков... Углубившийся в волшебный мир слов, пытающийся разгадать их потаённый смысл в прекрасной поэзии... Будучи раскованным, дерзновенным, в чём-то бесшабашным, разве мог ты подумать, что за твоей спиной сражаются не на жизнь, а на смерть бывшие революционеры, переродившиеся в чинуш – своей борьбой за власть незаметно втянувшие и тебя в вихрь интриг.

Скажу больше: из следственного дела Ахундов – Чобан-заде отпочковались, как отростки, в самостоятельные дела, к примеру, дела узбеков Абу Сайида Ходжаева и Хабиба Гуляма-заде – твоих аспирантов. Судьба их, как мне известно, уже решена, как и судьба Ахундова и Фриды Наумовны. Капитан Сарымсаков подвёл дело Ходжаева к высшей мере, а Гулям-заде к шестнадцати годам колонии...

Чобан-заде, почувствовав дрожь в ногах, остановился, глубоко вздохнув, постоял, понуря голову, чтобы Файтонджи не заметил его исказившееся от боли лицо.

Лишь краем уха Чобан-заде слышал, как Файтонджи продолжал разглаживать, глянув на окна, освещённые светом изнутри:

– Генерал Сумбатов призывает группу, ведущую «Дело «Красный шторм»», не расслабляться, работать слаженно – факт к факту, есть сомнение – ещё раз проверить, все ли доказательства обоснованы против того или иного подозреваемого в злостном преступлении. Да, у нас с Сарымсаковым бывают расхождения, чисто ментального характера – узбек, с дальнего юга Азии, как всякий южанин, меланхоличен, не полностью отдается делу, хотя амбициозен, с высокой самооценкой. Уже вторую неделю, закончив со своими делами, торчит в Баку. На родине его ждёт повышение, орден и новое дело «Самум в Кызыл-кумах», где собраны обвинения против местных националистов – Абдуллы Кадыри, Чулпана, Фитрата и ещё двоих, имена которых не запомнил. Хотя и они, и мы, крымские, пытаемся перенять для династического ряда отуреченные имена: Алишер Темир-оглы или Севиль Нариман-кызы... – Файтонджи выразительно глянув на часы, решил попрощаться: – Всё, Мемед скребет дверь, чтобы представить тебе полную картины твоего дела и твоего освобождения – потерпи ещё пару дней. Алла сабыр берсин ⁸⁷.

Х

И эту третью, и последнюю прогулку по тюремному двору Чобана-заде и знакомого Хабибу пришлось наблюдать, отмеряя каждый их шаг по бесконечному кругу. С трудом очнувшись от тревожного сна, первым делом прильнул к окну. Вид двора все ещё будоражил его воображение: кто этот коренастый,

энергично размахивающий при ходьбе руками незнакомец? Часто поглядывает на часы, чтобы не задерживаться в студёном дворе сверх разрешенного кем-то времени. В черном пальто до колен, шапка, натянутая до ушей. Посланец из Крыма? С чем пожаловал? Чобан-заде мирно расхаживает с ним по тюремному двору, когда всем другим выход из камер запрещён, не говоря уже о прогулках на свежем воздухе. Вопросы, один загадочнее другого, озадачивали бухарца, усиливая пережитый от ареста шок...

Едва ложился, вытянувшись на жёстком матрасе, как перед глазами возник образ Асне... Много обещал ей того, что теперь кажется несбыточным: по окончании вторых каникул в Баку поехать с девушкой в Бухару... Познакомить её с родными и, получив их благословение, каждый божий вечер бродить по родному городу с синеглазой, с открытой улыбкой, стройной, выше Хабиба на четверть головы крымчанкой, которой с восхищением будут любоваться встречные парни и девушки...

...Чобан-заде не сразу откликнулся на зов Мемеда – пока надзиратель стоял, звеня наручниками, прикрепленными к поясу, 715-й, пошатываясь, ступил через порог в коридор. Заметив, что арестант с трудом передвигает ноги, Мемед время от времени поддерживал его за локоть.

Файтонджи уже расхаживал по двору с папиросой во рту. Повернувшись на скрип открывшейся двери, заметил, как плохо выглядит Чобан-заде – бледный, с опухшими веками, дрожащей рукой опирающийся на перила лестницы.

Чобан-заде провёл бессонную ночь, не переставал думать о Ругие. В голове его сверлящей мыслью застряли слова Файтонджи о «жёнах врагов народа». Даже не будь на них никакой вины, из-за деяний мужей, отправляющиеся на многие годы в лагерь.

От яркого света прожектора над сторожкой, разрезавшего предутренние сумерки и полоснувшего по лицу, Чобана-заде очнулся. И первое, что сказал Чобан-заде, обращаясь к Файтонджи, были требовательные слова:

– Сервер, мне нужен адвокат!

В глазах Файтонджи мелькнули искорки довольства, словно говорившие: наконец-то ты доверился мне. Сдвинул шапку на лоб, чтобы Чобан-заде не заметил его улыбки. Протягивая заключённому коробку с папиросами, хмыкнул:

– Адвокат?! Разве сокамерники, прошедшие через «тройку», не поведали тебе: суд скорый: двадцать-тридцать минут... Имя-фамилия... и приговор... Где уж там адвокату изгаляться в красноречии?

Чобан-заде дотянулся рукой до пачки, Файтонджи услужливо поднёс к его лицу зажжённую спичку.

– Разве ты из наших долгих бесед не понял: знакомясь дотошно с твоим следственным делом, я делал это не из простого любопытства человека, дружившего с тобой кровной дружбой в молодости. А, вернувшись в Крым, поведать кьарасувбазарцам: каково тебе здесь, в казематах Чёрного города, откуда редко кто выходит живым. И что ты держался до последнего мужественно! Нет, конечно! Неужели не поверил тому, что я втолковывал тебе здесь, в тюремном дворе? Моя заветная цель – вернуться в Крым не одному, а с тобой... Чтобы ты поклонился могилам предков, отца и матери, обнял измученную травлями сестру Зулейху, увидел радостную улыбку сына Мустафу, которого ты нянчил с пелёнок, носил на руках так же бережно, как только что родившегося белого ягнёнка в ауле?

Чобан-заде, чувствуя, как холод подбирается к позвоночнику, спросил:

– Так вы выступите на суде?! Докажете, что я невинный. Как металлическая стружка, случайно попавшая между молотом и наковальней! Ваше образное сравнение адвоката понравится суду. Сумбатов не заткнёт вам рот и не выставит за дверь, напомнив, что суд скорый и справедливый!

– Кх! – издал звук собеседник, задумавшись. – Ты задал самую трудную задачу в моей практике. Не жди лёгкого ответа... Единственный человек, кто может дать на это положительный ответ – генерал Сумбатов, главный обвинитель и адвокат в одном лице... Правда, с недавних пор генерал почему-то охладил ко мне, не прислушивается к доводам... Даже если мои доводы не противоречат его, Сумбатова, доводам по тому или иному делу, связанному с Крымом. – Нервно затаившись дымом, добавил: – Все это мелкие козни капитана Сарымсакова, говорил же – разность менталитетов, образованности. У Сарымсакова в «Красном шторме» всего лишь два дела узбеков – твоих аспирантов, а ты, Чобан-заде, связан с их делами постольку-поскольку... – не договорил собеседник... – Убедил интриган Сарымсаков генерала, что в деле «крымской двадцатки», с которым я приехал в Баку, попадаютсся и фамилии тех, чья вина не полностью доказана и что «крымская тройка» завела на них дела для рапорта в Москву о перевыполнении плана. «Мёртвые души», как у Гоголя. Кстати, к сегодняшнему дню крымских узников уже не двадцать, а восемнадцать – двое перешли из крымского в московский список: Рефат Рефатов, брат известного тебе Асана Рефатова, и актёр Джелял Меинов. Единственный, к кому я могу достучаться с твоим делом – это Сумбатов. Если, конечно, решишь сотрудничать со следователем Карпонос, на допросе у которой ты все обвинения отрицал. Соглашишься, генерал пошлёт твоё дело на новое расследование – такая у нас с Сумбатовым договорённость. Не ты один – несколько профессоров твоего института так спасли свои жизни и жизни близких. Только так спасёшь и ты – свою и Ругие-ханум жизни. А заодно, признаюсь, и мою репутацию – Сервера Файтонджи как лучшего крымского следователя. Так и слышу всюду по

каждому поводу назойливый, как у маньяка, голос Сумбатова: «Не можешь доказать – застрелись!». – И неожиданно вынул из бокового кармана пальто сложенные вдвое листы бумаги. – Познакомишься на досуге... Внизу списка несколько слов, которые ты должен сказать Сумбатову... Мол, знаешь всех из крымских узников... Согласен на дачу против каждого показания, работал с одним, дружил с другим, с третьим состоял в Милли-Фирка, о националистической поэзии четвертого писал хвалебную оду... И так далее. – Мемед подал знак, и Файтонджи заторопился: – До скорого свидания...

XI

Вернувшись в камеру, Чобан-заде долго не мог успокоиться. Прихрамывая, с озабоченным видом прошелся меж тесными нарами, будто не мог найти свой лежак.

Сосед, приподняв голову, наблюдал, как заключённый 715, то нервно поправляет ворот рубы, сползающей с плеч, то раскрывает сложенный вдвое лист, с которым вернулся после вызова Мемеда. Желает расправить бумагу, но пальцы не слушаются.

Наконец, Чобан-заде нащупал свой лежак. Но не сразу вытянулся на нём, прижавшись спиной к матрасу. Посидел, пригнувшись, оглядываясь, будто ища кого-то.

Впервые разговор с Файтонджи запал в душу и так впечатлил его, что в голове путались мысли, сплетаясь одна с другой. Мысли об адвокате, главном обвинителе Сумбатове, о скором суде, длящимся не больше получаса – всё смешалось, обострив нервы и нагнетая ощущение тупика, замкнутого, беспросветного. И листы с именами обречённых, переданные ему Файтонджи, словно обжигали руки.

Решился всё-таки развернуть их. В списке аккуратно, столбиком, на пишущей машинке заявлены имена и фамилии тех, кто ждал своей участи в Феодосийской тюрьме. Подробные описания в алфавитном порядке рода их деятельности – кем работал до ареста, чем занимался, члены семьи: Аблямитов Якуб – ученый-химик, преподаватель Крымского сельскохозяйственного института... Азизов Якуб – учёный-философ, доцент Крымского педагогического института... Айвазов Асан Сабри – писатель, учёный-языковед и этнограф, в 1917-1918 годы – Председатель Курултая... Акчокраклы Осман – писатель, переводчик, учёный-краевед, археолог, этнограф, фольклорист, преподаватель Крымского педагогического института...

Чобан-заде из-за слабого зрения шагнул к свету окна... Осман Акчокраклы... Последний из крымских друзей, с которым встречался перед отъездом в Кисловодск... Его имя в «списке восемнадцати» подано так, будто Осман и по сей день

трудится в педагогическом институте, а не изгнан из Крыма следом за Чобан-заде...

Сознание не могло протянуть нить времени между прошлым и настоящим Османа... Впрочем, как и остальных, чьи фамилии промелькнули перед глазами: Александрович Рамазан – педагог, нарком просвещения Крымской АССР в 1934-1937 годах... Боданинский Усеин – художник, искусствовед, директор Бахчисарайского дворца-музея... Тархан Ильяс – писатель, председатель ЦИК Крымской АССР... Недим Мамут... Хаттатов Сеит-Джелиль – в 1917-1918 годы член правительства Курултая, лидер партии Милли-Фирка...

Читая список узников Феодосийской тюрьмы, Чобан-заде чувствовал, как тяжкий груз последних дней и месяцев сползает с плеч, связавший крепким узлом все его мысли и деяния, и как память потянулась дальше к судьбам людей, которых он знал, с кем дружил, искренне восхищаясь их успехам на ниве поэзии, театра, в науках – в археологии, химии, этнографии... В те яркие, волнующие годы ренессанса, когда крымский народ узнал о своём величии, талантах, свою историю, свою землю, землю предков... Судьба людей из сухого, канцелярски изложенного «списка Файтонджи», искрой прошла по сердцу Чобан-заде, наполнив душу, сознание мыслью: нет, не зря прожила жизнь, если она пересекалась и наполнялась жизнью таких талантливых соплеменников-патриотов...

Чобан-заде нашупал спрятанный под матрасом лист ученической тетради и обратился к соседу:

– Прошу вас, ещё ненадолго карандаш...

Задремавший было в верхнем ярусе, не сразу откликнулся.

– Хотите что-то добавить в письме к жене? Что-то изменилось в вашем деле? Уже светит не вышка, а реальный срок? Надеетесь, что вас вынесут не ногами вперед из ворот Чёрного города, а в строю бедолаг, направляющихся в студёную Сибирь? Дай-то Бог, дай-то Бог, – и перекрестился...

Чобан-заде положил на колени наполовину уже исписанный лист тетради. Рука сама с легкостью связывала слово со словом, строку со строкой, как в дни вдохновенной молодости, когда поэзия рождалась сами, растекаясь в лучах неведомого света вдохновения...

«Если даже сейчас, написанное мною, никому не интересно, но тем не менее, оно отражает судьбу исчезнувшего, надломленного и ограбленного крымскотатарского народа. Если случится так, что судьба обратится лицом к Крыму, и крымский татарин будет искать брата – крымского татарина, вот тогда мои произведения увидят свет и будут востребованы... А если так и не случится, не страшно. У крымских татар не осталось ни флага, ни славы, ни земли, пусть же несколько моих бессонных ночей, туманных, печальных

дней забудутся. Мне хватит и того, что сейчас я пишу эти строки... Даже если никто не будет говорить на крымскотатарском языке, на котором я пишу эти строки, всё равно он велик и самобытен... Потому что в нём звучит тысячелетние страдания моего народа, его печальный голос...

XII

Скрип ключа в дверях камеры, голос Мемед не такой, как обычно – зычный и приказывающий:

– Семьсот пятнадцатый...

В полутьме коридора, заметив, что Мемед отстегнул с пояса наручники, Чобан-заде протянул к нему руки. Мемед замешкался: впервые за все эти дни и недели, пока надзиратель окликал Чобана-заде, он заметил, что заключенный спокоен, хотя и бледен, держится прямо, будто, наконец, выспался сполна за все свои бессонные ночи.

Из рук Чобана-заде выпал лист бумаги, пока Мемед надевал наручники. Надзиратель нагнулся, сложил бумагу трубочкой и просунул заключённому между пальцами. Ещё раз глянул в лицо Чобана-заде. В строгих, прищуренных его глазах мелькнуло нечто вроде сочувствия – хотя, кто знает, что чувствуют и думают палачи, которые выводят своих жертв из камер, зная, что те больше уже не вернутся к своим нарам, а их места займут другие, попавшие в безостановочный конвейер смерти...

Надзиратель повёл Чобана-заде не вверх, привычным маршрутом во двор, а вниз, где с каждым шагом по скользкому железу лестница уходила в темноту, неожиданно меж пролетами открылся слабый свет.

Отсюда тянулся хвост очереди заключенных, скованных наручниками, стоящих молча, плотно прижавшись друг к другу. Видимо, торопясь к назначенному судом времени, Мемед Айлисли дубинкой теснил их к перилам лестницы, чтобы очередь пропустила вперед Чобана-заде.

Неожиданно Чобан-заде приметил в очереди Абу Сайида, крепко держащего за плечи впереди стоящего заключенного. Показалось, что он похудел, стал ниже ростом, без прежней горделивой осанки. Чобан-заде замедлил шаг и сжал тому руку. Абу Сайид вздрогнул, чуть присел от испуга, всматриваясь в учителя обезумевшими глазами, и повторяя:

– Учитель, не боюсь боли... Не боюсь...

Мемед нетерпеливо закашлял в кулак.

– Это хорошо, по-мужски, – успел сказать успокаивающим тоном Чобан-заде: – Боль унижает слабых... Но ты ведь обрёл такую силу, будто сам Махмуд Кашгари, которого ты полюбил, ответил тебе взаимно трехкратной любовью... Этим ты открыл узбекам и азербайджанцам славные времена тюрок... что при-

даст им силы и доблести...

Абу Сайид зарыдал горько, как ребёнок, уткнувшись лицом в спину впереди стоящего незнакомца.

Мемед придержал шаг, пока учитель и ученик обменялись последними прощальными словами. И вдруг в его дремучей голове, забитой до отказа тюремными приказами, правилами, непрекращающимися звонами кандалов и наручников, прорезалась, как слабая искра:

«И я ведь тюрок... тюрок», – но глухая тяжесть тренировок и обучения, сделавшие его образцовым надзирателем, не позволила прочувствовать из глубин памяти то, что напомнило бы о принадлежности к человеческому роду и племени...

Осторожно прощупав ногой следующую ступеньку лестницы, надзиратель остановился у порога двери. Мемед слегка натянул цепь наручника, давая понять Чобану-заде: за дверью суд.

Услышав звон наручников, вышел низкорослый, с лицом альбиноса, секретарь суда. Глянув мимо Чобана-заде бесцветными глазами, уткнулся в список:

– Следующий! Чобан-заде Бекир Ваалович! – и юркнул в открытую дверь, чтобы занять своё место за столом.

Мемед Айлисли неожиданно потянулся к Чобану-заде, чтобы кратко обнять его и сказать:

– Профессор... Сын мой Рустем учился по вашим книгам и стал преподавателем школы... – И первым шагнул через порог.

В светлой комнате с двумя окнами перед глазами Чобана-заде открылась картина: в середине за длинным столом – судейская тройка: генерал Сумбатов, слева и справа от генерала – капитан Сарымсаков и крымский «красный профессор» Сервер Файтонджи...

От неожиданности Чобан-заде выронил из рук свернутую трубочкой с бумагу с именами восемнадцати крымским заключенных. Мемед опять бережно поднял её и просунул между очоковевшими пальцами Чобана-заде.

Файтонджи, напряженно следивший за действиями надзирателя, пытавшегося просунуть заветную трубочку в руки заключённого, стеснённые наручниками, облегченно вздохнул, прижавшись к спинке стула. И, довольный, наклонившись к Сумбатову, что-то шепнул.

Секретарь приготовился писать:

– Имя, фамилия, национальность...

– Крымский татарин... Чобан-заде... – последовал глухой ответ.

И по заведомой договоренности «тройкой», случилась пауза...

Файтонджи подбадривающе кивнул Чобану-заде, и что-то ещё раз шепнул Сумбатову...

Приняв ободряющий жест Файтонджи как приглашение собраться с духом, быть смелее, Чобан-заде, повертев меж пальцами свернутую бумагу, начал твёрдым, спокойным голосом:

– Генерал Сумбатов, крымский следователь Сервер Файтонджи, сидящий слева от вас, обещал мне освобождение, если пойду на сделку с судом и своими показаниями решусь подтвердить то, в чём обвиняют восемнадцать заключённых в Феодосийской тюрьме.

Заметив, что Файтонджи снова ободряюще кивает, Чобан-заде сменил тон, сделался холодным, бесстрастным. – Да, я лично был знаком с каждым из них и много лет. Могу лишь сказать правду, только правду. Все они – цвет, гордость крымских татар, поводыри нашего народа во мраке жизни, ставшей трагической преградой на многовековом пути нашего народа.

Файтонджи, видя, что сценарий обвинения «восемнадцати» неожиданно трещит по швам, опустил голову, обхватив щеки руками, воскликнул, как обречённый:

– Заключённый болен... психически... Я это увидел сразу, в первую нашу беседу...

Сумбатов сделал знак секретарю. Тот подошёл к Чобану-заде и вытянул из его пальцев список «восемнадцати».

Сумбатов развернул бумагу:

– Аблямитов Якуб... Байрашевский Яхья... Недим Мамут...

Чобан-заде, боясь, что его прервут, продолжил, и голос его становился то строгим, то страстным:

– У крымских татар не осталось ни флага, ни славы, ни земли... Со времён колонизаторов, будь то царские, будь то большевnickие – народ пытаются унижить, сломить его волю, ограбить, растворить прекрасный язык его в омуте молчания и немоты...

– Тархан Ильяс, – продолжал водить суровым взглядом по списку Сумбатов, делая вид, что не слушает Чобана-заде. – Чагар Билял... Абибулла

⁸⁸. Полный список восемнадцати крымских заключённых, о которых идёт речь на суде «тройки»:

Аблямитов Якуб – ученый-химик, преподаватель Крымского сельхозинститута.

Азизов Якуб – ученый-философ, доцент Крымского педагогического института.

Айвазов Асан Сабри – писатель, ученый-языковед, этнограф, в 1917-1918 гг. Председатель Курултая крымскотатарского народа.

Акчокраклы Осман – писатель, ученый-тюрколог, историк, археолог, фольклорист.

Александрович Рамазан – педагог, нарком просвещения Крымской АССР в 1934-1937 гг.

Асанов Али – педагог, нарком просвещения в 1929-1934 гг.

Байрашевский Яхья – ученый-языковед, преподаватель Крымского педагогического института.

Боданинский Усеин – художник, краевед, бывший директор Бахчисарайского дворца-музея.

Баккал⁸⁸...

Секретарь растерянно поглядывал то на генерала, то на Чобана-заде, не зная, вести ли запись стенограммы.

– В лучшие, свободные времена нас, крымских татар, было миллионы. Заселив Крым в древности, наши предки гордились своим гербом, флагом, пока их не растоптали сапоги чужеземцев... Желая обезглавить оставшихся пятьсот тысяч моих соплеменников, вы исполняете давний зловещий замысел – изгнать их всех до одного с родины, рассеять по миру, чтобы без своих вожатых – писателей, учёных, педагогов... Без элиты нации, изгнанные, блуждали они в потёмках, не находя обратной дороги в своим очагам, могилам предков... к прекрасным нивам, горам, своему морю... – И, глядя на бледного, растерянного Файтонджи, бросил ему в лицо: – Иблисинъ къулу⁸⁹. Если ты мужчина – застрелись!

Сумбатов грубым жестом бросил перед Файтонджи список, поднял глаза, проинтересованно глянув на Чобана-заде:

– Довольно! Всё, что наговорили здесь, не имеет отношения к сегодняшнему суду, вы – не обвинитель, а обвиняемый в тяжких преступлениях.

Секретарь облегчённо вздохнул, приготовился писать, почесывая карандашом ухо.

– Чобан-заде Бекир Ваапович, – продолжил Сумбатов тоном, не терпящим возражения, – согласно собранным против вас доказательствам, показаниям многочисленных свидетелей вы обвиняетесь в организации вместе с подсудимым Рухулла Ахундовым антисоветской националистической организации в азербайджанском институте, куда вовлекали студентов и аспирантов – с согласия, и одобрения жены – Ругие Гиреевны Абдулиной, бывшей артистки опер-

.....
Гафаров Джафер – писатель.

Джемалединов Керим – ученый-языковед, преподаватель Крымского педагогического института.

Мусаниф Якуб – журналист, литературный критик.

Мусаниф Февзи – нарком земледелия Крымской АССР

Недим Малут – журналист, театральный критик, нарком просвещения Крымской АССР в 1928-29 гг.

Тархан Ильяс – писатель, председатель ЦИК Крымской АССР.

Трунчу Сервер – второй секретарь Крымского обкома партии в 1937 г., выпускник Института красной профессуры.

Хаттатов Сеит-Джелаль – в 1917-18 гг. – член правительств Курултая, лидер партии Милли Фирка.

Чагар Билял – педагог, нарком просвещения в 1937 г.

Расстреляны 17 апреля 1938 года, обвинённые по той же статье Уголовного кодекса, что и Бекир Чобан-заде.

Абибулла Баккал – директор Крымского государственного национального театра – осуждён к 15 годам лагерей.

Умер Инчи – писатель – осуждён к 12 годам лагерей (прим. автора)

ного театра Баку, в отношении которой продолжают следственные действия. Многочисленные свидетельские показания и документы, изъятые при обысках, доказывают, что вы, работая в вузах Бухары, Ташкента, Ферганы, из студенческой молодежи создали антисоветское, террористическое общество «Бозгурты Туркестана»⁹⁰ по образцу турецких бозкуртов. Во время обучения в Турции вы были завербованы британской разведкой, много лет вели шпионскую работу в пользу Турции, Венгрии, Франции, Британии...

Бесстрастно зачитываемые Сумбатовым названия городов, стран, оглушали не только географией земель, но и шквалом всего невообразимого, ложного: замечаний, суждений, утверждений, что разом отодвинулось от слуха Чобан-заде, будто перечисляемое идёт издалека, шёпотом.

Ругие... Имя жены, вычленившееся из обвинения, так сжало сердце Чобан-заде, что он резко пошатнулся. И только наручники, натянутые Мемедом, удержали его на ослабевших ногах.

Громкий голос Сумбатова на короткое время вернул Чобан-заде в реальность суда:

– Чобан-заде Бекир Ваапович, вы признаёте свою вину в совершении тяжких преступлений?

– Нет, не признаю, – еле разжал Чобан-заде слипшиеся обескровленные губы. – Не признаю и вину восемнадцати крымских в Феодосийских застенках...

А дальше снова, как в тумане, звуки слышались издалека, будто из-за стен того тюремного двора, где он прогуливался с Файтонджи.

– Коллегия судейской «тройки» постановила: по сумме перечисленных преступлений подсудимый Чобан-заде Бекир Ваапович осуждается по статье шестьдесят три, шестьдесят четыре и статье семьдесят четыре Уголовного кодекса Азербайджанской ЭС-ЭС-ЭР к высшей мере наказания – расстрелу. При-

⁹⁰ «Серые волки Туркестана»

⁹¹ Военная коллегия Верховного суда Союза ССР, 25 июня 1957 г.

Справка.

Дело по обвинению Чобан-заде Бекира Вааповича до ареста 28 января 1937 г. – действительного члена Азербайджанского филиала Академии наук СССР, рассмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 6 июня 1957 г.

Приговор Военной коллегии от 12 октября 1937 г. в отношении Чобан-заде Б. В. по вновь открывшимся обстоятельствам отменён, и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

Чобан-заде Б. В. реабилитирован посмертно.

Проводившие расследование по данному делу бывшие работники НКВД Азербайджана Герасимов, Шер, Григорьянц, Цинман осуждены, а Сумбатов арестован и привлекается к уголовной ответственности за фальсификацию следственных дел. Военный прокурор, подполковник юстиции Б. Плеханов

говор подлежит немедленному исполнению⁹¹.

Повернувшись к выходу, Мемед неудачно ступил через порог и сильнее, чем обычно, натянул цепь наручника. Повёл приговоренного по отрезку коридора к тюремному двору, растерянно приговаривая:

– Я ведь тюрок, профессор, тюрок... – И умолк, когда секретарь суда крикнул:
– Следующий Абу Сайид Ходжаев⁹².

ФИНАЛ ИСТОРИИ

(Почти семь лет спустя)

Асие устало шла по обочине пыльной проселочной дороги – то ускоряя, то замедляя шаг, а коричневый картонный чемодан пытался ускользнуть из её ослабевших рук.

Кто знал прежнюю Асие Акимову, учившуюся в Баку, с трудом узнал бы в ней ту хрупкую, высокую студентку-красавицу, желанную гостью в доме Бекира Чобана-заде на Кооперативной улице.

Южное, никогда не меркнувшее солнце под чужим небом и горячий ветер иссушили её тело, покрыв загаром от лица и до пят. Живой блеск синих глаз и улыбка, не сходившая с её губ, так согревавшая сердце Хабиба Гуляма-заде, сейчас, в трагические дни, выпавшие на её долю, долю семьи и соплеменников, сменились преждевременными морщинами на лице, печально разрисованными от бледных щёк к подбородку.

В этот её первый выход за пределы комендатуры после двухмесячного заточения полуденное солнце начала осени будто сопровождало каждый её шаг, перебегая косой тенью то справа, то слева – и так с самого кишлака Сардор, где в предместьях холмистого Ромитана разместили переселенцев в бараках.

По краям просёлочного пути, разделяющего хлопковые поля до границ горизонта, у каждого поворота, неожиданно возникал дорожный указатель: «Ромитан–Бухара. 19 км». В тени тутовых деревьев со свернутыми трубчатой листвой Асие время от времени задерживала шаг, чтобы отдышаться, прижавшись спиной к шершавому стволу. До рези в глазах всматривалась она вдаль хлопковых полей с редкими фигурками с туго набитыми фартуками, бредущими меж кустов. Неловкие движения, неумелые жесты – всё подсказывало Асие, что там, вдали, её земляки, осваивающие новую нелегкую профессию хлопкороба.

В эти прошедшие в неволе два месяца она также выходила работать на хлоп-

⁹² Приговором коллегии Верховного суда СССР от 26 июня 1957 г. приговор Военной коллегии отменён в отношении Абу Сайида Ходжаева за отсутствием состава преступления. Абу Сайид Ходжаев реабилитирован посмертно (прим. автора).

ковое поле, и лишь сегодня, получив разрешение коменданта, босая ступила на просёлочную дорогу, направляясь в Бухару. Ненадолго, пусть всего несколько часов, не чувствуя себя подневольной, она решила передохнуть на пне срубленного дерева.

Юркая пташка – чибис, пролетев над её головой, скрылась в кустах и, неожиданно, запела горластыми переливами. Будто ждавшая этого начала птичьего гомона, зарывшись в соседних кустах, протяжным свистком ответила чибису авдотка и, следом, как бы сглаживая диссонанс звуков в птичьем ансамбле, защелкал травник...

Переключка местных птах неожиданно перенесла Асие в далекий Баку. Как бы подлаживаясь к этим звукам, пальцы её невольно постукивали по крышке чемодана, прижатого меж колен, ощущая, как птичий гомон в кустах плавно переходит в игровые звуки фортепьяно. К тем дням, когда она с Ругие-ханум в две руки разучивали отрывок из музыкальной пьесы «Арзы кыыз» под взмахами дирижерской палочки в руках Асана Рефатова...

Музыкальный аккорд полевых птиц неожиданно умолк, оборванный внезапным полетом над кустами сизокрылого коршуна, ищущего, чем полакомиться. В мрачной тишине вдруг снова всплыла в воображении Асие Ругие-ханум, картина того, как она, рыдая, прощалась с Асие в день своего ареста «ловцами душ» генерала Сумбатова.

Асие хотела было подняться, чтобы идти дальше, но не смогла – зарыдала, ибо каждый раз, когда в чужой стороне, в изгнании думала о Ругие-ханум, в сердце её сгущалась тьма тоски по судьбе спутницы Чобана-заде, которую на её глазах заковали в наручники, перерыв в квартире всё верх дном, а уходя, опечатали все двери.

Ругие-ханум, проходя под окрики милиционеров по коридору, оглядывалась на Асие так, будто предчувствовала, что такая же горькая судьба ожидает и девушку, и её семью при изгнании с родины⁹³.

Арба, ехавшая поскрипывая несмазанными колесами, остановилась. Возчик, ещё издали заметив, как Асие вытирает краем цветастого платка на голове слёзы, с силой натянул вожжи так, что осёл, впряженный в двуколку, покорно пригнул морду к земле, тяжело дыша пылью.

– Дочка, тебе в Бухару? Садись, подвезу... Вдвоем веселее, – крикнул в сторону Асие глуховатым голосом наездник, оценивающе глянув на чемодан в её руке.

Асие подняла голову: старик с первого взгляда вызывал доверие.

Возчик протянул к чемодану сухую, жилистую руку, уложил поклажу поверх

⁹³ На следующий день после гибели Чобан-заде, 14 октября, Ругие Гиреевна Абдулина была арестована как жена «врага народа», осуждена на 8 лет лагерей и после освобождения сослана в Казахстан на поселение (прим. автора).

мешков, набитых луком. Помог Асие взобраться наверх, и, прежде чем крепко натянуть вожжи, давая команду упрямому ослу, достал из разреза в халате мешочек, торжественно насыпал на ладонь зеленые шарики насвая, размял и бросил под язык.

– Нездешняя... Крым? – спросил старик, шепелявя из-за набитого насваем рта. Асие робко кивнула, боясь, что, когда тот выплюнет зелёную жижу изо рта, начнёт подробно расспрашивать о житье-бытье поселенцев, как обычно делают это на скучной дороге погонщики. Но почувствовала облегчение, когда старик неожиданно произнёс:

– Ничего, вы здесь изгнанники, как и мы, местные, под оком Аллаха... Милостивого, милосердного... – И, ударив ленивого осла кирзовым сапогом в бок, тихо запел под ритм скрипа колёс:

– Айналай, севгулим, айналай... севгулим айналай... айналай...

Асие, успокоенная его озорным пением, размякла, положила голову на мешок. В ноздри ей ударил запах терпкого лука, напомнив дом в Кезлеве, где мама на кухне стряпала отменные чебуреки на продажу на местном базаре... И следом за запахом чебуреков из далёкого детства донесся успокаивающий голос мамы, когда она наклонялась над колыбелью дочери, напевая:

– Айды, балам, айды... шинанай-най, шинанай-най... Эсма, балам, эс, алайым санъа фес...⁹⁴

Сквозь приятную дрему Асие вдруг услышала голос возницы:

– Калян... минарет Калян... поднимается над горизонтом сверкающей короной...

Асие привсталла, сердце её дрогнуло: окутанный солнечным маревом, перед ней всё выше и выше поднимался минарет... Во время вечерних прогулок по Баку Хабиб Гулям-заде взволнованно описывал ей минарет, не раз и не два, в красках и деталях – так образно, что сейчас Асие будто видела Калян его восторженными глазами. Обогнув площадь, окаймляющую дворец беглого эмира Бухары, арба остановилась, притулясь к высоким глинобитным стенам.

– Приехали! – сказал возчик, расстёгивая поясной платок на халате и вытирая пот на лбу. И, будто ожидая его приезда, к арбе подбежали двое мужчин, и, не обращая внимания на Асие, взвалили на плечи мешки, заторопившись к зеленым воротам базара.

Увлеченный торговой стихией, возчик, кажется, не расслышал, как Асие, поблагодарив его и попрощавшись, зашагала мимо большого сквера с чинарами. Сквозь них, справа, виднелось здание театра с двумя резными дверями меж мраморных колонн, мимо которых, рассматривая афиши, торопился когда-то в институт на лекцию Чобана-заде Хабиб.

⁹⁴ «Приди, дитя приди, Шинанай-най. Дитя моё Эсма, куплю тебе феску» (крымтатарская колыбельная).

Вспоминая в красочных подробностях рассказы Хабиба на вечерних прогулках, Асие очерчивала по памяти дорогу к узкому переулку, к его дому. Девушка остановилась возле ворот, от волнения глубоко вдохнув воздух. Да, это те самые расписные массивные ворота с тяжёлыми медными кольцами на створках...

«Надо ударить кольца друг о друга», будто слышала она подсказку Хабиба.

На робкий стук ворота тяжело, со скрипом открылись. Марьям-бону – мать Хабиба в чёрном платке, из-под которого выглядывали пряди седых волос, удивленно глянула на гостью, но тут же вымолвила:

– Асие? Ваше с ним фото присылал сын из Баку. – И, заметив в руках Асие чемодан, с которым сын уезжал в Баку, надрывно вскрикнула:

– Что с ним?! Последнее письмо пришло из Соликамского лагеря два года назад... Дни считаю за днём... нет вестей. – И потянулась к чемодану, будто в нём содержалась тайна столь долгого молчания сына. – Прошу, заходите...

– С кем это ты разговариваешь?! – Из глубины двора донёсся требовательный мужской голос.

– Отец, наша гостя Асие, – откликнулась Марьям-бону, шагая впереди Асие с чемоданом в руке.

Акрам Саидович удивленно посмотрел на выглянувшую из-за спины жены гостью, прищурился, вспоминая что-то.

Это был уже совсем другой человек, не такой, как тот, у которого гостил перед отъездом в Баку Чобан-заде в доме Хабиба. Сутулый, он опирался на трость, при ходьбе выставляя вперёд больную ногу.

– Асие... Асие Акимова из Крыма, – скороговоркой повторял он, приглашая гостью садиться на настил под виноградником, защищавшим от горячих стен комнаты напротив.

Асие села на коврик, устраиваясь поудобнее, и Акрам Саидович предупредительно подвинул к её ногам маленький стульчик, чтобы девушка расслабилась. Затем поспешно выхватил из рук жены чемодан. От неуклюжего его движения хлипкий замок щелкнул, и из картонного четырёхугольника вывалилась на землю увесистая папка с надписью, сделанной черной краской: «Хабиб Гулям-заде. Новаторские поиски Абдуллы Кадыри в современном узбекском языке. Бухара – Баку. Февраль, 1937 год».

Мать почувствовала знакомый запах одежды сына, повеявший из чемодана. Вынув сорочку, прикрыла ею лицо и тихо заплакала.

Акрам Саидович обнял жену за плечи и, успокаивая, повёл в комнату. Глядя им вслед, Асие подумала: отец не такой, как описывал его Хабиб – жёсткий, не терпящий возражений. Наверное, годы изменили не только его внешность, но смягчили и нрав...

Она вспомнила: на том месте, где сейчас сидела, по рассказам Хабиба, отдыхал и гость – Чобан-заде. Эта мысль сняла с неё напряжение – будто учитель

внушил ей частичку своего оптимизма...

Супруги вернулись во двор – оба расслабленные, успокоенные. Неожиданный вопрос Акрама Саидовича:

– Асие, как это случилось?

Не до конца поняв смысл вопроса, Асие стала рассказывать о том, как на следующий день после гибели Чобана-заде, жену его, Ругие-ханум, арестовали, опечатали дом, и ей пришлось возвращаться в Кезлев. С каждым словом, рассказ Асие эмоционально окрашивался в трагические нотки. В Крыму хотела продолжить учёбу на педагога, но ученицу Чобана-заде не хотели принимать в институт...

Пока она говорила, Акрам Саидович открыл папку и прочитал вслух:

– Диссертация выполнена на высоком профессиональном и научном уровне. Автор достоин занять вакантное место доцента на кафедре языкования Бакинского педагогического института. Профессор Бекир Чобан-заде. – И добавил свой комментарий: – парень у меня умный. Если бы пошёл по технической стезе, изобрел бы машину, облегчающую труд сборщиков хлопка... Но случилось то, что случилось... Асие, а какими были его последние слова?! Убедительные?

Асие и на сей раз не поняла смысла вопроса, хотела переспросить, но на помощь пришла Марьям-бону, с полуслова понимающая мужа:

– Отец спрашивает, что сказал сын, прощаясь с тобой, детка?

Асие отчего-то смутилась:

– Когда Хабиба вместе с другими вывели за ворота Чёрного города, чтобы посадить в машины, он шепнул мне: ты будешь меня ждать? Жди, прошу тебя... – и опустила глаза, на которые накатывались слёзы:

– Обещала... Написала ему в лагерь, что я и все наши уже не в Крыму...

Акрам Саидович долго не отводил от неё глаз, думая о чём-то своём, и вдруг вымолвил:

– Очень хорошо... Хорошо, что обещала... Сыну легче будет переносить тяготы неволи... Сыграем свадьбу... Карнай и сурнай будут греметь на всю Бухару. Вы молоды... Время пролетит быстро... Мой кузен Абдулло-Махсум женился в пятьдесят девять... Двое детей, четверо внуков... – И неожиданно, тяжело опустившись на край настила, переменял тему беседы:

– И в тот же год гильотина пала на голову Абдуллы Кадыри... Все три судьбы оказались связаны между собой – мой сын, Чобан-заде и Кадыри... Разные, вроде, люди, но почему Господь связал их? Не зря, нет, не зря... – И, неожиданно, тепло обнял жену за плечи: – Мудрецы говорят: учитель для ученика – больше, чем отец... А у Хабиба – два учителя – Чобан-заде и Абдулла Кадыри – ради их знаний, мудрости принял страдания... – И сменил тон, заторопившись. – Чего же мы сидим, как скованные цепью... Накрой

для невестки дастархан... Неси чайник с пиалами... Срежу кисти винограда – «хусайни». Асие понравится...

Асие восторгалась, будто опомнившись, глянула на сумрачное небо:

– Простите... Я обязана к семи вечера вернуться в Ромитан, заявиться к коменданту... – И решительно встала. – Простите...

Мать порывисто обняла Асию, прижав её к груди, вымолвила сквозь слёзы:

– Знай, для нас ты не чужая... Рады принять тебя в дом, любить жену единственного нашего сына...

Засеменила усталыми ногами в комнату, пока Асие в растерянности стояла в беспокойстве, поглядывая в сторону ворот.

Марьям-бону вернулась, неся в руке цветастые платья, расстелила на помосте, пригладила рукой шёлк.

– Ты так простенько одета... Возьми, перекрой себе и близким платья и шаровары. Аллах свидетель, ни разу не носила... Все думала, к вашей с сыном свадьбе...

– Бери, бери... Для моей старухи к вашей свадьбе ещё успеем купить обновки, – поддержал жену Акрам Саидович.

Асие, засмущавшись от такого внимания, не знала, что ответить, пока мать аккуратно складывала обновки в чемодан сына:

– Считай, что это тебе и от Хабиба...

Кажется, только сейчас до слуха отца дошло слово «комендант».

– К коменданту обязана вернуться в срок?! Знаю этих проходимцев-комендантов, не нюхавших, как мы с твоим отцом, пороху! Если обидит, надену китель с орденами и явлюсь к вашему ромитанскому охраннику. Какой же он мужчина, офицер, если день и ночь приставлен следить за пожилыми, стариками и малыми детьми – подневольными? – И сменил тему: – Хочешь, дочка, поговорю с директором здешней швейной фабрики, выучишься на швею-мотористку... Будешь частенько навещать нас, стариков...

Растроганная таким щедрым приёмом в доме Хабиба, Асие молвила:

– Спасибо... В Ромитане больная мама, двое маленьких братьев... Отец ещё не вернулся с фронта... Мужская работа на мне...

– Вот! Вот! – поднял вверх указательный палец Акрам Саидович: – Не вернулся пока с фронта! Это наш полуграмотный, напичканный пропагандой люд, верит, что ты, больная мать, смешно – и даже малолетние братья прислуживали немцам! А я-то с сорок первого по сорок четвертый политруком... Вперед! За Родину! За Сталина! И первыми, кто шли в атаку – наши узбеки, крымские, грузины, ребята-калмыки...

Асие встала, потянулась за чемоданом...

Мать бросилась обнимать её, приговаривая:

– Будем навещать вас в Ромитане... И ты не чурайся, ты всегда желанна в нашем доме...

Акрам Саидович шёл за ней до самых ворот. И, глядя Асие вслед, помахал рукой:

– А комендант... В случае чего, приеду и выскажу всё ему в лицо!

Асие прошла по узкой улочке квартала Суфиен, пряча платком от прохожих заплаканное лицо...

2020 год.

*Редактор - Бекир Мамут
Переводчик - Венера Сейдаметова
Корректор – Эльмира Бекирова
Техническая редакция и вёрстка - Тимур Куртумеров
Дизайнер обложки - Зера Аким*

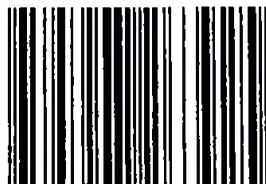
Подписано в печать: 25.10.2021 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная 70 г/м2.
Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. лист. 12,09. Тираж 500 экз. Заказ № 212.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
на полиграфическом оборудовании ООО «Форма»

295034 Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, пр. Кирова, д.34, оф.13
+7 (978) 725 35 78; Formacrimea@gmail.com

Свидетельство о внесении сведений о юридическом лице
в Единый государственный реестр юридических лиц
серия 23, № 008846168 от 10.11.2014 г.

ISBN 978-5-907263-92-5

9 785907 263925 >

Народный писатель Узбекистана (1989) и Таджикистана (1992), последний глава писательской организации СССР (1991) и затем до 2000 года возглавлявший Международное сообщество писательских союзов России и стран СНГ Тимур Пулатов – автор известных литературных произведений, часть которых («Черепаша Тарази», «Плавающая Евразия», «Страсти бухарского дома») признана критиками оригинальными и новаторскими, переведены и изданы в ряде стран Европы.

Для Крыма и крымцев он особенно близок тем, что ещё в советское время решительно выступил в центральной прессе в защиту их погранных прав. А в 2010-е гг. создал великолепные художественные версии последнего периода жизни национальных героев – Номана Челебиджихана (1885-1918), Мусы Мамута (1931-1978), литературную реконструкцию драматичных событий осени 1992 г. в Красном Рее.

Батандашларымыз арасында чокъ йыллардан берли яхшы танылган, корюмми ве мувафакъиетли языджы Тимур Пулат 1939 сенеси, дюньяда энъ къадимий шеэрлерден бири – Бухарада догъды. Ерли педагогика институтында алий тасиль алып, мында эмек фаалиетини башлады. Сонъра оны Ташкентте девам этти. Бедий эсерлер язып, эдебий, кинематографик иджаткъа берилип, къыскъа вакъыт ичинде кениш даиреге белли олды.

Шу девирде Тимур ака халкъымызнынъ векиллеринен, шу джумледен миллий классигимиз Шамиль Алядиннен, таныш олды, достлашты. Кырымларнынъ акъ-укуклары тикленильмеси огърунда алып барган курешине даа советлер заманында гонъюльдешлик бильдирди. Девирий матбуатта дефаларджа чыкъышлар ятты.

Тимур Пулат отуз йылдан зияде Москвада яшай. Эдебий ве публицистик иджадыны девам эте. Сонъки йылларда Кырым мевзусы онынъ ичюн чокъ эмиетли олды ве о, халкъымызнынъ якъын кечмишинен багълы бир сыра мутешем эсерлер яратты.

– Бекир Мамут